Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

дозв. ценз. спб., 19 января 1901 г. тип. тов. „общ. польза", б. подъяч. д. 39.

ДМИТРІЙ ПАВЛОВИЧЪ

РУНИЧЪ.

Разсказъ объ отношеніяхъ Пушкина къ Дантесу [1].

Князь Трубецкой не былъ «пріятельски» знакомъ съ Пушкинымъ, но хорошо зналъ его по частымъ встрѣчамъ въ высшемъ петербургскомъ обществѣ и, еще болѣе, по своимъ близкимъ отношеніямъ къ Дантесу [2]).

25713

«Въ 1834 году, разсказывалъ кн. Трубецкой, императоръ Николай собралъ однажды офицеровъ Кавалергардскаго полка и, подведя къ нимъ за руку юношу, сказалъ: «Вотъ вамъ товарищъ. Примите его въ свою семью, любите его, какъ пажа» (въ то время кавалергарды пополнялись исключительно воспитанниками Пажескаго корпуса, по большей части, камеръ - пажами) и прибавилъ по-французски: «Этотъ юноша считаетъ за большую честь для себя служить въ Кавалергардскомъ полку — онъ постарается заслужить вашу любовь и, я увѣренъ, оправдаетъ вашу дружбу». Это и былъ Дантесъ, племянникъ голландскаго посланника Геккерна, родная сестра котораго была замужемъ за французскимъ chevalier Дантесомъ. На видъ ему было въ то время лѣтъ 20, много 22 года. Какъ иностранецъ, онъ былъ пообразованнѣе насъ, пажей, а какъ

---

[1]) Записанъ въ 1887 году со словъ князя Александра Васильевича Трубецкаго, 74-хъ лѣтъ, генерала-маіора, состоявшаго на службѣ при складѣ въ Одессѣ.

[2]) По формулярному списку кн. А. В. Трубецкой, въ 1831 г. произведенъ въ корнеты Кавалергардскаго полка, въ 1834 г.—въ поручики, въ 1836 г.—въ штабсъ-ротмистры, въ 1840 г.—въ ротмистры; 18-го января 1842 г. уволенъ отъ службы по домашнимъ обстоятельствамъ; потомъ вновь поступилъ на службу и дослужился до генеральскаго чина.

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

французъ—остроуменъ, живъ, веселъ. Онъ былъ отличный товарищъ и образцовый офицеръ. Онъ былъ очень красивъ, и постоянный успѣхъ въ дамскомъ обществѣ избаловалъ его—онъ относился къ дамамъ вообще, какъ иностранецъ, смѣлѣе, развязнѣе, чѣмъ мы, русскіе, а какъ избалованный ими — требовательнѣе: если хотите, нахальнѣе, наглѣе, чѣмъ даже было принято въ нашемъ обществѣ».

Въ 1834 году, лѣтомъ, когда кавалергарды стояли въ крестьянскихъ избахъ Новой Деревни, князь Трубецкой жилъ въ одной хатѣ съ Дантесомъ, который сообщалъ ему о своихъ любовныхъ похожденіяхъ, вѣрнѣе, о своихъ побѣдахъ надъ женскими сердцами.

«Въ то время Новая Деревня была моднымъ мѣстомъ, говорилъ кн. Трубецкой; мы стояли въ избахъ, мѣстность не была такъ застроена, какъ теперь, и мы производили эскадронныя ученія на той землѣ, гдѣ теперь дачки и садики 1-й и 2-й линій Новой Деревни. Все высшее общество располагалось на дачахъ по близости, преимущественно на Черной рѣчкѣ. Тамъ жилъ и Пушкинъ.

«Дантесъ часто посѣщалъ Пушкиныхъ. Онъ ухаживалъ за «Натальей», какъ и за всѣми красавицами (а она была красавица), но вовсе не особенно «пріударялъ», какъ мы тогда выражались, за нею. Частыя записочки, относимыя Лизой (горничная Пушкиной), ничего не значили—въ наше время это было въ обычаѣ. Пушкинъ, хорошо зная, что Дантесъ не «пріударяетъ» за его женою, вовсе не ревновалъ, но, какъ онъ самъ выражался, Дантесъ былъ ему противенъ своею манерою, нѣсколько нахальною, своимъ языкомъ, менѣе воздержнымъ, чѣмъ слѣдовало съ дамами, какъ полагалъ Пушкинъ. Надо признаться—при всемъ уваженіи къ высокому таланту Пушкина—это былъ характеръ невыносимый. Онъ все какъ будто боялся, что его мало уважаютъ, недостаточно оказываютъ почета; мы, конечно, боготворили его музу, а онъ считалъ, что мы мало преклоняемся передъ нимъ. Манера Дантеса просто оскорбляла его, и онъ не разъ высказывалъ желаніе отдѣлаться отъ его посѣщеній. Nathalie не противорѣчила ему въ этомъ; быть можетъ, даже соглашалась съ мужемъ, но не умѣла прекратить свои невинныя свиданія съ Дантесомъ. Быть можетъ, ей льстило, что блестящій кавалергардъ всегда у ея ногъ. Когда она начинала говорить Дантесу о неудовольствіи мужа, Дантесъ, какъ повѣса, хотѣлъ слышать въ этомъ какъ бы поощреніе къ своему ухаживанью. Еслибы Nathalie была болѣе умна, еслибы Дантесъ не былъ такъ избалованъ, все кончилось бы ничѣмъ, такъ какъ въ то время, по крайней мѣрѣ, ничего собственно и не было—рукопожатія, обниманія, поцѣлуи, но не больше, а это въ наше время были вещи обыденныя.

«Часто говорятъ о ревности Пушкина. Мнѣ кажется, тутъ есть недоразумѣніе. Пушкинъ вовсе не ревновалъ Дантеса къ своей женѣ и не

имѣлъ къ тому повода. Необходимо отдѣлять двѣ фазы въ его отношеніяхъ къ Дантесу: первая, лѣтняя, окончившаяся женитьбой Дантеса на Catherine; вторая, осенняя, приведшая къ дуэли.

Пушкинъ не выносилъ Дантеса и искалъ случая отдѣлаться отъ него, закрыть ему двери своего дома. Легче всего это было для Nathalie, но та, не знала, какъ взяться за дѣло. Нерѣдко, возвращаясь изъ города къ обѣду, Пушкинъ заставалъ у себя, на дачѣ, Дантеса. Такъ было и въ концѣ лѣта 1836 г. Дантесъ засидѣлся у Наташи; пріѣзжаетъ Пушкинъ, входитъ въ гостиную, видитъ Дантеса рядомъ съ женою и, не говоря ни слова, ни даже обычнаго bon jour, выходитъ изъ комнаты; черезъ минуту онъ является вновь, цѣлуетъ жену, говоря ей, что пора обѣдать, что онъ проголодался, здоровается съ Дантесомъ и выходитъ изъ комнаты».

— Ну, пора, Дантесъ, уходите. Мнѣ надо идти въ столовую,— сказала Наташа.

Они поцѣловались, и Дантесъ вышелъ. Въ передней онъ столкнулся съ Пушкинымъ, который пристально посмотрѣлъ на него, язвительно улыбнулся и, не сказавъ ни слова, кивнулъ головой и вошелъ въ ту же дверь, изъ которой только-что вышелъ Дантесъ.

Когда Дантесъ пришелъ къ себѣ въ избу, онъ выразилъ князю Трубецкому свое опасеніе, что Пушкинъ затѣваетъ что-то недоброе.

— Онъ былъ сегодня какъ-то особенно страшенъ, и Дантесъ разсказалъ своему товарищу, какъ онъ засидѣлся у Nathalie, какъ та гнала его нѣсколько разъ, опасаясь, что мужъ опять застанетъ ихъ, но онъ все медлилъ, и мужъ, дѣйствительно, засталъ ихъ вдвоемъ.

— Только-то?

— Только, но, право, у Пушкина былъ какой-то непріязненный взглядъ, и въ передней онъ даже не простился со мною.

Все это Дантесъ разсказывалъ, переодѣваясь, такъ какъ торопился на обѣдъ, кажется, къ своему дядѣ. Едва ушелъ Дантесъ, какъ денщикъ докладываетъ, что пушкинская Лиза принесла ему письмо и, узнавъ, что барина нѣтъ дома, наказывала переслать ему письмо, гдѣ бы онъ ни былъ. На конвертѣ было написано: très-pressée. Съ этимъ же денщикомъ князь Трубецкой отправилъ тотчасъ же письмо къ Дантесу. Спустя часъ, быть можетъ, съ небольшимъ, входитъ Дантесъ. «Я его не узналъ, говорилъ кн. Трубецкой—на немъ лица не было.

— Что случилось?

— Мои предсказанія сбылись. Прочти!

«Я вынулъ изъ конверта съ надписью très-pressée небольшую записочку, въ которой Nathalie извѣщаетъ Дантеса, что она передавала мужу, какъ Дантесъ просилъ сегодня руки ея сестры Кати и что мужъ съ своей стороны тоже согласенъ на этотъ бракъ. Записочка была со-

*

ставлена по-французски, но отличалась отъ прежнихъ не только vous, вмѣсто tu, но и вообще слогомъ, вовсе не женскимъ и вовсе не дамскихъ billets doux.

— Что все это значитъ?

— Ничего не понимаю. Ничьей руки я не просилъ.

«Стали мы обсуждать и порѣшили, что Дантесу слѣдуетъ, прежде всего, не давать démenti словамъ Наташи до разъясненія казуса.

— Во всякомъ случаѣ, Catherine мнѣ нравится, замѣтилъ Дантесъ, и хотя я не просилъ ея руки, но буду радъ сдѣлаться ея мужемъ.

«На другой день все разъяснилось. Наканунѣ, возвратясь изъ города и увидя въ гостиной жену съ Дантесомъ, Пушкинъ не поздоровался съ ними и прошелъ прямо въ кабинетъ; тамъ онъ намазалъ сажей свои толстыя губы и, войдя вторично въ гостиную, поцѣловалъ жену, поздоровался съ Дантесомъ и ушелъ, говоря, что пора обѣдать. Вслѣдъ затѣмъ и Дантесъ простился съ Nathalie, при чемъ они поцѣловались, и, конечно, сажа съ губъ Nathalie перешла на губы Дантеса. Когда Дантесъ столкнулся въ передней съ Пушкинымъ, который, очевидно, поджидалъ его выхода, онъ замѣтилъ пристальный взглядъ и язвительную улыбку—это Пушкинъ высмотрѣлъ слѣды сажи на губахъ Дантеса.

«Взбѣшенный, Пушкинъ бросился къ женѣ и сдѣлалъ ей сцену, приводя сажу въ доказательство. Nathalie не знала, что отвѣчать, и застигнутая въ расплохъ, солгала: она сказала мужу, что Дантесъ просилъ у нея руки сестры Кати, что она дала свое согласіе, въ знакъ чего и поцѣловала Дантеса, но что поставила свое согласіе въ зависимость отъ рѣшенія Пушкина». Тотчасъ же, подъ диктовку Пушкина, была написана Наташей та записочка къ Дантесу, которая такъ удивила и Дантеса, и князя Трубецкого.

«Вскорѣ состоялся бракъ Дантеса съ Е. Н. Гончаровой. Этимъ оканчивается первая фаза. Бракъ все прикрылъ и всѣхъ примирилъ. Теперь Дантесъ являлся къ Пушкинымъ, какъ родной; онъ сталъ своимъ человѣкомъ въ ихъ домѣ, и Пушкинъ уже не выражался о немъ иначе, какъ въ самыхъ дружескихъ терминахъ. Дантесъ пересталъ уже быть для него невыносимымъ человѣкомъ.

«Откуда же дуэль? Чѣмъ вызвана ссора? Гдѣ безчестіе, смываемое только кровью?

«Это уже вторая фаза. Обстоятельства, вызвавшія вновь ссору и окончившіяся дуэлью, до сихъ поръ еще никѣмъ не разъяснены. Объ нихъ въ печати, вообще, не упоминается, быть можетъ, потому, что они набрасываютъ тѣнь на человѣка, имя котораго такъ дорого каждому изъ насъ, русскихъ; быть можетъ, однако, и потому еще, что эти обстоятельства были извѣстны очень не многимъ. Не такъ давно, въ

Орлѣ, умерла Полетика (Полетыка), съ которою я часто вспоминалъ этотъ эпизодъ, и онъ совершенно свѣжъ въ моей памяти.

«Дѣло въ томъ, что Гончаровыхъ было три сестры: Наталья, вышедшая за Пушкина, чрезвычайно красивая, Екатерина, на которой женился Дантесъ, и Александра, очень некрасивая, но весьма умная дѣвушка. Еще до брака Пушкина на Nathalie, Alexandrine знала наизусть всѣ стихотворенія своего будущаго beau-frère и была влюблена въ него заочно; вскорѣ послѣ брака, Пушкинъ самъ увлекся Alexandrine до безумія. Подумайте же: могъ ли онъ, при этихъ условіяхъ, ревновать свою жену къ Дантесу? Если Пушкину и не нравились частыя посѣщенія Дантеса, то вовсе не потому, что Дантесъ балагурилъ съ его женою, а потому, что, посѣщая домъ Пушкиныхъ, Дантесъ встрѣчался съ Александриной. Влюбленный въ Александрину, Пушкинъ опасался, чтобъ изящный кавалергардъ не увлекъ ее. Вотъ почему Пушкинъ вполнѣ успокоился, узнавъ отъ жены, что Дантесъ бываетъ для Катерины, что проситъ ея руки; вотъ почему, послѣ брака Дантеса съ Катериной, Пушкинъ сталъ относиться къ Дантесу даже дружески.

«Едва-ли многимъ извѣстно слѣдующее обстоятельство, довольно, повидимому, ничтожное, но, въ концѣ концовъ, отнявшее у насъ Пушкина. Вскорѣ послѣ брака, въ октябрѣ или ноябрѣ, Дантесъ съ молодою женою задумали отправиться за границу, къ роднымъ мужа. Въ то время сборы за границу были нѣсколько продолжительнѣе нынѣшнихъ, и во время этихъ-то сборовъ, въ ноябрѣ или декабрѣ, оказалось, что съ ними собирается ѣхать и Alexandrine. Вотъ что окончательно взорвало Пушкина, и онъ рѣшилъ во что бы ни стало воспрепятствовать ихъ отъѣзду. Онъ опять сталъ придираться къ Дантесу, началъ повсюду бранить его, намекая на его ухаживанія, но не за Александриной, а за Nathalie. Въ этомъ отношеніи Пушкинъ былъ, дѣйствительно, невыносимъ. Какъ теперь помню, на святкахъ былъ балъ у португальскаго, если память мнѣ не измѣняетъ, посланника, большого охотника. Онъ жилъ у нынѣшняго Николаевскаго моста. Во время танцевъ, я зашелъ въ кабинетъ, всѣ стѣны котораго были увѣшаны рогами различныхъ животныхъ, убитыхъ ярымъ охотникомъ, и, желая отдохнуть, сталъ перелистывать какой-то списокъ. Вошелъ Пушкинъ.

— Вы зачѣмъ здѣсь? Кавалергарду да еще не женатому, здѣсь не мѣсто. Вы видите (онъ указалъ на рога)—эта комната для женатыхъ, для мужей, для нашего брата.

— Полноте, Пушкинъ, —сказалъя: вы и на балъ притащили свою желчь; вотъ ей здѣсь не мѣсто.

«Вслѣдъ за этимъ онъ началъ бранить всѣхъ и все, между прочимъ, Дантеса, и такъ какъ Дантесъ былъ кавалергардъ, то и кавалергардовъ. Не желая ввязываться въ исторію, я вышелъ изъ кабинета и,

стоя въ дверяхъ танцовальной залы, увидѣлъ, что Дантесъ танцуетъ съ Nathalie.

«Пушкинъ все настойчивѣе искалъ случая поссориться съ Дантесомъ, чтобы помѣшать отъѣзду Александрины. Случай скоро представился. Въ то время, нѣсколько шалуновъ изъ молодежи—между прочимъ, Урусовъ, Опочининъ, Строгановъ, мой cousin—стали разсылать анонимныя письма къ мужьямъ-рогоносцамъ. Въ числѣ многихъ, получилъ такое письмо и Пушкинъ. Въ другое время, онъ не обратилъ бы никакого вниманія на подобную шутку и, во всякомъ случаѣ, отнесся бы къ ней, какъ къ шуткѣ, быть можетъ, заклеймилъ бы ее эпиграммой; но теперь онъ увидѣлъ въ этомъ хорошій предлогъ и воспользовался имъ по-своему.

«Письмо Пушкина къ Геккерну и подробности дуэли Пушкина съ племянникомъ Геккерна, Дантесомъ, всѣмъ извѣстны.

В. Бильбасовъ.

Императоръ Николай I и Восточный вопросъ.

(1826—1830 гг.).

IX [1]).

Когда императоръ Николай на кораблѣ «Императрица Марія» отправился въ Россію, кампанія 1828 года была закончена [2]). Отъѣзжая, государь оставилъ графа Дибича при фельдмаршалѣ Витгенштейнѣ, чтобы помочь главнокомандующему устроить армію на зимнихъ квартирахъ.

Пока продолжалась осада Варны, Гуссейнъ-паша въ Шумлѣ не предпринималъ ничего особеннаго, за исключеніемъ поиска къ Базарджику, не увѣнчавшагося успѣхомъ, и неудачной вылазки 2-го (14-го) октября. Послѣ паденія Варны, настало наконецъ время окончательно отвезти войска изъ-подъ Шумлы, и оставалась еще слабая надежда

---

[1]) См. „Русскую Старину“ январь 1901 г.

[2]) Къ концу осады Варны, императоръ Николай обрадованъ былъ извѣстіемъ о побѣдѣ, одержанной генераломъ Гейсмаромъ въ Малой Валахіи.

Сераскиръ виддинскій Ибрагимъ-паша, собравъ 26.000 человѣкъ, вздумалъ овладѣть Краіовымъ. 14-го (26-го) сентября, генералъ-маіоръ баронъ Гейсмаръ съ четырехъ тысячнымъ отрядомъ вступилъ съ турками въ бой у Бойлештахъ, а затѣмъ, по наступленіи ночи, нечаяннымъ нападеніемъ, обратилъ Ибрагима-пашу въ бѣгство, овладѣлъ его лагеремъ и преслѣдовалъ до Калафата.

Императоръ Николай наградилъ барона Гейсмара чиномъ генералъ-лейтенанта и назначилъ генералъ-адъютантомъ.

Городъ Букарестъ, въ знакъ признательности къ генералу Гейсмару, поднесъ ему богатую, брилліантами украшенную саблю, съ благодарственнымъ письмомъ отъ лица всей Валахіи.

овладѣть крѣпостью Силистріею; повидимому, у исполнителей энергія стала ослабѣвать къ исходу столь трудной кампаніи.

Еще ранѣе, 3-го (15-го) сентября, обѣимъ дивизіямъ 6-го корпуса генерала Рота велѣно было слѣдовать къ Шумлѣ, при чемъ онѣ подъ Силистріею были смѣнены войсками 2-го корпуса, генералъ-адъютанта князя Щербатова. Войска 7-го корпуса принца Евгенія Виртембергскаго частями двинуты были къ Варнѣ, для усиленія операцій противъ этой крѣпости. Затѣмъ, 4-го (16-го) октября началось отступательное движеніе нашихъ войскъ изъ-подъ Шумлы. 6-й корпусъ генерала Рота отошелъ въ Козлуджу, а генералъ Рудзевичъ съ 3-мъ корпусомъ двинулся къ Силистріи. Послѣдній былъ слабо преслѣдуемъ непріятелемъ, и только 7-го (19-го) октября завязались жаркія аріергардныя дѣла въ Айдоской лощинѣ съ восьми тысячнымъ турецкимъ отрядомъ. Дороги сдѣлались непроходимыми вслѣдствіе проливныхъ дождей и 3-му корпусу при изнуренныхъ лошадяхъ и истощенныхъ въ силахъ людяхъ, лишенныхъ надлежащаго продовольствія, пришлось бороться съ неимовѣрными затрудненіями, въ особенности въ Айдоской лощинѣ, изъ которой приходилось подниматься на крутизны, простирающіяся на двѣ версты. Артиллерію удалось спасти, но въ виду натиска турокъ, пришлось пожертвовать обозомъ. Генералъ Рудзевичъ роздалъ людямъ, что они могли взять, а затѣмъ истребилъ большую часть своихъ повозокъ, застрявшихъ въ лощинѣ. Въ этомъ дѣлѣ мы понесли потерю болѣе 700 человѣкъ.

По прибытіи генерала Рудзевича къ Силистріи, силы облегавшихъ ее войскъ возросли до 30.000 человѣкъ, но благопріятное время для рѣшительныхъ дѣйствій противъ крѣпости прошло. Проливные дожди наводнили траншеи и затопили мѣстность, по которой надлежало вести подступы. Вскорѣ дождь смѣнился мятелью, при восьми градусномъ морозѣ; снѣгомъ занесло землянки и батареи. На Дунаѣ сталъ уже появляться ледъ, грозившій совершенно прервать сообщеніе съ лѣвымъ берегомъ и прекратить подвозъ продовольственныхъ и боевыхъ припасовъ, въ которыхъ и безъ того ощущался недостатокъ. Къ тому же 3-й корпусъ нуждался въ отдыхѣ на зимнихъ квартирахъ послѣ всѣхъ трудовъ и потерь, понесенныхъ имъ въ теченіе кампаніи. Между тѣмъ 18-го (30-го) октября графъ Витгенштейнъ, въ сопровожденіи графа Дибича, прибылъ изъ Варны въ Каларашъ. Убѣдясь лично въ невозможности продолжать осаду въ столь позднее время года, главнокомандующій, по совѣщанію съ графомъ Дибичемъ, рѣшился 1-го (13-го) ноября снять блокаду Силистріи [1]). Главная квартира арміи была перенесена

[1]) Графъ Мольтке справедливо называетъ операціи подъ Силистріей въ 1828 году „предпріятіемъ невѣрно соображеннымъ, слабо выполненнымъ и совершенно неудавшимся“.

въ Яссы, куда прибылъ фельдмаршалъ 7-го (19-го) ноября; за нимъ послѣдовалъ графъ Дибичъ. Графу Ланжерону ввѣрено было начальство надъ всѣми войсками, занимавшими лѣвый берегъ Дуная, а генералу Роту подчинены войска, предназначенныя для охраненія занятой нами части Болгаріи.

Графъ Мольтке пишетъ: «Если принять въ соображеніе огромныя жертвы, которыми ознаменовалась для русскихъ кампанія 1828 года, то трудно сказать, кто ее выигралъ или потерялъ: русскіе или турки? Значеніе этого похода должно было опредѣлиться второю кампаніею».

«Но,—замѣчаетъ тотъ же авторъ,—если кампанія получила сносный исходъ, то въ этомъ нисколько не повинны соображенія русской стратегіи. Кампанія была подготовлена неудовлетворительно, начата недостаточными средствами и открыта слишкомъ поздно; направленіе же, данное главному корпусу войскъ, было такое, отъ котораго никогда нельзя было ожидать какого-либо результата. Но всѣ эти ошибки были исправлены отличными качествами, свойственными русскимъ войскамъ, самоотверженнымъ повиновеніемъ начальникамъ, настойчивостью солдата, бодростью его духа въ перенесеніи лишеній и непоколебимымъ мужествомъ среди опасности—вотъ обстоятельства, отклонившія гибель, которая угрожала русскимъ подъ Шумлою, и удерживавшія предпріимчивость сераскира, они же побѣдили всѣ затрудненія и противодѣйствіе, встрѣченныя подъ Варною, и въ такой степени подѣйствовали на Омеръ-Вріоне, что онъ, несмотря на одержанную имъ побѣду, простоялъ какъ ошеломленный десять дней въ бездѣйствіи, между тѣмъ какъ Варна, этотъ оплотъ Оттоманской имперіи, пала передъ его глазами. Начинанія полководцевъ должны подвергаться критическому разбору, который не всегда можетъ относиться къ нимъ благопріятно; но поведеніе войскъ, отъ послѣдняго солдата и кончая самымъ главнымъ начальникомъ, какъ при штурмѣ Браилова, такъ и въ натискѣ подъ Куртепэ, равно какъ и въ минахъ и подступахъ подъ Варною, выше всякихъ похвалъ кабинетнаго пера».

Очевидецъ заключительнаго эпизода кампаніи 1828 года, генералъ-

---

Подъ Силистріею ощущался недостатокъ въ снарядахъ. На это обстоятельство встрѣчается указаніе въ письмѣ генерала Довре къ графу Дибичу отъ 14-го октября 1828 года:

„Le tout n'est pas bien consolant, cependant je ne perds pas courage; le seul article des munitions de siège est odieux. Que M. M. les artilleurs débrouillent la chose s'ils le peuvent. Il me semble que tout le monde a écrit – mais seulement trop tard. Personne n'a pensé que le temps marchait". (Военно-Ученый Архивъ, Отд. 2, № 5323).

адъютантъ Депрерадовичъ писалъ фельдмаршалу графу Сакену 16-го (28-го) ноября изъ Тульчина:

«По слабому моему понятію о большихъ военныхъ операціяхъ, я ничего не смѣю сказать о толкахъ про нынѣшній походъ и кампанію. Кажется мнѣ однакоже, что чудесное паденіе Варны нѣсколько поправило наше не блистательное положеніе, бывшее до того времени, и котораго былъ я свидѣтель. Если симъ концомъ, для переду, воспользуются, какъ должно полагать, то, можетъ быть, и вся строгая критика уничтожится. При семъ, почитая ваше сіятельство душевно, рѣшаюсь доложить мое мнѣніе о двухъ важныхъ частяхъ безпорядковъ, каковаго въ пятидесятилѣтнюю мою службу не видывалъ и которыхъ причиною полагаю почти уничтоженіе арміи безъ боя, а именно: медицинской и провіантской. У первой былъ одинъ лѣкарь на 600 человѣкъ больныхъ; въ медикаментахъ былъ еще бо́льшій недостатокъ по пропорціи слабыхъ въ искусствѣ докторовъ; для раненыхъ, которыхъ число, можно сказать, было ничтожно, противу прежнихъ, вашему сіятельству извѣстныхъ, недостатокъ во всѣхъ припасахъ былъ таковъ, что бинты употреблялись изъ палатокъ. Транспортировка изъ одного въ другой пунктъ госпиталя и всѣ распоряженія по сей части были столь слабы, что превышаютъ всякое воображеніе. Не лучше сей части было распоряженіе господина сенатора (Абакумова) по продовольствію. Гвардія и небольшая часть арміи, находившіяся по единственной нашей довольно вѣрной береговой линіи, по милости флота, не взирая на невѣрность и непостоянность стихіи, были довольно счастливы и мало нуждались. Но армія, особливо подъ Шумлою, изрядно потерпѣла».

Въ заключеніе остается намъ еще вкратцѣ упомянуть о побѣдахъ, одержанныхъ графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ въ Азіатской Турціи. Совершенный имъ въ 1828 году походъ ознаменовался непрерывнымъ рядомъ блестящихъ успѣховъ; побѣды «отца командира» служили императору Николаю истиннымъ утѣшеніемъ среди невзгодъ и затрудненій, съ которыми приходилось въ то же время бороться русской арміи на Балканскомъ полуостровѣ.

Графъ Паскевичъ, едва окончивъ изнурительный персидскій походъ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи, для дѣйствій въ Азіатской Турціи, 11.000 человѣкъ, между тѣмъ какъ турки угрожали намъ вторженіемъ въ Закавказскій край. Положеніе дѣлъ, во всѣхъ отношеніяхъ, было не изъ блестящихъ, но Паскевичъ вышелъ побѣдителемъ изъ всѣхъ затрудненій и предупредилъ рѣшительностью своихъ дѣйствій всѣ намѣренія непріятеля. Окончивъ приготовленія къ походу, Паскевичъ перешелъ 14-го (26-го) іюня въ Гумрахъ границу и, двинувшись къ Карсу, взялъ его штурмомъ 23-го іюня (5-го іюля).

Послѣ этого успѣха, явилось новое бѣдствіе,—въ Карсѣ открылась

чума. Благодаря принятымъ мѣрамъ, чумная зараза не усилилась, но вскорѣ начала ослабѣвать, и, простоявъ двадцать дней внѣ крѣпости въ лагерѣ, Паскевичъ направился къ Ахалцыху. Затѣмъ, занявъ дорогою Ахалкалаки и Гертвизъ, и разбивъ 30.000 турокъ, выступившихъ противъ него изъ Эрзерума, овладѣлъ 16-го (28-го) августа крѣпостью Ахалцыхомъ. Вслѣдъ за сими побѣдами, занятъ былъ безъ боя Ацхуръ.

О движеніи черезъ Саганлугскія горы на Эрзерумъ, конечно, нельзя было помышлять. Оставалось еще занять Баязетъ и Ардаганъ, что̀ и было исполнено безъ особенныхъ затрудненій, и въ заключеніе обратить все вниманіе на устройство зимнихъ квартиръ и обезпеченіе продовольствія войскъ.

Такимъ образомъ менѣе чѣмъ въ два мѣсяца, Паскевичу удалось самыми ограниченными средствами разсѣять непріятельскую армію и занять три пашалыка: Карскій, Ахалцыхскій и Баязетскій.

Императоръ Николай наградилъ графа Паскевича-Эриванскаго орденомъ св. Андрея Первозваннаго.

X.

Желая непремѣнно поспѣть въ Петербургъ къ 14-му октября, императоръ Николай совершилъ переѣздъ изъ Одессы съ необыкновенною быстротою, несмотря на темныя ночи и осенніе дожди.

Бенкендорфъ пишетъ: «Мы прискакали въ Царское Село, правда, измученные и полузамерзшіе, но 14-го числа утромъ государь остановился здѣсь, чтобы переодѣться и пріѣхать въ Петербургъ именно въ то время, когда обѣ императрицы со всѣмъ дворомъ будутъ у обѣдни. Ему хотѣлось войти въ Зимній дворецъ, не бывъ никѣмъ замѣченнымъ; но когда мы подъѣзжали почти украдкою, со стороны Дворцовой набережной, его узнали въ рядахъ двухъ эскадроновъ Кавалергардскаго полка, стоявшихъ тутъ, чтобы взять и провезти по улицамъ привезенныя изъ подъ Варны турецкія знамена. Общее «ура!» прогремѣло при видѣ государя, и онъ вошелъ во дворецъ между трофеями завоеванной Варны, сопровождаемый кликами стоявшей на набережной толпы. Но по вступленіи въ царскіе чертоги, гдѣ радостно бросились ему на встрѣчу супруга и дѣти, онъ былъ жестоко пораженъ вѣстью объ опасной болѣзни императрицы Маріи Ѳеодоровны» [1]).

---

[1]) 21-го октября (2-го ноября) 1828 года императоръ Николай писалъ цесаревичу:

„J'ai retrouvé ma femme fort bien, à un gros rhume près, mes enfants,

Безпрестанныя тревоги, сопровождавшія тяжелую для насъ войну, опасности, которымъ подвергался государь, и радость, вызванная полученіемъ извѣстія о взятіи Варны, потрясли крѣпкое дотолѣ здоровье ея. Сначала болѣзнь не внушала особыхъ опасеній, императрица могла даже письменно сообщить цесаревичу извѣстіе о возвращеніи государя въ Петербургъ и о собственномъ нездоровьи. Поэтому, неудивительно, что императоръ Николай въ письмѣ къ Константину Павловичу отъ 21-го октября (2-го ноября) увѣдомилъ брата, что Рюль не имѣетъ ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ скораго ея выздоровленія. Оказалось, однако, что врачъ ошибся въ оцѣнкѣ болѣзни, и 22-го октября (3-го ноября) докторъ Крейтонъ вынужденъ былъ пустить императрицѣ кровь; тѣмъ не менѣе появились признаки паралича. Отнынѣ всѣ принятыя мѣры не могли уже привести къ цѣли, и 24-го октября (5-го ноября) 1828 года, въ два часа тридцать минутъ по полуночи, императрица Маріа Ѳеодоровна скончалась.

Въ тотъ же день государь писалъ цесаревичу:

«Помолимся Богу за ту, которая на этой землѣ составляла для насъ в с е! Да будетъ воля Его и да ниспошлетъ Онъ намъ силы, чтобы перенести ужаснѣйшее изъ несчастій. Все кончено съ двухъ съ половиною часовъ утра. Болѣзнь развивалась съ такою быстротою, что никакое лѣкарство не могло остановить ея; такъ какъ кровь бросилась къ головѣ, то третьяго дня вечеромъ пустили кровь; это, казалось, принесло пользу. Ночь была сносная; утромъ, такъ какъ голова была тяжела, попытались прибѣгнуть къ слабительному; дѣйствіе было таково, что доказало необходимость сдѣланнаго, но силы уменьшались послѣ каждаго дѣйствія; языкъ повиновался плохо, и глотаніе было затруднено; врачи опасались немедленнаго паралича легкихъ; шпанская муха на

---

grâce au bon Dieu et aux soins bienveillants de ma mère, ont beaucoup prospéré, l'ainé a grandi et s'est développé beaucoup; les petites sont gentille et votre filleul devient fort drôle et marche un peu. Enfin, quant à moi même, je me porte bien à 6 v e r c h o k de culotte et d'habit de m o i n s qu'a mon départ d'ici; j'étais plaisant à voir en arrivant dans les abits que j'avais laissé ici".

Въ „Русскомъ Инвалидѣ" отъ 16-го октября 1828 года (№ 258) появилась слѣдующая статья по случаю возвращенія государя изъ заграничнаго похода.

„14-го октября, С.-Петербургъ.

„Сего утра въ $11^1/_2$ часовъ государь императоръ изволилъ возвратиться изъ турецкаго похода въ вожделѣнномъ здравіи. Нельзя представить себѣ восхищенія жителей здѣшней столицы, когда они увидѣли развѣвающійся на Зимнемъ дворцѣ флагъ. Прибытіе его величества было для большей части жителей неожиданно; тѣмъ живѣе, тѣмъ сердечнѣе наша радость, наше счастіе".

спинѣ не произвела никакого дѣйствія, и силы и сознаніе ослабѣвали. Нужно было дать ей почувствовать ея положеніе и склонить ее выполнить свой христіанскій долгъ! О, дорогой Константинъ, представьте себѣ мое состояніе, когда я выполнилъ эту ужасную обязанность. Я далъ ей понять, что наступило время подумать объ этомъ; такъ какъ она часто задавала мнѣ вопросъ: «развѣ я въ опасномъ положеніи?» она сказала мнѣ: «О, значитъ, я въ очень опасномъ положеніи». Я отвѣчалъ ей: «Я надѣюсь, что нѣтъ, но я знаю ваши чувства, и хорошо почерпнуть силы въ томъ, что постоянно даетъ ихъ». Она отвѣтила мнѣ: «я сдѣлаю это завтра; я хочу приготовиться сегодня». Я сказалъ ей: «зачѣмъ откладывать? Вы постоянно готовы». Она проговорила мнѣ: «Позовите Вилламова». Онъ вошелъ, но ничего не могъ понять, такъ какъ языкъ уже повиновался съ трудомъ; затѣмъ послѣдовалъ моментъ возбужденія: она непремѣнно хотѣла перейти въ свою постель, затѣмъ сѣсть, и при всемъ томъ не понимая самое себя. Наконецъ, черезъ нѣсколько мгновеній мнѣ удалось заставить ее замѣтить духовника; тогда она снова стала спокойной и исповѣдалась въ полномъ сознаніи, горячо молясь. Какой назидательный и ужасный для насъ моментъ! Я молился о д и н ъ возлѣ нея, а вся семья съ моею бѣдной, моею чудной женою; я молился за всѣхъ васъ, и Богъ услышитъ наши молитвы, чтобы ниспослать намъ силъ, и за ту, которая соединяла въ себѣ всѣ мои привязанности! Когда это было сдѣлано, она позвала насъ къ себѣ и, не имѣя возможности говорить, взяла насъ за руки и даже съ силою; я называлъ имена всѣхъ членовъ семьи; она открыла глаза и сказала нѣсколько словъ, изъ которыхъ мы могли понять лишь «Aly»; я велѣлъ привести всѣхъ дѣтей, она крѣпко поцѣловала мою маленькую «Adine» и двухъ маленькихъ, Михаила и даже улыбнулась. Что касается другихъ, то на нихъ она могла лишь положить руку. Она не страдала; конечности холодѣли и дыханіе учащалось, но безъ хрипѣнія и усилій; наконецъ, въ два съ половиною часа [1]), безъ малѣйшихъ страданій и судорогъ она послѣ нѣсколькихъ вздоховъ тихо перестала дышать.

«Вотъ мы сиротами! Намъ остаетесь лишь в ы—старшій и глава нашей несчастной семьи. На васъ именно переходятъ наши привязанности, не отталкивайте ихъ, дорогой Константинъ, и замѣните намъ,

---

[1]) Такъ писалъ императоръ Николай къ цесаревичу. Въ манифестѣ же отъ 24-го октября 1828 года, сказано, что императрица Марія Ѳеодоровна скончалась въ два часа по полуночи.

Въ этомъ манифестѣ сказано, что всѣ минуты драгоцѣнной жизни ея „были посвящены исполненію обязанностей высшей добродѣтели“, а въ заключеніе упомянуто о ея „кроткой душѣ, бывшей вмѣстилищемъ всѣхъ нѣжныхъ чувствъ и доблестей“.

на сколько это возможно для васъ, ту, которая все время, пока Господь хранилъ ее, составляла для насъ все.

«Я отъ глубины души благодарю Бога, что Онъ даровалъ мнѣ грустное утѣшеніе имѣть возможность быть при ней въ этотъ ужасный моментъ; у меня была потребность или какъ бы предчувствіе этого; что-то неотразимое влекло меня сюда. Я былъ далекъ отъ мысли предвидѣть—зачѣмъ! Я выбился изъ силъ, моя бѣдная жена надломлена; да поддержитъ ее Господь! Что будетъ съ вами? съ моей доброй сестрой? Однако именно на нее я разсчитываю, что она поддержитъ васъ; кто же лучше ея могъ бы сдѣлать это? Думаю, что можетъ быть въ ваши намѣренія входитъ пріѣхать сюда, чтобы воздать матушкѣ послѣдній долгъ; я могу сообщить вамъ, что у васъ имѣется для этого вполнѣ достаточно времени, такъ какъ приготовленія потребуютъ по крайней мѣрѣ десять дней. Васъ не можетъ удивить, если я скажу, что быть вмѣстѣ въ такія ужасныя минуты было бы счастіемъ. Да поддержитъ васъ милосердный Богъ.

«Душою и сердцемъ обнимаю васъ и прошу у васъ благословенія, какъ я просилъ его у нея, для меня, моей жены и моимъ добрымъ дорогимъ дѣтямъ» [1]).

По полученіи этого письма цесаревичъ немедленно собрался въ путь и, выѣхавъ изъ Варшавы 30-го октября (11-го ноября), прибылъ въ Петербургъ, въ субботу 3-го (15-го) ноября. На другой день, въ воскресенье вечеромъ, Константинъ Павловичъ присутствовалъ при положеніи во гробъ и перенесеніи тѣла императрицы-матери изъ тронной комнаты на «Castrum doloris», устроенный съ необыкновеннымъ великолѣпіемъ въ Кавалергардской залѣ, обращенной въ траурную залу.

Великій князь Михаилъ Павловичъ пріѣхалъ въ Петербургъ еще ранѣе цесаревича; получивъ въ Кишиневѣ извѣщеніе объ опасной болѣзни императрицы-матери, онъ немедленно поспѣшилъ въ столицу.

Во время нахожденія тѣла въ Зимнемъ дворцѣ допущены были повседневно на поклоненіе всякаго званія люди. Выносъ тѣла изъ Зимняго дворца въ Петропавловскій соборъ и отпѣваніе послѣдовало 13-го (25-го) ноября. Процессія шествовала отъ дворца по Милліонной, Царицыну лугу, Суворовской площади и Троицкому мосту въ крѣпость. За колесницею слѣдовалъ императоръ Николай въ траурной епанчѣ, съ распущенною шляпою съ длиннымъ флеромъ. Это было послѣднее погребеніе члена императорской фамиліи, совершенное при соблюденіи всего стариннаго церемоніала, установившагося со времени кончины Петра Великаго. Императоръ Николай выразилъ при этомъ случаѣ же-

---

[1]) Письмо императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 24-го октября (5-го ноября) 1828 года.

ланіе, чтобы подобный церемоніалъ не былъ примѣненъ при его погребеніи.

16-го (28-го) ноября цесаревичъ Константинъ Павловичъ выѣхалъ обратно въ Варшаву.

Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ оставилъ въ своихъ запискахъ слѣдующую характеристику императрицы-матери:

«Марія Ѳеодоровна прожила слишкомъ 50 лѣтъ въ томъ дворцѣ, гдѣ теперь испустила духъ, и служила въ немъ живымъ урокомъ всѣхъ добродѣтелей. Стараясь умягчать суровую строгость императора Павла, супруга его подавала собою примѣръ покорности его волѣ; она даровала Россіи двухъ монарховъ; была образцомъ жены и матери; жила единственно, чтобы благодѣтельствовать бѣднымъ, вдовамъ и сирымъ. Важнѣйшія, какъ и самыя мелкія подробности надзора за воспитаніемъ принятыхъ ею подъ свое попеченіе нѣсколькихъ тысячъ дѣтей и за устройствомъ множества больницъ занимали ее ежедневно по нѣсколько часовъ, и всѣмъ этимъ заботамъ она посвящала себя со всѣмъ жаромъ и увлеченіемъ высоко христіанской своей души. Уже въ весьма преклонныхъ лѣтахъ, императрица никогда не отходила къ покою, не окончивъ всѣхъ своихъ дѣлъ, не отвѣчавъ на всѣ полученныя ею въ тотъ день письма, даже самыя малозначущія. Она была рабою того, что называла своимъ долгомъ. Науки и художества всегда находили въ ней просвѣщенную и благоволительную покровительницу. Она любила чтеніе, не гнушалась рукодѣліемъ и, между тѣмъ, считая обязанностію своего сана содѣйствовать свѣтскимъ удовольствіямъ, съ этою цѣлью нерѣдко собирала во дворецъ многолюдное общество на театральныя представленія и на балы. Въ лѣтнюю пору пріятно развлекалъ ее Павловскъ съ своими роскошными садами, въ которыхъ она занималась, съ особеннымъ знаніемъ дѣла, ботаникою и садоводствомъ. Къ числу отличительныхъ ея способностей принадлежало умѣнье такъ распредѣлять свои занятія, что у нея доставало времени на все, чему способствовали необычайная дѣятельность и необычайное здоровье.

«Взыскательная къ самой себѣ, она была требовательна и къ своимъ подчиненнымъ; всегда неутомимая, не жаловала, если они казались усталыми; наконецъ, любя искренно и постоянно тѣхъ, кого удостоивала своею дружбою, или кому покровительствовала по влеченію сердца, или по разсудку, требовала отъ нихъ полной взаимности. Единственнымъ недостаткомъ этой необыкновенной женщины была излишняя, можетъ статься, ея взыскательность къ своимъ дѣтямъ и къ лицамъ, отъ нея зависѣвшимъ.

«Смертное ложе императрицы Маріи Ѳеодоровны было орошено слезами сокрушенія и благодарности. Трогательно было видѣть рыданія молодыхъ воспитанницъ ея заведеній, когда ихъ привозили на покло-

неніе бездыханному тѣлу. Старые гренадеры, дѣти, сироты, придворные, вдовы и нищіе—все это плакало, ибо всѣ лишились въ ней матери и ангела хранителя».

Графиня Нессельроде въ письмахъ къ брату пишетъ:

«Для всѣхъ эта ужасная потеря является кошмаромъ; для своего возраста она была свѣжа, красива, никогда не болѣла. Всѣ слои общества будутъ въ отчаяніи; это именно была евангельская жена; доброты, благотворительности болѣе широкой, болѣе неустанной—нельзя найти; ея жизнь была благомъ, еще необходимымъ для всей семьи. Императоръ глубоко опечаленъ... Я убѣждена, и это общее мнѣніе, что Рюль, докторъ императрицы, не понялъ болѣзни. Такова ужъ судьба, что наша императорская фамилія окружаетъ себя плохими докторами и настолько любитъ ихъ, что не хочетъ другихъ, а этотъ Рюль не понялъ болѣзни» [1]).

Императрица Марія Ѳеодоровна оставила обширныя, многотомныя записки, но, къ сожалѣнію, повелѣла ихъ сжечь послѣ своей кончины. Для исторіи Россіи, во второй половинѣ XVIII столѣтія, исчезновеніе этихъ записокъ составляетъ невознаградимую потерю.

14-го (26-го) января 1829 года императоръ Николай писалъ цесаревичу:

«По ея приказанію, я былъ долженъ лично сжечь цѣлый ящикъ, наполненный серіей томовъ, родомъ воспоминаній или дневника, писанныхъ ею собственноручно, изъ года въ годъ, восходящихъ до семидесятыхъ годовъ и оканчивающихся около 1800 года. Признаюсь, что это меня очень огорчило. Непонятно, какъ моя матушка находила время написать все то, что собственноручно начертано ею» [2]).

Отвѣчая государю, цесаревичъ писалъ, что ему вполнѣ понятно огорченіе, испытанное братомъ, при сожженіи дневника императрицы-матери: «Было бы очень любопытно прочесть его, но разъ такова была ея воля, оставалось только въ точности ее исполнить» [3]),—заключаетъ Константинъ Павловичъ.

6-го (18-го) декабря 1828 года, въ день тезоименитства императора Николая, розданы были щедрыя награды многимъ сановникамъ.

Предсѣдатель Государственнаго Совѣта графъ Кочубей получилъ портретъ государя, украшенный алмазами; князь А. Н. Голицынъ, графъ П. А. Толстой и генералъ-адъютантъ Васильчиковъ — алмазные знаки ордена св. Андрея Первозваннаго; графъ Нессельроде—орденъ св. Ан-

---

[1]) Государственный архивъ. Разрядъ III, № 43.

[2]) Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 14-го (26-го) января 1829 года.

[3]) Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 24-го января (5-го февраля) 1829 года.

дрея Первозваннаго; генералъ-адъютанты графъ Чернышевъ и Бенкендорфъ—орденъ св. Владиміра первой степени.

О принцѣ Евгеніи Виртембергскомъ вспомнили нѣсколько позже, въ 1829 году. Послѣ назначенія графа Дибича главнокомандующимъ, напечатана была 1-го (13-го) апрѣля высочайшая грамота:

«Въ ознаменованіе особеннаго уваженія нашего къ благоразумнымъ распоряженіямъ и отличной храбрости, оказаннымъ вашимъ королевскимъ высочествомъ въ продолженіе кампаніи 1828 года противу турокъ, всемилостивѣйше жалуемъ вамъ препровождаемые у сего алмазные знаки ордена св. Андрея Первозваннаго, нашею милостію къ вамъ благосклонны».

Кромѣ того, принцъ получилъ по этому случаю еще ранѣе особый рескриптъ государя слѣдующаго содержанія:

«Командуя въ продолженіе большей части прошлой кампаніи 7-мъ корпусомъ, ваше королевское высочество оказали на полѣ чести отличныя заслуги во многихъ бояхъ, примѣрною твердостію и храбростію, и выказали себя передъ непріятельскими войсками опытнымъ и проницательнымъ полководцемъ. Поэтому почитаю для себя пріятнымъ долгомъ выразить вашему высочеству за всѣ эти похвальные труды и отличныя дѣйствія мою искреннюю признательность, въ знакъ чего препровождая у сего алмазные знаки ордена св. Андрея Первозваннаго, пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклонный и доброжелательный».

Несмотря на всѣ старанія принца Евгенія, рескриптъ не былъ обнародованъ въ Россіи. «Journal de St.-Pétersbourg» отвѣтилъ принцу, что редакція не уполномочена принять рескриптъ.

«Я подозрѣваю, какъ все это случилось,—пишетъ принцъ въ своихъ запискахъ,—первыя слова вылились у Николая отъ души, когда же затѣмъ онъ подписывалъ грамоту, пущены были въ ходъ, съ вѣдома его или нѣтъ, чужое коварство. И развѣ уже во времена Александра со мною не случалось неоднократно нѣчто подобное, во имя политики [1]). Развѣ не могли сказать Николаю Павловичу: «Оправдывая публично своего двоюроднаго брата, вы обвиняете самого себя». Отрекаясь теперь отъ того, что имъ было признано, по чувству справедливости, императоръ служилъ не своему интересу, могущему только выиграть при каждомъ благородномъ поступкѣ, а явился орудіемъ мести. Мнѣ извѣстна причина этой мести, но я ее не назову; скажу только, что во

[1]) Въ 1818 году императоръ Александръ сказалъ матери принца Евгенія въ Веймарѣ: „Je conviens de tous mes torts envers lui, mais on ne peut taxer les souverains d'après l'échelle des particuliers. La politique leur dicte des devoirs que le coeur réprouve". (Die nachgelassene Correspondenz zwichen dem Herzog Eugen von Württemberg und dem chef seines States von Hofmann. Cannstatt 1883. p. 63).

всѣхъ странахъ люди интригуютъ, клевещутъ и злословятъ, и честные люди при дворѣ бываютъ заклеймены навѣтами».

Недоброжелателя своего, графа Дибича, принцъ не признаетъ причастнымъ въ случившемся дѣлѣ. «Я думаю скорѣе,—пишетъ принцъ,—что Дибичъ отъ души пожелалъ бы мнѣ теперь цѣлые милліоны, даже цѣлое королевство, такъ какъ онъ не былъ завистливъ, но только честолюбивъ и жаждалъ славы». Замѣтимъ здѣсь въ объясненіе отзыва принца Евгенія, что въ то время графъ Дибичъ былъ уже назначенъ главнокомандующимъ дѣйствующей арміи.

Немедленно послѣ кончины императрицы Маріи Ѳеодоровны послѣдовалъ 26-го октября (7-го ноября) 1828 года указъ Сенату, въ которомъ сказано:

«Желая, чтобъ всѣ воспитательныя и благотворительныя учрежденія, бывшія подъ управленіемъ въ Бозѣ почившей любезнѣйшей родительницы нашей государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны и ея мудрыми попеченіями доведенныя до столь высокой степени благосостоянія, продолжали и по кончинѣ ея, руководствуясь тѣми же правилами и пользуясь тѣми же преимуществами и выгодами, дѣйствовать какъ доселѣ на пользу государства и человѣчества, мы признали за благо для теченія дѣлъ, къ симъ учрежденіямъ относящихся, установить предварительно слѣдующій порядокъ:

«1) Императорскій воспитательный домъ со всѣми принадлежащими къ оному заведеніями, воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ, училище ордена св. Екатерины, Павловская больница въ Москвѣ и вообще всѣ учрежденія, въ вѣдѣніи любезнѣйшей родительницы нашей состоявшія, принимаются подъ непосредственное и особенное наше покровительство.

«2) Составъ и порядокъ управленія сихъ учрежденій, а равно и порядокъ сношеній ихъ между собою остаются прежніе безъ всякаго измѣненія.

«3) Начальства каждаго изъ сихъ учрежденій представляютъ намъ всѣ дѣла, кои по установленнымъ правиламъ долженствовали бы поступить на разсмотрѣніе въ Бозѣ почивающей любезнѣйшей родительницы нашей.

«4) Для доклада по симъ дѣламъ и для объявленія нашихъ по онымъ повелѣній, назначается при насъ особенный статсъ-секретарь съ наименованіемъ статсъ-секретаря по дѣламъ управленія учрежденій императрицы Маріи».

На эту вновь созданную должность императоръ Николай назначилъ долголѣтняго секретаря и довѣреннаго сотрудника императрицы Маріи Ѳеодоровны, тайнаго совѣтника Григорія Ивановича Вилламова; вмѣстѣ съ тѣмъ ему повелѣно было присутствовать въ Государственномъ Со-

вѣтѣ. Одновременно съ этими распоряженіями, канцелярія императрицы Маріи Ѳеодоровны была переименована въ IV-е отдѣленіе собственной его величества канцеляріи и ввѣрена управленію статсъ-секретаря Вилламова.

XI.

Война въ Европейской Турціи въ 1828 году не привела къ какимъ-либо рѣшительнымъ результатамъ; она имѣла для русской арміи одинъ почетный исходъ, не оправдавъ ожиданій императора Николая. Покореніе Браилова и Варны, вмѣстѣ съ удержаніемъ Праводъ и Базарджика, могло только обезпечить открытіе въ 1829 году новой кампаніи, благопріятный исходъ которой привелъ бы насъ къ желанному миру, и позволило бы кончить: «cette guerre odieuse», какъ называлъ эту войну императоръ Николай въ своей перепискѣ съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ.

Между тѣмъ духъ турецкой арміи и рѣшимость оттоманскаго правительства возвысились послѣ неудачныхъ дѣйствій нашихъ войскъ противъ Шумлы и Силистріи, а также поздняго паденія Варны. Громадныя же потери среди русской арміи отъ болѣзней [1]), соединенныя съ утратою почти всѣхъ лошадей, независимо отъ частныхъ неудачъ, испытанныхъ арміею Витгенштейна въ открытомъ полѣ, должны были вселить въ Константинополѣ надежду на успѣшное продолженіе борьбы, начавшейся въ 1828 году при крайне неблагопріятной для Порты обстановкѣ. Уже одно то обстоятельство, что султанъ Махмудъ, безъ всякой посторонней помощи, не погибъ въ единоборствѣ съ такимъ противникомъ, какимъ являлась Россія, должно было поднять значеніе Турціи въ глазахъ европейскихъ державъ и обрадовать всѣхъ нашихъ западныхъ недоброжелателей.

Менѣе благопріятно для Оттоманской Порты сложилась кампанія на азіатскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Покореніе Карса и Ахалцыха покрыло славою графа Паскевича, обезпечивая за нимъ достиженіе столь же блестящихъ успѣховъ въ 1829 году.

Императоръ Николай немедленно занялся самымъ важнымъ въ то время для Россіи дѣломъ: реорганизаціей дѣйствующей арміи и подго-

---

[1]) 15-го декабря 1828 года въ госпиталяхъ дѣйствующей на Балканскомъ полуостровѣ арміи числилось 23.787 человѣкъ больныхъ, между тѣмъ какъ въ іюлѣ въ нихъ находилось 11.315 человѣкъ, слѣдовательно, въ полгода число больныхъ возросло вдвое.

*

товленіемъ средствъ для продолженія войны. Но ко всѣмъ этимъ заботамъ, чисто военнаго характера, присоединились еще политическія соображенія: какимъ образомъ отнесется Европа къ событіямъ на Балканскомъ полуостровѣ.

При всей враждебности къ Россіи, мнѣнія западно-европейскихъ державъ, относительно исхода борьбы Россіи съ Турціей, расходились между собою. Неудачи наши возбудили прежде всего ликованіе въ Вѣнѣ; Турціи пророчили въ будущемъ побѣду. Канцлеръ «l'ami Metternich», по выраженію императора Николая, считалъ положеніе Россіи крайне затруднительнымъ; воображенію его представлялась уже картина русскихъ войскъ, тѣснимыхъ турками и доведенныхъ до печальной необходимости искать убѣжища на трансильванской территоріи. Изреченіе, встрѣчающееся въ перепискѣ того времени: «le jour ou un cabinet prononcera le mot de coalition s'étonnera de la trouver tout prête», представляло извѣстную долю правды [1]). Недавно еще Европу пугали русскимъ исполиномъ; теперь этого исполина хотѣли изобразить карликомъ. Положеніе русской арміи стали сравнивать съ отступленіемъ французовъ въ 1812 году. Неудивительно, что при существованіи подобныхъ несбыточныхъ надеждъ Меттерниха ласкалъ себя увѣренностію, что вскорѣ ему представится случай разыграть роль посредника, чтобы явиться рѣшителемъ судебъ Востока. Для обезпеченія за собою подобнаго торжества вѣнскій кабинетъ призналъ даже полезнымъ поддерживать Порту въ ея рѣшеніи продолжать борьбу съ Россіею.

Вообще же, за исключеніемъ обычнаго коварства со стороны Австріи, по отношенію къ нашимъ восточнымъ дѣламъ, случайное сочетаніе политическихъ созвѣздій намъ благопріятствовало; неудачи же наши на Балканскомъ полуостровѣ какъ бы поддерживали это счастливое сочетаніе. Посолъ нашъ при французскомъ дворѣ, графъ Поццо-ди-Борго, прекрасно формулировалъ причину подобнаго явленія въ слѣдующихъ словахъ: «Смѣлость и мѣры правительствъ, враждебныхъ намъ или завистливыхъ, будутъ всегда въ противоположномъ отношеніи къ идеѣ, которую онѣ составятъ себѣ о нашемъ могуществѣ».

Въ виду роковой необходимости продолжать борьбу съ Портою для нанесенія ей болѣе рѣшительныхъ ударовъ и достиженія такимъ путемъ желаемаго мира, приходилось государю, прежде всего, подумать о

---

[1]) Военно-Ученый Архивъ, Отд. 2. № 4.445. Недружелюбное къ намъ отношеніе Австріи не подлежало сомнѣнію, но оно сопровождалось не пролитіемъ крови, но только однихъ чернилъ. Трудно было подвинуть императора Франца къ какимъ-либо воинственнымъ предпріятіямъ — монарха, остроумно замѣтившаго русскому послу: „Mon empire est comme une maison vermoulue; si on veut en démolir une partie, on ne peut prevoir combien d'autres on en fera crouler".

выборѣ новаго главнокомандующаго и обновленіи личнаго состава штаба арміи, предназначенной дѣйствовать въ 1829 году на Балканскомъ полуостровѣ.

Выше было уже не разъ указано на зависимое положеніе, въ которое былъ поставленъ фельдмаршалъ графъ Витгенштейнъ во время всего похода. Рядомъ съ нимъ возсѣдала власть какъ бы другаго негласнаго главнокомандующаго, въ лицѣ начальника главнаго штаба его императорскаго величества, графа Дибича, который все время находился въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ государемъ, велъ помимо фельдмаршала обширную по дѣламъ арміи переписку и руководилъ ходомъ операцій вполнѣ самостоятельно, будучи уполномоченъ на то высочайшимъ довѣріемъ. О настоящемъ главнокомандующемъ, графѣ Витгенштейнѣ, въ счастливую пору войны 1828 года, обыкновенно какъ бы забывали; онъ вполнѣ стушевывался передъ всепоглощающимъ авторитетомъ графа Дибича. Только неудачи и затрудненія, проявившіяся во время безцѣльнаго Шумлинскаго сидѣнія, заставляли вспоминать о лицѣ оффиціально отвѣтственнаго главнокомандующаго [1]). Укоры сыпались тогда на голову несчастнаго старца, клястицкія лавры котораго уже сильно поблекли еще съ 1813 года, послѣ Люцена и Бауцена. «Tenez tête à votre vieux maréchal et employez m o n n o m quand on ne vous obéit pas»,—писалъ 27-го августа (8-го сентября) императоръ Николай Дибичу, но просьба главнокомандующаго объ увольненіи, заявленная послѣ неудачныхъ ѣлъ подъ Шумлою, тѣмъ не менѣе не была уважена. Въ другомъ письмѣ къ Дибичу государь еще болѣе рѣзко выразился насчетъ графа Витгенштейна, сказавъ: «вообще глупость и безпечность фельдмаршала проглядываютъ во всемъ, и ваша болѣзнь, любезный другъ, открыла ему совершенный просторъ для полнаго обнаруженія своей неспособности [2]).

Послѣ паденія Варны и отъѣзда государя изъ арміи въ Россію, фельдмаршалъ возобновилъ свою просьбу объ увольненіи, испрашивая соизволеніе на отъѣздъ въ Подольскую губернію, по отправленіи войскъ на зимовыя квартиры [3]).

---

[1]) Такъ напримѣръ 9-го (21-го) сентября 1828 года императоръ Николай писалъ графу Дибичу: „Voilà un nouvel échantillon de l'insouciance du maréchal“. Въ то время оказалось, что въ Каворнѣ имѣются только 500 четвертей сухарей; виновникомъ этого непріятнаго открытія оказался, конечно, главнокомандующій.

[2]) Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 14-го (26-го) августа 1828 года. Въ это время государь собирался отправиться въ Николаевъ. („Военно-Ученый Архивъ“. Отд. 2. № 2757[б]).

[3]) Всеподданнѣйшее письмо фельдмаршала графа Витгенштейна отъ 5-го (17-го) октября 1828 года, изъ Варны:

„Всемилостивѣйшій государь. Имѣвъ счастіе удостоиться всемилостивѣй-

Просьба графа Витгенштейна была опять отклонена; онъ удостоился получить изъ Петербурга рескриптъ слѣдующаго содержанія, помѣченный 11-мъ (23-мъ) ноября 1828 года:

«Графъ Петръ Христіановичъ! съ крайнемъ прискорбіемъ усмотрѣлъ я изъ письма вашего, отъ 5-го октября, намѣреніе ваше оставить командованіе дѣйствующею арміею. Предводительствуя оною въ продолженіе кампаніи столь трудной, какова настоящая, подвергаясь вліянію климата вреднаго и всѣмъ тягостямъ военнымъ, вы стяжали несомнѣнныя права на живѣйшую мою признательность и многими опытами вновь доказали, сколь полезна отечеству усердная ваша служба. По сему убѣдительно прошу васъ сохранить начальство надъ ввѣренною вамъ арміею и не оставлять оной даже временно, доколѣ не расположите войскъ на зимнія квартиры, не возстановите въ оныхъ частей, разстроенныхъ въ продолженіе настоящей кампаніи, не обезпечите успѣшнаго открытія будущей. Вы не отклоните отъ себя исполненіе сего моего желанія и новымъ доказательствомъ постояннаго усердія вашего къ отечеству и личной ко мнѣ привязанности пріиму служеніе ваше; но если, совершивъ труды, въ продолженіе зимы вамъ предстоящіе, вы почувствуете необходимость возвратиться въ кругъ вашего семейства на мѣсяцъ или на шесть недѣль, не слагая съ себя, впрочемъ, командованія арміею, то я охотно на сіе соглашаюсь, оставаясь въ совершенной увѣренности, что, собравъ временнымъ отдохновеніемъ новыя силы, вы съ полною готовностію возвратитесь къ исполненію предначертаній моихъ для будущей кампаніи. Пребываю къ вамъ навсегда доброжелательнымъ».

По полученіи рескрипта, столь милостиво выражавшаго волю государя, графу Витгенштейну оставалось только благодарить и съ покор-

---

шего вашего императорскаго величества рескрипта, въ 2-й день сего октября послѣдовавшаго, копмъ ввѣряются моему попеченію всѣ войска дѣйствующей арміи, чувствую въ полной мѣрѣ столь высокомонаршія для меня милость и довѣріе. Но съ особеннымъ прискорбіемъ долженъ признаться, что, при всемъ желаніи моемъ оправдать оныя усердіемъ и рвеніемъ къ службѣ, чувствую себя не въ состояніи того исполнить, ибо ваше императорское величество изволите быть извѣстны, что въ продолженіе настоящей кампаніи я имѣлъ неоднократно лихорадочные припадки, которые при нынѣшнемъ осеннемъ времени и по здѣшнему климату вновь начинаютъ оказываться. А потому предположивъ, при всей слабости моего здоровья, отправиться по окончаніи дѣлъ, къ Силистріи для скорѣйшаго, если Богъ поможетъ, покоренія оной нашему оружію, и по отправленіи войскъ на зимовыя квартиры, осмѣливаюсь всеподданнѣйше испрашивать всемилостивѣйшаго вашего императорскаго величества соизволенія на отъѣздъ мой въ Подольскую губернію". (Военно-Ученый Архивъ. Отд. 2, № 4445).

ностію продолжать нести почетное бремя, обратившееся для него уже въ терновый вѣнецъ [1]).

Въ половинѣ декабря графъ Дибичъ пріѣхалъ изъ арміи въ Петербургъ. Для полнаго разъясненія обстоятельствъ, сопровождавшихъ возвращеніе въ столицу начальника главнаго штаба, необходимо обратиться нѣсколько назадъ.

Послѣ пріѣзда императора Николая изъ Варны, государь приступилъ въ письмахъ къ графу Дибичу къ обсужденію условій будущей кампаніи противъ турокъ. Первоначально они обрисовывались государю въ слѣдующемъ видѣ: онъ признавалъ невозможнымъ удержать фельдмаршала на мѣстѣ главнокомандующаго, въ виду выраженнаго имъ положительнаго желанія отказаться отъ командованія арміею; но, конечно, отъѣздъ его долженъ будетъ послѣдовать не ранѣе расположенія арміи на зимнихъ квартирахъ. «Проѣзжая черезъ Могилевъ,—писалъ императоръ Николай графу Дибичу, 16-го (28-го) октября,—я видѣлся съ добрымъ старикомъ Сакеномъ (le bon vieux Sacken), и я опасаюсь, что слабость воспрепятствуетъ ему принять то новое назначеніе, которое вообще вполнѣ соотвѣтствуетъ моимъ желаніямъ; пока Ланжеронъ можетъ оставаться, какъ старѣйшій изъ генераловъ, безъ титула, командующимъ войсками въ Молдавіи, а Ротъ въ Болгаріи; если же нельзя будетъ избѣжать второй кампаніи, то мнѣ придется возвратиться, и тогда я буду лично командовать, имѣя подъ своимъ начальствомъ Ланжерона». Относительно плана будущей кампаніи государь, подъ вліяніемъ, конечно, недавнихъ событій полагалъ полезнымъ не переходить Балканъ, находя, что здравый смыслъ и благоразуміе настоятельно требуютъ оставить всякую о томъ мысль. Признавалось достаточнымъ удержать за нами то, что было покорено, и затѣмъ овладѣть тѣми пунктами, которые еще не находились въ нашей власти [2]). Слѣдовательно, вторая кампанія должна была привести къ постепенному занятію одной линіи Дуная, то-есть къ плану кампаніи, примѣненному уже

---

[1]) 20-го ноября (2-го декабря) 1828 года графъ Витгенштейнъ писалъ императору Николаю изъ Яссъ:

„Всемилостивѣйшій государь! Удостоясь получить всемилостивѣйшій рескриптъ вашего императорскаго величества отъ 11-го сего ноября мѣсяца и посвятивъ себя безусловно на службу вашу, государь, мнѣ не остается ничего болѣе какъ превозмочь недуги мои и исполнить священную волю вашего императорскаго величества, оставаясь при арміи, доколѣ силы мои дозволятъ и пока ваше императорское величество изволите найти, что могу еще быть полезнымъ вамъ и отечеству“.

[2]) Тѣ же мысли императоръ Николай высказалъ въ разговорѣ съ принцемъ Евгеніемъ Виртембергскимъ, въ ноябрѣ 1828 года. „Обстоятельства и политика требуютъ пока однѣхъ оборонительныхъ мѣръ“, — сказалъ ему государь.

однажды съ такимъ неуспѣхомъ во время Семилѣтней войны съ Турціею въ царствованіе императора Александра (съ 1806 по 1812 годъ). «Этотъ планъ кампаніи,—писалъ императоръ Николай,—докажетъ всему міру, что мы продолжаемъ дѣло не какъ завоеватели, но какъ подобаетъ благоразумнымъ и осмотрительнымъ людямъ, преслѣдующимъ планъ, который можетъ привести насъ къ большимъ результатамъ».

Въ такомъ же духѣ императоръ Николай писалъ графу Паскевичу 15-го (27-го) ноября:

«Опыты настоящей кампаніи въ Европейской Турціи показали, съ какими затрудненіями и пожертвованіями, по естественному положенію и состоянію сего края, сопряжены въ ономъ отдаленныя предпріятія. Сюда наиболѣе принадлежатъ разрушительныя дѣйствія вреднаго здоровью климата и совершенный недостатокъ мѣстныхъ способовъ къ удовлетворенію потребностей многочисленной арміи, болѣе еще увеличивающейся по чрезвычайнымъ трудностямъ, съ коими перевозки и доставки всякаго рода сопровождаются. По симъ соображеніямъ, и, въ особенности по видамъ нынѣшняго состоянія Европы, я предполагаю въ продолженіе будущей кампаніи вести за Дунаемъ войну болѣе систематическую, нежели наступательную; ограничиться овладѣніемъ Силистріи, Журжи и другихъ крѣпостей, оставшихся доселѣ въ рукахъ турокъ на рѣкѣ сей, стать на оной твердой ногою и съ сего основанія дѣлать демонстраціи къ сторонѣ Бургаса, и, смотря по обстоятельствамъ, отъ сего рода войны перейти къ дѣйствіямъ болѣе наступательнымъ, ежели, по соображеніи силъ и движеній непріятеля, въ открытомъ полѣ представится тому благопріятный случай».

Для выполненія подобнаго плана кампаніи, графъ Витгенштейнъ признавался вполнѣ способнымъ, и предположено его не трогать.

Графъ Дибичъ, съ своей стороны, одобрилъ всѣ предположенія государя относительно обреченія арміи на атаку дунайской оборонительной линіи, предполагая только предварительно при открытіи кампаніи овладѣть, во что бы то ни стало, Шумлою—при помощи штурма! Затѣмъ уже графъ находилъ возможнымъ спокойно приступить къ покоренію дунайскихъ крѣпостей. «Это движеніе главныхъ силъ вполнѣ оборонительное и даже до нѣкоторой степени отступательное,—писалъ въ заключеніе Дибичъ государю,—доказало бы самымъ очевиднымъ образомъ наши миролюбивыя намѣренія и выяснило бы принятую систему дѣйствій» [1]).

Но въ то время, когда графъ Дибичъ разсуждалъ такимъ образомъ, полагая, что дѣйствуетъ согласно мыслямъ государя, въ Петербургѣ произошелъ переворотъ въ мнѣніяхъ насчетъ плана будущей кампаніи,

[1]) Военно-Ученый Архивъ. Отд. II, № 4445.

произведенный со стороны, отъ которой никто ничего подобнаго не ожидалъ.

Генералъ-адъютантъ И. В. Васильчиковъ обратился къ императору Николаю съ прямодушною рѣчью честнаго солдата и представилъ государю записку, заключавшую въ себѣ самую безпощадную критику всего совершившагося въ 1828 году на европейскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій противъ Турціи. Записка Васильчикова, носящая заглавіе: «Aperçu sur la campagne de 1828», настолько важна и поучительна, что необходимо познакомиться съ ея содержаніемъ прежде, чѣмъ приступить къ дальнѣйшему изложенію событій этого времени.

Н. Шильдеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо императора Павла ландъ-графу Гессенъ-Дармштадскому о бракосочетаніи великой княжны Александры Павловны [1]).

29-го октября 1799 г. Гатчино.

Свѣтлѣйшій ландъ-графъ, дружебно-любезный свойственникъ! Съ чувствительнымъ порадованіемъ спѣшимъ мы увѣдомить вашу свѣтлость и любовь о совершившемся сего октября 19-го числа въ городѣ Гатчинѣ по благословенію Всевышняго, торжественномъ бракосочетаніи любезнѣйшея дщери нашея, ея императорскаго высочества, великія княжны Александры Павловны съ его королевскимъ высочествомъ эрцъ-герцогомъ австрійскимъ, палатиномъ венгерскимъ Іосифомъ, братомъ его величества императора и короля. Будучи увѣрены о дружественныхъ вашихъ къ намъ расположеніяхъ, ни мало не сумнѣваемся, что вы о семъ такъ для насъ радостномъ происшествіи съ особливымъ удовольствіемъ извѣститесь и пожелате новобрачнымъ всевозможнаго благоденствія. Впрочемъ увѣряя васъ о нашемъ къ вамъ и княжескому вашему дому непремѣнномъ благоволеніи, пребываемъ на всегда, вашей свѣтлости и любви дружебно-охотный Павелъ.

Скрѣпилъ: Графъ Ростопчинъ.

Его свѣтлости и любви ландъ-графу Гессенъ-Дармштадскому.

Сообщилъ протоіерей Алексѣй Мальцевъ.

Берлинъ 11 (24) ноября 1900 г.

---

[1]) Изъ коллекціи „Братскаго Музея“ близъ Берлина.

Воспоминанія протоіерея І. І. Базарова [1].

Настали темные, тяжелые дни...

С в о и болѣзни, недуги людей милыхъ, холодъ и мракъ старости. Все, что ты любилъ, чему отдавался безвозвратно—никнетъ и разрушается. Подъ гору пошла дорога!

Что же дѣлать? Скорбѣть? Горевать? Ни себѣ, ни другимъ ты этимъ не поможешь!..

На засыхающемъ, покорбленномъ деревѣ листъ мельче и рѣже, но зелень его та же.

Сожмись и ты, уйди въ себя, въ свои воспоминанья, и тамъ, глубоко-глубоко, на самомъ днѣ сосредоточенной души, твоя прежняя, тебѣ одному доступная, жизнь блеснетъ передъ тобой своей пахучей, все еще свѣжей зеленью и лаской и силой весны!

Но будь остороженъ!.. Не гляди впередъ, бѣдный старикъ.

„Старикъ"—И. С. Т у р г е н е в а.

I.

Назначеніе І. І. Базарова священникомъ въ Висбаденъ.—Путь до Франкфурта.—Посланникъ при Германскомъ союзѣ Убри.—Бибрихъ—резиденція герцога нассаускаго.—Положеніе нашего духовенства за границею.—Церковь въ Висбаденѣ.—Кончина великой княгини Елисаветы Михайловны.—В. А. Жуковскій и его бесѣды съ авторомъ записокъ.—Н. В. Гоголь.—Князь А. А. Суворовъ.—Князь А. М. Горчаковъ.—Общественная жизнь въ Германіи.—Артистъ Гольцъ.—Д. Н. Блудовъ.—А. Н. Муравьевъ.—Русскіе за границей.—Полковникъ Кублицкій.

Въ 1843 году, по окончаніи курса въ С.-Петербургской духовной академіи, былъ я опредѣленъ преподавателемъ русской словесности въ Петербургскую духовную семинарію. Но на первой же лекціи мнѣ подали письмо отъ протопресвитера Бажанова, которымъ онъ приглашалъ меня явиться къ нему въ тотъ же день. Здѣсь мнѣ было сдѣлано совершенно неожиданное предложеніе поступить въ Висбаденъ духовникомъ къ великой княгинѣ Елизаветѣ Михаиловнѣ, выходившей замужъ за герцога Нас-

[1] Иванъ Ивановичъ Базаровъ писалъ свои „Воспоминанія" по желанію королевы Виртембергской Ольги Николаевны, духовникомъ которой онъ былъ болѣе 40 лѣтъ. Ред.

саускаго. Странно! послѣ окончанія курса въ академіи, когда студенты раздумываютъ, куда кого занесетъ судьба, я слышалъ, какъ одинъ изъ моихъ товарищей говорилъ о какомъ-то мѣстѣ въ Висбаденѣ. Я такъ мало обратилъ тогда на это вниманія, что мнѣ казалось дикимъ, какъ можно мечтать о подобномъ мѣстѣ въ какомъ-то столь неизвѣстномъ городѣ, котораго и имени мы никогда не слыхали даже при изученіи географіи. Но судьбы Божіи не про насъ писаны, и мнѣ пришлось начать именно съ этого, дотолѣ невѣдомаго, города свою долгую заграничную службу.

Въ жизни молодаго кандидата на священство не малую, если не главную, роль играетъ вступленіе въ бракъ предъ посвященіемъ, и какъ нерѣдко можно встрѣтить такого рода положенія, что молодой юноша, застигнутый врасплохъ кандидатурою на священство, принужденъ бываетъ бѣгать по городу и искать невѣсты! Конечно, онъ всегда ее и находитъ, такъ какъ въ семьяхъ духовныхъ нѣтъ недостатка въ дочеряхъ, которыя, въ свою очередь, тоже врасплохъ дѣлаются невѣстами. Я, слава Богу, не былъ въ такомъ положеніи. У меня въ виду была уже невѣста, но я былъ еще слишкомъ молодъ, чтобы думать о женитьбѣ. Я былъ радъ и счастливъ, что получилъ мѣсто въ Петербургѣ, гдѣ я думалъ послужить, поогляднться послѣ 4-хъ лѣтъ заключенія въ стѣнахъ академіи. Но вотъ вдругъ и неожиданно является предложеніе поступить на мѣсто, очень почетное для молодаго человѣка, на мѣсто духовника высочайшей особы, при томъ такого рода предложеніе, отъ котораго нельзя было отказаться безъ уважительной причины. В. Б. Бажановъ говорилъ мнѣ:

— Великая княгиня Елена Павловна желаетъ выбрать священника къ своей дочери изъ молодыхъ кандидатовъ богословія, въ той мысли, что молодой священникъ скорѣе привыкнетъ къ новой жизни за границею. Ея высочество поручила мнѣ избрать подходящаго кандидата. Я васъ знаю лично и потому предложилъ васъ.

Что на это отвѣчать бѣдному молодому кандидату на священство? Первая мысль у него при этомъ: «но вѣдь жениться надо!» И дѣйствительно, это былъ мой первый отвѣтъ на предложеніе Бажанова. На это онъ мнѣ сказалъ:

— Великая княгиня и объ этомъ подумала и предлагаетъ одну изъ воспитанницъ своего института (которая потомъ поступила въ камеръ-фрау къ великой княгинѣ Елизаветѣ Михайловнѣ); впрочемъ, это предложеніе не обязательно.

На это я отвѣтилъ, что имѣю въ виду одну невѣсту, и что если родители ея согласятся отпустить ее за границу, то я приму предложенное мнѣ мѣсто, въ противномъ случаѣ я отказываюсь отъ него. На рѣшеніе этого жизненнаго вопроса мнѣ дано было сроку 24 часа. На дру-

гой день въ этотъ часъ я долженъ былъ дать отвѣтъ: да или нѣтъ. Между тѣмъ, моя, такъ называемая, невѣста вовсе и не знала о моихъ видахъ на нее. Если она мнѣ и нравилась, то я имѣлъ въ виду, оставшись на службѣ въ Петербургѣ, напередъ познакомиться съ нею и только со временемъ и при томъ увѣрившись въ ея расположеніи ко мнѣ, сдѣлать ей предложеніе. И вотъ, вдругъ я очутился почти въ положеніи молодаго кандидата на священство, ищущаго себѣ невѣсту на завтра! Первымъ моимъ дѣломъ было отправиться къ моимъ друзьямъ, братьямъ моей невѣсты, и разсказать имъ посѣтившее меня испытаніе такъ внезапно рѣшить участь цѣлой моей жизни. Пока дѣло шло о мѣстѣ въ Висбаденѣ, всѣ они единодушно совѣтовали мнѣ не думая принять его, но когда коснулось дѣло невѣсты, и когда я объяснилъ имъ, что буду просить руки сестры ихъ, всѣ они примолкли, и только одинъ изъ нихъ взялся разузнать на этотъ счетъ мысли ихъ родителей, а также и согласіе самой невѣсты. Такъ какъ было уже поздно, то мнѣ обѣщали дать отвѣтъ на другой день до истеченія даннаго мнѣ 24-хъ часоваго срока.

И до сихъ поръ памятны мнѣ эти часы ожиданія, въ продолженіе которыхъ рѣшалась судьба моя. Что было бы изъ меня, если бы, получивъ отказъ со стороны семейства, въ которомъ я думалъ найти себѣ невѣсту, я отказался и отъ мѣста въ Висбаденѣ! Конечно, я остался бы въ Петербургѣ, пустился бы въ свѣтъ съ увлеченіемъ молодаго человѣка, только-что вырвавшагося на волю изъ строгаго по тогдашнему времени заключенія въ стѣнахъ академіи, и кто знаетъ, не попалъ ли бы я, по примѣру моихъ двоихъ товарищей, въ свѣтскую службу, къ которой я имѣлъ больше наклонности, чѣмъ къ духовной? Одинъ изъ этихъ товарищей, мой большой пріятель, поступилъ на службу въ военное министерство, гдѣ этому магистру богословія поручили на первый разъ дѣло о переформированіи башкирскаго войска. Конечно, это показалось ему темнымъ и непроходимымъ лѣсомъ, вслѣдствіе чего онъ перемѣнилъ родъ службы и попалъ въ морское министерство. Здѣсь, сдѣлавшись начальникомъ отдѣленія, онъ, по собственнымъ словамъ его, не умѣлъ отличить клипера отъ фрегата, но тѣмъ не менѣе дослужился въ этомъ самомъ министерствѣ до чина тайнаго совѣтника. Быть можетъ, и мнѣ пришлось бы прилагать свои богословскія знанія къ обмундированію башкирскаго войска или къ оснасткѣ клиперовъ и фрегатовъ. Но Богъ спасъ меня отъ этой несообразности въ жизни и поставилъ меня на путь, на которомъ я долженъ былъ послужить Ему съ большею пользою какъ для блага ближнихъ, такъ и для собственнаго. Когда теперь, на закатѣ жизни, я оглядываюсь назадъ, я сознаю ясно пути Провидѣнія не только въ устроеніи моей служебной дѣятельности, но и въ направленіи моей внутренней жизни. Въ такомъ юномъ возрастѣ (мнѣ было тогда 24 года) я не чувствовалъ никакого призванія

къ духовному званію и не имѣлъ никакого понятія о важности священническаго сана. Напротивъ того, мнѣ улыбалась тогда жизнь со всѣми прелестями свободы, и нужно было забросить мнѣ такую удочку, какъ занимавшее меня тогда чувство къ моей невѣстѣ, чтобы поймать меня въ сѣть, изъ которой не было больше выхода на цѣлую жизнь; и эту удочку забросило благое Провидѣніе, и эта сѣть сдѣлалась для меня благомъ жизни, за которое я долженъ благословлять десницу Вышняго.

За нѣсколько часовъ до истеченія назначеннаго мнѣ срока является ко мнѣ мой будущій шуринъ и сватъ со словами:

— Поѣзжайте къ Бажанову съ изъявленіемъ согласія на принятіе мѣста. Все устроено по вашему желанію!

Итакъ, судьба моя была рѣшена! Я женюсь, дѣлаюсь священникомъ и ѣду за границу!

Свадьба великой княгини была въ половинѣ января 1844 года, и въ февралѣ она уже уѣхала съ своимъ супругомъ за границу. Моя же свадьба состоялась только въ концѣ января, а посвященіе уже въ апрѣлѣ. Отправленіемъ насъ съ причтомъ и пѣвчими на мѣсто нашего служенія почему-то не спѣшили. Въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, откуда мы собственно отправлялись къ миссіи нашей во Франкфуртъ къ открывавшейся тамъ церкви, которая тутъ же назначена была считаться въ откомандировкѣ въ Висбаденѣ, все было готово къ нашему отправленію. Поэтому въ іюлѣ я явился къ секретарю великой княгини Елены Павловны съ вопросомъ, можемъ ли мы наконецъ отправиться въ путь, на что онъ отвѣтилъ, что конечно намъ пора ѣхать. Вслѣдствіе этого я взялъ мѣста для себя съ женою и двоихъ псаломщиковъ на одномъ изъ почтовыхъ пароходовъ, ходившихъ тогда еженедѣльно между Петербургомъ и Штетиномъ, и отправился въ Павловскъ, чтобы откланяться ихъ высочествамъ великому князю Михаилу Павловичу и великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Но каково было мое изумленіе, когда великая княгиня пришла въ негодованіе отъ этой нашей рѣшимости ѣхать на почтовомъ пароходѣ. Напрасно я ссылался на то, что секретарь ея высочества уполномочилъ меня взять билеты на пароходъ и увѣрилъ, что великая княгиня ничего не имѣетъ противъ этого.

— Да я его и въ глаза не видала эти дни! былъ на это отвѣтъ ея высочества.

Но какъ нечего было дѣлать, меня отпустили благосклонно, давши порученіе къ молодой великой княгинѣ въ Висбаденъ. Тамъ я узналъ причину этого негодованія великой княгини. Съ приданнымъ великой княгини Елизаветы Михайловны отправился фрегатъ въ Голландію, откуда эти вещи должны были быть доставлены по Рейну въ Бибрихъ. На этомъ фрегатѣ должны были отправиться и церковь и причтъ. И дѣйствительно, трое пѣвчихъ были посажены на этотъ фрегатъ и вы-

держали сильную бурю въ Нѣмецкомъ морѣ. Мы же имѣли благополучный переѣздъ до Штетина и пріѣхали, конечно, гораздо раньше къ мѣсту нашего назначенія.

Первый нѣмецкій городъ, который мы видѣли, былъ Берлинъ. Но онъ не произвелъ на насъ никакого впечатлѣнія, особенно послѣ Петербурга. За то мы пришли въ восторгъ отъ Дрездена съ его старинными закоптѣлыми домами, съ его готическими церквами и его брюлевскою террасою, на которой мы въ первый разъ наблюдали, какъ нѣмки съ вязаньемъ чулокъ за стаканомъ пива наслаждались прекрасною музыкою и прелестнымъ видомъ на Эльбу и ея живописныя окрестности. До Лейпцига мы доѣхали по желѣзной дорогѣ, но отсюда до Франкфурта надо было ѣхать на почтовыхъ.

Первою замѣчательною для насъ станціею на пути къ нашей новой жизни былъ городъ Веймаръ. Тамъ въ это время жила родная моей женѣ семья Сабининыхъ. Уже въ то время довольно пожилой протоіерей Сабининъ произвелъ на меня странное впечатлѣніе русскаго священника, переродившагося и по фигурѣ и по костюму въ нѣмецкаго пастора. Къ тому же въ семьѣ его всѣ говорили по-нѣмецки, а младшія изъ дѣтей даже не понимали по-русски. Помню, какъ теперь, одну семейную сцену по этому поводу. Возбужденный нашимъ нескрываемымъ удивленіемъ при видѣ такой странности, почтенный старецъ начиналъ жаловаться и упрекать жену свою за то, что о н а пріучила дѣтей говорить только по-нѣмецки, и тутъ же, лаская своего маленькаго сынка, обращался къ нему съ такими словами: «komm, mein guter Andreas, komm zu mir!» Видно было, что они всѣ до такой степени вжились въ нѣмецкую жизнь, что сами не замѣчали того, какъ впадали въ нѣмецкій говоръ. Все это насъ тогда чрезвычайно изумляло, а когда о. Сабининъ сказалъ, что онъ уже 24 года живетъ за границею, я пришелъ тогда въ ужасъ отъ одной мысли о возможности прожить столько лѣтъ внѣ Россіи. А теперь, когда я пишу эти строки, идетъ уже 38-й годъ моей службы за границею. Еслибы тогда кто-нибудь предсказалъ мнѣ этотъ длинный срокъ, я, кажется, вернулся бы съ дороги назадъ. Такъ это тогда казалось дикимъ и невозможнымъ. И надо здѣсь еще замѣтить, что эта столь долгая жизнь моя за границею вовсе не была добровольна. Напротивъ, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго разсказа, не разъ принималась рѣшимость воротиться на службу въ отечество, и каждый разъ обстоятельства слагались такъ, что не только нельзя было оставить своего поста, но даже возлагались новыя обязанности, приковывавшія къ прежнему мѣсту служенія. Недаромъ говоритъ пословица: живи не какъ хочется, а какъ Богъ велитъ!

До Франкфурта мы доѣхали на почтовыхъ и здѣсь остановились, такъ какъ мнѣ нужно было явиться въ посольство. Въ то время послан-

никомъ при Германскомъ Союзѣ былъ старичекъ Убри, еще очень бодрый и живой. Онъ объявилъ мнѣ, что такъ какъ въ Висбаденѣ еще не готово ни помѣщеніе для церкви, ни квартира для священника и причта, то намъ придется прожить нѣсколько времени во Франкфуртѣ. Между тѣмъ, мнѣ нужно было представиться великой княгинѣ и герцогу, и Убри повезъ меня въ Бибрихъ, гдѣ находились ихъ высочества въ своемъ лѣтнемъ восхитительномъ дворцѣ. Памятны мнѣ при этомъ отеческія наставленія добраго старичка. Желая посвятить меня въ нѣмецкую жизнь, онъ взялъ для себя и для меня мѣста 2-го класса по желѣзной дорогѣ, при чемъ говорилъ, что въ 1-мъ классѣ ѣздятъ только англичане. Дорогою онъ мнѣ давалъ между прочимъ такія наставленія:

— Главнымъ образомъ берегитесь давать русскимъ деньги взаймы и Боже васъ сохрани поручиться за кого!

И дѣйствительно, при существованіи въ то время въ Висбаденѣ рулетки, эти наставленія для новичка и при томъ еще священника были вовсе не безполезны. Сколько разъ мнѣ приходилось впослѣдствіи вспоминать это предостереженіе добраго старичка, въ свою очередь, конечно, наученнаго опытомъ. Сколько бывало случаевъ, гдѣ приходилось сжиматься сердцу и дѣлать насиліе пастырской совѣсти при видѣ какого-нибудь отца семейства, проигравшагося до послѣдней копѣйки и не имѣвшаго средствъ воротиться на родину. А если и случалось отступить отъ даннаго Убри совѣта, то приходилось или дорого за это поплатиться или набраться страху, пока данное поручительство наконецъ снималось съ плечъ, болѣе или менѣе позднею уплатою долга.

Послѣ этого представленія было порѣшено, что мы можемъ переѣхать въ Бибрихъ, гдѣ намъ была отведена квартира въ одномъ изъ маленькихъ домиковъ этого маленькаго городка. Но прежде чѣмъ мы успѣли оставить Франкфуртъ, пришла горестная вѣсть о кончинѣ великой княгини Александры Николаевны и насъ позвали въ Бибрихъ для совершенія панихиды. Такимъ образомъ, первая моя служба при великой княгинѣ была траурная, какъ будто въ предвѣстіе, что мнѣ, вмѣсто того, чтобы быть духовникомъ ея высочества, придется скоро сдѣлаться священникомъ при ея надгробной церкви. Вѣсть объ этой кончинѣ, столь неожиданной, произвела глубокое впечатлѣніе на великую княгиню Елизавету Михаиловну, тѣмъ болѣе, что судьбы этихъ двухъ великихъ княженъ были такъ схожи. Обѣ онѣ выходили въ одно время замужъ, и та, и другая ожидали почти въ то же время разрѣшенія отъ бремени. Разсказываютъ, что при вѣсти объ этой смерти, великая княгиня Елизавета Михаиловна объявила, что и ее ожидаетъ та же участь.

Въ Бибрихѣ мы прожили мѣсяца два, пока въ Висбаденѣ на Рейн-

ской улицѣ отдѣлывался домъ, для помѣщенія церкви и причта, и что это было за чудное время! Прогулка въ великолѣпномъ бибрихскомъ паркѣ или по берегу Рейна, по которому безпрестанно ходили пароходы, наполненные туристами всѣхъ націй. Когда настала осень, наши пѣвчіе вздумали угостить бибрихскую публику концертомъ, составленнымъ изъ нѣсколькихъ номеровъ церковной и русской оперной музыки. Это насъ нѣсколько сблизило съ нѣмцами, которые дотолѣ смотрѣли на насъ какъ-то дико не потому, чтобы они никогда не видывали русскихъ, а потому, что мы представляли собою клиръ русской церкви, дотолѣ ими невиданный. Меня величали Herr Pastor, мою жену Frau Pastor. Сколько было толковъ, когда узнали, что я получаю по тогдашнему положенію 1.500 рублей или 3.000 гульденовъ. Въ то время въ Германіи дешевизна была страшная, и 3.000 гульденовъ было министерское жалованье. Даже псаломщики съ ихъ 500 руб. годоваго жалованья возбуждали общую зависть. Зато пѣвчіе имѣли отъ великой княгини только по 600 гульденовъ или 300 рублей жалованія, но и при этомъ жили, какъ выражались нѣмцы, какъ маленькіе принцы. И дѣйствительно, не отказывая себѣ ни въ чемъ, нѣкоторые изъ нихъ позволяли себѣ удовольствіе нанимать лошадей и ѣздить верхомъ. Была одна опасность для этихъ молодыхъ людей—это рулетка въ Висбаденѣ. Но по моему ходатайству ихъ съ самаго начала подчинили закону мѣстныхъ жителей, которые, подъ страхомъ наказанія, не смѣли даже входить въ игорныя залы. Одинъ только псаломщикъ Широкогоровъ предался этой страсти и для этого тайкомъ уѣзжалъ въ Гомбургъ, откуда нерѣдко возвращался пѣшкомъ, проигравъ тамъ все до послѣдней копѣйки, и тогда онъ запирался въ своей комнатѣ, читалъ акаѳисты (онъ былъ изъ послушниковъ не одного монастыря) и такъ до новаго полученія жалованья, когда онъ снова тайкомъ ночью отправлялся въ Гомбургъ, увѣряя и себя, и другихъ, что онъ наконецъ выиграетъ большую сумму, чего ему конечно вмѣстѣ со многими другими никогда не удавалось.

Наконецъ назначавшійся для нашего помѣщенія домъ былъ настолько готовъ, что мы могли переселиться въ Висбаденъ, но зало для церкви все еще отдѣлывалось, и потому великой княгинѣ угодно было поставить пока иконостасъ въ одной изъ залъ висбаденскаго дворца, гдѣ мы и начали службу. Но великая княгиня была не болѣе двухъ разъ въ этой церкви, а когда ее перенесли уже въ ноябрѣ въ готовое помѣщеніе въ Рейнской улицѣ, она не удостоила ея ни разу своимъ посѣщеніемъ. Дѣло въ томъ, что по мѣрѣ приближенія эпохи разрѣшенія отъ бремени, великая княгиня дѣлалась все мрачнѣе, почти никуда не выходила и лежала на кушеткѣ. При этомъ она такъ грустила по Россіи, что взятую съ собою русскую землю постоянно держала вокругъ

себя. Великая княгиня Елена Павловна, отпуская дочь свою за границу, окружила ее молодыми людьми въ томъ разсчетѣ, что всѣ они скорѣе сживутся въ новой обстановкѣ. Кромѣ молодаго священника, при ней состоялъ молодой докторъ, только-что кончившій курсъ ученія, молодая каммеръ-фрау, взятая прямо изъ института. Это имѣло ту дурную сторону, что когда настали серьезныя критическія минуты, никто изъ окружающихъ великую княгиню людей не могъ имѣть на нее никакого вліянія. Нерѣдко случалось, что приходилъ докторъ, и она высылала спросить у него, какъ его здоровье, не допуская его къ себѣ, а когда приходилъ священникъ съ просфорою послѣ обѣдни, то она только благодарила, но не принимала. Всѣ видѣли, что дѣло не въ порядкѣ, самъ герцогъ приходилъ въ отчаяніе отъ такого апатичнаго состоянія своей супруги. Она какъ будто ждала предстоящей ей кончины и не хотѣла ничего предпринимать, чтобы предупредить готовившуюся катастрофу. Такъ продолжалось до конца декабря, пока не пріѣхала присланная изъ Петербурга великой княгиней Еленой Павловной г-жа Труба, бывшая воспитательницею великой княгини Елизаветы Михаиловны. Этотъ пріѣздъ немного оживилъ великую княгиню, и всѣ вздохнули свободнѣй.

Приближались праздники Рождества Христова и новаго года. Великая княгиня Елена Павловна еще передъ отъѣздомъ моимъ изъ Россіи говорила со мною о томъ, какъ ея дочери неудобно будетъ за границею праздновать наши праздники по старому стилю, особенно, когда наша Пасха расходится съ западною на нѣсколько недѣль, и потому поручила мнѣ спросить разрѣшеніе у митрополита, не позволитъ ли онъ въ Висбаденѣ совершать всѣ наши праздники по новому стилю. Въ то время былъ митрополитомъ въ С.-Петербургѣ Антоній. Принимая отъ него благословеніе при отъѣздѣ за границу, я высказалъ ему это желаніе великой княгини. На это онъ отвѣтилъ: «такъ какъ вы будете служить тамъ при великой княгинѣ, то и дѣлайте, какъ захочетъ ея высочество». Заручившись этимъ разрѣшеніемъ, я опраздновалъ Рождество Христово 13-го декабря, новый годъ 20-го и Крещеніе 25-го декабря. Но совершенно напрасно. Великая княгиня Елизавета Михаиловна, въ послѣднее время совсѣмъ не выходившая изъ комнаты, въ церкви не была, а русскіе, проживавшіе тогда во Франкфуртѣ, между которыми были В. А. Жуковскій и князь А. А. Суворовъ, на мое извѣщеніе о томъ отвѣчали, что такъ какъ ни 13-го, ни 20-го декабря по-русски нѣтъ никакого праздника, то они и не пріѣдутъ въ эти дни въ церковь. Но 25-го декабря, когда я по новому стилю совершалъ праздникъ Богоявленія, они пріѣхали праздновать Рождество Христово. Такимъ образомъ эта попытка празднованія нашихъ праздниковъ по новому стилю совершенно оказалась неудачною, и мнѣ скоро пришлось возвратиться

назадъ въ счетѣ недѣль по Рождествѣ, чтобы попасть опять на старый стиль. Кромѣ высказаннаго русскими несочувствія къ этому нововведенію, меня заставила отступить отъ этого и вскорѣ послѣдовавшая кончина великой княгини Елизаветы Михаиловны.

16-го января 1845 года я былъ боленъ. Что у меня была за болѣзнь, я не помню, но вѣроятно начало какой-нибудь серьезной болѣзни, такъ какъ мнѣ прикладывали примочки къ головѣ и я былъ въ жару, какъ вдругъ вбѣгаетъ въ комнаты, чуть не въ самую спальню, гдѣ я лежалъ въ постели, секретарь великой княгини Мадай со словами: «скорѣй, скорѣй. Великая княгиня умираетъ!» При этомъ извѣстіи я вскочилъ съ постели, сбросивъ съ головы всякія примочки, съ трудомъ и съ помощью другихъ одѣлся и, взявъ съ собою св. дары, отправился во дворецъ. Тамъ я засталъ всѣхъ въ ужасномъ смятеніи, но, несмотря на это, всѣ обратились ко мнѣ съ вопросомъ: что со мной? Такъ я не походилъ на себя. Здѣсь я узналъ, что великая княгиня разрѣшилась мертвымъ младенцемъ женскаго пола, и что съ нею сдѣлался припадокъ падучей болѣзни. Я спросилъ у доктора, что онъ думаетъ о состояніи великой княгини. На это онъ отвѣчалъ: «дѣлайте скорѣй ваше дѣло, иначе будетъ поздно!» Тогда я облачился и вошелъ съ св. дарами къ умирающей. Я засталъ ее въ страшныхъ конвульсіяхъ и долженъ былъ уловить минуту, когда она по временамъ приходила въ сознаніе, чтобы причастить ее св. таинъ. Въ эти минуты сознанія она спрашивала о своемъ новорожденномъ дитяти, и ей говорили, что это—мальчикъ, что онъ живъ и что его принесутъ показать ей, когда она успокоится. Въ этой обманчивой увѣренности такъ и скончалась эта молодая, имѣвшая всѣ задатки счастія впереди, любимая своимъ супругомъ и высоко цѣнимая новыми подданными своими, великая княгиня, владѣтельная герцогиня нассауская. Когда она испустила послѣдній вздохъ, герцогъ съ рыданіемъ бросился ко мнѣ на грудь съ словами: «Ровно годъ тому назадъ я стоялъ съ нею подъ вѣнцомъ передъ алтаремъ».

Полный потрясающихъ впечатлѣній, я воротился домой, совсѣмъ забывъ о своей болѣзни. Да и некогда было думать о ней, такъ какъ начались панихиды у тѣла почившей, затѣмъ приготовленія къ выносу въ нашу домовую церковь, которая для этой цѣли была драпирована вся чернымъ сукномъ. При этомъ, помнится, мнѣ показался очень страннымъ вопросъ нассаускаго гофмаршала: «Какой цвѣтъ по-русски считается траурнымъ?» Такъ еще тогда была Россія для нѣмцевъ terra incognita, о которой они имѣли самыя странныя понятія. Ихъ нисколько не удивило бы, если бы имъ сказали, что въ Россіи траурный цвѣтъ розовый, а торжественный—черный. Но тутъ они видимо были довольны, что мы вмѣстѣ съ ними облекаемся въ черный цвѣтъ при общей горести, достигшей какъ ихъ, такъ и насъ. Церковь наша была скоро готова, и

*

на третій день послѣ кончины тѣло великой княгини было перенесено изъ дворца въ церковь. Церемонія эта была совершена вечеромъ при свѣтѣ факеловъ, въ сопровожденіи нашего клира въ облаченіи и съ пѣніемъ: Святый Боже. Съ этого времени въ нашей церкви совершались каждодневно панихиды надъ гробомъ усопшей почти каждый разъ въ присутствіи герцога и всего двора, а также и нашего посольства въ Франкфуртѣ, пока не приготовлено было временное помѣщеніе для тѣла въ городской протестантской церкви, гдѣ подъ органомъ устроенъ былъ родъ часовни, и гдѣ мы совершали панихиды. Переносъ тѣла въ это помѣщеніе совершенъ былъ также торжественно послѣ отпѣванія въ нашей церкви, во время котораго я сказалъ маленькую рѣчь на нѣмецкомъ языкѣ, обращенную къ герцогу.

Какъ памятный эпизодъ при составленіи этой рѣчи, приходитъ мнѣ на память мой споръ съ моимъ учителемъ нѣмецкаго языка, подъ руководствомъ котораго я сочинилъ эту рѣчь. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ я выразился такъ: unser Herr Gott Iesus Christus, онъ мнѣ вычеркнулъ слово Gott. На это я замѣтилъ ему, что прошу его только поправить мнѣ слогъ, а не мысли или вѣрованія мои, онъ мнѣ пренаивно объявилъ, что онъ только и поправляетъ слогъ мой, и что по-нѣмецки нельзя сказать: Herr Gott Iesus Christus, что это противорѣчитъ духу нѣмецкаго языка и конечно поразитъ ухо каждаго нѣмца такимъ необычнымъ выраженіемъ. Напрасно я ему доказывалъ, что здѣсь не мѣсто разсуждать о Божествѣ Іисуса Христа и что это наше богослужебное выраженіе, мой учитель стоялъ на своемъ, что такъ по-нѣмецки нельзя сказать. Это показало мнѣ, до какой степени проникъ въ плоть и кровь нѣмцевъ протестантскій раціонализмъ, не допускающій даже выраженія въ словѣ сдѣлавшейся ему чуждою идеи.

Такимъ образомъ, моя придворная служба окончилась. Началась служба приходская. Висбаденъ, какъ мѣсто водъ и рулетки, самъ по себѣ привлекалъ къ себѣ много русскихъ, но, кромѣ того, онъ находится почти въ центрѣ особенно посѣщаемыхъ водъ, какъ Швальбахъ, Шлангенбадъ, Эмсъ, Крейцнахъ, Соденъ. Для всѣхъ этихъ мѣстностей висбаденская церковь служила прибѣжищемъ молитвъ и требъ церковныхъ. Поступивъ въ Висбаденъ молодымъ священникомъ, я не имѣлъ еще случая совершать многихъ требъ церковныхъ. Первыя крестины, которыя мнѣ довелось совершить, были въ семействѣ В. А. Жуковскаго и князя А. А. Суворова, которые оба проживали въ это время во Франкфуртѣ. Помню, какъ князь Суворовъ боялся за свою маленькую дочку, чтобы молодой неопытный священникъ не утопилъ ее въ купели. По обычаю, онъ и его супруга удалились изъ комнаты, въ которой совершались крестины, и когда настала минута погружать младенца, они оба насторожили слухъ, и къ ихъ великому ужасу слышно было только плесканіе воды, но мла-

денецъ не подалъ голосу ни передъ погруженіемъ, ни послѣ того. Случилось такъ, что младенецъ спалъ и даже не проснулся при погруженіи въ теплую воду. Но несмотря на этотъ естественный страхъ, князь—русскій въ душѣ и жизни, не осмѣлился нарушить отеческаго преданія, по которому родители не присутствуютъ при крещеніи дѣтей ихъ. Когда вслѣдъ затѣмъ были у Жуковскаго крестины его новорожденнаго сына Павла и зашла рѣчь объ этомъ страхѣ присутствовавшаго при этомъ князя Суворова, Василій Андреевичъ разсказалъ очень характерный для того времени анекдотъ.

— Въ одну поѣздку съ наслѣдникомъ [1]) по Россіи,—говорилъ онъ—остановились мы въ одной деревнѣ. У священника этого села какъ разъ были крестины, и онъ просилъ чрезъ меня его высочество быть воспріемникомъ его новорожденнаго. Наслѣдникъ согласился и поручилъ мнѣ быть его представителемъ при крестинахъ. Конечно, былъ приглашенъ для этого сосѣдній священникъ. Нашъ батюшка, какъ хозяинъ, хлопоталъ вокругъ своего новорожденнаго и не замѣтилъ, какъ начался обрядъ крещенія. Но вдругъ опомнившись, онъ опрометью бросился изъ комнаты и скрылся. Послѣ крестинъ я спрашиваю его:—«Скажите, батюшка, отчего это отецъ не можетъ присутствовать при крещеніи своего ребенка?»—И что жъ, вы думаете, онъ мнѣ отвѣтилъ?—«Совѣстно, ваше превосходительство!» И Жуковскій залился при этомъ своимъ добрымъ смѣхомъ, прибавивъ:—«точно онъ напакостилъ тутъ!»

При этомъ и Суворовъ, и Жуковскій оба обратились ко мнѣ за изъясненіемъ этого непонятнаго обычая. Я отвѣчалъ, что другаго основанія для этого нельзя придумать, какъ то, чтобы при крещеніи дать болѣе значенія воспріемникамъ, которые дѣлаются, по выраженію нашего народа, крестнымъ отцемъ и крестною матерью новокрещеннаго.

Мнѣ не разъ послѣ приходилось бесѣдовать съ В. А. Жуковскимъ о подобныхъ предметахъ. Консервативный въ своихъ вѣрованіяхъ, онъ любилъ осмыслить каждое дѣйствіе, каждый обычай церковный. Для него авторитетъ церкви былъ святъ, и онъ старался держаться его даже въ такихъ вещахъ и предметахъ, которые сами по себѣ допускали свободное разсужденіе. Помню, какъ-то разъ мы разговорились съ нимъ о загробной жизни и дошли до мысли о возможности распредѣленія людей по воскресеніи по различнымъ планетамъ, какъ вдругъ онъ самъ остановилъ себя словами:—«но объ этомъ не слѣдуетъ разсуждать, когда церковь ничего намъ не сказала о томъ».

Мои воспоминанія о Жуковскомъ были напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ», и потому я не повторяю ихъ здѣсь. Припомню только одно

---

[1]) Впослѣдствіи императоромъ Александромъ II.

обстоятельство, назидательное для меня самого. Какъ первыя крестины для меня были въ домѣ Жуковскаго, такъ и первая исповѣдь, которую мнѣ пришлось совершать, была также надъ нимъ. Я не забуду, какъ меня, молодаго и неопытнаго духовника, подавлялъ собою авторитетъ этого тогда уже маститаго поэта, котораго мы изучали въ школахъ, какъ одного изъ важнѣйшихъ корифеевъ нашей отечественной литературы. Выслушавъ его глубокую, можно сказать, высоко-христіанскую исповѣдь, я не могъ ему ничего другаго сказать, какъ сознаться въ своей молодости и пастырской неопытности передъ нимъ. Въ отвѣтъ на это онъ поцѣловалъ мнѣ руку, сказавъ:—«лучше этого урока смиренія вы и не могли мнѣ преподать».

Вскорѣ мнѣ пришлось въ семействѣ же Жуковскаго познакомиться и съ другимъ нашимъ литературнымъ художникомъ Н. В. Гоголемъ. Это было время начинавшейся его нервно-нравственной болѣзни. Разъ я получилъ отъ него изъ Франкфурта записку такого содержанія: «Пріѣзжайте ко мнѣ причастить меня, я умираю». Пріѣхавъ на этотъ зовъ въ Sachsenhausen (зарѣчная сторона Франкфурта, гдѣ жилъ Жуковскій), я нахожу мнимо умирающаго на ногахъ, и на мой вопросъ, почему онъ считаетъ себя такимъ опаснымъ, онъ протянулъ мнѣ руки со словами:

— Посмотрите! совсѣмъ холодныя!

Однако, мнѣ удалось убѣдить его, что онъ совсѣмъ не въ такомъ болѣзненномъ состояніи, чтобы причащаться на дому, и уговорилъ его пріѣхать въ Висбаденъ поговѣть, что̀ онъ и исполнилъ. При этомъ случаѣ, бывши у меня въ кабинетѣ и разсматривая мою библіотеку, онъ замѣтилъ и свои сочиненія.

— Какъ! — воскликнулъ онъ чуть не съ испугомъ,—и эти несчастныя попали въ вашу библіотеку!

Это было именно то время, когда онъ раскаявался во всемъ, что̀ имъ было написано. Потомъ онъ заѣхалъ ко мнѣ по пути изъ Эмса. Разсказывая, что онъ встрѣтилъ тамъ такъ много русскихъ дамъ, сдѣлалъ замѣчаніе, что вѣрно у русскихъ женщинъ такая ужъ дрянная натура, что имъ чаще другихъ приходится отправляться въ Эмсъ на лѣченіе.

— И все это нашъ славный Петербургъ тому виною!—замѣтилъ онъ.

Случилось потомъ мнѣ и еще встрѣчать его у Жуковскаго, но онъ былъ мраченъ, почти ничего не говорилъ и больше ходилъ по комнатѣ, слушая наши разговоры.

Лѣто 1845 года князь Суворовъ провелъ съ своимъ семействомъ въ Висбаденѣ, и здѣсь съ нимъ былъ случай, о которомъ онъ любилъ разсказывать. Поспорилъ онъ за что-то съ своею прачкою. Та подала на него жалобу въ полицію, и князя Суворова присудили къ денежному штрафу.

Въ этомъ же году, 26-го августа мы обрадованы были рожденіемъ нашего первенца Александра, для крещенія котораго я просилъ пріѣхать дядю моей жены, протоіерея Сабинина, изъ Веймара. Такъ мнѣ было дико самому крестить своихъ дѣтей. Впослѣдствіи, я не только самъ крестилъ своего втораго сына, но даже исповѣдывалъ свою жену. Практика заграничной службы скоро дала себя знать. Предоставленный самому себѣ, заграничный священникъ принужденъ бываетъ рѣшать дѣла самыя затруднительныя, на которыя въ Россіи ни одинъ священникъ не рѣшился бы безъ совѣта съ мѣстнымъ владыкою или безъ разрѣшенія консисторіи. Теперь еще есть телеграфы, посредствомъ которыхъ можно выпутаться изъ бѣды, а тогда нужны были недѣли и мѣсяцы для полученія отвѣта по спѣшному дѣлу. Въ доказательство того, какъ въ то время медленно и съ какими затрудненіями велись дѣла, достаточно указать на случай перевозки тѣлъ умершихъ русскихъ въ Россію. Кромѣ долгой переписки съ русскимъ правительствомъ, нужно было заручиться разрѣшеніемъ для провоза тѣла отъ всѣхъ тѣхъ нѣмецкихъ властей, чрезъ владѣнія которыхъ долженъ будетъ совершаться перевозъ. А при тогдашнемъ раздѣленіи Германіи на множество мелкихъ государствъ, это была не шутка. Такъ, на пути отъ Франкфурта до Берлина, при отсутствіи еще желѣзныхъ дорогъ, приходилось, кромѣ территоріи этого вольнаго города, коснуться и Нассау, и Гессенъ-Гомбурга, и курфюршества Гессенскаго, и множества разныхъ саксонскихъ княжествъ; такъ что проходило полгода, пока можно было собрать разрѣшенія отъ всѣхъ этихъ самостоятельныхъ государствъ на провозъ покойника.

Большею частію приходилось имѣть дѣло съ умирающими соотечественниками въ Эмсѣ, куда нерѣдко высылали русскіе доктора больныхъ въ послѣдней степени развитія чахотки. Такъ какъ въ то время телеграфовъ еще не существовало, то нерѣдко среди ночи приходила эстафета съ приглашеніемъ къ умирающему, и надо было брать почтовыхъ, чтобы спѣшить застать еще въ живыхъ больнаго. Но нѣмецкая postchaise далеко не то, что наша перекладная. Никакой нѣмецкій почтальонъ не поторопится сдѣлать больше положенной мили въ часъ. По этому случаю припоминается мнѣ анекдотъ, случившійся къ княземъ Горчаковымъ, въ то время бывшимъ уже канцлеромъ Россійской имперіи, о которомъ онъ самъ любилъ разсказывать. Это было въ шестидесятыхъ годахъ, во время пребыванія государя въ Киссингенѣ. Князь Горчаковъ находился въ свитѣ государя. Въ Швейнфуртъ, послѣднюю станцію желѣзной дороги передъ Киссингеномъ, были высланы парадные экипажи для принятія гостей: для членовъ Императорской фамиліи придворные экипажи баварскаго короля, а для свиты нанятыя коляски съ почтовою упряжью. Для князя Горчакова поданъ былъ экипажъ,

на козлахъ котораго возсѣдалъ великолѣпный баварскій почтальонъ въ нѣжно-голубомъ костюмѣ съ серебряными позументами (баварскій національный цвѣтъ). Едва только экипажъ оставилъ станцію желѣзной дороги, какъ почтовыя лошади пошли шагомъ, по причинѣ незначительнаго подъема. Князь, недовольный такою невнимательностью къ своей особѣ, попросилъ своего спутника (кажется, Гамбургера) сказать кучеру, чтобы онъ ѣхалъ скорѣе. Но тотъ, несмотря на то, что зналъ, какую знатную особу везетъ, преспокойно обернулся въ полъ-оборота къ своимъ пассажирамъ съ словами: «Haben Sie Eile? Ich habe keine»! и, соскочивъ съ козелъ, пошелъ рядомъ съ лошадьми, чтобы облегчить имъ подъемъ на пригорокъ.

Въ этомъ анекдотѣ характеризуется весь строй соціальной жизни нѣмцевъ, для которыхъ законъ, какъ дѣло, выше всякихъ отношеній къ личности, какъ формальности. Я разъ былъ также пораженъ, когда одинъ простой Postknecht бросилъ шапку на землю съ словами: «послѣ этого я не хочу жить на свѣтѣ», оттого только, что станціонный смотритель потребовалъ отъ него какого-то незначительнаго отступленія отъ правилъ упряжи почтовыхъ лошадей. Мы, русскіе, съ своей широкой натурой, смотримъ съ ироническимъ состраданіемъ на эту узкость нѣмецкаго характера, а между тѣмъ на этой мелочности уваженія къ закону зиждется такъ прочно гражданскій строй жизни въ Германіи.

Въ самомъ Висбаденѣ приходилось имѣть дѣло только съ русскими, наѣзжавшими туда не столько для лѣченія, сколько для развлеченія. Припоминаю одно характерное знакомство съ извѣстнымъ на русской балетной сценѣ артистомъ Гольцемъ. Прежде всего я съ удивленіемъ встрѣтилъ въ немъ настоящаго русскаго человѣка, православнаго и благочестиваго. Заходя часто ко мнѣ послѣ службы въ нашей церкви, разъ онъ удивилъ меня слѣдующимъ замѣчаніемъ:

— Позвольте,—говорилъ онъ мнѣ,—сдѣлать вамъ по дружбѣ одно замѣчаніе. Вы — молодой священникъ и служите съ такимъ увлеченіемъ, что предупреждаю васъ — это можетъ болѣзненно отозваться на вашемъ здоровьѣ. Я говорю вамъ это, какъ опытный мастеръ своего дѣла. Въ нашемъ искусствѣ также бываютъ увлеченія, и я всегда предостерегаю молодыхъ людей не увлекаться слишкомъ своимъ дѣломъ.

Но жить въ Германіи и обращаться исключительно только въ обществѣ русскихъ соотечественниковъ мнѣ казалось недостаточнымъ. Хотѣлось познакомиться и сойтись съ мѣстными жителями, войти въ ихъ образъ жизни, узнать поближе ихъ взгляды. Для этого я съ самаго начала постарался сдѣлать визиты мѣстнымъ пасторамъ и нѣсколькимъ лицамъ изъ общества. По русскому обычаю, какъ человѣкъ семейный, я думалъ распространить это знакомство и на ихъ семейства. Съ этою цѣлію я пригласилъ избранныя мною лица къ себѣ на обѣдъ. Всѣ они

любезно приняли это приглашеніе и откушали у меня. Но затѣмъ проходятъ недѣли, а мы не видимъ нашихъ знакомыхъ. Наконецъ, я получилъ отъ одного изъ пасторовъ, обѣдавшихъ у меня съ супругою, приглашеніе пожаловать завтра въ 7 часовъ вечера въ такую-то гостиницу. Ну, думаю себѣ, они вѣрно въ складчину устроили обѣдъ или ужинъ въ гостиницѣ. Однако, отчего же только меня одного приглашаютъ, а мою жену нѣтъ? Вѣрно задаютъ холостой обѣдъ. На другой день иду въ назначенную гостиницу и застаю тамъ уже нѣсколько изъ моихъ знакомыхъ за столомъ, вовсе не накрытымъ. Передъ каждымъ изъ нихъ стоитъ бутылка вина. Не успѣлъ я присѣсть, какъ ко мнѣ подходитъ трактирный слуга съ вопросомъ, какого мнѣ угодно вина? Въ замѣшательствѣ я указалъ на бутылку сосѣда, и мнѣ подали такого же. Между тѣмъ, подходятъ другіе мои знакомые, и каждый себѣ спрашиваетъ бутылку вина. Завязывается разговоръ, длится довольно долго. Наконецъ, одинъ встаетъ, платитъ за свою бутылку и уходитъ. Потомъ другой, и третій дѣлаетъ то же самое. Наконецъ, и я заплатилъ за свою бутылку и пошелъ домой, размышляя дорогою, что же это значитъ? А значило это то, что нѣмцы хотѣли мнѣ дать практическій урокъ, какъ они живутъ и какъ надо жить, если хочешь вести съ ними знакомство. Такъ какъ въ Германіи, особенно южной, семейной жизни въ томъ смыслѣ, какъ мы ее привыкли понимать, вовсе не существуетъ, то мѣстами собранія и свиданія мужчинъ служатъ трактиры, а для ихъ женъ и дочерей — кофейни. Русскому не только трудно, но даже невозможно вжиться въ такую жизнь, поэтому и моя попытка завести знакомство съ нѣмцами кончилась ничѣмъ не только для Висбаденской моей жизни, но и на все остальное время моего долгаго пребыванія въ Германіи. Зато, какъ сами нѣмцы, попробовавшіе русской жизни, къ ней привыкаютъ и ее цѣнятъ! У меня въ Висбаденѣ было одно только семейное знакомство съ нѣмцемъ. Это былъ одинъ нѣмецкій пасторъ, прослужившій 20 лѣтъ въ Петербургѣ и удалившійся на покой въ Германію. Онъ самъ говорилъ, что послѣ русской жизни онъ уже не можетъ вести знакомства съ мѣстными жителями. Ему уже дико казалось, оставивъ семейство, идти вечеромъ въ трактиръ, чтобы тамъ, и только тамъ, видѣться съ своими пріятелями и знакомыми.

Не найдя себѣ пищи въ живомъ общеніи съ нѣмцами, я съ тѣмъ бо́льшимъ усердіемъ принялся за изученіе ихъ умственной и религіозной жизни изъ книгъ, ученыхъ и церковныхъ журналовъ. Здѣсь открылось мнѣ обширное поле для наблюденія надъ внутреннею жизнью этого народа, который въ отдѣльныхъ личностяхъ вращался предъ моими глазами. Если гдѣ болѣе всего отвлеченныя теоріи переплетаются крѣпко и неразрывно съ дѣйствительною жизнью, то это конечно въ Германіи. Мнѣ пришлось наблюдать это близко, можно ска-

зать, непосредственно въ самый разгаръ умственнаго движенія нѣмцевъ. То были годы, предшествовавшіе революціи 1848 года. Находившійся тогда еще подъ строгимъ режимомъ меттерниховской политики, народъ нѣмецкій рвался на свободу. До сихъ поръ ему предоставлена была только свобода науки въ стѣнахъ университетовъ. Но и самъ мудрый Меттернихъ проглядѣлъ, какъ эти свободныя идеи мало-по-малу прокрадывались въ жизнь и скоро охватили всю массу народа, почувствовавшаго вдругъ тяготу опеки, подъ которою его продолжали держать нѣмецкія правительства. Подъ гнетомъ цензуры мысль объ этомъ не смѣла появиться наружу, и вотъ она нашла себѣ исходъ въ церковномъ движеніи. Никогда, кажется, не нарождалось съ такою быстротою столько новыхъ сектъ въ протестантской церкви, какъ въ эти годы, предшествовавшіе революціи. Достаточно было въ Тріерѣ выставить на поклоненіе нетлѣнный хитонъ Господень, какъ явился Ронге съ своимъ протестомъ и въ короткое время основалъ новокатолическую церковь. Довольно было потѣснить въ Пруссіи лютеранъ, чтобы появиться такъ называемымъ свободнымъ общинамъ, которыя всѣ вмѣстѣ съ общиною Ронге, при первомъ раздавшемся громѣ революціи, превратились въ политическіе клубы, въ которыхъ вмѣсто религіозныхъ гимновъ стали распѣвать революціонерныя пѣсни. Но пока до этого не дошло, религіозно-философское движеніе совершалось на почвѣ церковной жизни, и слѣдить за этимъ движеніемъ было чрезвычайно интересно.

Но все это знать и видѣть, не имѣя возможности съ кѣмъ-нибудь подѣлиться своими впечатлѣніями, было очень тяжело. Писать ли обо всемъ этомъ? Я писалъ, но писалъ для себя. Тогда не такое было время, чтобы написанное можно было и печатать. У насъ боялись давать знать о чемъ-нибудь соблазнительномъ, происходившемъ даже за предѣлами Россіи. А что дѣлалось внутри Россіи, о томъ вѣдалось только въ тайной полиціи. Я помню, когда я привезъ съ собою въ Россію выписку изъ только-что появившейся въ 50-хъ годахъ книги бар. Гакстгаузена о Россіи касательно нашихъ раскольническихъ сектъ, то тесть мой, протоіерей Кочетовъ, бывшій профессоромъ церковной исторіи въ Петербургской академіи, обрадовался этому, какъ кладу. Такъ у насъ тогда секретничали на счетъ этого, что Липранди зналъ больше о русскомъ расколѣ, чѣмъ профессоръ церковной исторіи въ высшемъ духовномъ заведеніи. Поэтому мнѣ и думать было нечего о сообщеніи своихъ наблюденій надъ церковною жизнью въ Германіи въ какой-нибудь изъ русскихъ церковныхъ журналовъ, какъ это дѣлается теперь.

По счастію, бывшій тогда директоромъ духовно-учебнаго управленія, К. С. Сербиновичъ, приглашалъ циркуляромъ всѣхъ заграничныхъ

нашихъ священниковъ участвовать своими трудами въ издаваемомъ подъ его главною редакціею журналѣ министерства народнаго просвѣщенія. Воспользовавшись этимъ, я сталъ писать ему свои наблюденія, изъ которыхъ онъ хотя и ни одного не напечаталъ, но ободрялъ меня продолжать мои, какъ онъ выражался, интересныя сообщенія, говоря, что они читаются съ большимъ вниманіемъ членами Св. Синода. Ободренный этимъ, я началъ составлять цѣлые трактаты и о религіозномъ движеніи въ Германіи, и обзоры догматической науки и литературы и обозрѣнія журналовъ и періодическихъ изданій духовнаго и церковнаго содержанія по годамъ. Все это такъ и осталось гдѣ-нибудь въ архивахъ, а можетъ быть и совсѣмъ затерялось. Такъ, по крайней мѣрѣ, случилось съ моимъ обзоромъ философско-догматическаго ученія въ Германіи въ связи съ политическими событіями 1848 года, написаннымъ мною для покойнаго митрополита Григорія по его собственному желанію. Спустя годъ послѣ его смерти, мнѣ былъ присланъ чрезъ консисторію запросъ, не находится ли у меня черновой этой статьи, и не могу ли я воспроизвести ее. Но, къ сожалѣнію и стыду своему, я долженъ сознаться, что никогда черновыхъ сочиненій у меня не имѣлось. Это остатокъ еще академической небрежности, когда я писывалъ свои разсужденія прямо на-бѣло, имѣя подъ рукою одни только матеріалы.

Въ годы, предшествовавшіе революціи 48 года, было еще много русскихъ за границею и большею частію людей высшаго и образованнаго сословія. Съ ними можно было мѣняться и своими думами, а думы въ старые годы душили русскаго человѣка на чужбинѣ. Помню я одинъ такой вечеръ, прекрасный южный вечеръ, когда мы съ покойной женою, смотря въ окно, чуть не плакали, жалуясь на судьбу, забросившую насъ въ чужой край. Но эта тоска—болѣзнь преходящая. Тѣ же думы, которыя навѣваетъ на мыслящаго человѣка его жизнь среди чужихъ, снѣдаютъ душу необъяснимымъ жаромъ желанія добра своей родинѣ и вмѣстѣ досадою, зачѣмъ на родинѣ не все такъ хорошо, какъ бы хотѣлось. Каждый изъ русскихъ, бывавшихъ за границею не мимоѣздомъ только, испытывалъ на себѣ подобное сожалѣніе о своемъ отечествѣ. Но вотъ, что удивительно, и что я испытывалъ на себѣ самомъ. Эти тревожныя думы умчатся сами собою, когда пріѣдешь въ Россію и поживешь тамъ нѣсколько времени. Но зато, когда опять переѣдешь родную границу, онѣ возстаютъ въ душѣ съ новою силою. Приписать ли это тому, что кипучая обыденная жизнь такъ захватываетъ человѣка, что ему нѣтъ времени дать себѣ отчетъ во всемъ, происходящемъ вокругъ него, или отъ того, что въ этой окружающей средѣ не находится отголоска на эти думы, навѣянныя сравненіемъ своего роднаго быта съ чужимъ, упорядоченнымъ и внѣдрившимся въ плоть и кровь другихъ народовъ. Я себѣ объясняю это такъ: когда стоишь передъ какою-нибудь

огромною картиною, на которой подъ кистью художника кипитъ жизнь въ разнообразныхъ формахъ, видишь только отдѣльныя группы и въ нихъ фигуры, на лицахъ которыхъ изображены чувства или мысли, но общаго впечатлѣнія отъ нея не получалось, пока не отойдешь подальше, чтобы обнять однимъ взглядомъ весь эффектъ изображенія, всю мысль художника. Такъ и съ этими патріотическими думами. Пока находимся сами въ этомъ водоворотѣ жизни, увлекаемся и занимаемся одними отдѣльными явленіями, и мысль, если и возмущается на время тѣмъ или другимъ безобразіемъ, но скоро и опять засыпаетъ подъ впечатлѣніемъ новыхъ и новыхъ явленій. Но когда самъ оторвешься отъ этой среды и глядишь уже на совершающееся хотя и не предъ глазами, такъ сказать, съ птичьяго полета, все кажется яснѣе, и начало и конецъ каждаго явленія, а также и средства предупредить или исправить зло. У нѣмцевъ есть пословица: Vor lauter Bäumen sieht man den Wald nicht [1]). Эта пословица особенно приложима къ нашимъ заправителямъ, которые дѣйствительно видятъ больше деревья, чѣмъ самый лѣсъ.

Въ числѣ знаменитыхъ русскихъ того времени мнѣ случилось встрѣтиться съ графомъ Блудовымъ, возвращавшимся изъ Рима, куда онъ ѣздилъ для заключенія конкордата съ папою; А. Н. Муравьевымъ, тоже послѣ его поѣздки въ Римъ, которую онъ потомъ описалъ въ своихъ римскихъ письмахъ; М. П. Погодинымъ и съ другими. Блудова я встрѣтилъ въ семействѣ Жуковскаго во Франкфуртѣ. Помню, какъ онъ стыдилъ его за то, что дѣти его тогда не говорили по-русски.

— Вотъ посмотрите,—говорилъ онъ, обращаясь ко мнѣ,—нашъ русскій Бардъ, нашъ Гомеръ, который читаетъ свою Одиссею среди семьи своей, и семья его не понимаетъ. Самъ онъ подслушалъ Гомера, не понимая ни слова по-гречески. Но тутъ его не поймутъ ни жена, ни дѣти, какъ бы звучно онъ ни читалъ имъ эту эпопею.

Бѣдный Жуковскій въ отвѣтъ на это показывалъ ему и мнѣ придуманныя имъ самимъ таблицы, по которымъ онъ собирался учить дѣтей своихъ по-русски.

Съ А. Н. Муравьевымъ, посѣтившимъ меня въ Висбаденѣ, произошелъ у меня разговоръ на счетъ мнимаго главенства царя надъ русскою церковью. Я доказывалъ ему, что у насъ, по крайней мѣрѣ въ то время, это главенство существовало, если не de jure, то de facto, и привелъ ему въ примѣръ случай, бывшій со мною. При окончаніи курса въ академіи, я писалъ диссертацію на степень магистра богословія на тему объ англиканской церкви сравнительно съ православною, и тутъ я прямо указалъ на отличіе нашей церкви въ томъ, что мы не признаемъ главенства царя надъ церковью, между тѣмъ какъ въ англиканской, по про-

[1]) Изъ-за деревьевъ лѣсу не видно.

тестантскому принципу, король есть глава церкви, затѣмъ Episcopos. Сдавши эту диссертацію, я отправился спокойно отдыхать въ семейство моего тогда еще будущаго тестя, протоіерея Кочетова, какъ вдругъ является ко мнѣ курьеръ изъ академіи съ требованіемъ, чтобы я немедленно явился къ инспектору, которымъ тогда былъ архимандритъ Іосифъ. Когда я къ нему явился, онъ встрѣтилъ меня такими словами:

— Что это вы написали въ вашей диссертаціи, что у насъ царь не есть глава церкви. Вѣдь вамъ за это не дадутъ степени магистра!

На мой скромный вопросъ: «Но развѣ это не такъ?» онъ отвѣчалъ:

— Да этого нельзя говорить! Не позволятъ! Вотъ возьмите вашу диссертацію и перемѣните это мѣсто, или вовсе объ немъ не говорите.

Когда я это разсказалъ Муравьеву, онъ пришелъ въ сильное негодованіе.

— Все это графъ Протасовъ! Онъ отдастъ за это и за многое отвѣтъ Богу!

И въ заключеніе мнѣ сказалъ:

— Я вамъ даю честное слово, только что я ворочусь въ Россію, я напишу и напечатаю прямо, что это клевета, что государь у насъ не есть глава церкви!

И дѣйствительно, онъ исполнилъ свое слово, напечатавъ объ этомъ статью, которую онъ прислалъ мнѣ, а я поспѣшилъ ее перевести на нѣмецкій языкъ и отослалъ въ одну изъ церковныхъ протестантскихъ газетъ, гдѣ она и была напечатана съ именемъ автора ея. При этомъ же свиданіи Андрей Николаевичъ напалъ на меня за нарушеніе поста за границею. Напрасно я защищался трудностью доставать постную провизію и неумѣніемъ кухарки стряпать постную пищу. Онъ указывалъ на собственный примѣръ.

— Вотъ я, говорилъ онъ, живу и по гостиницамъ, а въ постные дни питаюсь саладомъ. Смотрите жъ, скажите и вашей Евѣ, чтобы она васъ не соблазняла.

— Наконецъ,—говорю я,—пища эта такъ безразлична, что никого не соблазняетъ.

— Но,—возразилъ онъ,—вы сами соблазняете.

— Тогда,—отвѣтилъ я,—не имамъ ясти мяса во вѣки.

Этотъ разговоръ остался для меня памятенъ особенно потому, что онъ сдѣлался руководствомъ въ моей заграничной жизни, а именно, когда бывали случаи дѣйствительно соблазнить брата своего яденіемъ, я воздерживался отъ нарушенія поста, въ остальныхъ же случаяхъ полагался на слова апостола Павла: «Пища не приближаетъ насъ къ Богу, ибо ѣдимъ ли мы, ничего не пріобрѣтаемъ, не ѣдимъ ли, ничего не теряемъ» (Кор. г. 2).

Но въ толпѣ русскихъ, наводнявшихъ тогда чужіе края, встрѣчались и представители русскаго неряшества и тогдашняго рабовладѣнія,

за которыхъ приходилось краснѣть предъ иностранцами. Такъ, пріѣхавши разъ во Франкфуртъ, я былъ пораженъ такою сценою. На главной улицѣ этого тогда вольнаго города, передъ лучшею гостиницею (Hotel de Russie) собралась толпа народа. Когда я подошелъ поближе, то увидѣлъ русскій тарантасъ, набитый перинами и подушками, на козлахъ сидитъ подлѣ кучера босоногая дѣвка, а у дверецъ экипажа грязный и оборванный лакей стараго времени,—изъ дверецъ выглядываетъ растрепанная голова барыни, которая на французскомъ языкѣ торгуется съ содержателемъ гостиницы, который выбѣжалъ окруженный кельнерами во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ. Вздохнешь невольно при видѣ такой сцены, особенно когда слышенъ вокругъ говоръ нѣмцевъ: diese Barbaren. А эти варвары дѣйствительно пріѣхали изъ глуши Казанской губерніи, привезли съ собой на показъ Европѣ всю грязь своего домашняго быта. Немудрено, что репутація варварства русскихъ такъ долго держалась, да и теперь еще по временамъ проявляется въ Европѣ на счетъ насъ грѣшныхъ.

Въ другой разъ въ самомъ Висбаденѣ мнѣ случилось на улицѣ встрѣтить такого русскаго помѣщика, за которымъ по пятамъ слѣдовалъ его рябой и грязный лакей. Этотъ господинъ остановилъ меня и ломанымъ нѣмецкимъ языкомъ сталъ спрашивать, гдѣ здѣсь живетъ русскій священникъ. Не сомнѣваясь, что я имѣю передъ собою дорогаго соотечественника, я прямо по-русски отвѣчаю ему, что я—русскій священникъ. Видя меня въ сюртукѣ и безъ бороды, онъ еще разъ переспросилъ меня на счетъ русскаго священника, и когда еще разъ увѣрилъ его, что я—священникъ,—онъ отступилъ на два шага и, захохотавъ во все горло, обратился къ своему лакею со словами:

— Васька, посмотри-ка. Это вишь русскій священникъ, и опять залился смѣхомъ. Я нисколько не оскорбился тѣмъ, что русскому человѣку такъ смѣшно показалось видѣть священника въ сюртукѣ и безъ бороды. Но что меня поразило, это то, что лакей его, услышавъ, что я священникъ, сейчасъ же снялъ шапку и подошелъ ко мнѣ подъ благословеніе. Этотъ случай заставилъ меня не разъ и послѣ раздуматься надъ тѣмъ, какъ въ русскомъ простомъ человѣкѣ сущность дѣла возвышается надъ формою, и какъ наоборотъ наша интеллигенція все подводитъ подъ форму, упуская изъ виду самую суть. Сколько мнѣ было случаевъ слышать отъ нашихъ руководителей и заправителей подобнаго рода отвѣты на самыя существенныя реформы въ нашемъ быту:— «А что скажетъ народъ?» И всегда мнѣ приходилъ на память при этомъ Васька.—«Вотъ что скажетъ народъ». Покажите ему переодѣтаго въ ризу самозванца, онъ его растерзаетъ за кощунство, а укажите ему на власть, хоть бы и разоблаченную отъ своихъ регалій, онъ сниметъ передъ нею шапку.

Въ эти немногіе годы до революціи приходилось мнѣ нерѣдко входить

въ соприкосновеніе и съ высочайшими особами, какъ изъ нашего царствующаго дома, такъ и съ иностранными. Разъ меня пригласили въ Эмсъ для служенія молебна 25-го іюня въ день рожденія государя Николая Павловича. Въ Эмсѣ находились въ это время: великая княгиня Марія Павловна, великая герцогиня Веймарская, принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій и тогдашній принцъ прусскій, а впослѣдствіи императоръ германскій. Всѣ они присутствовали на молебнѣ, послѣ котораго и были приглашены къ высочайшему завтраку. Здѣсь подошелъ ко мнѣ принцъ прусскій и сталъ шутить надъ многократнымъ и безконечнымъ поминаніемъ царской фамиліи на нашихъ службахъ.

— Вамъ бы,—говорилъ онъ смѣясь,—государь долженъ былъ прибавлять жалованье при рожденіи каждаго новаго члена царской семьи.

1847-й годъ памятенъ мнѣ по семейнымъ воспоминаніямъ. Въ этотъ годъ родился у меня второй сынъ Павелъ, и вмѣстѣ съ его рожденіемъ захворала моя жена грудною болѣзнью, которая черезъ три года свела ее въ могилу. Послѣ безмятежной семейной жизни и пріятныхъ служебныхъ занятій теперь пришлось мнѣ испытать заразъ всѣ невзгоды жизни въ чужой сторонѣ, среди чужихъ людей. Заболѣвшую жену съ старшимъ сыномъ пришлось отправить въ Эмсъ, а новорожденнаго оставить дома на рукахъ нѣмки-няньки; самому же мнѣ надо было ѣхать въ Гейдельбергъ, куда меня потребовали къ умирающей Чернышевой-Кругликовой. Вообще, Висбаденская церковь имѣетъ у себя большой и разсѣянный на огромномъ пространствѣ приходъ. Находясь въ срединѣ водъ, преимущественно посѣщаемыхъ русскими, Висбаденская церковь должна была въ то время удовлетворять нуждамъ русскихъ и въ Гейдельбергѣ, и въ Баденѣ, и въ Страсбургѣ, и по всему протяженію Рейна, такъ что нерѣдко бывало, что священникъ, воротившись съ требы изъ одного мѣста, тутъ же на желѣзной дорогѣ получалъ приглашеніе ѣхать въ другую сторону и, не заходя домой, отправляться опять въ дорогу. Такъ случилось и со мной въ то время. Воротившись послѣ нѣсколькихъ дней отсутствія изъ дому, я нахожу моего маленькаго умирающимъ на рукахъ няньки, а изъ Эмса извѣстіе объ ухудшеніи здоровья моей больной жены. Все это такъ меня встревожило, что я самъ захворалъ и слегъ въ постель. А тутъ, въ самомъ Висбаденѣ неотложныя требы для русскихъ. Но Богъ помогъ выбраться изъ всѣхъ этихъ затрудненій. Маленькому сыскали сейчасъ же кормилицу, и онъ ожилъ. Самъ я, благодаря еще молодымъ силамъ (мнѣ тогда было только 28 лѣтъ), скоро поправился, справилъ ожидавшія меня требы въ Висбаденѣ и отправился въ Эмсъ. Здѣсь только я сообщилъ женѣ о всѣхъ постигшихъ меня невзгодахъ, которыя были отъ нея скрыты, чтобы ее не тревожить, и здѣсь же я узналъ отъ доктора, лѣчившаго мою жену, смертный приговоръ ей, такъ какъ, по его словамъ, къ сожалѣнію, оправдавшимся на дѣлѣ, она могла еще бороться нѣсколько времени съ своею болѣзнью,

но побѣдить ее не было возможности. И дѣйствительно, при самомъ началѣ пользованія эмскими водами у ней обнаружилась лихорадка, и лѣченіе надо было прекратить. Вернувшись въ Висбаденъ, мы окрестили ожившаго теперь нашего малютку. Воспріемникомъ при его крещеніи былъ одинъ полковникъ Кублицкій, о которомъ у меня сохранилось живое воспоминаніе особенно по его чудесному обращенію ко Христу. Это былъ человѣкъ свѣтской жизни и, по его собственнымъ словамъ, озлобленный противъ Бога.

— Была въ Россіи холера,—такъ разсказывалъ о себѣ Кублицкій,—и въ моей деревнѣ, одной во всей окрестности, страшно умирали люди и все лучшіе изъ моей дворни. Умеръ столяръ, умеръ кузнецъ. Разъ приходятъ ко мнѣ и говорятъ: умеръ Иванъ (или Петръ), который былъ у меня правымъ глазомъ и правою рукою во всемъ имѣніи. Тогда я сорвалъ съ себя шапку, бросилъ ее на землю и, обратившись съ кулаками къ небу, произнесъ страшное богохульство противъ Провидѣнія.

Послѣ этого онъ уѣхалъ съ женою своею за границу и гдѣ-то на югѣ Франціи, объѣвшись, по его собственнымъ словамъ, перигорскими трюфелями, заболѣлъ и былъ при смерти.

— Я лежалъ,—разсказывалъ онъ,—безъ памяти. Жена сидѣла у моей постели и ждала моей смерти. Въ полуснѣ или бреду я вижу, что меня тащатъ на какую-то гору, все выше и выше, и когда я былъ уже недалеко отъ вершины, я слышу голосъ: бросьте его, онъ еще не готовъ. Меня бросили, и я полетѣлъ внизъ. Въ это время я открылъ глаза и ожилъ. Съ тѣхъ поръ слышанный мною голосъ: онъ еще не готовъ! не выходилъ изъ головы, и я все ждалъ чего-то.

Воротившись въ Германію, онъ остановился въ Карлсруэ и здѣсь встрѣтилъ одного знакомаго, барона Гюгеля, который ввелъ его въ общество піэтистовъ. Здѣсь ему открыли слово Божіе, и онъ вдругъ переродился, сдѣлавшись самымъ пламеннымъ христіаниномъ. Помню одну изъ нашихъ частыхъ бесѣдъ съ нимъ на эту тему.

— Теперь,—говорилъ онъ,—я счастливъ любовію къ моему Спасителю. Каждое слово Его евангелія для меня свято. Объ одномъ только я молю Его денно и нощно, чтобы Онъ не послалъ мнѣ искушенія подставить ланиту ударившему меня въ другую. Тутъ я чувствую, что не слажу съ своимъ ветхимъ человѣкомъ и не утерплю, чтобы не вызвать на дуэль оскорбителя!.

Но Богъ сохранилъ его отъ этого искушенія, и онъ умеръ тихою христіанскою кончиною, воротившись въ Россію. Достойная супруга его, кроткая и смиренная отъ природы, была сопутницею его христіанской жизни до самой его кончины, послѣ которой она посвятила себя на христіанское служеніе своимъ ближнимъ, состоя и доселѣ (1883 г.) въ должности настоятельницы общины сестеръ милосердія, извѣстной подъ именемъ Свято-Троицкой.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Графъ М. Н. Муравьевъ

и его отношенія

къ евреямъ г. Вильны въ 1863—1864 гг.

(Изъ записокъ раввина).

Сосредоточеніе евреевъ Сѣверо-Западнаго края въ городахъ и мѣстечкахъ, въ силу существующихъ для нихъ особыхъ узаконеній, окончательно превратило этотъ первобытно земледѣльческій элементъ въ народъ преимущественно торговый и промышленный. Указанный ему ограниченный районъ мѣстожительства естественно имѣлъ своимъ послѣдствіемъ несоразмѣрную торговую и промышленную конкурренцію въ обитаемыхъ евреями городахъ и мѣстечкахъ, вызывая всегда неравновѣсіе между спросомъ и предложеніемъ. Опоздавшимъ или вновь прибывшимъ конкуррентамъ приходилось додумываться до самыхъ замысловатыхъ, подчасъ весьма шаткихъ, а иногда даже совсѣмъ непохвальныхъ и унизительныхъ способовъ существованія, вызываемыхъ неумолимыми требованіями жизни. Подъ такими бытовыми условіями еврейская масса Сѣверо-Западнаго края сдѣлалась весьма удобнымъ посредническимъ орудіемъ, какъ для исполненія всякихъ экономическихъ порученій, такъ и для угожденія разнымъ шляхетскимъ прихотямъ и причудамъ преобладавшаго въ краѣ польскаго населенія.

Революціонныя затѣи поляковъ всегда были крайне противны евреямъ Сѣверо-Западнаго края, хорошо понимавшимъ чрезвычайно пренебрежительное фанатическое отношеніе къ нимъ этихъ нарушителей государственнаго порядка и отлично сознававшимъ опасность, которою грозитъ имъ это взбаламученное море, преступно и неистово тревожащее ихъ и безъ того крайне шаткое бытовое положеніе. Капиталы всѣхъ

почти болѣе состоятельныхъ евреевъ были въ рукахъ поляковъ. Смуты грозили полнымъ застоемъ торговли и промышленности, бывшихъ въ городѣ Вильнѣ почти исключительно въ рукахъ евреевъ.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ соціальные и политическіе вопросы совершенно были чужды низшимъ слоямъ тогдашней безпочвенной еврейской массы, жившей между небомъ и землею, въ борьбѣ съ нуждою. Юношество еврейское обучалось большей частію въ первобытныхъ хедерахъ. Только нѣсколько сотенъ этихъ юношей воспитывались въ мѣстномъ бывшемъ тогда Раввинскомъ училищѣ, въ казенныхъ для евреевъ училищахъ и отчасти въ городской гимназіи. Учившаяся въ образовательныхъ заведеніяхъ еврейская молодежь, несмотря на частыя близкія свои сношенія съ учащимися польскими юношами, усердно и обаятельно воспѣвавшими ей о фиктивномъ братствѣ, ни на минуту не поддавалась соблазну. Ни одинъ изъ еврейскихъ юношей не научился даже правильно говорить по-польски, между тѣмъ, какъ всѣ они достаточно освоились съ разговорною русскою рѣчью, а многіе изъ нихъ хорошо владѣли русскимъ литературнымъ языкомъ и печатали статьи свои въ возникшихъ тогда особыхъ еврейскихъ органахъ на русскомъ языкѣ, каковы «Разсвѣтъ», «Гакармель» и др. Смѣтливый по натурѣ народъ сей ясно сознавалъ, какому знамени ему слѣдуетъ оставаться вѣрнымъ. Это было еще тѣмъ естественнѣе, что евреи тогда признательно благоговѣли предъ священною личностью Монарха-Освободителя, безграничное человѣколюбіе котораго произвело столь важныя выгодныя измѣненія въ бытовомъ положеніи еврейскихъ его подданныхъ.

Евреи вообще не очень избалованы, чтобы не восторгаться душевно предъ каждымъ отнесеннымъ къ нимъ гуманнымъ словомъ. Намъ хорошо помнится, съ какимъ задушевнымъ чувствомъ благодарности евреи въ Вильнѣ относились къ нѣсколькимъ строкамъ, дышущимъ человѣколюбивымъ вниманіемъ къ ихъ дѣтямъ въ циркулярѣ г. попечителя Виленскаго учебнаго округа, князя Ширинскаго-Шихматова отъ 12-го января 1863 года: «Наставники—сказано въ немъ—не оставятъ также обратить вниманіе на искорененіе тѣхъ недостатковъ въ дѣтяхъ, которые они выносятъ изъ дому; слѣдуетъ отучать дѣтей отъ божбы, отъ суевѣрій и предразсудковъ, отъ употребленія бранныхъ словъ и не допускать обиды слабыхъ и оскорбленія евреевъ, объяснивъ, что то и другое противно и человѣколюбію и ученію христіанскому». Молодые евреи списывали себѣ эти строки и читали ихъ другъ передъ другомъ съ благоговѣйнымъ выраженіемъ благодарности попечителю.

Во главѣ еврейскаго общества города Вильны стояли тогда старики-купцы, чуждые всякихъ вопросовъ, кромѣ коммерческихъ. Смуты политическія были имъ крайне ненавистны уже и потому, что онѣ измѣнили нормальный ходъ торговли и вызвали полный застой въ промышлен-

ныхъ операціяхъ. Заявлять свое негодованіе къ возникшимъ противозаконнымъ затѣямъ шляхты они однако не отважились подъ страхомъ мести отъ этой послѣдней, тѣмъ болѣе, что капиталы ихъ были въ рукахъ этихъ крамольныхъ согражданъ ихъ.

Общественнымъ же раввиномъ виленскихъ евреевъ состоялъ тогда старикъ Амстердамъ, для котораго всякое нарѣчіе не еврейское было то же, что китайское, и который, за получаемое имъ жалованье, равнодушно относился ко всему, что не касалось личныхъ его интересовъ, къ которымъ онъ былъ очень чутокъ.

Въ 1856 году начальникъ Сѣверо-Западнаго края генералъ-адъютантъ Назимовъ, согласно высочайшему повелѣнію отъ 3-го мая 1855 года, распорядился объ избраніи виленскимъ еврейскимъ обществомъ раввина изъ окончившихъ десятилѣтній курсъ Раввинскаго училища. Избранъ былъ на эту должность кандидатъ въ раввины Е. Каганъ, но онъ скоро скончался за границею, куда отправился лѣчиться отъ болѣзни. Начальство въ 1860 году распорядилось о возобновленіи выбора раввина, по которому былъ избранъ пишущій эти строки, состоявшій тогда на должности раввина въ Бѣлостокѣ. Начальникъ края все-таки предоставить мнѣ выборъ: оставаться ли на раввинской должности въ Бѣлостокѣ, или же перейти на эту должность въ Вильну. Я предпочелъ переѣхать въ родной свой городъ Вильну, считавшійся издавна центромъ еврейской интеллигенціи Сѣверо-Западнаго края и ставшій поэтому мѣстопребываніемъ Раввинскаго училища.

Спустя нѣсколько лѣтъ по вступленіи моемъ на должность общественнаго раввина г. Вильны, настало для Сѣверо-Западнаго края печальное, тревожное мятежное время. Для усмиренія мятежа прибылъ въ Вильно облеченный диктаторскою властью генералъ-отъ-инфантеріи Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, одаренный рѣдкою прозорливостью, необыкновенною энергіей воли, свѣтлымъ, проницательнымъ умомъ, проглядывавшимъ изъ покрытыхъ нависшими бровями очей его.

Начальникъ края, выслушавъ, при представленіи, привѣтъ раввина и поблагодаривъ его, обратился къ стоявшей предъ нимъ еврейской депутаціи и сказалъ:

— Я строгъ, но и строго справедливъ! Нѣтъ ли между вами стариковъ, которые помнятъ управленіе мною Гродненскою губерніею?

Отвѣта на этотъ вопросъ не послѣдовало, такъ какъ такихъ стариковъ между нами не оказалось. Уходя отъ начальника края, едва очутились мы на лѣстницѣ залы, какъ бывшій раввинъ Амстердамъ сталъ истолковывать вопросъ генералъ-губернатора въ смыслѣ бо̀льшаго его расположенія къ старымъ представителямъ еврейской общины, нежели къ молодымъ.

*

Увѣренный въ правильности своего взгляда, онъ на слѣдующій же день вошелъ къ начальнику края съ прошеніемъ назначить его вмѣсто меня казеннымъ раввиномъ въ Вильнѣ. Получивъ это прошеніе, Михаилъ Николаевичъ, по характеру его содержанія, сейчасъ догадался, что самъ подалъ къ нему поводъ и распорядился, чтобы на третій день явились къ нему проситель и старшины молитвеннаго правленія.

— Вы—сказалъ онъ явившимся—составили себѣ обо мнѣ ошибочное мнѣніе, будто я предпочитаю стариковъ молодымъ представителямъ общины вашей. Это невѣрно; я стариковъ уважаю, но и молодыхъ, способныхъ и вѣрныхъ своему долгу, люблю. Новыя условія современной жизни требуютъ соотвѣтственныхъ имъ благовоспитанныхъ молодыхъ дѣятелей. Для своего вѣка вы уже свое сдѣлали, для новаго же текущаго времени должны вы уступить дѣятельность воспитаннымъ правительствомъ юнымъ дѣятелямъ.

Послѣ этихъ словъ онъ отпустилъ отъ себя разочарованнаго просителя и старшинъ синагоги.

Тревожное положеніе края вызвало сильную оппозицію со стороны всѣхъ его мирныхъ обывателей, относившихся съ крайнимъ омерзѣніемъ къ кознямъ и затѣямъ бунтовщиковъ. Населеніе положило высказать свое негодованіе въ письмахъ на высочайшее имя, въ которыхъ выражало свои вѣрноподданническія чувства. Менѣе смѣлое же еврейское купечество г. Вильны, несмотря на многократное мое предложеніе подписать изготовленный мною адресъ на высочайшее имя, долго колебалось исполнить это подъ опасеніемъ мщенія со стороны бунтовавшихся, и особливо отъ тайно шнырявшихъ тогда по городу такъ названныхъ жандармовъ-вѣшателей, ранившихъ уже предводителя дворянства Домейку за предложеніе его смириться и заявить свою покорность монарху.

Однажды меня потребовали къ начальнику края. Явившись къ нему, я не позванъ былъ по-прежнему въ кабинетъ генералъ-губернатора, а оставленъ въ пріемной залѣ ждать выхода его, гдѣ ждалъ также тогдашній начальникъ губерніи, г. Галлеръ. Спустя минутъ десять Михаилъ Николаевичъ вышелъ къ намъ въ сопровожденіи своего адъютанта Брянчанинова. Покончивъ съ губернаторомъ весьма серьезную бесѣду, имѣвшую послѣдствіемъ смѣщеніе сего послѣдняго и назначеніе на его мѣсто г. Панютина, Михаилъ Николаевичъ подошелъ ко мнѣ и, не подавъ по-прежнему руки, серьезнымъ тономъ проговорилъ:

— Васъ, раввинъ, обвиняютъ въ томъ, что вы помѣшали вашему обществу составить на высочайшее имя вѣрноподданническій адресъ.

Со мною едва не случился параличъ отъ такого незаслуженнаго обвиненія въ такое время, когда провинившаяся голова не обезпечена была на плечахъ. Какимъ-то несвойственнымъ мнѣ голосомъ

воскликнулъ я отчаянно: «это неслыханная ложь, ваше превосходительство!» Михаилъ Николаевичъ вперилъ въ меня орлиное око свое и сказалъ Брянчанинову: — «разберите вы мнѣ дѣло это». — Уходя за генералъ-губернаторомъ, адъютантъ сказалъ мнѣ нѣсколько успокоительныхъ словъ и велѣлъ явиться къ нему того же дня въ 5 часовъ послѣ обѣда на квартиру его, бывшую подъ залою начальника края.

Дома у себя я пока ничего не сообщилъ объ этомъ опасномъ приключеніи, боясь, чтобы не переполошить слишкомъ семейство свое, и твердо надѣясь, впрочемъ, что истина не замедлитъ обнаружиться. Предполагая, однако, возможнымъ попасть временно подъ арестъ, я захватилъ съ собою англійское карманное изданіе драмъ Шекспира для чтенія и отправился въ назначенное время къ адъютанту. У дверей квартиры его въ сѣняхъ нашелъ я сидящихъ на порогѣ упомянутыхъ выше: бывшаго раввина Амстердама и полуграмотнаго толмача его родственника. Нетрудно мнѣ было догадаться, что они-то творцы взнесенной на меня страшной клеветы. Съ негодованіемъ отвернулся я отъ низкаго ихъ поклона, вошелъ въ переднюю адъютанта и просилъ о себѣ доложить. Г. Брянчаниновъ пригласилъ меня въ кабинетъ свой и велѣлъ призвать этихъ двухъ евреевъ. Поставивъ ихъ предъ собою, онъ обратился ко мнѣ и сказалъ серьезнымъ внушительнымъ тономъ:

— Стоящіе предъ нами два еврея письменно доложили о васъ вчера, что вы вечеромъ третьяго дня помѣшали еврейскому обществу города Вильны подписать вѣрноподданническій адресъ государю императору. Имѣете ли что-нибудь сказать противъ этого?

— Не позволите ли мнѣ,—отвѣчалъ я—для разъясненія дѣла предложить этимъ лицамъ вопросъ?

Получивъ на это согласіе, я спросилъ ихъ:

— Были ли вы лично третьяго дня на общественномъ собраніи, когда разсуждали о поднесеніи всеподданнѣйшаго адреса?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ толмачъ,—насъ въ собраніи не было, но о томъ, что происходило тамъ, сообщено было намъ нѣсколькими лицами на Нѣмецкой улицѣ.

— Неужели—сказалъ я имъ—вы позволили себѣ изъ уличныхъ слуховъ сочинить такой серьезный доносъ и обезпокоить имъ главнаго начальника края?

— Вотъ,—обратился я къ адъютанту—списокъ лицъ, которыя по моему распоряженію были созваны на то собраніе. Не будетъ ли угодно вамъ потребовать ихъ сюда для разспроса?

Брянчаниновъ, замѣтивъ волненіе доносчиковъ, переглядывавшихся между собою съ выраженіемъ крайняго недоумѣнія, сказалъ мнѣ:

— Дѣло мнѣ уже достаточно выяснилось. Идите покойно съ Богомъ домой.

Довольный благополучной развязкой этой непріятной исторіи, я не интересовался даже узнать, что происходило съ оставшимися у адъютанта лицами, и отклонялъ совершенно отъ себя всякіе совѣты людей жаловаться на нихъ за ложный доносъ.

Случай этотъ, къ сожалѣнью, подалъ однако начальству края поводъ къ подозрѣванію виленскихъ евреевъ въ косности и излишней нерѣшимости выразить предъ правительствомъ свои вѣрноподданническія чувства, и вслѣдствіе этого они одновременно съ мѣстнымъ обществомъ польскимъ осуждены были на штрафной налогъ въ 25.000 рублей. Только по усиленному моему ходатайству главный начальникъ края, снисходя къ трудному положенію евреевъ при бывшемъ тогда крайнемъ застоѣ торговыхъ и промышленныхъ оборотовъ, понизилъ штрафъ на 10.000 рублей. Деньги эти собраны были мною по подпискѣ и переданы въ канцелярію губернатора Панютина.

Въ это время безразсудные польскіе вояки стали уже вытрезвляться и рѣшились смириться. Евреи, искони отличавшіеся своею непреклонною преданностью престолу, о чемъ подтверждено имѣющимся у насъ формальнымъ высочайше пожалованнымъ документомъ, выданнымъ генералъ-губернаторомъ Долгоруковымъ съ повелѣніемъ «хранить его какъ скрижали завѣта изъ рода въ родъ»,—евреи города Вильны восторжествовали и, обезпеченные отъ опасности со стороны враговъ мирныхъ жителей, спѣшили поднести слѣдующее свое вѣрноподданническое письмо:

Всемилостивѣйшій государь!

«Благоговѣй предъ Богомъ и царемъ» заповѣдано намъ премудрымъ Соломономъ, и это завѣтное слово вооружало насъ искони вѣковъ той несокрушимою преданностью къ единому Богу и Его земному помазаннику, которую поколебать не съумѣли тысячи тяжкихъ испытаній и подстрекательствъ извнѣ.

«Дозволь же, августѣйшій монархъ, и намъ, въ виду безпокоящихъ нынѣ отечество смутъ, повергнуть къ престолу твоему наши искреннія вѣрноподданническія чувствованія заодно со всѣми прочими вѣрными сынами Россіи.

«Занимая въ Западныхъ губерніяхъ не послѣднее мѣсто по численности и промышленной дѣятельности, единовѣрцы наши твердо соединены въ вѣрной и преданной твоему прославленному дому дружинѣ, которая встрѣчаетъ всегда съ негодованіемъ замыслы недоброжелателей Россіи, возстающихъ противъ порядка и законной власти въ краѣ. Новыя милости, дарованныя намъ тобою, государь нашъ, тѣмъ сугубѣе скрѣпили насъ въ вѣрности къ престолу твоему,—въ вѣрности, о кото-

рую рушатся всякія ухищренія и козни зломыслящихъ, посягающихъ на благоденствіе и возрожденіе милліоновъ осчастливленныхъ тобою вѣрноподданныхъ.

«Государь! Вѣрноподданническія чувствованія наши къ твоему престолу запечатлѣны и священнымъ обѣтомъ нашимъ предъ Царемъ царствующихъ и многими знаменіями твоей безграничной любви. Эти завѣтныя чувствованія наши мы будемъ всегда отстаивать, какъ святыню нашей вѣры, всѣмъ сердцемъ, всей душою и всѣмъ достояніемъ нашимъ».

Всеподданнѣйшее письмо это представлено было мною главному начальнику края 27-го іюля 1863 года при слѣдующемъ прошеніи:

«Виленское еврейское общество, движимое вѣрноподданническими чувствами къ престолу и отечеству, считаетъ своей священной обязанностью, въ виду текущихъ событій въ высочайше ввѣренномъ вашему высокопревосходительству краѣ, заявить предъ лицомъ Россіи и ея августѣйшаго монарха свои искреннія мысли и чувства во всеподданнѣйшемъ, при семъ повергаемомъ письмѣ. Въ вѣрности и преданности русскихъ евреевъ къ правительству никто никогда не сомнѣвался. Они по законамъ своей религіи обязываются споспѣшествовать благу той страны и того правительства, защитою которыхъ они наслаждаются. Этого заповѣднаго закона мы всегда держались и держимся; въ крамолы мы никогда не вдавались и не вдаемся. Отечественная исторія не можетъ указать ни на одинъ случай, который свидѣтельствовалъ бы противъ этого нашего увѣренія. Настоящимъ же всеподданнѣйшимъ письмомъ нашимъ мы хотимъ только вывести изъ заблужденія польскихъ агитаторовъ, которые въ своемъ легкомысліи, можетъ быть, осмѣливаются разсчитывать на наше къ нимъ сочувствіе, въ то время, когда мы съ ними ничего общаго не имѣемъ и стремленія наши тождественны со стремленіями всѣхъ истинныхъ сыновъ Россіи.

«Ваше высокопревосходительство! Всѣ единовѣрцы наши уже заранѣе радовались назначенію вашему главнымъ начальникомъ края. По прибытіи же вашемъ, мы окончательно убѣдились, что для насъ не существуетъ различія въ милости къ истинно исполняющимъ свои обязанности. Мы ощущаемъ то благоденствіе, которымъ оживляется весь край подъ мудрымъ вашимъ управленіемъ. Чувствуя себя возрожденными къ новой жизни, осмѣливаемся всѣмъ нашимъ обществомъ излить изъ глубины сердецъ нашихъ предъ вашимъ высокопревосходительствомъ чувства искренней благодарности и нижайше утруждать васъ просьбою объ исходатайствованіи у государя императора благосклоннаго принятія отъ насъ представляемаго при семъ всеподданнѣйшаго письма и вмѣстѣ съ этимъ просимъ: разрѣшить намъ открыть подписку для

добровольныхъ пожертвованій въ пользу раненыхъ нижнихъ чиновъ и семействъ, пострадавшихъ отъ мятежа».

Нѣсколько времени спустя, лишь только стали разсѣваться крамольные туманы на горизонтѣ Литовскомъ, вниманіе главнаго начальника края обращено было на дѣло воспитанія въ немъ. Однажды Михаилъ Николаевичъ, усадивъ меня предъ собою въ кабинетѣ, внушительно указалъ мнѣ на весьма важный недостатокъ въ воспитаніи еврейскихъ дѣвицъ въ Виленскомъ женскомъ, нынѣ Маріинскомъ высшемъ училищѣ.

— Дѣвицы эти,—сказалъ онъ,—не имѣютъ вовсе учителя своей еврейской вѣры и, по допущенному безпорядку, онѣ, во время уроковъ закона вѣры христіанской, остаются въ корридорѣ заведенія.—Нельзя ли позаботиться, чтобы общество еврейское пожертвовало соотвѣтственную сумму на жалованье учителю закона еврейской вѣры.

— Евреи—отвѣтилъ я,—вполнѣ цѣнятъ такое милостивое вниманіе вашего высокопревосходительства къ столь священному интересу религіознаго воспитанія ихъ дѣтей. Мнѣ однако, при нынѣшнемъ крайнемъ застоѣ торговли и промышленности, весьма трудно вызвать ихъ на новое пожертвованіе. При всей сложности моихъ служебныхъ обязанностей, я готовъ самъ давать два урока въ недѣлю закона вѣры въ этомъ заведеніи безвозмездно. Великою же для себя наградою почелъ бы я, если бы ваше высокопревосходительство благоволили разрѣшить мнѣ позаботиться объ открытіи въ Вильнѣ нѣсколькихъ народныхъ школъ для обученія въ нихъ дѣтей неимущихъ евреевъ русской грамотѣ, которой они до настоящаго времени совершенно чужды.

— Я не только разрѣшаю вамъ это, но желаю, чтобы вы немедленно объ этомъ позаботились,—сказалъ Михаилъ Николаевичъ.—Составьте объ этомъ записку и передайте ее мнѣ черезъ начальника губерніи.

Къ вечеру того же дня записка была мною составлена и передана губернатору Панютину. Въ запискѣ этой просилъ я обязать родителей посылать своихъ дѣтей, мальчиковъ отъ 1—3-хъ часовъ дня, а дѣвочекъ отъ 5—7-ми часовъ послѣ обѣда, въ устраиваемыя для нихъ народныя школы для изученія русской грамоты и начальныхъ правилъ ариѳметики.

Евреямъ вообще было тогда очень желательно, чтобы дѣти ихъ знали русскую грамоту; но посылать ихъ учиться съ обнаженной головою въ русской школѣ многіе не рѣшались подъ страхомъ осужденія ихъ со стороны фанатиковъ, святошъ и особливо отъ защищающихъ личный свой интересъ меламдовъ, старавшихся выставить русскую школу, какъ опасное орудіе, способное расшатывать въ еврейскихъ юношахъ основаніе ихъ вѣры. Посему, для огражденія родителей отъ

нареканій со стороны, какъ истинныхъ, такъ и притворныхъ поклонниковъ Аримана, предположено было мною въ запискѣ штрафовать ослушныхъ тремя рублями.

Въ ту же ночь, около $2^1/_2$ ч. въ окно квартиры моей, бывшей въ домѣ Вишневскаго (гдѣ теперь аптека Микутовича), смежномъ съ домомъ губернаторскимъ, кто-то сильно постучалъ. Я всталъ съ постели, дрожа отъ страха, зажегъ свой фонарь, безъ котораго запрещено было тогда выходить ночью на улицу, подошелъ къ окну и спросилъ: кто тамъ стучиться?

— Жандармъ—отвѣтилъ кто-то.

— Увы, это вѣроятно жандармъ-вѣшатель! — закричала жена моя.—Хожденіе твое къ начальнику края можетъ погубить насъ.

— Что вамъ нужно?—спросилъ я.

— Къ вамъ бумага есть,—получилъ я въ отвѣтъ.

— А нельзя ли,—спросилъ я,—просунуть мнѣ бумагу эту черезъ щель между двухстворчатыми ставнями?

Вдругъ черезъ эту щель въ открытую мною форточку проскользнулъ запечатанный конвертъ, и до ушей моихъ дошелъ успокоительный стукъ уходившихъ тяжелыхъ сапогъ. Дрожащими руками раскрылъ я осторожно предъ фонаремъ конвертъ, въ которомъ оказалась моя записка о народныхъ школахъ съ надписью главнаго начальника края на поляхъ: «немедленно исполнить!» Уходя въ $2^1/_2$ ч. ночи отъ доклада домой мимо моей квартиры, губернаторъ Панютинъ велѣлъ своему жандарму передать мнѣ резолюцію Михаила Николаевича.

Около 9-ти часовъ утра меня позвали къ губернатору, у котораго я уже нашелъ директора гимназіи, г. Курнатовскаго. Начальникъ губерніи предложилъ намъ составить программу для предполагаемыхъ народныхъ школъ для евреевъ. Директоръ, недавно поступившій на свою должность, призналъ себя совершенно незнакомымъ съ условіями обученія мальчиковъ еврейскихъ, до ушей которыхъ тогда не доходилъ звукъ языка русскаго. Посему мы вмѣстѣ выхлопотали у губернатора освободить его отъ этой обязанности. Вмѣсто директора по моему предложенію разрѣшено было мнѣ призвать себѣ на помощь для составленія программы и для организованія школъ состоявшихъ при генералъ-губернаторѣ двухъ ученыхъ евреевъ Герштейна и Леванду. Администраторская же власть по этому дѣлу поручена была состоявшему при губернаторѣ для особыхъ порученій полковнику Павлову, впослѣдствіи зятю Панютина. Черезъ нѣсколько дней программа была выработана и одобрена начальствомъ. По распоряженію главнаго начальника края, далъ я въ ноябрѣ 1863 г. приклеить къ воротамъ всѣхъ синагогъ и молитвенныхъ домовъ города слѣдующія правила:

«Для вящшаго распространенія въ массѣ еврейскаго населенія употребленія русскаго языка, его превосходительство изволилъ утвердить для евреевъ города Вильны слѣдующія правила:

1) Для распространенія между евреями города Вильны необходимаго знанія отечественной грамоты учреждаются здѣсь безплатныя народныя еврейскія школы, въ которыхъ предметами преподаванія будутъ: русскій языкъ и ариѳметика. Преподаваніе производится ежедневно, кромѣ пятницы и субботы и прочихъ установленныхъ для еврейскихъ училищъ праздничныхъ дней, отъ часа до половины четвертаго по полудни.

2) Обученіе русской грамотѣ обязательно для всѣхъ еврейскихъ мальчиковъ отъ 8-ми до 17-ти лѣтняго возраста.

3) Родители обязаны посылать своихъ дѣтей мужскаго пола: а) въ казенныя учебныя заведенія, или б) въ открываемыя для евреевъ народныя школы, или в) къ домашнимъ учителямъ, получившимъ законное свидѣтельство на право домашняго преподаванія.

4) Необучающіе своего сына русской грамотѣ ни въ вышеизложенныхъ заведеніяхъ, ни посредствомъ домашнихъ учителей подвергаются денежному штрафу отъ 3-хъ до 25-ти рублей, смотря по состоянію.

5) На каждаго изъ домашнихъ учителей возлагается вести именной списокъ обучающимся у него русской грамотѣ мальчикамъ, съ обозначеніемъ времени, съ котораго каждый изъ нихъ поступилъ къ нему на обученіе.

6) Въ началѣ каждаго полугодія домашніе учители обязаны представить мѣстному раввину точныя копіи съ своихъ списковъ. Сверхъ того они должны увѣдомить раввина каждый разъ о перемѣнахъ, происшедшихъ въ личномъ составѣ оныхъ.

7) По окончаніи каждаго полугодія домашніе учители должны приводить своихъ учениковъ въ народныя школы, гдѣ ихъ подвергаютъ установленному испытанію.

8) За несоблюденіе вышеизложенныхъ правилъ и за ложное показаніе въ спискѣ домашній учитель подвергается въ первый разъ штрафу отъ 8-ми до 15-ти рублей, а во второй разъ—лишенію права воспитанія.

9) Меламды, съ своей стороны, представляя мѣстному раввину списки обучающихся въ ихъ хедерахъ мальчиковъ, должны обозначать въ этихъ спискахъ, гдѣ и у кого каждый изъ этихъ мальчиковъ обучается русской грамотѣ.

10) За укрывательство и ложное показаніе въ спискѣ меламедъ подвергается въ первый разъ штрафу отъ 5-ти до 10-ти рублей, во второй разъ — лишенію права на званіе меламда.

11) Содержатели ешиботовъ обязываются, подъ опасеніемъ штрафа отъ 50 до 100 рублей, ввести въ свои заведенія правильное препода-

ваніе русской грамоты и ариѳметики, въ объемѣ, положенномъ для народныхъ школъ.

12) Въ случаѣ неимѣнія средствъ для нанятія особыхъ учителей, содержатели ешиботовъ обязываются посылать молодыхъ людей, посѣщающихъ ихъ заведенія, въ народныя школы для обученія ихъ русской грамотѣ. За несоблюденіе этого правила съ содержателей ешиботовъ взыскивается по 3 рубля за каждаго непосылаемаго въ народныя школы ешиботника».

Наблюденіе за точнымъ исполненіемъ вышеозначенныхъ правилъ поручено мѣстной полиціи.

Далеко еще до открытія въ Вильнѣ для еврейскихъ мальчиковъ народныхъ школъ, благодаря пріѣзду сюда Муравьева, я позволялъ себѣ въ высокоторжественные дни читать въ главной виленской синагогѣ рѣчи на русскомъ языкѣ. Въ рѣчахъ этихъ, о которыхъ въ свое время напечатано было въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» и въ «Вѣстникѣ Западной Россіи», старался я доказать своимъ единовѣрцамъ, насколько позоритъ русскаго гражданина неумѣніе правильно объясняться на господствующемъ нарѣчіи его отечества и насколько это невыгодно и убыточно не понимать хорошо содержанія и смысла какого-нибудь написаннаго по-русски промышленнаго акта, общежитейскаго договора или торговаго документа, что̀ даетъ такъ часто поводъ къ серьезнымъ спорамъ и недоразумѣніямъ. Большинство еврейскихъ слушателей весьма сочувственно относились къ этимъ словамъ, но одни не находили мѣста, а другимъ не хватало средствъ для избавленія своихъ дѣтей отъ этого вполнѣ дознаннаго ими невыгоднаго положенія. Это обстоятельство и дало мнѣ поводъ къ ходатайству о народныхъ для евреевъ школахъ, которыя стали для нихъ особенно необходимы въ виду монаршей милости, незадолго до этого времени даровавшей евреямъ-ремесленникамъ право селиться во внутреннихъ губерніяхъ Россіи.

Первая квартира подъ народную школу была нанята на самомъ многолюдномъ еврейскомъ центрѣ, въ Николаевскомъ переулкѣ, въ домѣ Малиновскаго, въ ноябрѣ 1863 года. Освящена и открыта была эта первая школа прочитанною мною рѣчью представителямъ всѣхъ еврейскихъ сословій г. Вильны, при чемъ присутствовали начальникъ губерніи, попечитель Виленскаго учебнаго округа и разные другіе мѣстные сановники. Рѣчь эта напечатана была въ № 14 «Виленскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за 1863 годъ. Вслѣдъ за тѣмъ открыты были еще другія школы въ разныхъ пунктахъ города. Сотни мальчиковъ являлись съ родителями записаться въ число учащихся. Дѣти эти, дотолѣ привыкшія сидѣть съ ранняго утра до вечера, одни въ мрачныхъ, удушливыхъ хедерныхъ конурахъ подъ грозной ферулой неблаговоспитанныхъ меламдовъ-воспитателей, другія подъ тяжелой работой въ под-

земныхъ мастерскихъ,—стали каждый день на нѣсколько часовъ переводить духъ въ свѣтлыхъ, благоустроенныхъ классныхъ комнатахъ, подъ ласковымъ руководствомъ избранныхъ нами лучшихъ, благовоспитанныхъ учителей, старавшихся вложить въ юныя существа живую душу и влить въ нихъ новую свѣжую струю жизни. Число учащихся росло съ каждымъ днемъ, такъ что приходилось въ каждой школѣ, а также въ прежде существовавшихъ казенныхъ еврейскихъ училищахъ, открыть для обученія мальчиковъ послѣобѣденныя смѣны. Вотъ что писалъ послѣ открытія первыхъ такихъ школъ одинъ русскій педагогъ [1]):

«Мы уже своевременно извѣстили читателей объ открытіи въ Вильнѣ двухъ народныхъ школъ для евреевъ. Несмотря на новизну дѣла, несмотря на зимнее время, въ одной изъ нихъ, состоящей на Жмудской улицѣ, въ домѣ Малиновскаго, число мальчиковъ, заявившихъ желаніе учиться, до того оказалось великимъ, что должно было устроить двѣ смѣны, считая въ каждой по 120 учениковъ.

«Достойно вниманія, что учители школы охотно согласились нести двойной трудъ безвыходно съ обѣими смѣнами, заниматься ежедневно слишкомъ по пяти часовъ, не требуя за это никакой прибавки къ получаемому ими жалованью.

«Нельзя не порадоваться столь похвальнымъ дѣйствіямъ тружениковъ-учителей, за что, мы въ этомъ увѣрены, всякій изъ глубины души скажетъ имъ русское с п а с и б о.

«О другой школѣ, помѣщающейся на Конномъ рынкѣ и въ которой обучаются 150 мальчиковъ, спѣшимъ сообщить слѣдующій утѣшительный фактъ.

«Любознательность еврейскихъ мальчиковъ доходитъ до того, что по окончаніи уже класса они просятъ учителей еще нѣсколько времени остаться въ школѣ и продолжать ученіе. Доказательствомъ же успѣшнаго тамъ преподаванія можетъ служить то обстоятельство, что два или три мальчика, не видавшіе даже отъ роду русскихъ письменъ, въ какія-нибудь полторы или двѣ недѣли усвоили себѣ процессъ чтенія, такъ что уже очень порядочно читаютъ по-русски, конечно, пока еще машинально.

«Наконецъ, открыта здѣсь и третья школа для евреевъ. Здѣшнее еврейское общество отвело для нея приличное помѣщеніе въ домѣ Талмудъ-торы, состоящемъ во Францисканскомъ переулкѣ; дирекція раввинскаго училища назначила туда двухъ учителей, обучающихъ въ двухъ классахъ до 130 мальчиковъ. Жалованье получаютъ учители изъ денежнаго сбора, среди еврейскаго общества на этотъ предметъ открытаго.

---

[1]) См. „Вѣстникъ Западной Россіи“ 1863 декабрь, стр. 340.

«Всего, значитъ, учащихся въ трехъ народныхъ школахъ для евреевъ слишкомъ пять сотъ человѣкъ; теперь уже нѣтъ физической возможности въ сказанныхъ школахъ помѣстить все число желающихъ учиться.

«Итакъ, еще и еще нужны школы! Послѣ такихъ ясныхъ доводовъ сильнаго желанія еврейскаго населенія здѣшняго края учиться послѣдовало уже распоряженіе объ учрежденіи новыхъ школъ. А за средствами дѣло не станетъ: учрежденіе народныхъ школъ сдѣлалось нынѣ насущною потребностью, и еврейское общество, понявъ благую инціативу правительства, всячески ему содѣйствуетъ».

Однако, какъ всякая новинка, не прошло и это благотворное начинаніе безъ оппозиціи со стороны заинтересованныхъ лицъ. Особенно ратовали противъ народныхъ школъ меламды, которые видѣли въ нихъ опасную для своихъ хедеровъ конкурренцію. Одинъ матеріально богато обезпеченный еврей, Ш. К. взялъ на себя роль заступника ихъ, подъ личиною защитника религіи, и распространялъ слухъ, будто народныя школы эти имѣютъ своей цѣлію сближать еврейскихъ мальчиковъ съ началами православнаго вѣроученія и пошатывать въ нихъ исподволь основы вѣры іудейской. Убѣдить въ этомъ сѣрую массу успѣлъ онъ однимъ только указаніемъ на то, что мальчикамъ еврейскимъ приходится сидѣть каждодневно нѣсколько часовъ надъ русскими книжками съ непокрытою головою. Подобнаго рода извѣтами старался онъ дискредитировать народныя школы предъ обществомъ. Зятю губернатора, полковнику Павлову, случилось узнать объ этомъ въ одномъ еврейскомъ магазинѣ; онъ доложилъ немедленно объ этомъ начальнику губерніи, который въ тотъ же день потребовалъ къ себѣ этого проповѣдника и открылъ передъ нимъ ожидающую его весьма невыгодную перспективу. Такое предостереженіе крайне переполошило этого интригана и его сообщниковъ, и всѣ они послѣ многихъ совѣщаній додумались до особаго замысловатаго громоотвода, какъ выяснится въ слѣдующемъ.

Въ четвергъ той же недѣли мнѣ доложено было, что на дворѣ синагоги, въ такъ называвшейся тогда «общественной избѣ», собрались старѣйшіе еврейскіе обыватели города для какого-то совѣщанія. Такъ какъ въ то тревожное время всякое народное собраніе безъ вѣдома начальства было строго запрещено, то я сейчасъ же отправился туда, дабы узнать въ чемъ дѣло. Общественная изба оказалась запертой на ключъ, а у дверей стоялъ старый служка синагоги. Когда двери предо мною открылись, глазамъ моимъ представилось большое общество, между которымъ выдавалась рельефно физіономія выступившаго противъ народныхъ школъ Ш. К. Все это собраніе сидѣло около длиннаго стола, и съ появленіемъ моимъ участники стали безмолвно

переглядываться между собою. Въ серединѣ задняго ряда сидѣлъ общественный писецъ надъ какою-то еще недоконченною бумагою.

Изъ прочитанныхъ мною первыхъ строкъ увидѣлъ я, что готовится весьма горячій благодарственный адресъ главному начальнику края за открытыя имъ для еврейскихъ мальчиковъ въ Вильнѣ народныя школы. Пріятно пораженный такимъ совершенно неожиданнымъ мною благимъ начинаніемъ стариковъ, отъ которыхъ менѣе всего можно было ожидать такого сочувственнаго отношенія къ русской школѣ для еврейскихъ мальчиковъ, я попытался узнать, кто именно успѣлъ вложить имъ въ душу такую благородную мысль? Дѣло скоро выяснилось.

Такъ какъ возставшему противъ народныхъ школъ кущу Ш. К. грозила опасность преслѣдованія отъ начальства за противодѣйствіе мѣрамъ власти, то онъ убѣдилъ собраніе составить на имя главнаго начальника края благодарственный адресъ за открытіе этихъ школъ и просилъ позволенія подписаться подъ этимъ адресомъ первымъ. Адресъ этотъ предположено было изготовить безъ моего вѣдѣнія, дабы начальство не считало его вызваннымъ моимъ стараніемъ. Я далъ собранію обѣщаніе оставаться въ сторонѣ и ушелъ домой.

На третій день, въ субботу утромъ сидѣвшій у меня инспекторъ бывшаго въ Вильнѣ раввинскаго училища обратилъ мое вниманіе на цѣлую вереницу стариковъ-евреевъ, идущихъ мимо оконъ моей квартиры по направленію къ губернаторскому дому.

— Они,—говорилъ онъ,—идутъ вѣроятно къ начальнику губерніи; отчего безъ васъ?

Я догадался, въ чемъ дѣло, и объяснилъ ему, что на сей разъ, по особенному обстоятельству, мнѣ при нихъ быть не слѣдуетъ.

Минутъ черезъ десять, однако, пришелъ ко мнѣ одинъ изъ этой группы и доложилъ, что губернаторъ ихъ не принимаетъ безъ раввина. Я отправился туда, и на вопросъ губернатора, въ чемъ дѣло? отвѣтилъ:

— Эти члены общества имѣютъ къ вашему превосходительству теперь дѣло, въ которомъ я непричастенъ.

— Чего же вы отъ меня желаете?—спросилъ Панютинъ, обращаясь къ нимъ.

Старшій изъ нихъ вынулъ изъ-за пазухи адресъ и, вручивъ его губернатору, сказалъ:

— Покорнѣйше просимъ ваше превосходительство представить это наше письмо г-ну главному начальнику края.

Изъ адреса губернаторъ узналъ, что виленское еврейское общество высоко цѣнитъ идею открытія для подрастающаго поколѣнія евреевъ школъ русской грамоты, имѣющихъ для государства болѣе важное значеніе, нежели гимназіи и университеты.

— Ужели—сказалъ губернаторъ—вы такъ знакомы со значеніемъ гимназій и университетовъ, что позволяете себѣ сопоставлять ихъ съ народными школами начальной русской грамоты? И такой смѣшной адресъ просите меня представить главному начальнику края!

Разорвавъ адресъ и бросивъ клочки его предъ ними на полъ, онъ обратился ко мнѣ.

— Вамъ я дамъ знать, согласенъ ли Михаилъ Николаевичъ и когда именно принять отъ вашего общества личное выраженіе благодарности за открытіе школъ.

На слѣдующій день мнѣ дано было знать, что Михаилъ Николаевичъ согласился принять насъ въ 11 часовъ утра. Къ назначенному времени собралось въ пріемной залѣ генералъ-губернатора около 60 старѣйшихъ лицъ еврейскаго общества. Съ выходомъ къ намъ Михаила Николаевича я передалъ ему желаніе общества выразить ему свою задушевную благодарность за открытіе имъ для дѣтей школъ для обученія ихъ русской грамотѣ.

— Мнѣ весьма пріятно,—сказалъ Муравьевъ,—видѣть васъ признательными за оказанное вамъ добро; позволяю себѣ однако думать, что вы еще весьма мало понимаете теперь значеніе для васъ этихъ школъ русской грамоты. Это станетъ вамъ ясно въ будущемъ. Теперь же вамъ знать слѣдуетъ, что я человѣкъ дѣла, а не слова только. Если вы дѣйствительно хотите выразить мнѣ благодарность за это сдѣланное вамъ мною добро, то подтвердите не словомъ, а добрымъ дѣломъ. Вамъ довольно извѣстно, что между мальчиками, которые посѣщать должны эти школы грамотности, многіе лишены платья и сапогъ, многіе не въ состояніи отдавать трудомъ добытыя родителями ихъ копѣйки за книжки, карандаши и тетради.

— Разрѣшаю вамъ, раввинъ,—прибавилъ Михаилъ Николаевичъ, обращаясь ко мнѣ,—открыть подписку на посильныя пожертвованія со стороны состоятельныхъ членовъ вашего общества въ пользу бѣдныхъ учащихся въ народныхъ школахъ. Это почту я дѣйствительнымъ знакомъ вашего сочувствія этому доброму дѣлу. Да дастъ ему Богъ успѣхъ!

Представители общества глубокимъ поклономъ отозвались на эти слова уходившаго отъ насъ начальника края.

Пришедши домой, положилъ я на столъ въ канцеляріи моей листъ бумаги съ написаннымъ заголовкомъ: «Пожертвованія въ пользу бѣдныхъ учащихся въ народныхъ для евреевъ школахъ въ Вильнѣ». До вечера того же дня, сумма пожертвованій, по сохраняющемуся у меня донынѣ подписному листу, дошла до 705 рублей. Даже выступившій застрѣльщикомъ противъ школъ, по натурѣ своей далеко не тароватый Ш. К. раскошелился на цѣлыхъ 40 рублей. Сумма пожертвованій препровож-

дена была къ начальнику губерніи, по распоряженію котораго пріобрѣтены были платья, обувь, капюшоны, учебники и другія письменныя принадлежности и розданы нуждавшимся въ нихъ бѣднымъ учащимся.

Посѣщавшіе школы мальчики и подросшіе юноши, равно и смѣнявшія ихъ въ послѣобѣденное время дѣвочки, благодаря свойственной имъ природной смѣтливости съ одной и стараніямъ обучавшихъ ихъ питомцевъ б. раввинскаго училища съ другой стороны, весьма скоро освоились съ живой русской рѣчью и съ началами ариѳметики. На улицахъ и въ мѣстахъ народныхъ гуляній г. Вильны преобладающее большинство еврейской молодежи довольно плавно и толково стало бесѣдовать между собою по-русски. «Правила учатъ, примѣръ же увлекаетъ»; и мы можемъ фактически засвидѣтельствовать, что даже служанки еврейскія, за маленькую плату изъ кровнаго своего скуднаго жалованья, брали уроки русской грамоты.

Грустно и крайне тяжело было прожить то смутное время, въ которое приходилось управлять Сѣверо-Западнымъ краемъ Михаилу Николаевичу Муравьеву; но время это въ результатѣ подтвердило намъ всю истинность старинной поговорки: «нѣтъ худа безъ добра». Это стихійное потрясеніе въ краѣ возстановило единство разрозненнаго и заглушеннаго въ западныхъ губерніяхъ нашего отечества русскаго элемента и возвратило ему законное преобладаніе. Еврейскому же населенію, искони вѣрному русскому знамени, эта реорганизація края дала болѣе правильное культурное направленіе, которое почти съ каждымъ годомъ измѣняетъ къ лучшему нравственную физіономію этого народа, искалѣченнаго вѣковыми, весьма невыгодными бытовыми условіями. Убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ сего служить можетъ настоящее положеніе. Повѣрилъ ли бы кто въ 50-ыхъ годахъ, что лишь черезъ два-три десятка лѣтъ тормозить придется разными ограниченіями слишкомъ усиленное порываніе евреевъ къ образованію? А это вѣдь и сбылось предъ нашими же глазами, и народъ этотъ, получивъ разъ толчокъ извнѣ, идетъ и пойдетъ поступательно, какъ бы по инерціи, къ своему возрожденію, отлично сознавая, что возрожденіе его преимущественно зависитъ отъ осуществленія божественнаго слова: «да будетъ свѣтъ!»

О. Н Штейнбергъ.

Письмо Н. М. Рожалина—С. П. Шевыреву.

Авторъ помѣщаемаго ниже письма Н. М. Рожалинъ, — одинъ изъ много обѣщавшихъ, но безвременно погибшихъ представителей московской интеллигенціи 30-хъ годовъ. Имя его много разъ встрѣчается въ извѣстномъ трудѣ Н. П. Барсукова: Жизнь и труды Погодина [1]). Приводимое письмо (одно изъ трехъ его писемъ къ Шевыреву, хранимыхъ въ бумагахъ С. П. Шевырева въ Императорской Публичной биліотекѣ), представляетъ интересъ, какъ выраженіе мнѣнія о знаменитой картинѣ Брюллова одного изъ наиболѣе подготовленныхъ русскихъ цѣнителей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ передача общественнаго мнѣнія римской публики.

Помимо этого, настоящее письмо любопытно, какъ выраженіе убѣжденія передовыхъ москвичей того времени, что истинная наука, способная воодушевить русскую молодежь, есть наука нѣмецкая (петербургскіе профессоры того времени, какъ извѣстно, ей такого значенія не придавали). Въ этомъ отношеніи еще любопытнѣе второе письмо Рожалина, также мною списанное.

Князь Александръ есть, безъ сомнѣнія, кн. А. Волконскій, ученикъ Шевырева.

Княгиня З.—кн. Зинаида Волконская.

Авдотья Петровна — Елагина, мать Ивана и Петра Кирѣевскихъ.

Кривцовъ—руководитель русскихъ художниковъ въ Римѣ, игравшій довольно видную роль въ біографіи Гоголя.

Письмо печатаемъ съ сохраненіемъ орѳографіи подлинника.

А. Кирпичниковъ.

---

[1]) I, 281, 300 и пр. II, 39, 46—48 и пр. и пр.

Римъ 25-го августа (1833 г., какъ видно изъ почтоваго штемпеля).

Милый Шевыревъ, разумѣется, ты раскроешь мое письмо съ сердцемъ и проклятіями: какъ до сихъ поръ не отвѣчать! Но только въ этомъ и вся вина моя, впрочемъ слишкомъ обыкновенная. Порученіе твое, купить D'Agincourt'a, я исполнилъ на четвертый день по полученіи твоего письма, и исполнилъ съ выгодой для тебя. Ты цѣну этому увражу назначалъ въ 50 скудовъ, Феретти, котораго я просилъ справиться,—въ 65, я досталъ его за 45, и совершенно новый. Прилагаю росписку De Romanis'a. Здѣшній комисіонеръ De Sanctis, рекомендованный Giorgeri'емъ, отправилъ его немедленно къ Энгельбаху, нашему консулу въ Ливорно, откуда онъ поплылъ въ Петербургъ на имя кн. Александра и, вѣроятно, вслѣдъ за этимъ письмомъ будетъ имѣть честь явиться къ тебѣ. Недовѣряя акуратности нашей цензуры, я счетомъ пересчиталъ всѣ эстампы, означилъ число ихъ на переплетѣ всѣхъ волюмовъ, просилъ княгиню З. переслать этотъ счетъ к. Александру и теперь сообщаю тебѣ (слѣдуетъ счетъ).

Теперь я правъ, и ты можешь сдѣлаться съ цензурою въ случаѣ какой-нибудь потери.

Твой Ватиканъ Pistoleri мало-по-малу наростаетъ; библіотека уже описана, начинается Музей. Меня недавно принудили подписаться на Campidoglio, издаваемыя Righetti; цѣна этого изданія будетъ состоять, также какъ и Ватикана, разумѣется, только въ полнотѣ и акуратности гравюръ; но все-таки я не жалѣю, что подписался.

Скоро сентябрь, скоро раздастся твой голосъ въ нашемъ монотонномъ, вяломъ университетѣ. Вотъ о чемъ часто думаю. Хотѣлось бы спросить, какъ и съ чего начнешь свой курсъ, да эти извѣстія вѣроятно бъ не застали меня въ Римѣ. Авось скоро все увижу своими глазами. Что-то Погодинъ? Пожалуйста поклонись отъ меня дружески. Также Максимовичу и Мельгунову.

Недавно прочелъ я въ отчетѣ о Лейпцигской ярмонкѣ взглядъ на прошлогоднюю жатву нѣмецкой литературы—меня взяла какая-то лихорадка, та самая, которая такъ часто навѣщала въ Германіи. Голова пойдетъ кругомъ; что за раздолье! Сколько лихихъ работниковъ! Какой океанъ новостей! А нашъ братъ — но лучше не говорить объ этомъ и не думать. Сообщу наскоро что вспомню изъ всего этого множества. Крейцерова Иродота вышло уже три тома. Вагнерово новое изданіе Гейнева Виргилія съ исправленіями и добавками кончено. Реветтовы Аѳинскія древности также. Новое изданіе Якобсова перевода Демосѳеновыхъ рѣчей, въ томъ числѣ и рѣчи о вѣнцѣ, образецъ перевода и толкованія. Бёкъ выдалъ новый томъ греческихъ надписей. Явилось также нѣсколько важныхъ переводовъ съ комментаріями изъ Эсхила и Эврипида. Пассовъ умеръ. Больше ли у васъ въ Москвѣ стало нѣмецкихъ журна-

ловъ? Прибавилось ли знающихъ этотъ языкъ въ Университетѣ? Непремѣнно надобно, чтобъ наши студенты слѣдили каждый шагъ этой литературы.

У насъ въ Римѣ важнѣйшимъ происшествіемъ была выставка картины Брюлова въ его студіи. Весь городъ стекался дивиться ей: дамы толпами приходили развлекать зрителей, и, можетъ быть, только поэтому Брюловъ не дожилъ до обожанія: впрочемъ grand'uomo, un altro Rafaello, il primo quadro del mondo dopo la scuola d' Atene, всѣ эти и подобныя имъ похвалы были á l'ordre du jour и безпрестанно слышались въ устахъ даже самихъ художниковъ. Торвальдсенъ объявилъ, что подобной картины никто изъ теперешнихъ живописцевъ въ Римѣ даже и скомпоновать не въ силахъ. А мнѣ—не во гнѣвъ Торвальдсену—композиція то и менѣе всего нравится. Исполненіе блестящее, но французское, такъ какъ и общій характеръ картины. Надо бы что-нибудь написать объ ней, тѣмъ болѣе что Висконти больно досадилъ мнѣ своимъ надутымъ и пустымъ ея описаніемъ, которое онъ важно посвящаетъ обществу поощренія художниковъ въ Петербургѣ. Бруни собирается приступить къ приготовленіямъ начать писать картину, которой кортонъ, очень хорошій и много обѣщающій, уже конченъ. Еслибъ этотъ человѣкъ больше размышлялъ, то могъ бы зашибить Брюлова.

Княгиня все еще въ Неаполѣ, здорова, также какъ и М. Алек., и мы ждемъ ихъ сюда скоро.

Прощай, милый Шевыревъ, обнимаю тебя. О себѣ не пишу, во первыхъ, въ надеждѣ скоро свидѣться, во вторыхъ, по пословицѣ: не тронь и пр.

Кланяйся Авдотьѣ Петровнѣ, всему ея семейству, всѣмъ въ Москвѣ, кто меня еще можетъ вспомнить.

Кривцовъ вчера вручилъ мнѣ письмо, здѣсь прилагаемое, съ просьбой переслать его вамъ, т. е. тебѣ или к. Алек., для доставленія по адресу, и увѣрялъ, что я, ты и кн. Александръ этимъ его крайне обяжете. Весь твой Рожалинъ.

Собственноручное письмо В. А. Жуковскаго—П. В. Хатову.

7-го января 1825 г.

Посылаю вашему превосходительству обѣщанный мною экземпляръ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ»: найдете въ этой книжкѣ письма Перовскаго; я увѣренъ, что они вамъ понравятся. Гравированная картинка изображаетъ Дона-Тасса въ Сорренто, гдѣ нашъ Василій Алексѣевичъ (Перовскій) долго жилъ.

Имѣю честь быть съ совершеннымъ и искреннимъ почтеніемъ и проч.

Собственноручная записка Н. М. Карамзина—П. В. Хатову.

24-го марта 1826 г.

Умиравшій, но не умершій Карамзинъ, хотя еще и слабый, какъ тѣнь, сердечно желаетъ совершеннаго здоровья его высокопревосходительству Павлу Васильевичу и покорнѣйше проситъ его сдѣлать ему чувствительное одолженіе, если можно: въ числѣ пажей, отправляемыхъ въ Москву по случаю коронаціи, милостиво назначить пажа графа Ефимовскаго, у котораго тамъ престарѣлый дѣдъ и нездоровая мать.

Изъ записокъ Д. П. Рунича.

V [1]).

Императоръ Павелъ и его отношенія къ эмигрантамъ.—Принятіе имъ магистерства ордена св. Іоанна Іерусалимскаго.—Вѣна въ 1798—1799 г.—Гр. Андрей Разумовскій и Суворовъ въ Вѣнѣ.—Общество траппистовъ.—Герцогъ Зюдерманландскій, впослѣдствіи шведскій король Карлъ XIII.—Герцогъ Энгіенскій.—Возвращеніе Рунича въ Петербургъ.—Нелидова.—Лопухина.—Актриса Шевалье.—Кн. Василій Горчаковъ.—М. М. Сперанскій.—Сближеніе императора Павла съ Наполеономъ.—Вопросъ объ островѣ Мальтѣ.—Церемонія сожженія костровъ.—Кончина императора Павла I.

Послѣдніе годы XVIII вѣка такъ богаты событіями, въ особенности 1798 и 1799 гг., что я не могу не коснуться нѣкоторыхъ подробностей, которыя могутъ освѣтить факты величайшей важности; но я не буду указывать времени, когда произошли эти событія, и чиселъ, которыя не трудно возстановить всякому интересующемуся хронологіей событій.

Послѣ заключенія мира въ Кампо-Форміо, который коснулся главнымъ образомъ интересовъ Австріи и Италіи, политическія треволненія продолжали занимать европейскіе кабинеты.

Великодушный императоръ Павелъ I взялъ на себя роль покровителя во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ правосудіе требуетъ поддержки власти и безкорыстія. Онъ призвалъ въ Россію армію французскихъ принцевъ, пожертвовавшихъ всѣми личными выгодами для того, чтобы поддержать

[1]) См. „Русскую Старину“, 1901 г. январь.

права своего законнаго монарха, и предложилъ въ своей столицѣ пріютъ потомку знаменитаго Конде. Онъ далъ, какъ великій монархъ, пріютъ несчастному королю Людовику XVIII съ его дворомъ въ бывшей столицѣ Курляндіи. Трапписты [1]), не имѣвшіе болѣе во Франціи ни пяди земли и считавшіе въ числѣ своихъ монахинь герцогиню Бурбонскую, получили на Волыни въ полную собственность монастырь, гдѣ имъ разрѣшено было поселиться; многіе французскіе эмигранты знатнѣйшихъ фамилій были приняты въ русскую армію, которая увидѣла въ своихъ рядахъ Ришелье, Ланжероновъ, Сенъ-При и многихъ другихъ французскихъ аристократовъ. Принцу Конде былъ пожалованъ въ Петербургѣ обширнѣйшій дворецъ, принадлежащій нынѣ герцогу Лейхтенбергскому.

Мальта, коей завладѣли англичане, не была уже мѣстопребываніемъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Этотъ древній орденъ знаменитъ въ исторіи тѣмъ, что его приверженцы выказывали постоянно самыя благородныя, безкорыстныя, истинно рыцарскія чувства. Этотъ духъ сильно мѣшалъ распространенію среди нихъ новыхъ идей; и это обстоятельство, а равно владѣніе ими островомъ Мальтою, который Англія давно облюбовала, было въ значительной степени причиною уничтоженія ордена! Послѣ того какъ онъ былъ распущенъ, высшія сановныя лица Мальтійскаго ордена отдали себя подъ могущественное покровительство императора Павла I, предложивъ ему званіе гросмейстера. Новый Баярдъ, рыцарь безъ страха и упрека, Павелъ принялъ предложеніе, сдѣланное ему депутаціей этого ордена, которая прибыла въ Петербургъ съ драгоцѣнной для всего христіанскаго міра реликвіей, правой рукою св. Іоанна Крестителя Предтечи Христова. Онъ объявилъ себя магистромъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, пожелалъ, чтобы капитулъ его находился въ Петербургѣ, и помѣстилъ его во дворцѣ Чернышева, нынѣ Пажескій корпусъ, поднявъ этимъ значеніе этого знаменитаго ордена, существованіе котораго оскорбляло французскихъ революціонеровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣшало планамъ Англіи на всемірное владычество на морѣ. Хотя Мальта находилась уже въ рукахъ англичанъ, но новый гросмейстеръ назначилъ командующимъ островомъ генералъ-лейтенанта князя Димитрія Михайловича Волконскаго. Императоръ учредилъ въ Россіи командорства, назначилъ нѣсколько

[1]) Трапписты, монашескій орденъ, основанный въ 1122 г., преобразованъ въ 1664 г. де-Рансе, давшимъ ему суровый уставъ. Члены ордена ходили безъ рубашекъ, питались хлѣбомъ, рисомъ и картофелемъ и строго соблюдали обѣтъ молчанія. Во время французской революціи трапписты разсѣялись по Швейцаріи, Пруссіи и Россіи и повсюду встрѣчали недружелюбный пріемъ. Въ 1817 г. они вернулись въ свое аббатство во Франціи, а въ 1880 г. изгнаны изъ предѣловъ этой страны. В. Т.

человѣкъ командорами и кавалерами этого ордена, который давался также въ награду офицерамъ и генераламъ, совершившимъ кампанію въ Италіи, Швейцаріи и Голландіи, такъ какъ Павелъ не давалъ болѣе никому Георгіевскаго и Владимірскаго крестовъ, учрежденныхъ его матерью. Къ ложамъ французской, нѣмецкой и италіанской присоединилась русская ложа.

Мальтійскій мундиръ остался такимъ же, какимъ его носили въ нѣмецкой ложѣ, съ черными бархатными отворотами, обшлагами и воротникомъ. Изъ-за обладанія Мальтою, отъ которой Англія не хотѣла отказаться, возникъ со временемъ споръ и разногласіе между с.-петербургскимъ и сентъ-джемскимъ кабинетами. Всѣ перечисленныя мною событія требовали бы болѣе обстоятельнаго описанія, но главный ихъ интересъ заключается не въ подробностяхъ.

Событія суть не что иное, какъ внѣшнее проявленіе идей, коими они порождаются; эти идеи могутъ быть велики или ничтожны. Послѣдствія никогда не зависятъ отъ воли человѣка. Тотъ, кто вздумалъ бы судить о людяхъ по результатамъ, проистекающимъ изъ плановъ, порожденныхъ ихъ геніемъ или умомъ, неминуемо впалъ бы въ ошибку! По результатамъ можно судить только о дѣйствіи механическихъ силъ, которое можетъ быть заранѣе опредѣлено на основаніи точнаго разсчета.

Могъ ли самый умный и предусмотрительный человѣкъ предсказать, что корсиканецъ, воспитанникъ артиллерійской школы во Франціи, менѣе нежели черезъ 15 лѣтъ будетъ императоромъ французовъ, сотретъ съ лица земли все то, что существовало вѣками, и станетъ полновластнымъ повелителемъ имперіи болѣе обширной, нежели была имперія Карла Великаго?

Обозрѣвая прошедшее и сравнивая его съ настоящимъ, все представляется въ высшей степени интереснымъ. Боссюэтъ сказалъ великую истину, что надобно быть непричастнымъ къ событіямъ для того, чтобы судить о нихъ. Актеры, играя на сценѣ, не могутъ замѣтить своихъ главныхъ недостатковъ и своихъ достоинствъ,—ихъ увлекаетъ дѣйствіе. Поглощенные главной цѣлью, какъ можно вѣрнѣе передать изображаемый ими оригиналъ, они не слѣдятъ за собою и не могутъ видѣть себя. О нихъ могутъ судить только зрители. Слѣдовательно, для того, чтобы наблюдать и судить, надобно быть зрителемъ, а не дѣйствующимъ лицомъ.

Всѣ люди, такъ или иначе причастные къ извѣстнымъ событіямъ, не могутъ безпристрастно судить о нихъ. Событія, ознаменовавшія собою три послѣдніе, достопамятные года конца XVIII вѣка, и лица, появившіяся въ это время на міровой сценѣ, безъ сомнѣнія, представляютъ большой интересъ для исторіи развитія человѣческаго ума и для исторіи народовъ.

Сказавъ о томъ, какую физіономію представляла собою Вѣна въ іюнѣ мѣсяцѣ 1797 г., когда я пріѣхалъ въ этотъ городъ, я упомяну еще, не придерживаясь хронологіи, о нѣкоторыхъ событіяхъ, совершившихся въ теченіе 1798—1799 гг., когда я жилъ въ столицѣ австрійской имперіи, и о выдающихся личностяхъ, которыя не должны быть забыты, подобно простымъ смертнымъ или подобно огромному большинству людей, живущихъ только для того, чтобы удобрять почву.

Вѣнскій кабинетъ слишкомъ спокоенъ, остороженъ и предусмотрителенъ для того, чтобы дѣйствовать когда-либо подъ вліяніемъ минуты. Онъ всегда предвидитъ будущее и хотя излишняя осторожность или недовѣрчивость вовлекаетъ его иногда въ ошибки, но это бываетъ обыкновенно въ ущербъ не ему, а его союзникамъ; что касается Австріи, то ей удается обыкновенно вознаградить себя за потери, причиненныя ей этою политикою.

Изъ дипломатовъ наибольшее вліяніе на вѣнскій кабинетъ, во главѣ котораго стоялъ баронъ Тугутъ, безспорно, имѣлъ въ то время русскій посланникъ, графъ Андрей Разумовскій.

Вельможа по происхожденію, сынъ человѣка, возвысившагося благодаря случаю, онъ обладалъ огромнымъ состояніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣми качествами государственнаго человѣка. Въ немъ все было необычайно. Знаніе свѣта, проницательный умъ, обширное образованіе, хитрость, представительная наружность, обаятельная любезность, даръ слова, въ особенности умѣніе излагать свои мысли письменно по самымъ важнымъ вопросамъ,—всѣ эти качества поставили его во главѣ дипломатическаго корпуса, придавали ему вліяніе въ дѣлахъ и политическихъ сдѣлкахъ, въ которыхъ интересы его страны требовали примѣненія его выдающихся способностей. Врагъ республиканскихъ санкюлотовъ по убѣжденію и по своему положенію въ свѣтѣ, онъ всѣми силами старался сдѣлать изъ своего монарха союзника и помощника Австріи; но не въ его власти было заставить австрійскій кабинетъ и его знаменитый Kriegsrath (военный совѣтъ) измѣнить взгляды, коими они руководились въ своихъ планахъ и мѣропріятіяхъ, благодаря которымъ Суворовъ потерпѣлъ неудачу въ Италіи, а императоръ Павелъ былъ вынужденъ отозвать свои войска.

Павелъ не любилъ Разумовскаго. Онъ зналъ, что Разумовскій былъ весьма близокъ къ его первой женѣ, но онъ дорожилъ имъ, какъ человѣкомъ высокаго незауряднаго ума. Я не знаю, чѣмъ было вызвано временное отозваніе изъ Вѣны этого бывшаго соперника великаго князя. Какъ бы то ни было, онъ былъ отозванъ незадолго до моего отъѣзда изъ этого города, и на его мѣсто былъ назначенъ Колычевъ, бывшій посланникомъ въ Голландіи. Но отсутствіе Разумовскаго продолжалось не долго; онъ возвратился вскорѣ на мѣсто посланника. За нѣсколько

недѣль до своего отозванія, Разумовскій показывалъ мнѣ великолѣпные алмазные знаки св. Андрея Первозваннаго, большой цѣнности, присланные ему его отцомъ-фельдмаршаломъ въ томъ предположеніи, что, имѣя уже Владиміра 1-й степени и Александра Невскаго, онъ долженъ былъ вскорѣ получить и этотъ орденъ. Первые два ордена онъ имѣлъ еще въ царствованіе Екатерины. Этотъ подарокъ, полученный имъ столь несвоевременно, былъ, однако, какъ бы счастливымъ предзнаменованіемъ, такъ какъ, будучи вновь назначенъ посланникомъ, онъ получилъ вскорѣ и Андреевскую ленту. По всей вѣроятности, Павелъ I, недовольный помѣхами со стороны вѣнскаго кабинета, которыя тормозили дѣйствія Суворова, выместилъ свое неудовольствіе на Разумовскомъ. Разумовскій, получившій въ царствованіе Александра I княжескій титулъ, долго оставался на посту посла въ Вѣнѣ и участвовалъ во всѣхъ конгрессахъ, которые созывались послѣ паденія Наполеона. Онъ растратилъ свое огромное состояніе, женился вторично, когда ему было уже болѣе шестидесяти лѣтъ, и умеръ въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Онъ жилъ съ истинно царской роскошью!

Суворовъ пріѣхалъ въ Вѣну и остановился въ отелѣ русскаго посла. Его камердинеръ, пріѣхавшій впередъ, попросилъ позволеніе осмотрѣть квартиру, отведенную для генералиссимуса, и выбралъ только одну комнату для его спальни. Изъ нея вынесли всю мебель и зеркала; вмѣсто нихъ было принесено нѣсколько пучковъ соломы, служившей обыкновенно князю Италійскому постелью, и ведро воды, изъ котораго онъ обмывалъ свое тѣло. Въ обществѣ онъ показывался не иначе, какъ въ полной парадной формѣ. Въ тотъ день, когда онъ представлялся императору Францу, дворъ былъ въ полномъ блескѣ. Всѣ улицы и дворцовый дворъ были полны народа. Суворовъ былъ въ мундирѣ австрійскаго генералиссимуса, сверкавшаго брильянтами. Послѣ аудіенціи онъ отправился въ церковь св. Михаила, гдѣ преклонилъ колѣна передъ алтаремъ, хотя онъ былъ православный. Онъ не отказался отъ своихъ странностей и отъ своей лаконической рѣчи, которая невсегда гармонировала съ австрійской спѣсью; но довѣріе, которое всѣ питали къ его военнымъ талантамъ и къ его личной храбрости, было причиною, что на эти странности не обращали вниманія. Всѣ были увѣрены, что гдѣ Суворовъ, тамъ и побѣда.

Русская армія, пришедшая въ Австрію до прибытія генералиссимуса, была разставлена на квартирахъ въ окрестностяхъ Вѣны. Я видѣлъ эту армію близъ Шёнбрунна, когда Суворовъ производилъ ей смотръ передъ ея отправленіемъ въ Италію. Онъ послѣдовалъ за арміей, и, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, крѣпости и вся страна были очищены отъ непріятеля.

Суворовъ приказалъ отслужить благодарственный молебенъ въ той са-

мой базиликѣ, своды которой оглашались нѣсколько сотъ лѣтъ передъ тѣмъ церковнымъ пѣснопѣніемъ впервые благодаря заботамъ св. Амвросія [1]).

Въ одномъ изъ монастырей въ окрестностяхъ Вѣны я увидѣлъ въ первый разъ французскихъ траппистовъ, направлявшихся къ новому убѣжищу, предложенному имъ великодушнымъ монархомъ всероссійскимъ. Основатель этого монашескаго ордена вѣроятно постигъ неземное существованіе, ибо иначе онъ не могъ бы отказаться отъ живаго слова и обречь себя на вѣчное молчаніе. Слово есть выраженіе жизни духа, ибо жить только для того, чтобы ѣсть, пить, спать и удовлетворять требованія своихъ чувствъ значитъ жить исключительно животною и даже растительною жизнію! Когда человѣкъ не говоритъ, то онъ думаетъ или предается размышленіямъ, если онъ не идіотъ. Думать значитъ говорить! Вся разница между мыслію и словомъ заключается въ томъ, что другой человѣкъ не можетъ знать нашихъ мыслей, если онѣ не выражены языкомъ; тотъ, кто предается размышленіямъ, слушаетъ самого себя, свой собственный голосъ. Слово, переданное звукомъ нашего голоса, есть нечто иное, какъ способъ нашего общенія съ другими людьми. Когда человѣкъ привыкнетъ бесѣдовать самъ собою или, что то же, привыкнетъ думать, то онъ не стремится слушать то, что говорятъ другіе, или говорить для того, чтобы они могли его слышать! Вотъ что долженъ былъ испытать и передумать тотъ, кто основалъ орденъ траппистовъ! Можно легко привыкнуть ко всевозможнымъ лишеніямъ, къ самымъ суровымъ правиламъ, но трудно привыкнуть къ безмолвію. Человѣкъ хочетъ говорить или слышать, какъ говорятъ другіе. Почему? Потому что слово и дѣятельность суть синонимы жизни. Отказаться отъ слова и отъ дѣятельности значитъ умереть физически; поэтому такъ трудно молчать, а еще болѣе трудно жить, соблюдая полное безмолвіе! Я не хочу защищать правила траппистовъ или доказывать ихъ пользу: я хочу только указать, какое необычайное явленіе представляетъ собою постоянное безмолвіе живаго существа, находящагося въ обществѣ себѣ подобныхъ. Можно смѣяться надъ траппистами сколько угодно, но нельзя сказать, чтобы они были идіоты или плуты. Никто не будетъ молчать для того, чтобы обманывать людей, съ которыми онъ избѣгаетъ общенія и даже встрѣчи.

Полезны ли подобныя учрежденія обществу? Да, положительно по-

---

[1]) Святой Амвросій, епископъ, патронъ г. Милана (род. около 340, ум. 397 г.), имѣлъ большія заслуги въ области церковнаго пѣнія, въ качествѣ составителя духовныхъ пѣсенъ: имъ введенъ такъ называемый Амвросіанскій напѣвъ, за образецъ котораго имъ взяты напѣвы православной церкви; онъ похороненъ подъ алтаремъ Амвросіанской базилики. В. Т.

лезны. Въ натурѣ человѣка есть черты, свойственныя тигру, гіенѣ, шакалу и лисицѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ одаренъ волею, которая не повинуется инстинкту. Если бы человѣкъ среди себѣ подобныхъ не встрѣчалъ людей, способныхъ подавить въ себѣ эти свойства, то онъ не повѣрилъ бы даже въ возможность жить иначе, чѣмъ онъ живетъ, и сдѣлался бы, какъ это показываетъ исторія, хуже тигра, гіены, шакала и лисицы! Человѣческіе законы дѣйствуютъ на тѣла. Только примѣръ и убѣжденіе могутъ дѣйствовать на совѣсть и на волю. Нельзя сравнивать всѣ прочіе монашескіе ордена съ траппистами. Они пользуются еще для сношенія между собою и съ остальнымъ міромъ гибкой человѣческой рѣчью. Траппистъ безмолвствуетъ. Онъ умеръ для міра, и міръ умеръ для него. Не бойтесь, господа говоруны, среди людей никогда не найдется много траппистовъ. Человѣческое общество не пострадаетъ отъ примѣра, который не можетъ быть заразителенъ. Монастырь траппистовъ не сулитъ ни богатствъ, ни удовольствій, ни хорошаго стола, ни удовлетворенія честолюбія.

Монастырь, о которомъ я говорю, состоялъ во время моего путешествія изъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей обоего пола, которые сходились только на молитву въ церкви. Они помѣщались отдѣльно и подчинялись аббату Детранжъ, бывшему нѣкогда драгунскимъ офицеромъ. Меня поразило спокойствіе, здоровье и самоотверженіе этихъ безмолвныхъ дѣтей. Я не обратилъ вниманія ни на ихъ растительную пищу, ни на ихъ одежду, сдѣланную изъ грубаго сукна, ни на ихъ повиновеніе. Меня изумило безмолвіе взрослыхъ и дѣтей, среди которыхъ были шаловливыя и веселыя лица, значитъ, можно жить въ обществѣ, не разговаривая другъ съ другомъ, и не сойти съ ума или не умереть отъ скуки!

Я видѣлъ въ Вѣнѣ же герцога Зюдерманландскаго, впослѣдствіи Карлъ XIII, и герцогиню, будущую королеву, его супругу, женщину, одаренную умомъ, привѣтливостью и изящною простотою обращенія; эти качества очаровывали всѣхъ, кого она удостоивала своимъ посѣщеніемъ. Конечно ни я, ни самые тонкіе дипломаты того времени, не могли предугадать, что старый герцогъ займетъ на шведскомъ престолѣ мѣсто молодаго короля, и что его смѣнитъ въ свою очередь французскій генералъ, посолъ Французской республики въ Вѣнѣ. Какъ было бы интересно сопоставить въ одной книгѣ всѣ разочарованія дипломатіи, которая имѣетъ претензію все предвидѣть и все согласовать.

Сколько знаменитостей прошло передъ моими глазами въ этой прекрасной Вѣнѣ, бывшей въ то время единственнымъ центромъ, куда стекались всѣ эти знаменитости. Герцогъ Энгіенскій обращалъ на себя всеобщее вниманіе. Его не сожалѣли, въ немъ видѣли молодаго принца, покинувшаго свою родину, потому что ужасный терроръ и его привер-

женцы заставили это дѣтище Франціи покинуть свое отечество. Не имѣя иной поддержки кромѣ своихъ попранныхъ правъ, всѣмъ и вездѣ чужой, онъ пользовался однако всеобщимъ сочувствіемъ. Принужденный искать гдѣ-либо убѣжище, онъ не былъ въ безопасности даже вдали отъ родной земли, которую онъ обагрилъ впослѣдствіи своей чистой, невинной кровью, пролитой во рву Венсенскаго замка. Была ли его насильственная смерть дѣломъ политики или же ненасытною жаждою беззаконія, захотѣвшаго упиться крови законнаго представителя монархіи?

Въ то время когда я жилъ въ Вѣнѣ, въ этомъ городѣ находились многія знаменитости артистическаго міра: Гэйденъ, Гуммель, Бетховенъ, люди—великаны, голосъ которыхъ звучалъ такъ же громко, какъ голосъ первыхъ пѣвицъ міра, и даже превосходилъ ихъ своею силою и обширностью. Маркези и Кресчентини (Crescentini) плѣняли слухъ людей доступныхъ мелодіи, тому божественному искусству, которое называется музыкою. Угано летала на подмосткахъ, какъ птичка, рѣющая въ воздухѣ; ея грація могла только сравняться съ колыханіемъ розы на стебелькѣ. Словомъ, Вѣна была очаровательнымъ городомъ въ то время, какъ Парижъ, мѣсто котораго она заняла, не представлялъ инаго зрѣлища кромѣ гильотины и странныхъ ужимокъ республиканскихъ вакханокъ или грубыхъ «incroyables» (неимовѣрныхъ), превращавшихъ человѣка въ какую-то отвратительную обезьяну.

Краніологія доктора Галля, которая такъ нашумѣла впослѣдствіи въ Европѣ, не произвела особеннаго впечатлѣнія въ той столицѣ, гдѣ она возникла. Люди шли смотрѣть коллекцію череповъ краніолога, слушали его разъясненія, но никто не увлекался его системой, вѣрной или фальшивой, смотря по тому, съ какой точки зрѣнія смотрѣть на ея принципы. Я видѣлъ доктора Галля и его черепа, начиная отъ черепа австрійскаго генерала Вурмзера до черепа мыши, которые красовались въ одномъ шкапу. Если придерживаться принципа, что умъ и душа развиваются сообразно съ развитіемъ черепа, то придется смотрѣть на человѣка съ матеріалистической точки зрѣнія, и тогда надобно будетъ проститься со свободою человѣка или, говоря схоластически, со свободою воли. Если придти къ заключенію, что черепъ образуется соотвѣтственно душѣ, которая одушевляетъ безформенную матерію, то придется увѣровать въ Предопредѣленіе и признать, что человѣкъ родится прямо добрымъ или злымъ, умнымъ или глупымъ, добродѣтельнымъ или мошенникомъ, и въ такомъ случаѣ также придется проститься со свободою воли.

Все это ошибочно. Наука нерѣдко заблуждается. Злодѣй, черепъ котораго украшенъ всѣми выпуклостями или шишками, свидѣтельствующими о преступныхъ наклонностяхъ, можетъ сдѣлаться добродѣтельнымъ, *если онъ того захочетъ*. Воля не подчинена ни вышу-

клостямъ черепа, ни его углубленіямъ. Краніологія доктора Галля надоѣла подобно менуэту: теперь всѣ увлекаются только вальсомъ.

Незадолго до моего отъѣзда, въ Вѣну пріѣхалъ второй сынъ императора Павла I, великій князь Константинъ Павловичъ, отправлявшійся въ армію генералиссимуса Суворова, чтобы познакомиться со стратегіей подъ выстрѣлами непріятеля.

Я остановился на обратномъ пути въ Россію на нѣсколько дней въ Дрезденѣ, гдѣ праздновали въ то время первую побѣду Суворова. Я осмотрѣлъ картинную галлерею, собраніе драгоцѣнностей и предметовъ искусства, кабинетъ древностей. Въ Берлинѣ я видѣлъ знаменитаго эксъ-аббата Сіесса и Лукезини, министра иностранныхъ дѣлъ. Эти лица заслуживали не меньшаго вниманія, нежели головки Деннера [1]) въ Дрезденской галлереѣ! Сіессъ любезничалъ съ дамами, что̀ не составляло для него ни малѣйшаго труда, такъ какъ онъ былъ воплощенная любезность. Послѣ Вѣны, Берлинъ производитъ впечатлѣніе пасмурнаго неба послѣ чудеснаго солнечнаго восхода. Уѣхавъ изъ Берлина курьеромъ, я не помню по пути ничего болѣе интереснаго той превосходной рыбы, которую я ѣлъ въ рыбацкой хижинѣ на берегу Неруны (La Nerunа?).

Я пріѣхалъ въ Петербургъ въ половинѣ іюня и тотчасъ представился, какъ курьеръ, привезшій депеши вице-канцлеру, графу Кочубею. Графъ Ростопчинъ впалъ въ то время въ немилость и покинулъ столицу.

Императоръ Павелъ все еще былъ занятъ осуществленіемъ своихъ плановъ преобразованія внутренняго управленія имперіи, но по отношенію къ западнымъ державамъ онъ держался прежней политики. Онъ хотѣлъ побороть вліяніе Великобританіи, объявилъ себя ея противникомъ и присоединился къ политикѣ Франціи, которой руководилъ Наполеонъ, сдѣлавшійся первымъ консуломъ.

Занимаясь дѣлами внѣшняго и внутренняго управленія и преобразованіемъ войска, императоръ вздумалъ выстроить дворецъ на подобіе крѣпости, который служилъ бы ему резиденціей во время его пребыванія въ столицѣ и въ которомъ онъ могъ бы укрыться въ случаѣ надобности. Михайловскій замокъ былъ сооруженъ весьма быстро и окруженъ рвами, черезъ которые были перекинуты подъемные мосты. На площади передъ замкомъ Павелъ приказалъ поставить сдѣланную изъ бронзы, конную статую Петра Великаго съ надписью: «правнукъ—прадѣду»; на фронтонѣ замка была помѣщена огромными буквами надпись, заимствованная изъ псалма XCII стихъ 5: «Дому Твоему, Господи, при-

---

[1]) Деннеръ, знаменитый портретистъ, р. 1685 † 1747 г. В. Т.

надлежитъ святость на долгіе дни» и т. д., но этотъ стихъ былъ измѣненъ, и надпись, сохранившаяся на дворцѣ до сихъ поръ, гласитъ: «Дому Твоему подобаетъ святыня Господня въ долготу дней».

Но эта маленькая фальсификація, эти рвы и подъемные мосты не продлили царствованія Павла I, точно такъ же, какъ и заявленіе, сдѣланное на конной статуѣ Петра Великаго о томъ, что онъ его правнукъ! Онъ окончилъ жизнь въ томъ же Михайловскомъ замкѣ.

Петербургъ со временъ Петра I развивался быстрыми шагами, становясь великолѣпнѣйшею столицею Европы; но въ немъ не было древняго собора, подобнаго тому, какой мы видимъ въ Вѣнѣ и Парижѣ; Петропавловскій соборъ (въ крѣпости) нельзя считать собственно городскою церковью. Павелъ вздумалъ построить соборъ Казанской Божіей Матери на мѣстѣ старинной деревянной церкви, которая стояла ближе къ Невскому проспекту, чѣмъ великолѣпный соборъ, начатый и оконченный постройкою его сыномъ Александромъ I. Составить планъ этого собора и построить его по образцу собора св. Петра въ Римѣ было поручено архитектору изъ бывшихъ крѣпостныхъ графа Строганова.

Если возводятъ зданіе меньшихъ размѣровъ, чѣмъ тотъ образецъ, которому хотятъ подражать, то подражаніе рѣдко бываетъ удачно и обыкновенно напоминаетъ оригиналъ только въ ущербъ себѣ.

Отдѣльныя части Казанскаго собора великолѣпны, но въ общемъ онъ далеко не такъ величественъ, какъ долженъ бы быть, судя по затраченной на него весьма значительной суммѣ денегъ.

Въ то время когда Павелъ былъ еще великимъ княземъ, онъ жилъ очень уединенно, былъ хорошимъ мужемъ и хотя говорили о его связи съ дѣвицей Нелидовой, но время показало, что это предположеніе было несправедливо. Дружба императрицы Маріи Ѳеодоровны къ г-жѣ Нелидовой, продолжавшаяся до кончины императрицы, и документы, найденные послѣ смерти Нелидовой, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что ея отношенія къ императору были основаны единственно на взаимномъ уваженіи и дружбѣ.

Надобно быть сверхъ-человѣкомъ, чтобы не увлечься неограниченной властью. Достаточно одного воображенія для того, чтобы поколебать самую твердую волю, а чего не сдѣлаетъ воображеніе, то можетъ быть дополнено льстецами, заинтересованными въ томъ, чтобы имѣть вліяніе на всемогущаго монарха. Приближенные постарались обратить вниманіе Павла I на дѣвицу Лопухину, дочь ярославскаго губернатора. Она понравилась императору, вниманія котораго никто не добивался, пока онъ былъ великимъ княземъ; супружеская вѣрность должна была уступить мѣсто увлеченію, вызванному услужливой преданностью царедворцовъ къ монарху; случайное увлеченіе перешло въ прочное чувство. Менѣе чѣмъ въ три года отецъ Лопухиной получилъ званіе князя

съ титуломъ свѣтлости, быть назначенъ генералъ-прокуроромъ и получилъ всевозможные знаки отличія и огромныя помѣстья, а дочь его была выдана замужъ за генералъ-адъютанта князя Гагарина.

Семейства Лопухиныхъ и Гагариныхъ были связаны дружбою за долго до смерти Екатерины II. Дружескія отношенія между родителями сближаютъ дѣтей; надъ молодымъ Гагаринымъ постоянно шутили, что онъ влюбленъ въ Лопухину; онъ этого не отрицалъ.

Съ вступленіемъ на престолъ Павла, военная молодежь принялась ретиво за службу, и князь Гагаринъ попыталъ счастья на полѣ битвы въ Италіи подъ командою Суворова. Канцлеръ, князь Безбородко, дружившій съ семействомъ Лопухиныхъ, вздумалъ сблизить императора съ молодой и хорошенькой дѣвицей Лопухиной для того, чтобы доставить вліяніе ея отцу, человѣку хитрому и очень умному. Безбородко не боялся, что Лопухинъ подставитъ ему ногу, напротивъ, онъ разсчитывалъ имѣть въ немъ силу, которая будетъ служить ему поддержкой, и надѣялся, что они будутъ дѣйствовать заодно. Планъ этотъ удался. Лопухина понравилась императору, и Безбородко и Лопухинъ сдѣлались всемогущи! Гагаринъ былъ въ то время въ арміи; онъ имѣлъ еще въ предшествовавшее царствованіе чинъ маіора, сталъ быстро повышаться по службѣ и въ моментъ кончины Павла I былъ генералъ-адъютантомъ и имѣлъ Анну 1 степени.

Бывъ въ отсутствіи изъ Петербурга, я не знаю хорошенько, когда именно совершился его бракъ съ фавориткою. Она получила отъ Павла великолѣпный домъ возлѣ дворца, на набережной, и у ея дверей каждый день стояла карета съ гербомъ великаго магистра того ордена, коего кавалеры произносили обѣтъ цѣломудрія.

Въ ту эпоху было одно довольно могущественное средство, которое можно было пустить въ ходъ всякій разъ, когда желали добиться чего-нибудь; весь вопросъ заключался въ томъ, былъ ли человѣкъ въ состояніи щедро заплатить. Этимъ средствомъ была актриса французской оперы Шевалье. Она была на содержаніи у Кутайсова, который, сдѣлавшись оберъ-егермейстеромъ и Андреевскимъ кавалеромъ, и владѣя колоссальнымъ состояніемъ, могъ содержать эту театральную знаменитость. Она дѣлала изъ своего любовника, горячаго, какъ климатъ его родины, все, что соотвѣтствовало ея выгодамъ. Какой-то князь Горчаковъ, мимолетное явленіе чудовищной милости, былъ обязанъ этою милостью актрисѣ Шевалье.

Въ то время когда я былъ еще причисленъ къ русскому посольству въ Вѣнѣ, и когда императоръ Павелъ далъ въ Волыни убѣжище арміи Конде, множество личностей, принадлежавшихъ къ этой арміи, находились въ Вѣнѣ и являлись въ канцелярію посольства, чтобъ визировать паспорта для въѣзда въ Россію. Князь Горчаковъ, о которомъ я

говорилъ выше, находился при арміи въ качествѣ военнаго коммиссара. Онъ выдавалъ паспорта всѣмъ тѣмъ, которые по своимъ личнымъ дѣламъ оставляли армію съ тѣмъ, чтобы присоединиться къ ней потомъ уже въ Волыни. Эти паспорта надлежало визировать. Каково было мое удивленіе однажды, когда мнѣ былъ предъявленъ первый подобный паспортъ, и я увидѣлъ, что въ заголовкѣ его красовалась царская формула: «Мы, Василій князь Горчаковъ, маіоръ въ свитѣ его императорскаго величества» и т. д. и т. д. Мнѣ было совѣстно, что соотечественникъ, на котораго было возложено столь выдающееся порученіе, выказалъ полное незнаніе общепринятыхъ формальностей; но по пріѣздѣ Горчакова въ Вѣну я вскорѣ измѣнилъ свой взглядъ. Его тонъ, манеры, всѣ его движенія указывали на то, что выборъ этого человѣка не былъ случайностью. Въ 1800 г. я встрѣтился съ нимъ вторично въ Петербургѣ; онъ былъ уже генераломъ-маіоромъ, имѣлъ Анну I ст., ленту баварскаго ордена, св. Губерта I ст. и множество другихъ орденовъ; пользовался величайшей милостью у императора, былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ кумирами дня, велъ жизнь милліонера, словомъ, былъ на дорогѣ, чтобы сдѣлаться человѣкомъ всесильнымъ. Послѣ моего отъѣзда во внутреннія губерніи Имперіи въ 1800 г. онъ занималъ постъ военнаго губернатора въ Ревелѣ. Затѣмъ я потерялъ его изъ вида, но впослѣдствіи слышалъ, что въ царствованіе Александра I онъ попробовалъ поддѣлать чьи-то подписи, былъ обличенъ, бѣжалъ за границу, но былъ пойманъ, судимъ, лишенъ чиновъ и сосланъ въ Сибирь. Я часто видѣлъ и хорошо зналъ этого человѣка, когда онъ былъ въ апогеѣ своего величія. Зная его умъ и тактичность, я никакъ не могъ думать, чтобы онъ рѣшился сдѣлать что-либо подобное. Впрочемъ, ни умъ, ни тактъ не заставятъ человѣка поступить такъ, какъ повелѣваетъ ему долгъ, если у него не достаточно развита совѣсть и если онъ преслѣдуетъ исключительно свои личные интересы. Если человѣку везетъ слѣпое счастье и благодаря ему онъ выходитъ изъ ничтожества, то счастье прежде всего ослѣпляетъ его, ибо иначе тотъ, кому оно покровительствуетъ, взялъ бы верхъ надъ судьбою, а она этого не допускаетъ. До тѣхъ поръ, пока вертится колесо фортуны, тотъ, кто вертится вмѣстѣ съ нимъ, можетъ сломать себѣ шею.

Упомянувъ о баловнѣ судьбы, который былъ только баловнемъ счастья, я упомяну о другомъ человѣкѣ, который появился въ ту же эпоху, быстро возвысился, едва не сломалъ себѣ шею во время одного изъ случившихся съ нимъ паденій, но снова всталъ на ноги и умеръ 40 лѣтъ спустя сильнѣе и могущественнѣе, чѣмъ онъ былъ до своего паденія—я говорю о Сперанскомъ.

Сынъ сельскаго священника Владимірской губерніи, Сперанскій, подобно всѣмъ своимъ сверстникамъ, дѣтямъ духовнаго званія, былъ

помѣщенъ въ епархіальную семинарію. Необходимо замѣтить, что русское духовенство составляетъ особую касту, имѣющую свои особенныя права, коимъ подобныхъ не имѣетъ никакое другое сословіе. Ни одинъ русскій подданный, къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ, не можетъ переступить привилегію бѣлаго духовенства—сдѣлаться священникомъ и получить приходъ. Для того, чтобы воспользоваться этимъ правомъ, надобно происходить изъ духовнаго званія. Монашество доступно всякому, но чтобы достигнуть высшихъ ступеней церковной іерархіи, чтобы быть служителемъ церкви, надобно происходить изъ духовенства за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда подобное назначеніе дѣлается по высочайшей волѣ. До царствованія Екатерины въ бѣлое духовенство принимались лица всѣхъ сословій, за исключеніемъ крѣпостныхъ; это именно и поддерживало невѣжество духовенства, ибо какія богословскія познанія могъ имѣть купецъ, мѣщанинъ или дворянинъ, получившій приходъ, не имѣя соотвѣтственныхъ познаній, не изучивъ предварительно исторію церкви и догматовъ нашей вѣры. Какимъ духовнымъ пастыремъ могъ быть человѣкъ, бросающійся послѣ разсѣянной жизни изъ личныхъ видовъ или по недостатку средствъ въ духовное званіе. Еще въ половинѣ XVIII вѣка существовали священники неграмотные и не имѣвшіе инаго понятія о религіи кромѣ навыка совершать требы и таинства, чему ихъ учили послѣ ихъ посвященія въ духовный санъ, точно такъ же, какъ читать богослужебныя книги, которыхъ они не понимали. Семинаріи не были доступны для тѣхъ, кто переходилъ въ духовное званіе въ извѣстныя лѣта по убѣжденію или отъ нечего дѣлать; да и эти семинаріи были только школами латинскаго языка и схоластическаго богословія, единственной цѣлью которыхъ были диспуты. Невѣжество духовенства, пренебреженіе, съ коимъ относились къ нему высшіе классы общества, и распущенность его нравовъ, проистекавшая отъ соприкосновенія съ низшими классами народа, съ которой тщетно боролись въ теченіе двухъ вѣковъ патріархъ Никонъ, св. Дмитрій и нѣкоторые другіе выдающіеся іерархи православной церкви, много способствовали поддержанію въ народѣ религіознаго невѣжества и возникновенію многочисленныхъ сектъ и ересей.

Послѣ Петра Великаго на образованіе духовенства, столь необходимое для благосостоянія государства, было обращено больше вниманія. При Екатеринѣ II тѣ чудовищные факты, о которыхъ я говорилъ, сдѣлались рѣже. Изъ духовныхъ академій и семинарій духовенство выходило болѣе образованнымъ и болѣе благовоспитаннымъ, и надобно сказать правду, еслибы въ низшихъ и высшихъ духовныхъ училищахъ обращали такое же вниманіе на воспитаніе нравственности, съ какимъ трудятся въ нихъ надъ образованіемъ риторовъ, писателей и

лингвистовъ, то эти училища можно бы и теперь еще считать гораздо полезнѣе и выше свѣтскихъ школъ. Всѣ университетскіе профессоры русскаго происхожденія и школьные учители состоятъ исключительно изъ семинаристовъ; воспитанники семинаріи охотно принимаются и въ наше время казенными стипендіатами въ университеты и въ лѣкарскія и хирургическія школы.

Сперанскій получилъ свое первоначальное образованіе въ Владимірской семинаріи, откуда онъ поступилъ въ Московскую академію [1]). Вслѣдствіе обнаруженныхъ имъ способностей, фамилія, которую онъ носилъ въ семинаріи, была составлена изъ латинскаго слова Spes (надежда), такъ какъ онъ питалъ надежду достигнуть высшихъ чиновъ (?); въ высшихъ духовныхъ училищахъ существуетъ обычай давать воспитаннику фамилію, смотря по обнаруженнымъ имъ способностямъ и качествамъ, вмѣсто того, чтобы называть его именемъ прихода, въ которомъ служитъ его отецъ. Изъ Московской академіи Сперанскій былъ переведенъ въ Петербургскую [2]), гдѣ занялъ профессорскую каѳедру. Такъ какъ онъ былъ на пути къ достиженію священническаго и епископскаго сана, то онъ былъ посвященъ въ младшій духовный чинъ, чтобы имѣть право говорить проповѣди.

Къ концу царствованія Павла I онъ былъ извѣстенъ, какъ одинъ изъ даровитѣйшихъ проповѣдниковъ Александро-Невской лавры. Тѣ изъ воспитанниковъ академіи, которые не хотятъ посвятить себя монашескому званію, чтобы сдѣлаться современемъ епископами, женятся по окончаніи курса и получаютъ приходы, смотря по тому, какую они имѣли степень въ академіи. Тѣ же, которые хотятъ выйти изъ духовнаго званія, получаютъ право поступить на гражданскую службу съ чиномъ, соотвѣтствующимъ ихъ академической степени.

Генералъ-прокуроръ князь Куракинъ, человѣкъ не особенно набожный, а тѣмъ менѣе богословъ, былъ однажды въ Александро-Невской лаврѣ на проповѣди Сперанскаго, и карьера проповѣдника была сдѣлана. Судьба или простая случайность, счастье или игра случая, но впечатлѣніе, произведенное на генералъ-прокурора краснорѣчіемъ Сперанскаго, и правдивость, которою дышала его проповѣдь, вызвали въ немъ желаніе взять Сперанскаго въ воспитатели своего маленькаго сына. Предложенія, сдѣланныя ему въ этомъ смыслѣ Куракинымъ, были приняты. Каѳедра потеряла краснорѣчиваго проповѣдника; гражданское вѣдомство пріобрѣло даровитаго человѣка, который поднялъ сословіе русскихъ судебныхъ писцовъ и достигъ высшихъ чиновъ. Поступивъ на службу къ князю Куракину, Сперанскій получилъ вмѣстѣ съ тѣмъ

[1]) Какъ здѣсь, такъ и далѣе біографическія свѣдѣнія о Сперанскомъ во многомъ не вѣрны. Ред.

[1]) Это не вѣрно. Ред.

мѣсто въ канцеляріи генералъ-прокурора. Двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ того, какъ Сперанскій отказался отъ клобука, онъ былъ уже тайнымъ совѣтникомъ, статсъ-секретаремъ и кавалеромъ св. Александра Невскаго. Онъ скончался въ 1839 г. графомъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, членомъ Государственнаго Совѣта и Андреевскимъ кавалеромъ, оставивъ весьма значительное состояніе своей дочери, которая была замужемъ за самымъ обыкновеннымъ сенаторомъ. Такова игра счастья или случая, если вѣрить въ эти языческія божества!

Сперанскій оставилъ Александро-Невскую лавру, чтобы вступить на поприще, не имѣвшее ничего общаго съ тѣмъ, къ которому онъ готовился, т. е. съ священническимъ саномъ и съ епископской каѳедрой; сорокъ лѣтъ спустя его бренные останки были преданы землѣ въ той же лаврѣ, какъ останки одного изъ первѣйшихъ сановниковъ Имперіи. Остается предположить, что либо Сперанскій былъ очень великъ, либо его вѣкъ былъ очень ничтоженъ.

Вступивъ на новое поприще, Сперанскій тотчасъ сбросилъ монашескую одежду, усвоилъ всѣ пріемы современнаго ему свѣтскаго человѣка и англійскій покрой платья, такъ какъ онъ лучше всего скрывалъ неловкость его семинарскихъ манеръ. Онъ завелъ себѣ друзей въ бюрократіи, которой онъ явился впослѣдствіи преобразователемъ, женился на англичанкѣ, бывшей гувернанткою въ домѣ Шувалова; три или четыре года спустя онъ былъ уже директоромъ канцеляріи генералъ-прокурора. Сестра его жены была замужемъ за сыномъ извѣстнаго виннаго откупщика Злобина, считавшаго свое состояніе милліонами, а между тѣмъ умершаго на соломѣ. Онъ былъ оракуломъ министерства финансовъ и имѣлъ въ своемъ распоряженіи огромныя суммы казенныхъ денегъ, которыя выдавались ему на его финансовыя операціи. Откупщики вездѣ всемогущи. Это маги и волшебники современнаго общества. Одно знакомство съ откупщикомъ уже приноситъ выгоду. Сперанскій не пренебрегалъ этимъ знакомствомъ, онъ отлично понималъ, какъ вести свои дѣла [7]).

Надобно сказать кстати нѣсколько словъ объ откупахъ въ Россіи.

Я не буду говорить о возникновеніи этого бича въ Россіи. Право винокуренія и продажи вина, по всей вѣроятности, принадлежало въ Россіи вездѣ, какъ принадлежитъ еще теперь въ Украйнѣ, владѣльцамъ имѣнія или двора; такъ какъ всякое произведеніе земли и промышленности должно принадлежать тому, кто владѣетъ имѣніемъ, или хотя бы клочкомъ земли, или можетъ заниматься какимъ-нибудь промысломъ.

Финансовый духъ, который развивается вмѣстѣ съ цивилизаціей

---

[1]) Во всемъ выше сказанномъ есть много неточностей. Ред.

*

и пользуется всѣмъ для народнаго блага, сдѣлалъ въ концѣ царствованія Екатерины II винокуреніе одною изъ главныхъ отраслей государственныхъ доходовъ. Въ 1840 г. оно составляло если не треть, то навѣрно четверть доходовъ всей Имперіи и приносило сто милліоновъ рублей дохода. Если предположить, что таможенный и гербовый сборы давали такую же сумму или немного менѣе, мы увидимъ, что эти три предмета составляли главныя статьи государственнаго дохода. При Екатеринѣ II винный откупъ не приносилъ и пятой части того, что онъ приноситъ въ настоящее время.

Вино продается въ настоящее время въ пятьдесятъ разъ дороже, чѣмъ оно продавалось пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, однако большая часть народа тратитъ все, что можетъ, на пьянство. Водка, гербовый сборъ и роскошь поглощаютъ всѣ деньги, которыя пущены въ обращеніе произведеніями земли и промышленности. Эта игра, выгодная для казны, принесла также не мало выгодъ откупщикамъ. За послѣднія 50 лѣтъ, люди самаго низкаго происхожденія сдѣлались милліонерами, и многіе изъ ихъ потомковъ обладаютъ огромнымъ богатствомъ. Одинъ откупщикъ, Рюминъ, сдѣлавшійся изъ кабацкаго сидѣльца менѣе нежели въ 30 лѣтъ дворяниномъ и землевладѣльцемъ, оставилъ въ наслѣдство своимъ дѣтямъ болѣе 12 тысячъ душъ крестьянъ, великолѣпныя помѣстья и огромные капиталы. Благодаря откупамъ, болѣе сорока семействъ вышли за послѣднія сорокъ лѣтъ изъ грязи и ничтожества, разбогатѣли и пріобрѣли права дворянства. Никогда торговля не можетъ такъ обогатить того, кто ею занимается, какъ откупъ.

Винокуреніе составляетъ главный доходъ помѣщиковъ; въ Россіи курятъ вино вездѣ, гдѣ только есть лѣсъ, рожь и рабочія руки. Винокуреніе или перегонка водки изъ ржи приноситъ Россіи такой же доходъ, если не болѣе, какъ винодѣліе Франціи.

Сперанскій, какъ сила, появился на жизненномъ поприщѣ только въ первые годы царствованія императора Александра. Я буду говорить объ немъ въ свое время.

Разрывъ Павла I съ Англіей и его сближеніе съ Наполеономъ измѣнили положеніе дѣлъ въ ущербъ легитимизму. Людовикъ XVIII, Конде и траписты должны были покинуть владѣнія монарха, предложившаго имъ съ такимъ безкорыстіемъ и великодушіемъ убѣжище въ Россіи. Политика, власть и такъ называемые государственные интересы составляютъ такое чудовищное обаяніе, которое подавляетъ всякое чувство справедливости, чести и прямодушія. Какія преступленія не совершались во имя дипломатической необходимости, благосостоянія государствъ и ихъ безопасности. Я убѣжденъ, что всѣ эти преступленія предопредѣлены Провидѣніемъ, которое одно имѣетъ власть превратить зло въ добро; тѣмъ не

менѣе люди, являющіеся орудіемъ Провидѣнія, не должны бы, по крайней мѣрѣ, хвалиться своимъ великимъ умомъ, справедливостью и человѣколюбіемъ. Палачъ можетъ быть не злымъ, но дѣло, которое онъ совершаетъ, остается все-таки безчеловѣчнымъ. Передъ судомъ человѣческой совѣсти или даже здраваго смысла, политика всѣхъ временъ никогда не съумѣетъ оправдать тѣ злодѣянія, которыя она себѣ позволяетъ и которыя составляютъ основаніе ея мудрыхъ соображеній. Она всегда жертвуетъ всѣмъ, чтобы выиграть что-нибудь. Сокровеннымъ желаніемъ новаго гросмейстера Мальтійскаго ордена было обладаніе Мальтою. Стремленіе перваго консула унизить Англію согласовалось съ враждебными замыслами по отношенію къ этой державѣ Павла I. Англіи втайнѣ готовились нанести ударъ. Но на свѣтѣ нѣтъ той тайны, которая не сдѣлалась бы со временемъ явной. Къ тому же поведеніе императора было слишкомъ откровенно, чтобы сентъ- джемскій кабинетъ оставался въ бездѣйствіи, видя, что были затронуты самые существенные его интересы.

Мысль, что Мальтою владѣютъ англичане, раздражала императора, который не упускалъ ничего изъ того, что могло поддержать существованіе ордена, гросмейстеромъ котораго объявилъ себя. Онъ основалъ въ Россіи командорства, побуждалъ высшее дворянство основывать таковыя въ своихъ семействахъ; создавалъ командоровъ и кавалеровъ и раздавалъ орденъ св. Іоанна въ воздаяніе за гражданскія и военныя заслуги. Капитулъ ордена былъ составленъ на основаніи старинныхъ правилъ; въ помѣщеніи Мальтійскаго ордена была сосредоточена вся его администрація; тамъ же находилась великолѣпная католическая церковь для кавалеровъ нѣмецкихъ, французскихъ и италіанскихъ ложъ; церковь была построена по рисункамъ архитектора Гваренги и въ 1800 г. въ обширномъ дворѣ Мальтійскаго дома, находившагося противъ гостинаго двора, была торжественно отпразднована церемонія «сожженія костровъ».

Церемонія эта происходила 24-го іюня, день, въ который празднуется память св. Іоанна Крестителя, покровителя ордена. Павелъ, какъ глава православной церкви, не счелъ удобнымъ лично присутствовать при торжествѣ католическаго ордена; за отсутствіемъ гросмейстера церемоніей руководилъ старшина ордена (grand baillis).

Шествіе спустилось съ парадной лѣсницы дома во дворъ, гдѣ было сложено девять костровъ; девять главныхъ должностныхъ лицъ шли съ факелами въ рукахъ, въ своихъ широкихъ плащахъ изъ чернаго бархата, имѣя на лѣвомъ плечѣ орденскій знакъ «страсти Христовы»; за ними слѣдовало множество командоровъ и кавалеровъ въ темныхъ камзолахъ и плащахъ, съ шляпами, украшенными страусовыми перьями на головѣ. Шествіе обошло три раза костры и они были зажжены; послѣ чего процессія вернулась въ зало капитула. Стеченіе народа было огромное. Новизна зрѣлища привлекла большую толпу народа. Всѣ задавали себѣ во-

просъ, что̀ означаетъ это торжество, и въ теченіе нѣсколькихъ дней въ салонахъ и среди народа ходили тысячи самыхъ нелѣпыхъ и смѣшанныхъ толковъ и предположеній. Императоръ былъ въ это время въ Гатчинѣ, своей любимой лѣтней резиденціи.

Императоръ, какъ гросмейстеръ ордена, назначилъ конференцъ-секретаря академіи художествъ Лабзина исторіографомъ ордена. Онъ приказалъ напечатать эту исторію въ шести томахъ и сохранилъ свое званіе до послѣднихъ дней существованія Мальтійскаго ордена въ Россіи. Такъ какъ императоръ Александръ отказался отъ званія гросмейстера, то при восшествіи своемъ на престолъ орденъ и его капитулъ исчезли изъ Петербурга и изъ Россіи какъ дымъ, какъ исчезаетъ все то, что̀ не имѣетъ подъ собою почвы.

Лѣто 1801 года, послѣднее въ царствованіе Павла I, ознаменовалось смертью генералиссимуса двухъ имперій—Суворова, совершившаго въ Швейцаріи и въ Италіи чудеса храбрости, которыя не принесли никакой пользы кромѣ того, что доставили ему титулъ князя Италійскаго. Такъ оканчиваются всѣ человѣческія предпріятія, если они не согласуются съ тайными цѣлями Провидѣнія. Господь говоритъ морю: ты дойдешь до сихъ поръ и не пойдешь далѣе, и море повинуется его велѣнію: оно выходитъ изъ береговъ, затопляетъ цѣлыя страны, разрушая и уничтожая все на своемъ пути, и останавливается передъ полевымъ цвѣткомъ, который ребенокъ срываетъ дѣтскою рукою для своей забавы.

Гиганту-Суворову не суждено было помѣряться силами съ новымъ гигантомъ, рожденнымъ на островѣ Средиземнаго моря. Онъ еще не возвращался изъ Египта для того, чтобы побороть французскую революцію и сдѣлаться императоромъ французовъ и половины Европы.

Возвратившись въ Петербургъ, Суворовъ не получилъ опредѣленнаго назначенія и помѣстился въ домѣ своей племянницы, графини Хвостовой, рожденной княжны Горчаковой, оба брата которой отличились въ Италіанской кампаніи. Преклонный лѣтами, истомленный 50-тью годами, проведенными въ лагеряхъ и битвахъ, Суворовъ отдалъ, какъ всѣ смертные, дань природѣ: онъ угасъ. Его бренные останки были выставлены на парадномъ катафалкѣ, окруженные всѣми орденами, которыми его монархъ и монархи всей Европы думали вознаградить за заслуги; катафалкъ, на которомъ покоилось его тѣло, былъ окруженъ множествомъ военныхъ. У подъѣзда его дома стояла на часахъ рота лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, мундиръ котораго онъ носилъ. Онъ былъ погребенъ, съ отданіемъ обычныхъ воинскихъ почестей, въ Александро-Невской лаврѣ. Всѣ гвардейскіе полки были выстроены шпалерами отъ дома Хвостова, который находился на Крюковомъ каналѣ, близъ Никольскаго собора, до воротъ Лавры. Въ Благовѣщенской церкви

Александро-Невскаго монастыря и теперь еще виденъ мѣдный гербъ, окруженный лаврами и воинскими доспѣхами, со слѣдующей скромной надписью: «Здѣсь погребенъ Суворовъ, скончавшійся въ 1801 г.». По этому поводу можно сказать: Sic transit gloria mundi. Если бы великіе міра сего чаще думали объ этомъ масонскомъ изреченіи, то они избавились бы отъ многихъ укоровъ совѣсти.

Нельзя утверждать, что Павелъ дѣйствительно имѣлъ вмѣстѣ съ первымъ консуломъ Французской республики намѣреніе напасть на англійскія владѣнія въ Индіи, но этого нельзя также и отрицать; между тѣмъ нѣкоторыя лица, до конца оставшіяся вѣрными Павлу, считаютъ это обстоятельство главною причиною его преждевременной кончины; иные же приписываютъ его смерть исключительно всеобщему озлобленію, вызванному его безпощадной строгостью. Исторіи надлежитъ поднять эту двойную завѣсу и пролить на это обстоятельство истинный свѣтъ. Я ограничусь передачею подробностей, предшествовавшихъ кончинѣ императора Павла, предоставляя читателю свободу остановиться на одномъ изъ этихъ двухъ мнѣній.

Правда, что императоръ нисколько не умѣрялъ своей строгости касательно военной службы, требуя во всѣхъ отношеніяхъ самой точной исполнительности, точно такъ же, какъ онъ не дѣлалъ ни малѣйшаго снисхожденія гражданскимъ властямъ, когда онѣ дѣйствовали противозаконно или несогласно съ его волею; однако нельзя приписывать ему всѣ несправедливости, которыя дѣлались его именемъ. Самодержавный монархъ, онъ оказывалъ безграничное довѣріе тому, кого онъ считалъ достойнымъ этого довѣрія, на комъ останавливалъ свой выборъ и кого облекалъ неограниченной властью. Это довѣріе породило множество злоупотребленій, но вообще народъ не терпѣлъ притѣсненій; даже солдаты, которые всегда жалуются на самое легкое подчиненіе, не тяготились суровыми требованіями службы, такъ какъ они получали все, что имъ полагалось, и могли дослужиться до самыхъ высшихъ чиновъ, несмотря на свое низкое, плебейское происхожденіе. Торговля была возвышена дарованными ей новыми правами, слѣдовательно, только одни дворяне могли быть недовольны тѣмъ, что императоръ не обращалъ вниманія на ихъ права, оскорбляя ихъ проявленіемъ своей самодержавной власти, но что могло сдѣлать дворянство Имперіи, состоявшее на треть изъ старинныхъ дворянъ, владѣвшихъ недвижимыми имуществами и на двѣ-трети изъ пришлаго элемента, вступившаго въ ряды дворянства со временъ Петра Великаго и число коихъ значительно увеличено самимъ Павломъ I; многіе изъ нихъ не имѣли ни пяди земли. Слѣдовательно, всеобщаго неудовольствія, которое могло бы породить заговоръ, не существовало. Онъ могъ возникнуть только за границей или быть дѣломъ партіи недовольныхъ, коихъ поддерживали деньгами

изъ-за границы. Это было наиболѣе распространенное мнѣніе въ то время, когда въ обѣихъ столицахъ разнеслась вѣсть о кончинѣ Павла I.

Будучи назначенъ состоять при моемъ отцѣ, владимірскомъ губернаторѣ, я уѣхалъ изъ Петербурга въ 1800 г.

Конецъ 1800 г. не ознаменовался никакимъ особеннымъ событіемъ, кромѣ возвращенія въ Петербургъ князя и его брата графа Зубовыхъ. Графъ былъ назначенъ въ это время директоромъ кадетскаго корпуса. Вскорѣ послѣ восшествія на престолъ императора Павла, фаворитъ князь Зубовъ и его братъ, графъ Валеріанъ, были сосланы въ свои помѣстья Владимірской губерніи и отданы подъ непосредственный надзоръ моего отца. Они не имѣли права выѣзжать изъ своихъ деревень; уѣздный полицейскій надзиратель долженъ былъ зорко слѣдить за ихъ поступками и замѣчать, сколько времени оставались въ ихъ домѣ тѣ лица, которыя ихъ посѣщали. Ихъ неожиданное возвращеніе въ Петербургъ страшно взволновало моего отца, человѣка, всею душою преданнаго императору, который удостоивалъ его особаго довѣрія. Отецъ мой тотчасъ подумалъ, что противъ Павла былъ составленъ заговоръ.

Вскорѣ пронесся слухъ о немилости, постигшей графовъ Ростопчина и Аракчеева. Они оба были преданы императору и могли раскрыть всякій замыселъ, направленный противъ его личной безопасности. Они были неподкупны. Для того, чтобы достигнуть цѣли, надобно было устранить ихъ съ дороги. Императоръ хотя и былъ убѣжденъ въ ихъ преданности, но поддался внушенію, которое называютъ обыкновенно судьбою. Они лишились милости и не имѣли болѣе никакихъ сношеній съ императоромъ.

Графъ Паленъ былъ назначенъ предсѣдателемъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Онъ стоялъ во главѣ заговора. Какъ человѣку хитрому и ловкому, ему не трудно было втереться въ довѣріе къ Павлу, который, къ несчастью, былъ слишкомъ довѣрчивъ. Его бывшій «Тристанъ-отшельникъ», оберъ-егермейстеръ графъ Кутайсовъ, при всей проницательности, свойственной армянамъ, не видѣлъ далѣе своего носа. Человѣкъ тщеславный и сладострастный, онъ проводилъ обыкновенно время у своей любовницы, актрисы Шевалье, или на конюшнѣ, со своими великолѣпными лошадьми. Онъ не только ничего не зналъ и ничего не предвидѣлъ, но даже пренебрегъ предостереженіемъ, полученнымъ имъ отъ неизвѣстнаго лица, который называлъ ему имена заговорщиковъ. Отправляясь къ Шевалье, Кутайсовъ положилъ эту бумагу въ карманъ и вспомнилъ о ней только въ тотъ моментъ, когда его арестовали. Говорятъ, будто императоръ, услыхавъ наканунѣ о существованіи заговора, задалъ по этому поводу вопросъ Палену, который отвѣчалъ, не смущаясь, что ему это извѣстно, и что онъ дѣлаетъ видъ, будто онъ самъ принимаетъ участіе въ заговорѣ, для того, чтобы узнать имена

заговорщиковъ и раскрыть ихъ тайные замыслы. Павелъ повѣрилъ этому и вечеромъ, передъ своею кончиною, былъ въ салонѣ императрицы любезнѣе, чѣмъ когда-либо....

Павелъ вступилъ на престолъ послѣ 34-хъ лѣтняго царствованія его матери, которая не только устраняла его все время отъ дѣлъ, но даже хотѣла лишить законныхъ его правъ. Какъ покорный сынъ, онъ не возвышалъ голоса. Онъ терпѣлъ всевозможныя непріятности и униженія, не жалуясь. Онъ зналъ, что на его счетъ распространяли неблагопріятные слухи тѣ фавориты его матери, которые сами расхищали доходы государства, злоупотребляли властью, продавали правосудіе, допускали всевозможныя злоупотребленія, чтобы создать себѣ приверженцевъ. Вступивъ на престолъ, онъ хотѣлъ искоренить эти злоупотребленія. Онъ былъ строгъ, но справедливъ, требователенъ, но всегда щедръ и великодушенъ....

VI.

Вступленіе на престолъ императора Александра I.—Рожденіе его, юность и воспитаніе.—Великій князь Константинъ Павловичъ.—Воспитатели ихъ: графъ Н. И. Салтыковъ и Лагарпъ.—Первые дни царствованія.—Образованіе министерствъ.—Сперанскій и Новосильцевъ.—Отношеніе Россіи къ Франціи.—Л. Магницкій и его дѣятельность.—Ссылка Сперанскаго и Магницкаго.

Манифестъ, возвѣщавшій о кончинѣ Павла и о вступленіи на престолъ Александра, есть единственный достовѣрный документъ, на основаніи котораго можно предполагать, что новый императоръ хотѣлъ дать народу залогъ своихъ конституціонныхъ намѣреній. Въ манифестѣ говорилось, что императоръ «будетъ управлять Богомъ врученнымъ ему народомъ по законамъ и по сердцу своей бабки».

Не было надобности принуждать императора Александра дать странѣ конституцію. Это была его излюбленная мечта. Обстоятельства удержали его отъ этого. Трудно идти противъ теченія. Я докажу это впослѣдствіи.

Со смертью Павла окончился вѣкъ Петра Великаго; съ воцареніемъ Александра началась новая эра. Вѣкъ, въ который мы живемъ, и будущій вѣкъ будутъ называться «вѣкомъ Александра». Совершившееся возрожденіе страны не имѣетъ ничего общаго съ прошлымъ. Она идетъ къ своей цѣли; нѣтъ возможности остановить ее. Для этого надобно было бы обладать сверхъестественною силою.

Екатерину упрекали въ томъ, что она умышленно не заботилась о своемъ сынѣ для того, чтобы сдѣлать свое царствованіе на вѣки достопамятнымъ. Какъ женщину умную, ее трудно обвинять въ столь пустомъ желаніи. Еслибы у нея явилась подобная мысль, то она должна была предвидѣть, что ея сынъ, будучи человѣкомъ неспособнымъ, не долго могъ остаться на престолѣ; она могла также предвидѣть, чѣмъ будетъ внукъ, царствованіе котораго превзошло блескомъ ея собственное. Между тѣмъ она особенно заботилась о воспитаніи этого внука, которому, какъ говорятъ, хотѣла оставить престолъ, обойдя его отца. Не объявивъ его своимъ наслѣдникомъ при жизни, она должна была знать, что его отецъ будетъ царствовать послѣ нея; намѣреніе лишить Павла престола не было приведено въ исполненіе, вѣроятно, потому, что монархи такъ же точно, какъ простые смертные, не любятъ думать о своей кончинѣ; къ тому же Екатерина надѣялась вѣроятно прожить дольше. Намѣреніе, которое ей приписываютъ, не могло быть основано на серьезномъ соображеніи, такъ какъ она старалась дать своему внуку возможно лучшее, по ея мнѣнію, воспитаніе. Допустивъ, что онъ долженъ былъ вступить на престолъ вскорѣ послѣ нея, она не могла надѣяться жить вѣчно въ памяти своего народа и Европы, давая Александру либеральное воспитаніе, которое, по ея убѣжденію, могло сдѣлать его хорошимъ монархомъ. Накакая человѣческая сила не можетъ вліять на будущее! Думали ли Мирабо, Лафайетъ, Дантонъ, Робеспьеръ, что они работали для Наполеона! Знали ли они это?

Трудно сказать, какими соображеніями руководствовалась Екатерина, воспитывая своего внука, въ которомъ она видѣла своего преемника, въ принципахъ, діаметрально противуположныхъ свойствамъ народа, коимъ онъ былъ призванъ править неограниченно, ибо Александръ доказалъ въ теченіе своего долголѣтняго царствованія, что онъ не былъ намѣренъ держать страну въ варварствѣ и царствовать такъ, какъ его предшественникъ Іоаннъ Грозный.

Александръ I, императоръ всероссійскій, сынъ Павла I и принцессы Маріи Виртембергской, родился 12-го декабря 1777 г. Его рожденіе праздновалось при дворѣ съ необычайною радостію. Екатерина видѣла въ немъ осуществленіе самыхъ завѣтныхъ своихъ надеждъ. Вся Россія,—думала она,—должна была успокоиться на счетъ своей дальнѣйшей судьбы. Поэтъ Державинъ воспѣлъ рожденіе порфироднаго младенца.

Годъ спустя, великая княгиня Марія разрѣшилась отъ бремени вторымъ сыномъ, Константиномъ.

Престолонаслѣдіе было, повидимому, упрочено. Екатерина, какъ глава императорскаго дома, взяла на себя заботы о воспитаніи обоихъ внуковъ. Рожденіе этихъ двухъ дѣтей ни въ чемъ не измѣнило положеніе ихъ отца, наслѣдника цесаревича; оно сдѣлалось, пожалуй, еще

двусмысленнѣе, такъ какъ его мать имѣла въ лицѣ этихъ дѣтей предлогъ держать его въ неизвѣстности относительно его собственной судьбы, ибо въ Россіи не существовало никакого основнаго закона, опредѣлявшаго порядокъ престолонаслѣдія.

Она имѣла нѣкоторое право сказать: «я царствую потому, что несовершеннолѣтіе моего внука не позволяетъ мнѣ еще гласно объявить объ отстраненіи отъ престола моего сына по неспособности его царствовать». Сильная и многочисленная партія приверженцевъ Екатерины поддерживала это мнѣніе и распространяла въ обѣихъ столицахъ и по всей Имперіи самые не лестные отзывы о Павлѣ.

Когда юные великіе князья достигли семи и восьми-лѣтняго возраста, они были отданы подъ непосредственный надзоръ графа Николая Салтыкова. Лагарпъ былъ призванъ руководить ихъ нравственнымъ воспитаніемъ и образованіемъ; обоими воспитателями руководила непосредственно сама Екатерина. Она сочинила на плохомъ русскомъ языкѣ или велѣла перевести съ французскаго инструкцію для Салтыкова, предписывавшую ему, какъ вести себя относительно его царственныхъ питомцевъ. Это было собраніе совѣтовъ и указаній, касающихся ихъ физическаго и нравственнаго воспитанія, основанныхъ на ходячей философіи того времени и на принципахъ современнаго ей естествознанія.

Лагарпъ слишкомъ извѣстенъ, чтобы говорить здѣсь о его философскихъ взглядахъ. Нельзя было сдѣлать худшаго выбора, отдавъ будущаго монарха Россіи въ руки такихъ людей, какими были Салтыковъ и Лагарпъ. Первый, хитрый и ловкій царедворецъ, человѣкъ слабаго характера, пресмыкавшійся передъ послѣднимъ корыстолюбивымъ и скупымъ фаворитомъ, не былъ въ состояніи воспитать характеръ будущаго царя.

Второй—либералъ на-подобіе французскихъ философовъ, снисходительный, низкопоклонный, старавшійся угодить неограниченной монархинѣ, довѣрившей ему воспитаніе своего будущаго наслѣдника, не могъ имѣть инаго желанія, какъ только не уронить себя въ ея мнѣніи.

Екатерина ловко съумѣла высказать свои виды на Востокъ, научивъ великихъ князей греческому языку и окруживъ младшаго товарищами греками. Въ обществѣ говорили, что великая монархиня предназначала своего внука Константина въ императоры Греціи. Многіе думали, что Екатерина могла уже располагать Константинополемъ потому только, что она назвала своего внука Константиномъ!

Воспитаніе великихъ князей не могло быть удачнымъ. Отдаленные отъ отца, они никогда не слыхали о немъ при большомъ дворѣ.

Когда ихъ возили въ Гатчину, то тамъ никогда не упоминали при нихъ о большомъ дворѣ. Все, что они видѣли въ Гатчинѣ, было діаме-

трально противуположно образу жизни въ Зимнемъ дворцѣ и въ Царскомъ Селѣ.

Императрица отдаляла ихъ отъ всего военнаго и заставляла носить французское платье. Когда они достигли юношескаго возраста и пріѣзжали въ Гатчину или Павловскъ, отецъ заставлялъ ихъ надѣвать военный мундиръ и пріучалъ ихъ владѣть оружіемъ. Все запретное всегда нравится. Это вѣчный законъ, руководящій самолюбіемъ. Въ Петербургѣ и Царскомъ Селѣ на великихъ князей смотрѣли какъ на царственныхъ дѣтей; въ Гатчинѣ и Павловскѣ съ ними обходились какъ съ великими князьями, но по-военному. Ружье, мундиръ и барабанъ отрываютъ часто отъ игръ даже дѣтей и когда они могутъ подражать солдату или офицеру, то они охотно дѣлаютъ это. Юные великіе князья быстро пристрастились ко всему военному и сохранили эту любовь на всю жизнь. Можно было бы представить не мало доказательствъ того, что великіе князья должны были неизбѣжно пристраститься къ военному; на это могло повліять хотя бы одно сознаніе, что императрица, какъ женщина, не могла любить военное, или что съ ними обходятся не такъ, какъ должно, тогда какъ отецъ пріучаетъ ихъ къ правиламъ военной жизни, которыя онъ самъ свято соблюдалъ.

До вступленія на престолъ Павла I его старшіе сыновья не имѣли ни военнаго чина и не несли никакихъ военныхъ обязанностей.

Когда имъ минуло 18-ть лѣтъ, императрица позаботилась объ ихъ женитьбѣ. Старшій, Александръ, женился на принцессѣ Баденъ-Дурлахской, получившей въ православіи имя Елисаветы Алексѣевны; годъ спустя Константинъ Павловичъ обвѣнчался съ принцессой Саксенъ-Кобургской, извѣстной подъ именемъ Анны Ѳеодоровны.

Александру было всего двадцать два года, когда онъ принялъ бразды правленія. Онъ былъ окруженъ врагами своего отца и тѣми лицами, которыя возложили вѣнецъ на его голову. Надобно было обладать большою опытностію, чтобы принять какое-нибудь опредѣленное рѣшеніе. Ему пришлось со многимъ помириться, чтобы дѣйствовать по своему собственному убѣжденію. Надобно было выждать время. Для того чтобы выказать блестящимъ образомъ свою власть и свою независимость отъ какой-либо партіи, надобно было завоевать прежде всего довѣріе общества. Не имѣя еще всѣхъ этихъ данныхъ, онъ долженъ былъ ко многому быть нѣмъ и глухъ и быть ласковымъ съ окружающими. Онъ пощадилъ враговъ своего отца и выказывалъ до коронаціи такой либерализмъ, который вызвалъ неодобреніе всѣхъ лицъ, которыя хорошо знали народъ, съ коимъ новому императору приходилось имѣть дѣло; но этотъ либерализмъ ободрилъ враговъ Павла и ихъ единомышленниковъ, успокоивъ ихъ вполнѣ на счетъ ихъ дальнѣйшей судьбы.

Чтобы снискать любовь арміи, Александръ ослабилъ немного суро-

выя требованія военной службы; онъ оказалъ вниманіе жалкимъ останкамъ вельможъ временъ своей бабки и обласкалъ ихъ, чтобы усыпить; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выказывалъ въ мелочахъ либерализмъ, льстившій тщеславію всѣхъ ничтожностей, которыя видѣли въ этомъ либерализмѣ лишь должную дань ихъ уму и достоинствамъ.

Въ началѣ царствованія Павла I, Александръ былъ назначенъ шефомъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, вскорѣ петербургскимъ военнымъ губернаторомъ. Константинъ командовалъ только Измайловскимъ полкомъ. Въ награду за свои военныя дѣйствія въ Италіи онъ получилъ званіе цесаревича, хотя этотъ титулъ принадлежалъ по праву только наслѣднику престола.

Александръ имѣлъ отъ жены только двухъ дочерей, умершихъ въ дѣтствѣ. Его младшіе братья, Николай и Михаилъ, были еще дѣтьми и находились подъ непосредственнымъ присмотромъ своей матери, вдовствующей императрицы.

До коронаціи всѣ нововведенія ограничивались тѣмъ, что всѣмъ классамъ общества была предоставлена большая свобода, которая переходила иногда въ распущенность.

Вступивъ на престолъ, Александръ хотѣлъ чѣмъ-либо заявить о себѣ. Права и привилегіи дворянства и городовъ были возстановлены; манифестомъ (2-го апрѣля 1801 г.) было объявлено объ упраздненіи тайной экспедиціи. Въ первый же годъ царствованія Александра былъ заложенъ соборъ Казанской Божіей Матери; этотъ годъ ознаменовался также добровольнымъ присоединеніемъ къ Россіи Грузіи. На слѣдующій годъ были сдѣланы первые шаги къ конституціоннымъ порядкамъ. Было учреждено восемь министерствъ и этимъ измѣнена существовавшая до тѣхъ поръ коллегіальная форма управленія, во главѣ которой стоялъ генералъ-прокуроръ, подчинявшійся только одному монарху и контролировавшій всѣ остальныя части администраціи.

При неограниченномъ монархическомъ образѣ правленія не существуетъ общественнаго права, которое основывается на свободѣ прессы, несмѣняемости должностныхъ лицъ, гласности и отвѣтственности министровъ.

Обычное право существуетъ, разумѣется, и въ странахъ съ самымъ неограниченнымъ образомъ правленія, но оно примѣняется только къ преступленіямъ, къ наказаніямъ и къ тяжбамъ, возникающимъ между частными лицами; это не есть политическое право. Поэтому въ такихъ странахъ самой естественной является коллегіальная форма правленія. Министръ есть безапелляціонный хозяинъ въ своемъ министерствѣ, его совѣтники или директоры не суть равныя ему лица, но его подчиненные, участь которыхъ всецѣло зависитъ отъ министра; а онъ, въ свою очередь, не боится никакой отвѣтственности кромѣ немилости своего

монарха и является только исполнителемъ его воли. Прежнія коллегіи, во главѣ которыхъ стоялъ президентъ и нѣсколько членовъ, были юридическими или административными учрежденіями, рѣшенія которыхъ можно было обжаловать генералъ-прокурору. Министерства суть не что иное, какъ большія канцеляріи, подчиненныя непосредственно министру; когда русскій министръ говоритъ о своемъ министерствѣ, то онъ говоритъ о самомъ себѣ. Будучи единственнымъ докладчикомъ у монарха, онъ является вмѣстѣ съ тѣмъ и единственнымъ выразителемъ его воли и не подлежитъ никакой отвѣтственности, никакому контролю, не можетъ встрѣтить никакой оппозиціи. То же самое можно сказать о всѣхъ его подчиненныхъ. Они только исполняютъ его предписанія или его волю. Поэтому во всѣхъ неконституціонныхъ государствахъ отсутствуютъ главнѣйшіе элементы конституціоннаго образа правленія:—свобода прессы, гласность и отвѣтственность министровъ; имя министра является вмѣсто другаго имени, но это не измѣняетъ дѣла по существу. Все равно какъ если бы мы назвали Диванъ въ Турціи государственнымъ совѣтомъ, визиря—предсѣдателемъ совѣта, пашей—министрами. Дѣло не въ названіи. Безъ свободы слова и безъ личной свободы конституціонная форма правленія приноситъ болѣе вреда, нежели пользы. Я распространяюсь о характерѣ конституціонныхъ правъ и учрежденій не для того, чтобы восхвалять представительный образъ правленія, но для того, чтобы доказать, что они не могутъ быть допущены въ чисто монархическомъ государствѣ. Республиканскія права и республиканскій образъ правленія приличествуютъ только республикѣ. Наполеонъ хотѣлъ сочетать французскую республику со своей неограниченной властью, погубилъ и республику и свою власть. Если бы король великобританскій захотѣлъ имѣть такую же неограниченную власть, какъ Наполеонъ, то англійская конституція тотчасъ перестала бы существовать. Двѣ противуположныя натуры могутъ произвести на свѣтъ только чудовище. Конституціи не даются и не берутся силою; онѣ должны созрѣть и появиться на свѣтъ своевременно.

Учрежденіе Александромъ министерствъ взволновало администрацію страны, привыкшую въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ видѣть въ лицѣ своихъ царей второе Провидѣніе. Создавъ министерства, надобно было найти цѣлый рой образованныхъ людей, чтобы замѣнить чиновниковъ стараго закала. Самое главное министерство въ ту эпоху было министерство внутреннихъ дѣлъ. Старый дипломатъ графъ Кочубей былъ переименованъ изъ вице-канцлера въ министры; молодой графъ Строгановъ, присутствовавшій при разрушеніи Бастиліи, былъ назначенъ его товарищемъ, а Сперанскій—директоромъ министерства(?) Въ числѣ вновь учрежденныхъ министерствъ, въ Россіи впервые появилось министерство народнаго просвѣщенія. Менѣе чѣмъ въ 5 лѣтъ

были преобразованы университеты Дерптскій, Виленскій и Московскій, основаны университеты въ Казани и Харьковѣ, Педагогическій институтъ и Медико-хирургическая академія въ Петербургѣ и Лицей въ Царскомъ Селѣ.

Позднѣе Государственный Совѣтъ и министерства были вновь преобразованы; всѣ эти перемѣны совершились въ первыя десять лѣтъ царствованія Александра I; недоставало только конституціи съ двумя палатами по примѣру государствъ съ представительной формой правленія.

Я уже предупреждалъ моихъ читателей, что я не буду говорить въ этихъ запискахъ о войнахъ, конгрессахъ и другихъ дипломатическихъ сдѣлкахъ, такъ какъ обо всемъ этомъ много разъ писали авторы, труды которыхъ извѣстны всему читающему міру; поэтому я ограничусь здѣсь разсказомъ того, что касается непосредственно Россіи съ времени вступленія на престолъ императора Александра до его смерти.

Эта эпоха богатая событіями; ею началась новая эра русской исторіи, заслуживающая по справедливости названія «вѣка Александра». Все, что произошло съ тѣхъ поръ и что произойдетъ въ будущемъ, есть только естественное послѣдствіе толчка, даннаго этимъ императоромъ.

Первою заботою Александра было возстановить миръ съ Европой. Войны, которыя онъ велъ съ Наполеономъ, не могли облегчить ему это дѣло. Аустерлицъ и прусскій походъ парализовали его планы въ этомъ отношеніи, Тильзитскій миръ и свиданіе русскаго монарха съ императоромъ французовъ совершенно измѣнили положеніе дѣлъ въ Европѣ и въ Россіи. Двѣ необъятныя силы стали дѣйствовать заодно. Пруссія обязана своимъ спасеніемъ только заботливости о ней Александра. Континентальная система упрочилась къ великому ущербу Англіи; тѣсное сближеніе Александра съ Наполеономъ пробудило снова опасеніе о французскомъ вторженіи въ Англію и занятіи русскими войсками англійскихъ владѣній въ Индіи. Эти два событія положили основаніе колоссальному могуществу, опирающемуся на Францію и Россію, и тогда двумъ императорамъ было бы легко потрясти не только Европу, но и весь земной шаръ. Но судьбы человѣческой политики не суть судьбы Провидѣнія. 1812, 1813, 1814 и 1815 годы доказали это какъ нельзя лучше. Я перечислилъ почти все сдѣланное императоромъ Александромъ для преобразованія страны съ тѣхъ поръ, какъ, воспріявъ въ свои руки власть, онъ могъ открыто высказать свои намѣренія и осуществить ихъ. Время, протекшее со вступленія его на престолъ до 1810, 11 и 12 годовъ, будетъ на вѣки достопамятнымъ, какъ эпоха созданія настоящаго положенія Россійской имперіи въ половинѣ XIX вѣка. Россія подвинулась на цѣлое столѣтіе къ политическому возрожденію, которое можетъ совершиться только въ концѣ XIX или въ началѣ XX вѣка.

Учрежденіе министерствъ и введеніе конституціонныхъ порядковъ

въ русскую администрацію перевернули верхъ дномъ всѣ правовыя отношенія, всю юрисдикцію. Самодержавіе царя сочеталось съ властью Государственнаго Совѣта.

Трудно сказать, имѣлъ ли императоръ Александръ серьезное намѣреніе отказаться отъ своихъ неограниченныхъ правъ и дать странѣ конституцію. Либеральныя идеи, привитыя ему Лагарпомъ, могли, разумѣется укорениться въ немъ: французская революція въ свою очередь могла поддержать ихъ.

Петръ Великій какъ нельзя лучше придумалъ и составилъ планъ преобразованія страны. Онъ подражалъ солнцу, которое освѣщаетъ, оживляетъ и согрѣваетъ земной шаръ не изнутри или изъ центра земли, а съ недосягаемой высоты, на огромномъ разстояніи отъ нашей планеты. Это былъ разсчетъ вполнѣ естественный и неоспоримый. Окруженный дикими, невѣжественными и суевѣрными элементами, которыхъ онъ хотѣлъ просвѣтить, Петръ подвергался въ Москвѣ всевозможнымъ опасностямъ; этотъ центральный пунктъ Имперіи былъ слишкомъ отдаленъ отъ периферіи. Если бы императорская резиденція находилась въ 1812 г. въ Москвѣ, то пришлось бы заключить постыдный миръ или бѣжать внутрь страны, чтобы избѣгнуть этого.

Москва, занятая непріятелемъ, не парализовала силу, дѣйствовавшую за 700 верстъ отъ нея; всѣ остальные пункты Имперіи находились подъ вліяніемъ этой силы; занятіе непріятелемъ нѣкоторыхъ пунктовъ русской территоріи не препятствовало этой силѣ дѣйствовать на всѣ остальные.

Петръ I, какъ единственный настоящій основатель Россійской имперіи, понялъ, какъ я уже сказалъ выше, нравственный законъ, который я старался пояснить на основаніи закона физики, и его планъ вполнѣ удался. Находясь среди болотъ Ингріи у входа въ Балтійское море, онъ царствовалъ властно надъ государствомъ до отдаленнѣйшихъ нѣдръ Сибири.

Хотѣлъ ли Александръ дѣйствительно дать конституцію или только хотѣлъ выказать это намѣреніе, сказать трудно; ему нечего было опасаться. Если бы попытка удалась, то онъ могъ бы пойти на этомъ пути далѣе; если нѣтъ, если бы она вызвала смятеніе, то, находясь внѣ центра дѣйствія, онъ всегда могъ потушить разгорѣвшееся пламя.

Правда, въ описываемое мною время Россія еще не созрѣла для конституціи, такъ же точно, какъ она не подготовлена къ ней и въ настоящій моментъ. Со временъ Іоанна Грознаго русскіе монархи всегда стремились парализовать въ своей странѣ двѣ силы: свѣтскую, сосредоточенную во власти бояръ, и духовную, находившуюся во власти духовенства, какъ такъ эти двѣ силы имѣли непосредственное вліяніе на народъ. Слѣдовательно, Александру можно было опасаться только реак-

ціи со стороны дворянства; русское духовенство составляющее отдѣльное сословіе, не можетъ никогда слить своихъ интересовъ съ интересами дворянства, а тѣмъ болѣе народа, который держитъ себя очень далеко отъ своихъ духовныхъ пастырей. Слѣдовательно, конституція была бы невыгодна только для одного сословія, составляющаго самую меньшую часть народа, которой насчитываютъ не болѣе 25 тысячъ на 52 милліона жителей Россіи.

Здѣсь выступаетъ на сцену Сперанскій, послѣ Александра самый видный дѣятель. Сдѣлавшись директоромъ(?) министерства внутреннихъ дѣлъ, онъ съумѣлъ, съ его познаніями и способностями, снискать полное довѣріе своего министра Кочубея, несвѣдущаго въ дѣлахъ администраціи, и сдѣлаться вскорѣ лично извѣстнымъ императору. Обладая пріятной, симпатичной наружностью, онъ обладалъ удивительнымъ умѣніемъ писать императору представляемыя записки и проекты совершенно инымъ слогомъ отъ того, который былъ принятъ до него; отлично говорилъ по-французски и по-англійски, имѣлъ основательныя познанія по исторіи и юриспруденціи. Онъ былъ мастеръ своего дѣла и зналъ наизусть Блакстона и Монтескье. Какъ человѣкъ весьма ловкій и тактичный, онъ пріобрѣлъ вскорѣ огромное вліяніе на дѣла. Безъ него министерская система пришла бы скоро въ упадокъ. Новые министры не были въ состояніи оправдать ожиданій императора и осуществить его намѣреній; ихъ помощники только и бредили о habeas corpus. Правосудіе находилось въ рукахъ князя Лопухина и его помощника, Новосильцова, человѣка свѣтскаго, который, чтобы придать себѣ цѣну въ глазахъ общества, дѣлалъ видъ, что онъ обладаетъ глубокими свѣдѣніями въ юриспруденціи. Онъ завѣдывалъ дѣлами коммиссіи по пересмотру законовъ, но къ счастью для этой коммиссіи одинъ ученый лифляндецъ, Розенкампфъ, основательно изучившій право, собралъ впослѣдствіи множество матеріаловъ, послужившихъ для составленія свода законовъ, изданнаго въ царствованіе императора Николая. Министерствомъ финансовъ управлялъ графъ Васильевъ, старый рутинеръ. Министерство народнаго просвѣщенія было въ рукахъ графа Завадовскаго, бывшаго фаворита Екатерины, добродушнаго малоросса, любившаго поѣсть и поиграть въ карты.

Таковъ былъ одновременно и составъ комитета министровъ и Государственнаго Совѣта, коего Сперанскій былъ назначенъ впослѣдствіи статсъ-секретаремъ. Министры военный и морской дополняли составъ министровъ.

Въ каждой странѣ не любятъ новыхъ порядковъ, нарушающихъ прежній порядокъ вещей. Въ началѣ у насъ роптали на нововведенія, потомъ стали насмѣхаться надъ ними. Сперанскій сдѣлался ненавистнымъ дворянству и былъ идоломъ разночинцевъ. Онъ хорошо зналъ, какъ

дѣйствовать. Вскорѣ дворянство было оскорблено указомъ, воспрещавшимъ производство въ чинъ ассесора или въ 8-й классъ, дающій права потомственнаго дворянства, тѣхъ чиновъ гражданскаго вѣдомства, кои не имѣли университетскихъ аттестатовъ. Этотъ указъ значительно тормозилъ карьеру дворянъ, служившихъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ, и давалъ возможность быстро повыситься лицамъ духовнаго званія и разночинцамъ, окончившимъ курсъ въ университетахъ и духовныхъ академіяхъ или семинаріяхъ. Это и была цѣль, которую преслѣдовалъ Сперанскій; онъ этимъ пріобрѣлъ многочисленныхъ сторонниковъ среди духовенства и средняго сословія. Онъ наполнилъ министерства людьми знающими, учеными или имѣвшими ярлыкъ учености, и окружилъ себя сотоварищами или людьми, коимъ онъ покровительствовалъ. Безъ него ничего нельзя было добиться. Власть бывшаго генералъ-прокурора была распредѣлена между министрами; двигателемъ всей этой машины былъ Сперанскій, находившійся въ непосредственномъ сношеніи съ императоромъ.

Въ то время какъ всѣ эти преобразованія совершались въ Россіи, европейская политика не смѣла сдѣлать шага безъ соизволенія Наполеона.

Исчезали царства, новые цари возсѣли на престолы Вестфаліи, Неаполя, Испаніи. Италія сдѣлалась французской провинціей такъ же, какъ древняя Римская имперія сдѣлалась авангардомъ Франціи. Пруссія была парализована такъ же, какъ Австрія. Папа забывалъ свой санъ въ присутствіи римскаго губернатора Міоллиса. Между Александромъ и Наполеономъ продолжала существовать дружба; континентальная система медленно подтачивала Англію.

Дюрокъ, Савари, Лористонъ, Коленкуръ, одинъ за другимъ бывшіе послами Наполеона при Петербургскомъ дворѣ, были желанными гостями въ первѣйшихъ салонахъ столицы; о французской революціи, о Бурбонахъ, о легитимизмѣ болѣе не говорили, и хотя величіе Наполеона подавляло даже величіе могущественнаго русскаго монарха, но союзъ съ нимъ успокоивалъ самые робкіе умы и придавалъ имъ твердую увѣренность, что Россіи не угрожаетъ нашествіе враговъ, а тѣмъ болѣе раздробленіе.

Наполеонъ, пользуясь своимъ временнымъ могуществомъ, не терялъ драгоцѣннаго времени и, руководствуясь человѣческими соображеніями, рѣшилъ, что союзъ болѣе тѣсный, нежели политическій договоръ, могъ бы упрочить за нимъ его новый престолъ. Онъ открылъ Александру свои брачные виды и, разведясь съ Жозефиной, просилъ руки сестры императора Екатерины. Быть можетъ, это предложеніе не встрѣтило бы отказа со стороны Александра, но оно вызвало цѣлую бурю со стороны его матери, вдовствующей императрицы. Предложеніе было отвергнуто, и

нѣкоторое время спустя сестра императора вышла замужъ за герцога Ольденбургскаго, который поселился въ Россіи. Таково было положеніе вещей; французское вліяніе на петербургскій кабинетъ не уменьшалось. Французскій посланникъ и консулы какъ бы говорили русскимъ: «благодарите Бога за то, что Наполеонъ вамъ покровительствуетъ, иначе ваша варварская страна превратилась бы въ оазисъ».

Между тѣмъ Сперанскій поддерживалъ въ императорѣ мысль о необходимости даровать странѣ излюбленную имъ конституцію. Дѣло зашло такъ далеко, что въ теченіе 1811 года въ Государственномъ Совѣтѣ разрабатывался уже планъ реформы, говорили о хартіи, о палатахъ и обо всѣхъ подробностяхъ, какія влечетъ за собою конституція [1]). Сперанскій былъ всесиленъ болѣе, чѣмъ когда-либо. Онъ сдѣлалъ своего друга Магницкаго однимъ изъ секретарей Государственнаго Совѣта. Магницкій, котораго я близко зналъ и который занялъ мое мѣсто въ Вѣнѣ въ 1799 году, былъ человѣкомъ вполнѣ подходящимъ для разработки такого проекта, который обсуждался въ то время въ Совѣтѣ. Краснорѣчивый, хитрый, онъ зналъ, что преимущества всегда на сторонѣ современной философіи и что тотъ, кто не воспользуется ею, потеряетъ, можетъ быть на всегда, выгодный случай. Но онъ забылъ, что тѣ, которые начинаютъ переворотъ, никогда не оканчиваютъ его. Они или трудятся для другихъ, для тѣхъ, которые появятся послѣ нихъ, или платятся сами, если ихъ планъ не удастся. Такъ и случилось. Магницкій помогалъ Сперанскому со всѣмъ усердіемъ рѣшительнаго человѣка, видящаго, что передъ нимъ открывается широкій путь. Ихъ связь была дружеская, короткая; она казалась даже искреннею Сперанскому такъ же точно, какъ поведеніе его друга относительно его казалось ему чистосердечнымъ и безкорыстнымъ.

Новый приказный слогъ былъ введенъ въ высшія административныя учрежденія. Всѣ министерскіе чиновники гордились своими учеными степенями. Старинный порядокъ вещей называли во всеуслышаніе варварскимъ. Либерализмъ вошелъ въ моду. Сбросивъ съ себя рясу, Сперанскій совершалъ передъ обѣдомъ прогулку верхомъ, въ сюртукѣ англійскаго покроя; люди, которымъ онъ покровительствовалъ, держали себя надменно, вызывая этимъ смѣхъ и вооружая противъ себя всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ несчастіе быть съ ними въ дѣловыхъ сношеніяхъ. Словомъ, самый недальновидный человѣкъ понималъ, что вскорѣ наступятъ новые порядки, которые перевернутъ верхъ дномъ весь существующій строй. Объ этомъ уже говорили открыто, не зная еще, въ чемъ именно состоитъ угрожающая опасность. Богатые помѣщики, имѣвшіе крѣпостныхъ, теряли голову при мысли, что конституція уничтожитъ

[1]) Все это не точно. Ред.

крѣпостное право и что дворянство должно будетъ уступить шагъ впередъ плебеямъ. Недовольство высшаго сословія было всеобщее.

Послѣ замужества сестры императора съ герцогомъ Ольденбургскимъ, этотъ послѣдній былъ назначенъ ярославскимъ, тверскимъ и новгородскимъ генералъ-губернаторомъ; въ то же время онъ былъ назначенъ главноуправляющимъ путями сообщеній. Для его постояннаго мѣстопребыванія былъ избранъ городъ Тверь, гдѣ воздвигли великолѣпный дворецъ для помѣщенія сестры императора.

Таково было положеніе вещей въ то время, когда Наполеонъ вторгнулся на территорію герцогства Ольденбургскаго. Это былъ, какъ увидимъ далѣе, сигналъ нашествія, которое онъ предполагалъ сдѣлать на Россію, чтобы положить конецъ независимости этой имперіи и подчинить ее своей власти, которой подчинялась почти вся Европа. Онъ думалъ, судя по отчетамъ своихъ посланниковъ и прочихъ агентовъ, что Россія только и ждала его появленія, чтобы стать на его сторону, и что не слѣдуетъ откладывать намѣренія нанести рѣшительный ударъ существованію этой страны, которая мѣшала его планамъ безапелляціоннаго владычества надъ Европою.

Оккупація Ольденбургской территоріи вызвала жалобы и пререканія, которыя только еще сильнѣе раздражили Наполеона. Ожидали разрыва; но не допускали даже мысли о возможности вторженія Наполеона на русскую землю.

Въ это время въ Петербургѣ былъ составленъ обширный заговоръ съ цѣлью помѣшать осуществленію проекта императора Александра дать Россіи конституцію и погубить Сперанскаго, какъ главнаго двигателя, работавшаго надъ осуществленіямъ этого проекта.

Во главѣ этого заговора стояла вдовствующая императрица, со своей дочерью, герцогиней Ольденбургской. Второстепенными участниками заговора были: графъ Армфельдъ, графъ Ростопчинъ, жившій въ отставкѣ въ Москвѣ, и Балашовъ, министръ полиціи въ Петербургѣ. Общій планъ заговора и мѣры, коими разсчитывали достигнуть цѣли, хранились въ глубочайшей тайнѣ. Ростопчинъ часто ѣздилъ въ Тверь къ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, которая поддерживала его всѣмъ своимъ вліяніемъ, какое давала ей нѣжная привязанность, которую императоръ питалъ къ своей сестрѣ. Не только было рѣшено погубить во что бы то ни стало Сперанскаго, но также и сломить шею Магницкому, коего считали самымъ дѣятельнымъ его сотрудникомъ. Магницкій съумѣлъ между тѣмъ дотого овладѣть довѣріемъ Александра, что кромѣ занимаемаго имъ мѣста въ Государственномъ Совѣтѣ ему было поручено самимъ императоромъ составить для руководства положеніе «О Большой дѣйствующей арміи». Этотъ трудъ былъ составленъ съ большою поспѣшностью и оконченъ въ началѣ 1812 года.

Сперанскій и Магницкій при всей своей хитрости не предвидѣли угрожавшей имъ опасности. Однажды утромъ, когда они менѣе всего этого ожидали, министръ полиціи Балашовъ явился, чтобы арестовать ихъ и отправить подъ конвоемъ полицейскихъ офицеровъ — Сперанскаго въ Нижній Новгородъ, а Магницкаго въ Симбирскъ, гдѣ они были отданы подъ надзоръ мѣстныхъ губернаторовъ.

Перев. **В. В. Тимощукъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ)

Запрещеніе излишне угощать духовенство.

Высочайшее повелѣніе, объявленное графомъ Аракчеевымъ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ отъ 3-го марта 1825 г. № 407.

Доходило до свѣдѣнія государя императора, что при угощеніи свѣтскими людьми въ домахъ своихъ духовныхъ лицъ, нѣсколько разъ случилось, что, бывъ оныя напоены допьяна, отъ таковыхъ угощеній нѣкоторые изъ нихъ духовныхъ скоропостижно умирали.

Вслѣдствіе сего, его императорское величество повелѣть соизволилъ, дабы ваше высокопревосходительство сообщили циркулярно всѣмъ начальникамъ губерній къ непремѣнному наблюденію слѣдующее:

При изслѣдованіи таковыхъ происшествій, касающихся до духовныхъ лицъ, которыя доводятся до высочайшаго свѣдѣнія, принимать во вниманіе самую причину сего происшествія; и если окажется оное послѣдовавшимъ отъ угощенія кѣмъ-либо до того, что подобной духовной былъ приведенъ въ нетрезвое положеніе, то при производствѣ о семъ дѣлѣ присовокуплять свѣдѣніе и объ оныхъ хозяевахъ, и въ донесеніяхъ о происшествіяхъ означать въ чьемъ домѣ и у кого именно таковое происшествіе случилось.

Симъ исполняя монаршую волю, имѣю честь быть и проч.

«ГРОТУ ЛЕРМОНТОВА»

Стихотвореніе

И. В. АЛЕКСѢЕВА,

высѣченное въ Пятигорскѣ, въ этомъ гротѣ, на каменной доскѣ [1]).

Подъ сѣнію твоею Онъ часто находилъ
Пріютъ для сладкаго мечтанья;
И ты одинъ свидѣтель былъ
Его сердечнаго страданья.
Угрюмый видъ твоей скалы
Служилъ душѣ Его отрадой;
Вдали отъ суетной молвы,
Ты окружалъ Его прохладой.
Ты геніемъ Его сіялъ.
Въ тотъ мигъ душевнаго сознанья
Когда съ пера Его слеталъ
Печальный демонъ, духъ изгнанья [2]).
И видѣлъ ты съ звѣзды восточной [3]),
Какъ сорванъ былъ—вѣнецъ златой!
Какъ онъ сіялъ—росой полночной
Съ чела Тамары молодой!
Лучемъ румянаго заката
Ты былъ такъ ярко озаренъ;
Дыханьемъ нѣжнымъ аромата,
Твой горный воздухъ упоенъ [3]).
И этотъ лучъ, кругомъ играя,
Обвилъ Тамары гибкій станъ;
И духъ подземный, обожая,
Стоялъ предъ ней, какъ истуканъ.
Въ тебѣ тотъ демонъ, духъ изгнанья
Коварства, лести, адскихъ силъ,—
Надъ милой дѣвой обожанья
Обманъ преступный совершилъ!
Клялся духовъ своихъ служебныхъ [4]),
Привесть красавицѣ—съ собой!
Невольницъ легкихъ и волшебныхъ [4])
Съ ихъ красотою—неземной!
Склонясь предъ этимъ увѣреньемъ,
Скрѣпленнымъ лестью до конца,
Какимъ-то чуднымъ упоеньемъ
Повѣяло съ ея лица.
И выслушавъ любви признанье,
Что злобный духъ ей обѣщалъ,
Тамаринъ образъ, какъ въ сіяньѣ
Зарей румяной заблисталъ.
Ты былъ всему тому свидѣтель
И все въ себѣ ты совмѣстилъ,
Что твой и другъ и благодѣтель,
А нашъ Поэтъ—осуществилъ,

Гордись-же участью своей:
Ты былъ избранникомъ Поэта!
И знай что въ памяти людей
Не исчезаетъ память эта!
Несчастный рокъ Его сгубилъ,
Разстался съ жизнью незабвенный!
Противникъ выстрѣлъ совершилъ,
И палъ Поэтъ окровавленный!
Такъ передай потомству ты
Дуэль, годами незабытый,
Что у Перкальской здѣсь скалы,
Лежалъ нашъ Лермонтовъ убитый!
Что погребенъ былъ прахъ Его,
Близь схороненныхъ здѣсь злодѣевъ!
Въ дали отъ храма Своего,
Въ углу у кладбища Евреевъ!
Но кровь родная не забыла!
Поэта брата Своего,
И у Монарха испросила
Увѣсть отъ сюда прахъ Его.
И Онъ теперь лежитъ въ кладбищѣ—
Въ селѣ Столыпинѣ [5]) родномъ,
На вѣковомъ Своемъ жилищѣ
Почіетъ въ Богѣ—мирнымъ сномъ!
А ты мой Гротъ! Какъ мраченъ ты [6])
Лишившись друга и Поэта!
Кругомъ тебя все суеты,
И ты такъ чуждъ людскаго свѣта [6])!
Повѣдай намъ: кого ты ждешь?
О чемъ такъ грустно вспоминаешь?
Поэта-ль памятью живешь,
Иль тѣнь Его благословляешь!
Уже насталъ тридцатый годъ [7]),
Какъ мы разстались съ Поэтомъ,
А ты остался все-же тотъ,
Какъ памятникъ Его предъ свѣтомъ
И неизмѣннымъ хочешь быть
Поэта другъ, товарищъ милый,
Въ тебѣ Онъ вѣчно будетъ жить,
Ты храмъ Его и за могилой.
Вотъ почему благоговѣю,
Когда вхожу подъ сѣнь твою;
Я память прошлаго лелѣю,
И дань таланту отдаю.

Соч. Илья Алексѣевъ.

Сія доска сооружена Тамбовской губерніи, Козловскаго
уѣзда Помѣщикомъ Ильею Васильевичемъ
Алексѣевымъ, 1870 года Іюля 20 дня
во время его пользованія Пятигорскими
Минеральными водами. А нынѣ по
случаю отдѣлки грота, вновь возоб-
новлена имъ 17 іюля 1878 г.

Поставлена Мастеромъ Николаи
К. Параскевинъ Каминъ [8]) Машуки

Списано 13 (25) іюля 1889 г. Сообщ. Юрій Крестцовъ.

---

[1]) Въ настоящемъ спискѣ соблюдены всѣ мелочи орѳографіи и пунктуаціи подлинника.

Стихотвореніе высѣчено на доскѣ въ два параллельныхъ столбца по 44 строфы.

[2]) Печальный демонъ, духъ изгнанья—начало поэмы Лермонтова „Демонъ“, въ первоначальномъ видѣ не опредѣленной по мѣсту дѣйствія (по Висковатову и Шанъ-Гирею—въ Испаніи), въ послѣдствіи, по пребываніи Лермонтова на Кавказѣ, отнесенной къ послѣднему.

[3]) Поэма. Часть II—X. „И для тебя съ звѣзды восточной Сорву вѣнецъ я золотой, Возьму съ цвѣтовъ росы полночной, Его усыплю той росой; Лучемъ румянаго заката Твой станъ, какъ лентой, обовью; Дыханьемъ чистымъ аромата окрестный воздухъ напою“! Строфы стихотворенія Алексѣева „Лучемъ румянаго заката т ы б ы л ъ такъ ярко о з а р е н ъ“—не удачны, такъ какъ гротъ обращенъ на Ю.-Ю.-В.

[4]) Ibid. „Толпу духовъ моихъ служебныхъ Я приведу къ твоимъ стопамъ, Прислужницъ легкихъ и волшебныхъ Тебѣ, красавица, я дамъ“.

[5]) Должно-быть это—licentia poëtica: Лермонтовъ похороненъ въ имѣніи Тарханахъ, принадлежавшемъ матери его, Столыпиной.

[6]) Не знаю, какъ было въ 1870 г., но въ 1889 г., когда я списывалъ стихотвореніе Алексѣева, гротъ, стѣны котораго были окрашены свѣтло-желтою краскою, представлялся очень свѣтлымъ.

[7]) Опять licentia poëtica: въ 1870 г. шелъ 29-й годъ послѣ убійства Лермонтова, 27/15 іюля 1841 г.

[8]) Должно быть „Камень“. Вѣроятно, доска высѣчена изъ камня, взятаго съ горы Машука или Машухи, на южномъ склонѣ которой расположенъ Пятигорскъ.

Записки генерала В. И. Левенштерна.

XXX [1]).

Отступленіе непріятеля. — Отъѣздъ Левенштерна изъ главной квартиры въ авангардъ.—Народная война.—Бивуаки.—Ночь на снѣгу въ открытомъ полѣ.—Отбитіе обозовъ и каретъ Наполеона съ деньгами и припасами.

Нѣкоторые изъ моихъ товарищей не понимали моего страстнаго желанія подвергнуть себя ружейнымъ выстрѣламъ; но тѣ, у которыхъ текла въ жилахъ кровь, завидовали моему счастью.

Я не объяснялъ никому мотивовъ, руководившихъ мною, а равно и того, какими средствами я достигъ своей цѣли. Взявъ съ собою три хорошія верховыя лошади, одну подъ багажъ, двухъ казаковъ и двухъ денщиковъ, я поспѣшилъ къ авангарду.

Я ѣхалъ полтора дня въ томъ направленіи, откуда раздавались орудійные выстрѣлы, и 26-го октября наскочилъ на аррьергардъ французской арміи.

Во всякое иное время я былъ бы неизбѣжно взятъ въ плѣнъ, но непріятельская армія находилась тогда въ такомъ жалкомъ состояніи, что французы не рѣшились отрядить хотя бы нѣсколькихъ конныхъ егерей для того, чтобы преслѣдовать меня; поэтому я преспокойно былъ зрителемъ зловѣщаго отступленія французовъ.

Въ разстояніи ста шаговъ отъ большой дороги я увидѣлъ привалъ ихъ. Нѣкоторые изъ офицеровъ поклонились мнѣ; въ меня было

[1]) См. „Русскую Старину“ январь 1901 г.

сдѣлано два выстрѣла изъ ружья, когда я запѣлъ изъ комической оперы Дюмоларда: «Bon voyage» (добрый путь).

Наконецъ показалась голова нашего авангарда, впереди его ѣхалъ генералъ Ермоловъ; онъ полагалъ, что онъ одинъ слѣдуетъ за французами, и былъ пораженъ, увидавъ меня, спокойно покуривавшаго трубку въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него.

— Храбрый товарищъ, лихой Левенштернъ!—воскликнулъ онъ.

Эти слова сопровождались объятіями и стаканомъ рома.

Наскучивъ уловками, какія фельдмаршалъ употреблялъ для того, чтобы устранить его отъ всѣхъ дѣлъ, генералъ Ермоловъ просилъ назначить его подъ начальство графа Милорадовича и такъ какъ близилась развязка великой драмы, то Кутузовъ нашелъ возможнымъ отпустить его.

Большая дорога, по которой прошла французская армія, была усѣяна убитыми, ранеными и умирающими, истомленными голодомъ и усталостью, и трупами лошадей. Зрѣлище было потрясающее; о немъ заочно нельзя составить себѣ понятіе, даже обладая самымъ пылкимъ воображеніемъ. Тотъ, кто не былъ очевидцемъ этихъ ужасныхъ событій, съ трудомъ повѣритъ, какія бѣдствія пришлось испытать французской арміи. Даже главная квартира и остальныя части арміи не отдавали себѣ въ этомъ отчета; люди все еще вѣрили въ обаяніе Наполеона, Даву, Нея и Понятовскаго.

Такъ какъ Ермоловъ шелъ впереди авангарда пѣшкомъ, то я сошелъ съ лошади, и мы прошли по большой дорогѣ до Дорогобужа, гдѣ непріятель, несмотря на жалкое состояніе своего аррьергарда, оказалъ еще намъ энергичное сопротивленіе. На холмѣ и на кладбищѣ, въ концѣ города, были поставлены орудія. Принцу Евгенію Виртембергскому было приказано овладѣть этой позиціей; онъ исполнилъ это порученіе весьма успѣшно и отбилъ у непріятеля четыре орудія, еще дымившіяся отъ выстрѣловъ, 20 орудій, которыя стояли безъ упряжи, и взялъ болѣе двухъ тысячъ плѣнныхъ.

Милорадовичъ немедленно занялъ городъ, коего половина была разрушена, а другая половина была объята пламенемъ. Зрѣлище было весьма прискорбное. Ночью графу Милорадовичу пришлось нѣсколько разъ переселяться, такъ какъ пламя охватывало мало-по-малу дома, кои онъ занималъ. На дворѣ не было холодно, т. е. не морозило, но мокрый снѣгъ падалъ большими хлопьями; французы были скучены въ церквахъ и на улицахъ, гдѣ они умирали голодной смертью.

Наше положеніе было такъ же бѣдственно, какъ и положеніе французовъ. На большой дорогѣ, по которой прошла французская армія, нельзя было ничего достать. Нашему авангарду было приказано преслѣдовать французовъ, не позволяя имъ сворачивать съ дороги.

Я предвидѣлъ, что намъ придется бѣдствовать эту ночь, и потому

мнѣ пришло на мысль устроиться въ предмѣстьи Дорогобужа на противуположномъ берегу Днѣпра, куда наши войска еще не успѣли вступить. Предмѣстье было переполнено французами; но ихъ деморализація доходила до того, что я въѣхалъ въ предмѣстье въ сопровожденіи всего четырехъ солдатъ, вошелъ въ первый попавшійся домъ съ зелеными ставнями и прогналъ оттуда человѣкъ двѣнадцать французовъ, которые нисколько не противились этому.

Хозяинъ дома былъ часовыхъ дѣлъ мастеръ, отставной унтеръ-офицеръ гвардіи, ярый патріотъ. Какъ только онъ увидалъ по Владимірскому кресту, который я носилъ, что я русскій, онъ поклонился мнѣ, осѣнилъ себя трижды крестнымъ знаменемъ, схватилъ большой кухонный ножъ, бросился на улицу и убилъ на моихъ глазахъ 5 или 6 французовъ такъ быстро, что я не успѣлъ помѣшать этому. Затѣмъ онъ началъ, что есть мочи, кричать своимъ сосѣдямъ, чтобы они выходили изъ своихъ домовъ и помогли бы ему перерѣзать непріятеля.

Французы, видя, что единственнымъ средствомъ спасенія было бѣжать какъ можно скорѣе, выскакивали изъ домовъ и перепрыгивали черезъ заборы; весьма немногимъ удалось спастись, такъ какъ крестьяне, которые были сильнѣе ихъ и не такъ истомлены, вскорѣ настигали этихъ бѣглецовъ и убивали безо всякаго милосердія топорами, кирками, косами, вилами и всѣмъ, что попадало подъ руку. Страшно было видѣть эту расправу; на лицахъ мирныхъ жителей отражалось въ эту минуту звѣрство истыхъ людоѣдовъ; въ ихъ налитыхъ кровью глазахъ сверкала дикая радость. Насытившись этой рѣзнею, мой часовыхъ дѣлъ мастеръ вернулся съ окровавленнымъ ножемъ въ рукѣ, хвастаясь тѣмъ, что онъ вонзилъ его въ сердца двадцати жертвъ. Я не сдѣлалъ ему выговора: патріотизмъ довелъ его до фанатизма. Онъ преспокойно вытеръ свой широкій ножъ, перекрестился, спряталъ его подъ постель и сказалъ:

— Вотъ гдѣ я его пряталъ все время, пока эти еретики были у насъ, въ надеждѣ, что мнѣ удастся когда-нибудь употребить его въ дѣло. Наконецъ этотъ счастливый часъ насталъ: вы первый освободили насъ, располагайте всѣмъ, что я имѣю. И, долго не думая, онъ отставилъ съ помощью жены старый шкапъ, приподнялъ половицу, и я увидалъ въ подпольѣ всякаго рода провизію, много цѣнныхъ вещей, часовъ и т. п.

Я былъ въ восторгѣ, увидавъ хлѣбъ, окорока, медъ, муку, масло, пшеницу и ячмень, который доставилъ большое наслажденіе моимъ лошадямъ. Я далъ хозяину 25 р., но онъ едва согласился взять ихъ, и у этого человѣка, который не сморгнувъ убилъ двадцать человѣкъ французовъ, все время блестѣли на глазахъ слезы! Его жена приготовила мнѣ прекрасныя щи, кашу съ масломъ и пирогъ съ медомъ. У меня была съ собою мадера, и я поужиналъ съ большимъ аппетитомъ, размышляя о бѣдствіяхъ, не-

разлучныхъ съ войною: все, что я видѣлъ въ этотъ день, превосходило всѣ ужасы сраженія.

Я легъ на кровать часовымъ дѣлъ мастера и, несмотря на душевное волненіе, крѣпко уснулъ. Меня разбудила сильная канонада. Испуганный, я вскочилъ съ постели и такъ какъ обыкновенно спалъ не раздѣваясь, то сразу очутился на ногахъ.

Я побѣжалъ въ конюшню, чтобы взять лучшую лошадь и ускакать. Но каковъ былъ мой испугъ, когда я увидѣлъ, что конюшня была объята пламенемъ и что мои люди старались всѣми силами вывести оттуда лошадей.

— Гдѣ непріятель?—спросилъ я казаковъ.—Какъ намъ спастись? Есть ли у нихъ кавалерія, чтобы преслѣдовать насъ?

На всѣ эти вопросы я не получилъ отвѣта, такъ какъ въ этотъ мигъ посреди насъ упала бомба, разорвавшаяся со страшнымъ трескомъ.

Оказалось, что вице-король, уходя изъ Дорогобужа, былъ вынужденъ оставить до тридцати ящиковъ, наполненныхъ патронами, гранатами и другими снарядами; ящики эти загорѣлись, и снаряды разлетѣлись со страшнымъ трескомъ въ разныя стороны. Подойти къ этимъ ящикамъ не было возможности: единственное средство спасенія было спрятаться за стѣною, что̀ я и сдѣлалъ. Этотъ печальный случай не имѣлъ особенныхъ послѣдствій; только у одной старухи оторвало ногу.

Изверженіе этого импровизированнаго Везувія продолжалось не долго: я снова легъ спать и вскорѣ уснулъ; было уже около десяти часовъ утра, когда я всталъ, прекрасно выспавшись и отдохнувъ.

Простившись съ моими хозяевами, я пустился въ путь. Генералъ Милорадовичъ шелъ со своимъ авангардомъ не по большой дорогѣ; онъ предоставилъ ее генералу Юрковскому, преслѣдовавшему французовъ съ Сумскими и Елисаветградскими гусарами.

Эти подробности мнѣ не были извѣстны, я пошелъ по большой дорогѣ и не встрѣтилъ на ней ни души.

Была ужасная мятель, я заблудился и былъ совершенно одинъ; вѣтеръ то и дѣло засыпалъ меня снѣгомъ, и негдѣ было укрыться отъ непогоды, а у меня не было дровъ, чтобы разложить костеръ; не было корма для лошади. Я изнемогъ отъ усталости и едва не замерзъ. Наконецъ силы и бодрость духа покинули меня. Я оставилъ поводья и предоставилъ лошади вывести меня изъ бѣды. Вдругъ она повела ушами и начала ржать; я выглянулъ изъ-за воротника моего плаща и увидѣлъ мелькавшій изъза снѣга свѣтъ. Я тотчасъ поскакалъ въ этомъ направленіи и какъ велика была моя радость, когда я увидѣлъ на опушкѣ лѣса доблестнаго полковника Карпенко съ 1-мъ полкомъ легкой конницы, грѣвшагося у прекрасныхъ бивуачныхъ огней.

Карпенко встрѣтилъ меня какъ добраго товарища; мы весело по-

ужинали, я согрѣлся и, выпивъ большую рюмку водки, былъ несказанно счастливъ, узнавъ, что моимъ лошадямъ дано сѣно.

По окончаніи ужина, мы легли на снѣгъ. Желая отплатить полковнику Карпенко за его гостепріимство, я предложилъ ему лечь рядомъ со мною, прикрылъ его шкурою медвѣдя, убитаго нѣкогда бывшимъ канцлеромъ графомъ Панинымъ собственноручно, и который былъ имъ подаренъ мнѣ въ Москвѣ. Этотъ великолѣпный мѣхъ былъ мнѣ не разъ весьма полезенъ, но никогда еще онъ не сослужилъ мнѣ такой службы, какъ въ эту достопамятную ночь. Когда мы встали на слѣдующій день, то были совершенно занесены снѣгомъ.

Въ лѣсу, возлѣ котораго находился нашъ бивуакъ, было множество французовъ, пріютившихся тамъ на ночлегъ. Они вышли изъ лѣса ночью безъ оружія и пришли погрѣться къ нашимъ кострамъ.

Велико было наше удивленіе, когда мы увидѣли по утру вокругъ каждаго костра человѣкъ сорокъ или пятьдесятъ французовъ, сидѣвшихъ въ кружокъ на корточкахъ и не выказывавшихъ ни малѣйшаго страха передъ смертью. Добрый, прекрасный Карпенко велѣлъ разложить еще нѣсколько костровъ. Тогда вышло изъ лѣса нѣсколько тысячъ французовъ, которые расположились возлѣ огня. Карпенко, безпощадно рубившій непріятеля, когда онъ стоялъ къ нему лицомъ къ лицу, продлилъ жизнь многимъ изъ этихъ несчастныхъ.

Уйдя рано утромъ съ бивуака, мы предоставили французовъ ихъ печальной участи.

Снѣгъ пересталъ идти, вѣтеръ стихъ, на небѣ сіяло солнце. Я сѣлъ на лошадь и, простившись съ полковникомъ Карпенко, поѣхалъ розыскивать генерала Юрковскаго, командовавшаго крайнимъ отрядомъ нашего авангарда. Атаманъ Платовъ, шедшій по большой дорогѣ, переправился черезъ Днѣпръ, двинулся къ Смоленску и овладѣлъ этимъ городомъ, изъ котораго Наполеонъ ушелъ два дня передъ тѣмъ.

Главныя силы арміи, подъ начальствомъ Кутузова, простояли на мѣстѣ до 28-го числа. Милорадовичъ направился къ Алексѣеву, чтобы обойти Смоленскъ. Это движеніе дало намъ возможность сдѣлать нѣсколько переходовъ самымъ спокойнымъ образомъ. Мы могли разсѣдлать лошадей, и наши гусары (Сумскіе и Елисаветградскіе) были разставлены на квартирахъ въ сосѣднихъ деревняхъ.

Съ самаго начала кампаніи мы впервые пользовались такимъ благополучіемъ. Эскадронные командиры не теряли времени; они приказали подковать лошадей зимними подковами. Мы уже имѣли случай убѣдиться въ томъ, насколько эта предосторожность была необходима; пренебрегши ею, непріятель потерялъ артиллерію, повозки и остатки своей кавалеріи.

Генералъ Юрковскій предложилъ мнѣ остаться съ нимъ. Я изъ-

явилъ на это согласіе, такъ какъ этотъ генералъ пользовался славою человѣка изумительной храбрости; но я вскорѣ замѣтилъ, что онъ не оправдывалъ эту репутацію. Это былъ человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова ничтожный, который, будучи въ низшихъ чинахъ, отличился въ нѣсколькихъ сраженіяхъ съ турками и поляками, но совершенно не понималъ военнаго искусства и, достигнувъ генеральскаго чина, не желалъ болѣе рисковать жизнью. Когда Кутузовъ, знавшій его за человѣка весьма храбраго, вызвалъ его изъ Кіева, гдѣ онъ жилъ на покоѣ, то въ главной квартирѣ всѣ привѣтствовали это назначеніе, полагая, что въ арміи будетъ однимъ героемъ больше. Я слѣпо вѣрилъ въ выдающіяся способности Юрковскаго; но одного дня было достаточно, чтобы узнать его какъ слѣдуетъ. Отъ созданнаго мною облика осталась только воинственная осанка и бутылка водки, къ которой онъ то и дѣло прикладывался.

Юрковскому было приказано выйти на большую дорогу между Смоленскомъ и Краснымъ, именно въ Равкѣ.

Мы двинулись согласно данному намъ приказанію въ этомъ направленіи, но не успѣли выполнить порученія до конца, ибо наткнулись на закатѣ солнца въ нѣсколькихъ верстахъ отъ большой дороги на сильный отрядъ французской кавалеріи съ двумя орудіями. Французы заняли позицію позади плотины и поставили орудія впереди ея; два эскадрона перешли на другую сторону, составивъ авангардъ отряда.

Генералъ Юрковскій, имѣя два прекрасныхъ гусарскихъ полка, не счелъ себя достаточно сильнымъ, чтобы атаковать непріятеля, и рѣшилъ до утра не дѣлать никакой попытки выбить его изъ позиціи. Я старался доказать ему, что намъ слѣдовало воспользоваться остаткомъ дня для того, чтобы сдѣлать въ этомъ смыслѣ хотя слабую попытку, такъ какъ, въ случаѣ неудачи, мы сохранили бы свою позицію; если же, что было весьма вѣроятно, намъ удалось бы прогнать непріятеля, то, преслѣдуя его по пятамъ, мы могли бы оттѣснить его на большую дорогу и, напавъ неожиданно на коммуникаціонную линію французовъ, могли бы привести ихъ нашимъ появленіемъ въ страшное смятеніе.

Генералъ Юрковскій не рискнулъ сдѣлать это, но такъ какъ онъ былъ достаточно ловокъ, чтобы не возстановлять противъ себя человѣка, исполнявшаго обязанности адъютанта при фельдмаршалѣ, то онъ разрѣшилъ мнѣ взять два эскадрона Сумскаго и два эскадрона Елисаветградскаго полковъ и произвести съ ними рекогносцировку непріятельской позиціи. Я рѣшилъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію и сдѣлать съ моими эскадронами то, что Юрковскій не считалъ возможнымъ попытать съ цѣлой бригадою. Эскадроны Сумскаго полка подъ командою храбраго маіора Лисовскаго атаковали французовъ впереди плотины, которую они перешли смѣшавшись съ ними; храбрый маіоръ

Елисаветградскаго гусарскаго полка, Розенъ, тотчасъ поддержалъ Лисовскаго. Мы опрокинули непріятеля, взяли 250 человѣкъ въ плѣнъ и захватили орудія. Непріятель бѣжалъ и скрылся въ кустахъ.

Сраженіе продолжалось не болѣе четверти часа; побѣда была полная и имѣла весьма важныя послѣдствія, такъ какъ съ этого момента мы заняли позицію, перпендикулярную къ коммуникаціонной линіи непріятеля.

Ночь была весьма темная; я собралъ своихъ солдатъ и сталъ бивуакомъ въ одной верстѣ отъ большой дороги. Генералъ Юрковскій, у котораго подъ носомъ я произвелъ эту атаку, бесѣдовалъ все это время съ своей любимой бутылочкой; но онъ былъ намъ благодаренъ и отозвался обо мнѣ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ.

Я вошелъ въ первую попавшуюся избу и увидѣлъ въ ней нѣсколько кастрюль съ кипѣвшей въ нихъ похлебкой, которую непріятель варилъ для себя, и при приближеніи нашемъ бѣжалъ. Жители деревни ничего не ѣли уже два дня. Я велѣлъ имъ сѣсть за столъ и съѣсть ужинъ, приготовленный французами. Бѣдняки были такъ рады, что, помоливши Богу, они отвѣсили мнѣ низкій поклонъ и благодарили со слезами.

Я нашелъ въ деревнѣ нѣсколько прекрасныхъ верховыхъ лошадей, которыхъ не успѣли вывести изъ конюшни, и два экипажа, принадлежавшіе французскимъ генераламъ. Судя по пистолетамъ, привязаннымъ къ сѣдлу, одна изъ верховыхъ лошадей принадлежала графу Бисмарку.

Много лѣтъ спустя я встрѣтился съ графомъ въ Петербургѣ, и онъ вспомнилъ, какъ онъ горевалъ, потерявъ такую прекрасную лошадь.

По счастливой случайности я встрѣтился въ тотъ же вечеръ съ моимъ братомъ Григоріемъ. Онъ сопровождалъ раненаго генерала Дорохова до Малоярославца, а затѣмъ розыскалъ меня и не разставался со мною до самой Вильны.

Мы пережили съ нимъ всѣ бѣдствія этого послѣдняго эпизода кампаніи 1812 года.

Помимо опасности, коей мы подвергались со стороны непріятеля, намъ приходилось бороться съ холодомъ, голодомъ и всевозможными лишеніями. Мы прятались другъ-отъ-друга, чтобы съѣсть какой-нибудь жалкій сухарь и запить его отвратительнѣйшей водкой.

3-го ноября, на другой день послѣ совершенной нами столь удачной атаки, мы увидѣли, что непріятельскія колонны потянулись по большой дорогѣ между Смоленскомъ и Краснымъ. Ихъ положеніе становилось все болѣе и болѣе отчаяннымъ. Они тянулись по большой дорогѣ нескончаемой вереницею; мы перерѣзывали имъ путь по всѣмъ направленіямъ.

Французы выказывали изумительную храбрость и покорность волѣ Провидѣнія: они берегли патроны и стрѣляли только въ упоръ. Наши

гусары и казаки грабили ихъ повозки у нихъ на глазахъ. Французы проходили въ десяти шагахъ отъ нихъ не стрѣляя, но когда наши на нихъ нападали, то они храбро защищались.

Большая дорога представляла любопытное зрѣлище: она походила на ярмарку, но выстрѣлы, раздававшіеся время отъ времени, напоминали намъ, что среди прочаго товара можно было найти тутъ и смерть.

Между тѣмъ въ главной квартирѣ почти не имѣли понятія о томъ, что дѣлалось на большой дорогѣ, и не вѣрили въ дезорганизацію французской арміи, которая была столь превосходно организована въ началѣ войны.

Однако зять фельдмаршала, князь Кудашевъ, былъ посланъ къ намъ, чтобы убѣдиться собственными глазами въ положеніи дѣлъ.

Я указалъ ему большую дорогу; онъ увидѣлъ на ней длинную вереницу французовъ, проходившихъ передъ нашими глазами. Сгоряча ему показалось, что ихъ можно взять въ плѣнъ, безо всякаго труда, но онъ быстро въ этомъ разубѣдился. Тогда онъ сталъ выбирать экипажи, повозки, которыя онъ хотѣлъ отобрать у нихъ, но, взявъ ихъ, онъ увидѣлъ, что это влекло за собою еще большее затрудненіе, такъ какъ приходилось везти ихъ съ большой дороги, на проселочную, что было не легко, такъ какъ лошади изнемогали отъ холода и голода. Поэтому онъ вскорѣ отказался и отъ этого намѣренія.

Единственная, существенная услуга, которую намъ оказали роскошные экипажи, увезенные французами изъ Москвы, состояла въ томъ, что ихъ колеса служили намъ топливомъ. Трудно себѣ представить, какой прекрасный огонь можно разложить изъ колесъ; благодаря маслу, коимъ пропитано дерево, они загораются мгновенно, а втулка служитъ настоящей дымовой трубою; самыя кареты служили намъ мѣстомъ ночлега. На слѣдующій день мы предоставляли все это крестьянамъ, которые пользовались ими по-своему.

Князь Кудашевъ, увидавъ сильную колонну, шедшую сравнительно въ порядкѣ, убѣдилъ генерала Юрковскаго атаковать ее. Юрковскій не могъ ни въ чемъ отказать зятю фельдмаршала и поручилъ ему произвести эту атаку. Непріятель держался стойко; началась жаркая перестрѣлка, и когда мы переходили черезъ большую дорогу, то въ насъ усиленно стрѣляли картечью. Но это было послѣднее усиліе, сдѣланное непріятелемъ.

Колонна была смята, и мы взяли у французовъ три орудія и три экипажа. Намъ стоило большаго труда спасти эти вещи въ общей сумятицѣ. Стемнѣло; я сталъ бивуакомъ, подлѣ одной деревушки, въ полуверстѣ отъ большой дороги.

Совершивъ эту блестящую атаку, князь Кудашевъ возвратился въ главную квартиру.

Въ забранныхъ нами повозкахъ сидѣли слуги, одѣтые въ ливрею Наполеона (зеленаго цвѣта съ золотомъ). Одинъ изъ нихъ, узнавъ во мнѣ начальствующее лицо, умолялъ пощадить его, говоря, что эти фургоны принадлежатъ императорской квартирѣ, и что я останусь доволенъ ихъ содержимымъ.

Я взялъ его подъ свое покровительство; тогда онъ сказалъ мнѣ, что въ фургонахъ находится 60.000 наполеондоровъ.

Такъ какъ никто изъ окружающихъ не понялъ того, что говорилъ этотъ человѣкъ, то я рѣшилъ никому не говорить объ этомъ до поры до времени и только сообщилъ брату и командиру 1-го эскадрона Сумскихъ гусаръ, капитану Будбергу.

Тотъ же французъ сообщилъ мнѣ, что въ двухъ другихъ фургонахъ находились съѣстные припасы, приготовленные для Наполеона. Такъ какъ мы ничего не ѣли цѣлыя сутки, то это открытіе доставило намъ величайшее удовольствіе: оба фургона были мигомъ опустошены. Мы нашли въ нихъ компоты, персики, абрикосы, ренглоды, ликеры, бисквиты, ромъ, каштаны, пряники, словомъ, всевозможный дессертъ и ничего существеннаго. Хорошій пирогъ и окорокъ былъ бы полезнѣе для насъ; всякій изъ насъ взялъ то, что ему наиболѣе понравилось, и мы поужинали вареными фруктами и бисквитами, запивъ ихъ ликерами.

Дѣйствіе этихъ крѣпкихъ напитковъ, коими мы нѣсколько злоупотребили, сказалось довольно скоро. Мы дотого осовѣли или, лучше сказать, такъ опьянѣли, что нами овладѣлъ вскорѣ глубокій сонъ: на слѣдующій день, когда мы хотѣли осмотрѣть захваченное нами сокровище, то оказалось, что оно было разграблено. Сюрпризъ былъ крайне непріятный; намъ такъ и не удалось узнать, кто именно похитилъ наше богатство.

Ночь была холодная и темная; снѣгъ валилъ большими хлопьями.

Пока мы спали, отъ генерала Юрковскаго пріѣзжалъ посланный за тремя орудіями. Быть можетъ, въ суматохѣ произошла ошибка, и фургонъ былъ увезенъ вмѣстѣ съ орудіями. Было несомнѣнно одно: что милліонъ двѣсти тысячъ франковъ перешелъ въ другія руки. Но въ это время событія слѣдовали такъ быстро одно за другимъ, что мы не придали этому того значенія, какое имѣла для насъ эта потеря.

На слѣдующій день, т. е. 4 ноября, возобновились наши мелкія стычки съ непріятелемъ на большой дорогѣ. Штукъ до ста повозокъ и экипажей были спрятаны французами въ оврагѣ. Мой братъ случайно напалъ на нихъ: я тотчасъ отправился къ этому мѣсту съ моими гусарами. Я обратилъ вниманіе на прекрасный дормезъ, принадлежавшій Монтескье-Ферензаку, и рѣшилъ взять его себѣ. Изъ экипажа вылѣзли двое слугъ, которые просили меня оставить ихъ на свободѣ, чтобы они могли приготовить кофе для своего барина. Я отъ души посмѣялся надъ

этимъ и, какъ истый разбойникъ, приказалъ разломать чемоданы и сундуки, привязанные къ имперіалу кареты.

Я взялъ на память роскошный мундиръ, голубаго цвѣта, богато вышитый золотомъ, принадлежавшій ординарцу Наполеона, и маленькій крестъ Почетнаго Легіона; въ Ревельскомъ театрѣ по сей часъ хранится этотъ мундиръ, предоставленный ему въ даръ мною.

Мой братъ взялъ изъ кареты мундиръ маршала Даву и нѣсколько альбомовъ, принадлежавшихъ нашимъ свѣтскимъ московскимъ дамамъ.

Самыя драгоцѣнныя вещи остались въ снѣгу. Великолѣпная соболья шуба, взятая мною, была похищена у меня однимъ гусаромъ, такъ что добыча, захваченная нами во время этого грабежа, не послужила никому на пользу.

Одинъ офицеръ Сумскаго гусарскаго полка нашелъ въ какой-то каретѣ шкатулку краснаго дерева, полную драгоцѣнностей и серебра. Въ числѣ этихъ драгоцѣнностей была прехорошенькая миніатюра молодой женщины, оправленная въ золотой медальонъ, который этотъ офицеръ подарилъ мнѣ. Эта шкатулка принадлежала повидимому принцу Виртембергскому, такъ какъ въ ней лежало письмо короля Виртембергскаго, коимъ онъ извѣщалъ принца о присылкѣ ему нѣкоторой суммы денегъ, частнымъ образомъ. Вмѣстѣ съ миніатюрою, изображавшей великолѣпную брюнетку, находились нѣжныя письма, которыя я уничтожилъ, не желая никого компрометтировать, а портретъ я положилъ въ свой портфель. Впослѣдствіи онъ оказалъ мнѣ большую услугу.

XXXI.

Пораженіе корпуса Нея.—Дальнѣйшее отступленіе французовъ.—Положеніе нашей арміи.—Недостатокъ въ продовольствіи.—Переправа Наполеона черезъ Березину.—Тяжелое положеніе непріятеля.—Состояніе нашей арміи.—Прибытіе ея въ Вильно.—Положеніе города.—Пріѣздъ императора Александра.—Балы.—Несчастіе, постигшее Левенштерна.

Мы проводили восвояси корпусъ вице-короля италіанскаго и Даву; осталось только пожелать счастливаго пути маршалу Нею, замыкавшему это мрачное шествіе.

5-го числа фельдмаршалъ Кутузовъ рѣшилъ пустить въ дѣло всю свою армію и, согласно съ этимъ, сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія.

Генералъ Милорадовичъ, пропустивъ корпусъ Даву, обстрѣливалъ изъ орудій хвостъ его колоннъ.

Наполеонъ, сосредоточивъ всѣ свои силы, атаковалъ энергично войско, находившееся впереди его, и хотя понесъ огромныя потери,

тѣмъ не менѣе онъ внушилъ страхъ фельдмаршалу Кутузову и очистилъ себѣ дорогу, которая была бы отрѣзана, если бы фельдмаршалъ разрѣшилъ генералу Тормасову дѣйствовать, какъ онъ того хотѣлъ. Даву и вице-король не могли совершить съ арміей того, что Наполеонъ могъ сдѣлать съ гвардіей; только жалкіе остатки ихъ корпусовъ успѣли спастись, бѣжавъ полями, и присоединились къ гвардіи Наполеона, которая одна еще представляла собою внушительное и сплоченное цѣлое.

Храброму Нею было суждено сражаться въ этотъ день послѣднему.

Князь Кутузовъ находился въ Красномъ съ главными силами арміи. Милорадовичъ шелъ по Смоленской дорогѣ въ 5 верстахъ отъ Краснаго. Корфъ и Юрковскій шли впереди Милорадовича, параллельно большой дорогѣ, а я съ моими гусарами шелъ передъ нимъ.

Ней съ 12—15.000 человѣкъ шелъ по большой дорогѣ въ полномъ порядкѣ, съ бодрымъ видомъ и съ твердою рѣшимостью пробиться, чтобы соединиться съ отрядами вице-короля и Даву, коихъ печальная участь еще не была ему извѣстна.

Я поспѣшилъ предупредить товарищей и приказалъ солдатамъ сѣсть на лошадей. Ней, воспользовавшись густымъ туманомъ, послалъ противъ насъ стрѣлковъ, которые, пройдя по оврагу, овладѣли моимъ бивуакомъ и деревушкой. Мой братъ, эскадронный командиръ Реадъ и Будбергъ едва не были взяты въ плѣнъ; но гусары обнажили сабли и бросились на этихъ смѣлыхъ стрѣлковъ, которые возвратились къ своему отряду.

Между тѣмъ пріѣхалъ генералъ Корфъ и приказалъ мнѣ извѣстить генерала Милорадовича о приближеніи Нея. Я пріѣхалъ къ генералу Милорадовичу за нѣсколько минутъ до того, какъ подошла колонна Нея. Милорадовичъ былъ видимо удивленъ внезапнымъ появленіемъ этого генерала и хотѣлъ перемѣнить позицію; но генералъ Паскевичъ, подошедшій въ ту же минуту, убѣдилъ его не дѣлать этого и выждать атаки со стороны Нея. Пять минутъ спустя, градъ пуль и картечи осыпалъ корпусъ Милорадовича; Ней, воспользовавшись туманомъ, перешелъ чрезъ оврагъ, никѣмъ не замѣченный, и атаковалъ наши батареи, стоявшія на большой дорогѣ.

Стремительность, съ какою совершилась эта атака, увѣнчалась бы успѣхомъ, такъ какъ французы овладѣли уже нѣсколькими орудіями; но въ это время Паскевичъ подошелъ со своей дивизіей; непріятель былъ опрокинутъ штыками и отброшенъ въ оврагъ.

Генералъ Милорадовичъ послалъ меня къ фельдмаршалу съ извѣстіемъ о появленіи Нея и о началѣ сраженія.

Отъ поля битвы до Краснаго, гдѣ находилась главная квартира Кутузова, было пять верстъ.

Моя превосходная лошадь пробѣжала это пространство съ невѣ-

роятной быстротою; я пріѣхалъ къ князю въ ту минуту, когда онъ садился за столъ.

Я былъ весь перепачканъ и походилъ скорѣе на разбойника, чѣмъ на офицера; тулупъ и накинутый поверхъ него, попорченный бивуачными огнями плащъ представлялъ собою удивительный контрастъ со свѣжими и элегантными костюмами щеголей главной квартиры.

Слушая мое донесеніе, фельдмаршалъ, при каждомъ моемъ словѣ, улыбался съ видимымъ удовольствіемъ, затѣмъ усадилъ меня подлѣ себя, не давъ мнѣ пообчиститься, и любовался прекраснымъ аппетитомъ, съ какимъ я пожиралъ его превосходный обѣдъ. Онъ приказалъ однако Дохтурову съ его корпусомъ поддержать Милорадовича. Я осмѣлился замѣтить фельдмаршалу, что это безполезно, и увѣрялъ его, что 15.000 плѣнныхъ были уже въ его рукахъ.

— О, какъ прытокъ нашъ молодой человѣкъ! — да увѣрены ли вы, что ихъ 15.000 человѣкъ?

— Я хотѣлъ бы, чтобы ихъ было 30.000—отвѣчалъ я, продолжая ѣсть съ прожорливостью,—такъ какъ результатъ былъ бы одинъ и тотъ же, и эти 30.000 человѣкъ были бы ваши точно такъ же, какъ эти 15.000 уже принадлежатъ вамъ.

Его глаза засверкали радостью. Когда я пообѣдалъ, онъ отослалъ меня обратно со своимъ зятемъ, княземъ Кудашевымъ, и мы были свидѣтелями окончательнаго пораженія корпуса Нея.

Онъ сражался, какъ левъ, но время побѣдъ для французовъ миновало. Онъ былъ разбитъ на голову и вынужденъ спастись бѣгствомъ съ нѣсколькими стами офицеровъ и тремя или четырьмя стами солдатъ. Остальная часть колонны положила оружіе.

Съ наступленіемъ ночи, маршалъ Ней направился съ слабыми остатками своего корпуса къ Сырокоринью, и ему удалось, пройдя сквозь побѣдоносную армію, перейти Днѣпръ, который былъ покрытъ тонкимъ льдомъ. Этотъ подвигъ будетъ на-вѣки достопамятенъ въ лѣтописяхъ военной исторіи. Онъ долженъ бы былъ погибнуть, у него не было иныхъ шансовъ къ спасенію, кромѣ силы воли и твердаго желанія сохранить Наполеону его армію.

Радость императора была велика, когда онъ увидѣлъ Нея въ Оршѣ.

— Какой необыкновенный человѣкъ этотъ Ней!—воскликнулъ Наполеонъ.

Маршалъ перешелъ Днѣпръ у насъ на глазахъ: онъ встрѣтилъ на противоположномъ берегу атамана Платова, съумѣлъ избѣжать съ нимъ сраженія и весьма удачно устрашилъ его нѣсколькими ружейными выстрѣлами.

Орудія и экипажи Нея достались въ наши руки. Въ экипажахъ

я нашелъ нѣсколько бутылокъ хорошаго вина и великолѣпную коллекцію картъ, которыя хранятся у меня по сей часъ.

Я не имѣю претензіи критиковать дѣйствія нашихъ генераловъ во время трехдневнаго сраженія при Красномъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что если бы они выказали болѣе энергіи, то ни Даву, ни вице-король и, въ особенности Ней, не могли бы ускользнуть отъ нихъ. Корфъ, Ермоловъ, Бороздинъ и Розенъ ничуть не воспользовались своимъ благопріятнымъ положеніемъ. Только Милорадовичъ и Паскевичъ были дѣятельны, и то только потому, что Ней принудилъ ихъ къ этому. Если бы всѣ эти господа преслѣдовали непріятеля болѣе энергично, то они увидѣли бы передъ собою только призракъ, и могли подоспѣть къ Днѣпру до переправы Нея, или въ самый моментъ этой переправы.

Генералъ Корфъ, человѣкъ весьма прямой, громко высказалъ, что онъ исполнилъ буквально приказаніе фельдмаршала облегчить непріятелю отступленіе. Но это глубокомысленное соображеніе, имѣвшее чрезвычайно важныя послѣдствія, не мѣшало намъ брать въ плѣнъ маршаловъ, если это не было сопряжено съ особенно большими потерями.

Фельдмаршалъ Кутузовъ, видя, что непріятель воспользовался замедленіемъ въ движеніи русской арміи, вызваннымъ необходимостью преслѣдовать Нея, и значительно опередилъ насъ, рѣшилъ употребить для преслѣдованія его только авангардъ и, чтобы не утомлять безъ нужды войска, двинулъ главныя силы арміи на Копысъ, гдѣ онъ предполагалъ перейти Днѣпръ.

Онъ приказалъ командовавшему авангардомъ не преслѣдовать непріятеля слишкомъ энергично для того, чтобы дать адмиралу Чичагову и графу Витгенштейну время предупредить Наполеона при переправѣ черезъ Березину. Благодаря этой системѣ медленныхъ дѣйствій, главныя силы арміи были вынуждены уступить второстепеннымъ частямъ войска честь окончательнаго истребленія непріятельскихъ силъ.

Форсированные марши, совершенные нашей арміей, начиная отъ Малоярославца, чрезвычайно ослабили ее. Госпитали мало-по-малу переполнились; впрочемъ, солдаты, отставшіе отъ арміи по болѣзни, не были окончательно потеряны для нея, такъ какъ, оправившись, они возвращались къ своимъ частямъ; тѣмъ не менѣе въ то время армія дѣйствительно уменьшилась на-половину.

Генералу Ермолову было поручено преслѣдовать непріятеля на большой дорогѣ.

Генералъ Юрковскій со своей гусарской бригадою, къ которой я принадлежалъ, находился на краю авангарда; л.-гв. егерскій полкъ, кирасиры и четыре полка уланъ, съ многочисленной конной артиллеріей, составляли авангардъ, коимъ командовалъ Ермоловъ.

Съ самаго сформированія этого авангарда до нашего прихода къ

Борисову, мы, такъ сказать, не видѣли болѣе непріятельской арміи; намъ попадались по пути только тысячи отсталыхъ, которые питались кониной и испускали духъ, лежа возлѣ этой падали. Никогда еще человѣческія бѣдствія не проявлялись въ столь ужасающемъ видѣ. Всѣ окрестныя деревни были выжжены до основанія, жители разбѣжались; нигдѣ нельзя было достать продовольствія. Только одна водка поддерживала наши силы. Мы бѣдствовали не менѣе непріятеля, съ тою лишь разницею, что мы могли удаляться отъ большой дороги, не подвергаясь опасности быть избитыми безо всякаго милосердія.

Мои гусары захватили фургонъ, нагруженный чаемъ, взятымъ французами изъ Москвы. Я приказалъ наполнить чаемъ ранцы гусаръ и мѣшки; всѣ пили этотъ чай, правда, безъ сахара, но онъ спасъ насъ отъ лихорадки, которою впослѣдствіи всѣ страдали почти поголовно. Мой отрядъ не болѣлъ лихорадкою, и врачи приписывали это обстоятельство чаю, который, не разжигая кровь, подобно водкѣ, поддерживалъ здоровье солдатъ.

Ведя, такимъ образомъ, непрестанную борьбу съ позднимъ временемъ года и съ тысячью лишеній, мы дошли до Березины. У насъ, въ каждомъ эскадронѣ, было не болѣе сорока или пятидесяти человѣкъ способныхъ сражаться. Лошади выбились изъ силъ, такъ какъ онѣ давно уже страдали отъ недостатка фуража, истребленнаго непріятелемъ, который, подобно саранчѣ, уничтожилъ все по пути; единственнымъ кормомъ нашихъ лошадей служила солома съ крышъ, за которой приходилось ѣздить верстъ за десять или пятнадцать. Фельдмаршалъ изрѣдка посылалъ намъ транспортъ овса или сухарей; это было всегда для насъ настоящимъ праздникомъ; безъ этой поддержки у насъ было бы погибшихъ не менѣе, чѣмъ у французовъ.

Въ ночь съ 15-го на 16-е число, мы прибыли съ генераломъ Ермоловымъ въ Борисовъ, гдѣ застали корпусъ Витгенштейна, уничтожившій передъ тѣмъ дивизію Партуно [1]). Въ этомъ славномъ дѣлѣ участвовали: атаманъ Платовъ, полковникъ Чернозубовъ и мой товарищъ Сеславинъ. Имъ однимъ принадлежитъ честь истребленія непріятельской арміи. Но если они могли подоспѣть во-время, то почему же другіе не могли этого сдѣлать? Это вопросъ.

Адмиралъ Чичаговъ не могъ остановить Наполеона, который успѣлъ выбрать пунктъ для переправы, такъ какъ наша армія не преслѣдовала его по пятамъ. Успѣшное сраженіе при Борисовѣ и взятіе графомъ Ламбертомъ тетъ-де-пона не помѣшали переправѣ французовъ черезъ Березину.

Наполеонъ былъ спасенъ, но его армія не могла быть спасена и

---

[1]) Partounеaux, французскій генералъ, род. 1770 г., ум. 1835 г.

погибла частями по пути отъ Березины до Вильны: геройская преданность этой арміи къ своему вождю не только не принесла пользы, но была причиною ея окончательнаго истребленія.

Надобно отдать справедливость Наполеону: его поведеніе при переправѣ черезъ Березину заслуживаетъ величайшаго удивленія. Угрожавшая ему неминуемая гибель возбудила его военный геній, притупившійся за послѣднее время. Онъ не потерялъ голову въ трудную минуту. Окруженный со всѣхъ сторонъ, онъ обманулъ нашихъ генераловъ искусными демонстраціями и совершилъ переправу у нихъ подъ носомъ. Плохое состояніе мостовъ было единственною причиною тѣхъ потерь, какія понесли по этому случаю французы.

Безпорядокъ былъ такъ великъ, что когда Наполеонъ подошелъ къ рѣкѣ, чтобы перейти черезъ мостъ, то пришлось силою проложить ему дорогу. Главная квартира императора была устроена въ деревушкѣ, лежавшей въ лѣсу въ разстояніи одной версты отъ Студянки.

Всѣ мы были увѣрены, что Наполеонъ будетъ взятъ въ плѣнъ живымъ или мертвымъ. Я до сихъ поръ не могу забыть мрачнаго, убитаго лица Михаила Орлова, когда онъ первый подтвердилъ намъ извѣстіе о переправѣ непріятеля.

Фельдмаршалъ могъ упрекнуть себя въ томъ, что онъ дѣйствовалъ слишкомъ медленно и осмотрительно.

Каково должно было быть разочарованіе императора Александра, когда онъ узналъ, что его прекрасный планъ, переданный на операціонныя линіи умнымъ и смѣлымъ Чернышевымъ, былъ такимъ образомъ искаженъ. Напрасно было бы возражать, что дальнѣйшія событія доказали, что окончательный результатъ не могъ быть блестящѣе. Разумѣется, мы не вступили бы дважды въ Парижъ. Но такова была воля Провидѣнія! Люди были тутъ ни при чемъ; Кутузовъ лишилъ армію лишней славы!

Борисовъ горѣлъ; французы грѣлись и даже буквально поджаривались у его пылавшихъ развалинъ и умирали со всѣми признаками умственнаго разстройства, богохульствуя и проклиная Наполеона передъ смертью.

Между тѣмъ, дивизія Партуно, не входившая въ составъ великой арміи, находилась въ наилучшемъ состояніи: ея кавалерія, состоявшая изъ саксонцевъ и изъ подданныхъ герцогства Бергскаго, была превосходна.

Саксонцы были въ отчаяніи по поводу того, что имъ приходилось разстаться съ ихъ прекрасными лошадьми; одинъ престарѣлый вахмистръ плакалъ на-взрыдъ, когда ему пришлось бросить свою лошадь, на которой никто кромѣ него не ѣздилъ. Другой вахмистръ, торговавшій въ Дрезденѣ матрасами и перинами, просилъ меня предоставить ему свободу, говоря, что настаетъ время года, когда надобно выбивать

и выколачивать матрасы, и его бѣдной женѣ не справиться съ этимъ одной. Я поручилъ ему присматривать за моими лошадьми и, когда мы вступили въ Саксонію, то я отпустилъ его домой и имѣлъ удовольствіе видѣть его въ Дрезденѣ, гдѣ онъ въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ лицъ позаботился о томъ, чтобы намъ былъ оказанъ хорошій пріемъ.

Мой братъ Григорій спасъ нѣсколько сотъ офицеровъ, укрывшихся въ одной конюшнѣ отъ крестьянъ, которые хотѣли ихъ ограбить. Два года спустя, когда онъ былъ на водахъ въ Теплицѣ и обѣдалъ за табльдотомъ, къ нему подошло нѣсколько офицеровъ-саксонцевъ, которые, узнавъ въ немъ своего избавителя, торжественно понесли его къ себѣ на рукахъ и роспили въ честь его нѣсколько дюжинъ шампанскаго.

Мы имѣли роздыхъ въ Борисовѣ и простояли тамъ 36 часовъ. Городъ былъ на половину разрушенъ; большая часть зданій еще пылала.

Въ одной ригѣ было заперто 500 или 600 женщинъ, взятыхъ при переправѣ черезъ Березину. Онѣ провели въ этой ригѣ нѣсколько дней безъ пищи и такъ какъ въ это время настали сильные морозы, то въ живыхъ осталось всего восемь женщинъ; матери и дѣти погибли вмѣстѣ.

Несчастными жертвами овладѣвало какое-то оцѣпенѣніе, какой-то столбнякъ. Я самъ видѣлъ, какъ солдаты, раздѣвшись до-нага, жарились у огня и полуобгорѣвши сидѣли съ блаженной улыбкою на устахъ.

Послѣ переправы черезъ Березину настали страшные морозы. Я не могъ проѣхать верхомъ болѣе десяти минутъ и, такъ какъ снѣгъ не позволялъ долго идти пѣшкомъ, я то садился на лошадь, то слѣзалъ съ нея и разрѣшилъ моимъ гусарамъ продѣлывать то же самое.

Я предохранялъ свои ноги отъ мороза, засовывая ихъ въ мѣховыя шапки французскихъ гренадеръ, коими была усѣяна дорога.

Мои гусары страшно страдали; они по большей части располагались на бивуакахъ; только русскія лошади способны переносить такое утомленіе. По прибытіи въ Вильну, Сумскій полкъ насчитывалъ не болѣе 120 лошадей, годныхъ идти въ атаку. Остальныя были еще живы, но не имѣли силъ идти далѣе; мы оставляли ихъ по деревнямъ для поправки; мѣсяцъ спустя, комплектъ лошадей въ полкахъ могъ быть пополненъ.

Наша пѣхота была видимо разстроена. Ничто не дѣлаетъ человѣка столь малодушнымъ, какъ холодъ; когда солдатамъ удавалось забраться куда-нибудь подъ крышу, то не было никакой возможности выгнать ихъ оттуда. Они предпочитали умереть. Рискуя сгорѣть, солдаты забирались даже въ русскія печи.

Надобно было видѣть всѣ эти ужасы своими собственными глазами, чтобы повѣрить этому. Самое благоразумное было идти впередъ съ тѣми,

у кого горѣлъ еще въ груди священный огонь, а остальнымъ дать время подкрѣпить свои силы.

Война прекратилась за неимѣніемъ сражающихся. Правда, солдаты грабили еще брошенные французами фургоны, но мы не брали болѣе плѣнныхъ; морозъ сдѣлалъ свое дѣло, погубивъ этихъ несчастныхъ

Дорога была усѣяна трупами людей и лошадей. Я насчиталъ на разстояніи одной версты 76 замерзшихъ лошадей и 148 человѣческихъ труповъ, погибшихъ отъ холода; вся дорога вплоть до Вильны представляла подобное печальное зрѣлище.

Я нашелъ маленькія крестьянскія сани, въ которыя велѣлъ запречь одну лошадь; я и четыре мои товарища, раздѣлившіе со мною всѣ бѣдствія похода, проѣхали на этихъ саняхъ бо̀льшую часть дороги. Половину пути мы шли пѣшкомъ, а остальную часть ѣхали въ саняхъ; одинъ изъ насъ правилъ, но морозъ былъ такъ великъ, что не было возможности держать въ рукахъ возжи болѣе десяти минутъ; передавъ ихъ другому, приходилось согрѣвать руки, потирая ихъ одну о другую. Только такимъ образомъ, т. е. ведя непрестанную борьбу съ морозомъ, намъ удалось пережить это бѣдственное время.

Наполеонъ разстался съ арміей въ Сморгони, уѣхавъ въ сопровожденіи Коленкура, Дюрока, своего мамелюка и капитана Вансовича. Въ Ошмянахъ Сеславинъ едва не взялъ его въ плѣнъ. Наполеонъ проѣхалъ черезъ Вильну, остановился ненадолго въ Варшавѣ и Дрезденѣ и прибылъ въ Парижъ 19-го декабря, два дня спустя послѣ обнародованія его знаменитаго 29-го бюллетеня, который былъ такъ остроумно истолкованъ маіоромъ Пфулемъ, коего не слѣдуетъ смѣшивать съ генераломъ Пфулемъ.

Масса бѣглецовъ шла небольшими партіями человѣкъ по 8 или по 10. У нихъ не было иныхъ желаній, какъ поѣсть и обогрѣться; единственные враги, съ которыми имъ приходилось бороться, были голодъ и морозъ.

Каждый боролся за себя и при томъ въ одиночку. Несчастные ни на что не надѣялись и почти ни о чемъ не сожалѣли; никто не былъ свидѣтелемъ того, какъ они упали духомъ, и никто не могъ судить ихъ за это: всѣ были одинаково жертвами войны.

Страданія французскихъ солдатъ возрастали съ каждымъ шагомъ. Казалось, будто Провидѣніе приберегло самыя ужасныя бѣдствія для послѣдняго періода этой непостижимой кампаніи: по мѣрѣ того какъ армія приближалась къ Вильнѣ, морозъ крѣпчалъ, унося ежедневно тысячи жертвъ.

Мы продолжали подгонять остатки его арміи и наконецъ дошли до Вильны. Какое ужасное зрѣлище представилось тутъ снова моимъ гла-

замъ! На улицахъ валялись грудами голые трупы, съ которыхъ евреи сняли всю одежду.

Мы наняли за два дуката въ день прекрасную, хорошо вытопленную и меблированную комнату въ домѣ Миллера; превосходный по тому времени обѣдъ совершенно возстановилъ наши силы.

Санитары были заняты вывозкою труповъ за городъ, гдѣ ихъ сжигали, какъ дрова.

На улицахъ были разложены кучи навоза, смѣшаннаго съ селитрою, которыя жгли для очищенія воздуха, такъ какъ уже появилась эпидемія со всѣми признаками чумы. Наконецъ прибылъ въ Вильну Кутузовъ, устроившій тамъ свою главную квартиру; благодаря его заботамъ, городъ принялъ мало-по-малу свою прежнюю физіономію.

Преслѣдовать непріятеля было поручено казакамъ; армія не пошла далѣе Вильны. Ей былъ необходимый отдыхъ, такъ какъ она еле двигалась; всѣ части войскъ кромѣ артиллеріи, гвардіи и кирасиръ были совершенно разстроены. Корпусъ графа Витгенштейна и часть арміи адмирала Чичагова дѣйствовали по-прежнему наступательно. Остальная часть арміи расположилась на зимнихъ квартирахъ.

Графу де-Сенъ-Пріесту было поручено собрать разрозненныя части арміи и отсталыхъ, разсѣянныхъ по пути отъ самой Москвы до Вильны. Онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ съ большимъ умомъ и энергіей.

Жизнь въ Вильнѣ была непомѣрно дорога. Мы натерпѣлись уже столько лишеній, что не придавали никакой цѣны деньгамъ. Я помню, что заплатилъ за нашъ первый обѣдъ восемь дукатовъ.

Императоръ Александръ въѣхалъ въ Вильну 10-го декабря. Изъ его саней были выпряжены лошади и его торжественно повезли во дворецъ. Радость арміи была безпредѣльна. Князь Кутузовъ встрѣтилъ императора у воротъ дворца. Его величество, снявъ шапку, проворно выскочилъ изъ саней и трижды обнялъ фельдмаршала; затѣмъ онъ произвелъ смотръ ротѣ Семеновскаго полка, стоявшей въ караулѣ, и, поздоровавшись и поблагодаривъ молодцовъ гренадеръ, вошелъ во дворецъ и тутъ же пожаловалъ Кутузову Георгія 1-й степени.

Славное названіе «Смоленскій», данное императоромъ фельдмаршалу передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, въ память сраженій при Красномъ и освобожденія Смоленска, отчасти вознаградило доблестнаго старца за все то, что онъ сдѣлалъ для отечества.

На слѣдующій день всѣ представлялись государю. Императоръ сіялъ.

Въ тотъ же день было объявлено о производствахъ, а 12-го декабря, день рожденія императора, его величество объявилъ амнистію всѣмъ жителямъ польскихъ провинцій, которые позволили себѣ отнестись враждебно къ Россіи.

Въ тотъ же день кн. Кутузовъ далъ императору балъ въ домѣ графа Тизенгаузена. Его величество появился въ сопровожденіи своего перваго генералъ-адъютанта Уварова; войдя въ залу, онъ весьма милостиво поклонился дамамъ; въ этотъ моментъ кн. Кутузовъ повергъ къ его стопамъ нѣсколько знаменъ, взятыхъ графомъ Витгенштейномъ у непріятеля и только-что привезенныхъ курьеромъ. Императоръ видимо былъ изумленъ этимъ, но вскорѣ глаза его заблистали радостью, и онъ вошелъ въ кабинетъ одинъ съ фельдмаршаломъ.

Полчаса спустя его величество вышелъ въ зало, подошелъ къ дамамъ и открылъ балъ полонезомъ; танцы продолжались до утра.

Подойдя ко мнѣ, фельдмаршалъ сказалъ ласково:

— Поздравляю васъ, императоръ пожаловалъ васъ полковникомъ.

Дѣйствительно, государь утвердилъ въ кабинетѣ всѣ представленія, сдѣланныя фельдмаршаломъ.

Я былъ счастливъ. Я заслужилъ на полѣ битвы два чина; начальство отдало мнѣ справедливость, товарищи единогласно признавали, что эти награды были мною заслужены и, главное, утвердивъ мое производство, императоръ тѣмъ самымъ показалъ, что онъ относится ко мнѣ доброжелательно.

Кромѣ того я былъ представленъ къ Георгіевскому кресту, но эта награда могла быть утверждена только въ первое собраніе думы этого ордена.

Я былъ весь вечеръ необычайно веселъ; мое радостное настроеніе возросло, когда генералъ Коновницынъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что фельдмаршалъ приказалъ ему объявить о моемъ производствѣ на слѣдующій день въ дневномъ приказѣ.

На утро, не успѣвъ еще взглянуть, было ли объявлено о моемъ производствѣ въ приказѣ, я отправился къ генералу Коновницыну, во-первыхъ, для того, чтобы поблагодарить его за участіе, принятое имъ въ моемъ производствѣ, и во-вторыхъ, чтобы удостовѣриться въ этомъ окончательно.

Каково же было мое удивленіе, когда этотъ достойный генералъ, пригласивъ меня въ свой кабинетъ, объявилъ мнѣ съ крайнимъ смущеніемъ, что онъ долженъ сообщить мнѣ весьма непріятную новость. Затѣмъ онъ сказалъ безъ дальнѣйшихъ околичностей, что въ тотъ моментъ, когда долженъ былъ выйти дневной приказъ, графъ Аракчеевъ прислалъ ему записочку, набросанную карандашомъ, въ которой говорилось, «что императоръ по нѣкоторымъ причинамъ не утвердилъ мое производство въ полковники и что такъ какъ чинъ подполковника, полученный мною за Бородинское сраженіе, былъ данъ мнѣ по ошибкѣ, то я долженъ по-прежнему числиться маіоромъ».

Я ничего не могъ понять, у меня закружилась голова, я былъ пора-

женъ, уничтоженъ! Меня опозорили въ глазахъ всего общества! Какая могла быть тому причина? Я терялся въ догадкахъ.

Пускай императоръ не счелъ меня достойнымъ чина полковника, но чинъ подполковника былъ заслуженъ мною передъ лицомъ всей арміи, я, такъ сказать, взялъ его съ боя; объ этомъ свидѣтельствовали двѣ раны, полученныя мною въ одинъ и тотъ же день. Онъ принадлежалъ мнѣ по праву, я пролилъ кровь, отличился, за мною были заслуги, признанныя всей арміей.

Я отправился немедленно къ фельдмаршалу. Князь Кудашевъ сообщилъ ему о постигшемъ меня несчастьи. Князь ввелъ меня въ свой кабинетъ и старался утѣшить меня; приказавъ запречь карету, онъ взялъ съ собою генерала Толя и отправился къ императору, велѣвъ мнѣ ожидать его возвращенія.

Фельдмаршалъ вернулся часъ спустя, и, пожимая плечами, сказалъ мнѣ:

— Терпѣніе, терпѣніе, а затѣмъ прибавилъ: вмѣняю вамъ въ обязанность обѣдать у меня каждый день; армія должна знать, что вы не лишились моего уваженія, время выяснитъ остальное, и предубѣжденіе императора, причину коего онъ не соблаговолилъ объяснить мнѣ, со временемъ разсѣется.

Удрученный этимъ страшнымъ несчастіемъ, ужаснѣе котораго ничего не можетъ быть для человѣка съ гордою душою; будучи истоптанъ въ грязь неизвѣстно кѣмъ и за что, ввергнутый въ пропасть, погруженный въ непроглядный мракъ, я былъ въ страшномъ унынiи и никогда не оправился бы отъ горя, въ которое меня повергло это неожиданное несчастіе, если бы во мнѣ не было запаса нравственныхъ силъ, которыя помогли мнѣ воспрянуть духомъ, несмотря на мое паденіе. Я почерпнулъ силы въ моемъ прошломъ поведеніи и въ моей совѣсти! Когда первое волненіе улеглось, и я нѣсколько успокоился и пришелъ въ себя, то я почувствовалъ, какое великое значеніе имѣютъ для человѣка сознаніе исполненнаго имъ долга и чистая совѣсть. Совѣтую всякому запасаться этимъ для того, чтобы легче переносить житейскія невзгоды.

Фельдмаршалъ по-прежнему отличалъ меня, даже генералъ-адъютанты, которые по своему положенію бываютъ обыкновенно льстецами, относились ко мнѣ дружелюбно.

Поглощенный своимъ горемъ, я избѣгалъ людей; появляясь только на обязательныхъ обѣдахъ у фельдмаршала, я болѣе нигдѣ не бывалъ; шумное общество товарищей сдѣлалось мнѣ нестерпимо. Всѣ они имѣли причины радоваться; я одинъ составлялъ, такъ сказать, промежуточную стадію между несчастными, бѣдствовавшими французами, которые въ лохмотьяхъ выпрашивали на улицахъ кусокъ хлѣба, и веселыми побѣдителями, пившими стаканами токайское вино.

Такъ окончился для меня достопамятный 1812-й годъ. Я началъ его съ

блестящими надеждами, которыя были временно омрачены набѣжавшею черною тучею, вслѣдствіе чего я былъ временно удаленъ изъ арміи; но истина, подобно солнцу, пробивъ эту тучу, дала мнѣ снова возможность дѣйствовать и быть полезнымъ святому дѣлу.

Обстоятельства благопріятствовали мнѣ. Я не пропустилъ ни одного сраженія; заслуженная мною репутація и двѣ раны, мною полученныя, доказывали, что я былъ достоинъ находиться среди лицъ, которыя со славою потрудились надъ освобожденіемъ отечества. И тогда какъ радость наполняла всѣ сердца, я одинъ былъ опозоренъ во мнѣніи всѣхъ. Но изъ принципа и по чувствамъ, которыя я питалъ къ императору, я не обвинялъ его. Я объяснялъ все случившееся тѣми злостными инсинуаціями, которыя вызвали это недоброжелательство. Поэтому я не роптalъ, а горевалъ втайнѣ.

Нынѣ, когда все забыто, когда нѣтъ силы, которая могла бы исправить сдѣланное мнѣ зло, я могу сказать, что я страдалъ болѣе, нежели въ силахъ вынести честный человѣкъ.

Предубѣжденіе императора Александра ко мнѣ разсѣялось подъ конецъ его царствованія, и онъ былъ настолько великодушенъ, что высказалъ мнѣ это самымъ торжественнымъ образомъ въ присутствіи всего эстляндскаго дворянства. Сердечно пожавъ мнѣ руку, онъ сказалъ со свойственной ему очаровательной улыбкой: «мнѣ кажется, я достаточно силенъ, чтобы устроить все дѣло къ вашему удовольствію».

Онъ уѣхалъ въ Таганрогъ, а два мѣсяца спустя мое горе слилось съ горемъ 60 милліоновъ подданныхъ императора, оплакивавшихъ его потерю. Такимъ образомъ данное мнѣ торжественное обѣщаніе возстановить мою честь, чего я ожидалъ съ такимъ терпѣніемъ и съ такою покорностью, было погребено въ могилѣ этого великаго и возлюбленнаго монарха! [1]).

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Собственноручная приписка, сдѣланная Левенштерномъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1826 г.

Новое о Юріѣ Крижаничѣ.

Въ 1892 году В. А. Бильбасовъ обратилъ вниманіе историковъ на то обстоятельство, что Юрій Крижаничъ, выѣхавъ изъ Босніи въ Польшу, поступилъ въ Доминиканскій орденъ, принялъ иноческое имя Августина, а потомъ добивался побывать опять въ Римѣ [1]). Этотъ фактъ подтверждается вновь найденными данными.

У римскихъ доминиканцевъ хранятся черновики двухъ писемъ орденскаго начальства къ отцу Августину. Первое, помѣченное 9-го мая 1682 года, сообщаетъ, что, внявъ его просьбѣ, Конгрегація de Propaganda Fide дозволяетъ ему прибыть въ Римъ съ донесеніемъ о Московской миссіи. И на самомъ дѣлѣ, оффиціальный протоколъ Пропаганды 13-го апрѣля того же года, напечатанный В. А. Бильбасовымъ, свидѣтельствуетъ, что такое дозволеніе было выдано на имя Крижанича.

Второе письмо писано 24-го іюля 1683 года и послано отцу Августину въ Варшаву. Рѣчь идетъ опять о поѣздкѣ въ Римъ, вѣроятно, не состоявшейся въ предыдущемъ году. Но теперь она ужъ не разрѣшается, и отцу Августину предлагаютъ изложить письменно все, что онъ желаетъ довести до свѣдѣнія Конгрегаціи или своего начальства.

Дальнѣйшій ходъ начатаго дѣла остается пока неизвѣстенъ. Эти два документа могутъ служить для другихъ находокъ. Важно было бы навести справку у доминиканцевъ въ Варшаву, у нихъ должны находится подлинники адресованныхъ отцу Августину писемъ. А по монастырской лѣтописи, пожалуй, удалось бы опредѣлить, гдѣ и когда окончилъ свою страдальческую жизнь даровитый Юрій Крижаничъ.

П. Пирлингъ.

---

[1]) „Русская Старина“, декабрь, 1892 г. «Юрій Крижаничъ. Новыя данныя изъ римскаго архива». Очеркъ В. Бильбасова.

Изъ архива Ѳ. В. Булгарина

(Письма къ нему разныхъ лицъ).

I.

Письма графа Н. Румянцева—Ѳ. В. Булгарину.

1.

13-го ноября 1821 г. Гомель.

При первомъ появленіи въ газетахъ возвѣщенія о томъ, что будетъ журналъ подъ заглавіемъ «Сѣверный Архивъ», я далъ предписаніе меня въ числѣ подписавшихся для полученія его помѣстить, и хотя бы сіе уже исполнено было, я съ признательностью принимаю присланный мнѣ отъ васъ, милостивый государь мой, билетъ при лестномъ письмѣ, каковымъ меня удостоить изволили отъ 30-го октября и слѣдующія за него деньги вы получить изволите отъ домоправителя моего въ Петербургѣ, Владиміра Иванова.

Нѣтъ сомнѣнія, что отъ васъ и отъ сотрудниковъ вашихъ зависѣть будетъ дать журналу сему большую отечественную цѣну, и я накопивъ довольное уже число россійскихъ и иностранныхъ древнихъ объ Россіи свѣдѣній, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, готовъ буду васъ оными ссужать, и для того вызываю васъ сдѣлать мнѣ честь, когда возвращусь въ столицу, лично со мною познакомиться.

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть и проч.

2.

23-го января 1822 г. Гомель.

Милостивый государь мой, Ѳаддей Венедиктовичъ!

Съ благодарностью получа письмо, каковымъ меня почтить изволили, и прочтя доставленный мнѣ журналъ «Сѣверный Архивъ», я поди-

вился, нашедъ, что вы мнѣ его посвятить изволили; но удивленіе признательности не помѣшало.

Всѣ статьи первой сей тетрадки предсказываютъ успѣхъ начатаго труда вашего; онѣ очень любопытны.

Не трудно мнѣ, милостивый государь мой, съ вами согласиться, сколько встрѣтите препонъ отъ цензуры нынѣшней, имѣя въ виду болѣе всего заниматься и чтецовъ своихъ занимать статьями, касающимися до Россіи; но пожалуйста не пугайтесь тѣмъ, скромность въ изреченіяхъ и хорошій выборъ статей преодолѣютъ многое.

Сдѣлать изъ журнала вашего точку соединенія, какъ вы сами то обозначаете, между ученою Европою и Россіею, перемѣнитъ совсѣмъ существо онаго, одна часть другую вытѣснитъ, а со всѣмъ тѣмъ очень большой и важной цѣли не достигнетъ. Мѣсяца черезъ два надѣюсь быть въ Петербургѣ и точно стараться буду съ вами имѣть честь познакомиться; готовъ тогда буду выслушивать ваши противу моей мысли возраженія.

Вы, милостивый государь мой, кажетесь мнѣ богаты матеріалами для журнала, но я однакоже просилъ г. Аделунга передать вамъ отъ меня изъ журналовъ нѣмецкихъ мирный договоръ самыхъ древнихъ временъ, изсѣченной маркоманами на камнѣ, на ихъ славянскомъ языкѣ, но буквами латинскими, и для насъ любопытную статью подробнаго описанія, и кажется, современникомъ тѣхъ хвастливыхъ пировъ, которые давалъ въ Вѣнѣ богемскій король, выдавая дочь свою за венгерскаго королевича; въ числѣ гостей сочтенъ и русскій князь Галицейской, съ тѣмъ замѣчаніемъ, что держалъ онъ свою корону подъ рукою венгерскаго короля. Даю вамъ сей отчетъ на память, а она у меня худа; жалѣть буду, если бы вкралась въ немъ какая несправедливость.

Съ особливымъ почтеніемъ честь имѣю быть и проч.

II.

Письма А. Воейкова—Ѳ. В. Булгарину.

1.

15-го апрѣля 1823 г.

Милостивый государь, Ѳаддей Венедиктовичъ!

Я ничего на вашъ счетъ оскорбительнаго никогда не говорилъ и чувствую себя въ совѣсти совершенно правымъ. За чужіе разсказы (всегда искаженные и размноженные) не отвѣчаю, а удивляюсь только, за что вы меня безпрестанно оскорбляете и письменно и словесно.

Очень бы желалъ, чтобы вы доставили доказательства вины моей, или покушенія на вашу честь, или выгоды: трудненько вамъ будетъ найти ихъ!

Впрочемъ, если вамъ непремѣнно угодно получить, такъ называемое, удовлетвореніе, то можете явиться всегда, когда вамъ заблагоразсудится, къ полковнику Василью Алексѣевичу Перовскому, живущему въ Михайловскомъ замкѣ. Я сейчасъ иду переговорить съ нимъ, все устроить и уладить. Только предупреждаю васъ, что условія будутъ мои. Вы своихъ предлагать не имѣете права; я не люблю шутокъ; также не люблю оскорблять другихъ, какъ и сносить обиды.

Подумайте, однако же, хорошенько: за что мы будемъ ссориться; тѣшить злословныхъ людей, которые утѣшаются тѣмъ, что насъ какъ пѣтуховъ стравливаютъ.

Завтра, черезъ недѣлю, черезъ мѣсяцъ или когда вамъ угодно: я готовъ!

Отдавая должную справедливость вашему сердцу, жалѣю о вашей вспыльчивости и съ почтеніемъ всегда неизмѣннымъ, имѣю честь быть все тотъ же покорнѣйшій слуга А. Воейковъ.

2.

27-го ноября 1824 г. 4 часа утра.

Милостивый государь, Ѳаддей Венедиктовичъ!

Вы знаете пословицу: «Dis moi qui tu hante, je dirai qui tu es»? Я живу вмѣстѣ съ Жуковскимъ; каждый день съ Засядкою, А. И. Тургеневымъ и Перовскимъ; весьма часто съ Гнѣдичемъ, Дашковымъ, Блудовымъ, Михайловымъ (переводчикомъ Бентама и директоромъ министерства внутреннихъ дѣлъ), Адлербергомъ, И. И. Козловымъ, Н. И. и С. И. Тургеневыми. Теперь, видите ли, милостивый государь, что каждый изъ друзей моихъ мизинцемъ однимъ перевѣшиваетъ всѣхъ клеветниковъ, кои изъ зависти и изъ природной склонности ссорятъ людей, которымъ не за что ссориться и у которыхъ кромѣ обоюднаго уваженія и готовности къ услугамъ ничего быть не можетъ. Предоставляю судить вамъ самимъ о томъ тонѣ, какой вы, какъ человѣкъ съ прекраснымъ сердцемъ, должны взять въ перепискѣ и разговорахъ съ человѣкомъ, весьма много вамъ обязаннымъ, сердечно васъ уважающимъ, дружески преданнымъ, но который, наконецъ, потеряетъ терпѣніе и не будетъ сносить жестокихъ оскорбленій, какихъ онъ никогда и ни отъ кого не сносилъ.

Имѣю честь быть вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою, А. Воейковъ.

III.

Письма Я. И. Ростовцева—Ѳ. В. Булгарину.

1.

21-го января 1845 г.

Къ большому моему сожалѣнію, почтеннѣйшій Ѳаддей Венедиктовичъ, не могъ я вчера воспользоваться радушнымъ вашимъ приглашеніемъ.

Именно, вчера, въ 8-мь же часовъ, было у насъ засѣданіе главнаго совѣта о женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, изъ котораго я возвратился домой въ одиннадцатомъ часу—и ѣхать къ вамъ было уже поздно. Простите; виноватъ, но извините.

Съ искреннимъ уваженіемъ и совершенною преданностью честь имѣю быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

2.

11-го ноября 1844 г. часъ по полуночи.

Любезный Ѳеддей Венедиктовичъ!

Мнѣ бы нужно было съ вами повидаться и поговорить объ нашемъ утраченномъ и незамѣнимомъ Иванѣ Андреевичѣ (Крыловѣ). И долгъ и свѣтское приличіе требовали бы, чтобы не вы ко мнѣ, а я къ вамъ пріѣхалъ; но простите меня на этотъ разъ; послѣ сочтемся; теперь я просто нищій временемъ; пожалуйста посѣтите меня сегодня утромъ, въ началѣ 10-го. Въ десять часовъ я себѣ принадлежать уже не буду.

Дайте мнѣ, любезный Ѳаддей Венедиктовичъ, посѣщеніе ваше взаймы; впрочемъ, я знаю ваше ко мнѣ расположеніе и увѣренъ, что просьбу мою вы не сочтете невѣжливостью. Искренно вамъ преданный.

3.

12-го ноября 1844 г.

Любезный Ѳаддей Венедиктовичъ!

Намъ удалось уладить, что могила Ивана Андреевича (Крылова) будетъ возлѣ могилы Н. И. Гнѣдича. Искренно преданный.

4.

23-го ноября 1854 г.

Искренно мною уважаемый Ѳаддей Венедиктовичъ. Въ распорядители юбилейнаго праздника почтеннаго Ник. Ив. Греча я былъ при-

глашенъ и не знаю, почему васъ нѣтъ среди насъ, которые всѣ, какъ мнѣ извѣстно, также искренно васъ уважаютъ, какъ и я. Я очень былъ бы радъ засѣдать съ вами вмѣстѣ.

Публиковать о платѣ было бы щекотливо и неумѣстно: о юбилеѣ мы писали ко всѣмъ генералъ-губернаторамъ, также не назначая цѣны: пусть каждый несетъ свою лепту, какъ сможетъ, и обѣдъ и ваза будутъ обезпечены; взносъ же, постановленный между нами и тѣми, кто къ намъ обращается—двадцать пять рублей; кому же внести это трудно—то и менѣе, по средствамъ каждаго. Обѣдъ, съ винами, освѣщеніемъ, цвѣтами и музыкою, обойдется до 15 руб. съ человѣка, остальное пойдетъ на вазу.

Не видѣть Булгарина возлѣ Греча, въ одинъ изъ счастливыхъ дней того или другаго, невозможно.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью честь имѣю быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

IV.

Письма барона Е. Розена [1])—Ѳ. В. Булгарину.

1.

5-го февраля 1848 г.

Благодарю васъ и почтеннѣйшаго Н. И. Греча, за ваше предложеніе мнѣ участвовать въ «Сѣверной Пчелѣ»!

Во всѣхъ отношеніяхъ доволенъ я вашими условіями; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я желалъ бы и оправдать этотъ новый выборъ сотрудника. Я писалъ рецензіи для журнала, но, поэтому, я еще не въ правѣ воображать, что я способенъ и къ статьямъ критическимъ для «Газеты». Попробую. Черезъ мѣсяцъ, т. е. написавъ для «Пчелы» 4 или 5 статеекъ, я, лучше всѣхъ, самъ буду знать, могу ли я быть полезенъ для «Пчелы»? Если же окажусь неспособнымъ, то за этотъ мѣсяцъ искуса не потребую и не возьму никакого гонорарія и останусь въ моихъ нынѣшнихъ отношеніяхъ къ «Сѣверной Пчелѣ», и всегда готовымъ, по требованію и назначенію редакціи ея, помѣщать въ ней, отъ времени до времени, критическія статьи, безвозмездно за мой даровой экземпляръ.

Назначьте мнѣ нѣсколько книгъ; на-дняхъ буду у Н. И. Греча, въ такое время, когда и васъ увижу—и мы потолкуемъ о своемъ дѣлѣ.

---

[1]) Декабристъ.

*

Почтеннѣйшій Ѳаддей Венедиктовичъ! Вы человѣкъ прямодушный, я также: позвольте же мнѣ промолвить откровенное слово! Ваше совершенно неожиданное мнѣ предложеніе проистекаетъ, можетъ статься, отъ преходящей размолвки съ г-мъ ***. Если догадки мои имѣютъ нѣкоторое основаніе, то заклинаю васъ не пожертвовать, для меня, столь полезнымъ и достойнымъ сотрудникомъ, котораго я едва-ли замѣню!

Повидаюсь съ вами на сихъ дняхъ, какъ только пройдетъ моя зубная боль! Да пришлите мнѣ 4 и 5 томы вашихъ «Воспоминаній», о нихъ я желалъ бы написать свою послѣднюю критическую статью въ «Сынѣ Отечества».

Съ истиннымъ уваженіемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть и проч.

Второпяхъ и при зубной боли! Для печати буду писать лучше!

2.

7-го февраля 1848 г.

Только пятью минутами я вчера не засталъ васъ у Алексѣя Николаевича! Съ первыхъ словъ моихъ вы убѣдились бы, что не выразумѣли моей добросовѣстной оговорки насчетъ г-на Бранта! Я его никогда не видалъ, но нѣсколько знаю его изъ разсказовъ Ник. Ив. Греча; узналъ даже и то, что онъ одними вами держится въ редакціи «Пчелы»! Предполагаемую преходящую размолвку я, стало быть, приписывалъ не вашему характеру, какъ вы думаете, а характеру Бранта, какому-нибудь неумѣренному съ его стороны требованію, и отказу отъ «Пчелы», съ его же стороны: ссылаюсь на мои вчерашнія рѣчи съ Алексѣемъ Николаевичемъ! Однимъ словомъ, вотъ что я вообразилъ:

Брантъ (входя въ кабинетъ Булгарина): — Почтеннѣйшій Ѳаддей Венедиктовичъ, извините меня; сознаюсь, что мое вчерашнее требованіе было несообразно съ моими способностями! Я опомнился, чувствую, что только подъ руководствомъ опытныхъ и почтенныхъ редакторовъ «Сѣверной Пчелы» могу играть роль въ журналистикѣ! Ужели добрая «Пчела» не пріютитъ меня опять подъ свое теплое крылышко! (Булгаринъ глядитъ на него съ сожалѣніемъ). Добрый Ѳаддей Венедиктовичъ! вспомните, что въ воскресенье, 8-го февраля, наступаетъ недѣля о блудномъ сынѣ! Отецъ простилъ его: и вы меня простите! Я въ томъ увѣренъ!

Булгаринъ:—Радъ бы простить, любезнѣйшій, но уже поздно: я сдѣлалъ предложеніе д р у г о м у... и жду его отвѣта! (Брантъ въ безмолвномъ отчаяніи падаетъ въ кресло).

Чтобы въ такую минуту возможнаго примиренія не стать между

вашимъ добрымъ сердцемъ и г-мъ Брантомъ, я приклеилъ къ концу моего письма ту оговорку! Не простительно, даже глупо было бы, съ моей стороны, требовать объясненія насчетъ разставанія Бранта съ «Пчелою»! Мнѣ какое до этого дѣло?

Назначьте мнѣ нѣсколько книгъ для разбора. Завтра, въ началѣ третьяго часа по полудни (лишь бы не помѣшала сильная зубная боль) явлюсь въ редакцію «Сѣверной Пчелы» (а если нельзя будетъ, такъ послѣ завтра въ тотъ же часъ): увидимся и кончимъ дѣло.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и искреннею преданностью и проч.

3.

10-го февраля 1848 г.

М. Г. Ѳаддей Венедиктовичъ! По благомыслію, съ какимъ дѣйствуете вы въ журналистикѣ нашей, надобно думать, что вы готовы оказывать услуги не только постороннему для васъ человѣку, но и врагу своему отъявленному, кровному, даже чернильному! Это два весьма различныя между собою нравственныя дѣйствія, требующія одно—порядочной порціи филантропіи, другое—огромнѣйшей порціи благодушія! Но если задать вамъ задачу слить воедино эти два дѣйствія и эти двѣ порціи, и совершить этотъ удвоенный нравственный актъ—за одинъ разъ (simultanément)? Полагаю, васъ и на это достанетъ! Предлагаю вамъ такого рода задачу, т. е. обязать въ одно и то же время, однимъ дѣйствіемъ—и посторонняго для васъ человѣка, и своего врага! Посторонній человѣкъ—я! а чернильный врагъ вашъ—вы видите: я беру злѣйшаго изъ враговъ—чернильнаго—это субъектъ неодушевленный, одинъ изъ толстыхъ журналовъ! Объяснюсь.

По какому-то бусурманскому фатализму, въ мои статьи, помѣщаемыя въ «Сынѣ Отечества», вкрадываются иногда непріятныя опечатки, и тѣмъ непріятнѣйшія, что иныя изъ нихъ отнюдь не имѣютъ вида опечатокъ и поэтому вводятъ въ заблужденіе добрыхъ людей, редижирующихъ прогрессивно-гуманный журналъ. Тому былъ блистательный примѣръ, въ прошлое лѣто, не извѣстный вамъ и многимъ: вамъ—потому, что вы въ своемъ Карловѣ пользовались лѣтнею индульгенціею, временнымъ разрѣшеніемъ отъ тяжкой обязанности заглядывать въ толстые журналы! а многимъ потому, что «Сынъ Отечества» былъ тогда еще не богатъ подписчиками! Объ этомъ блистательномъ примѣрѣ послѣ, если вамъ угодно, а теперь позвольте мнѣ безъ отлагательства оговорить въ вашей газетѣ одну ошибку и одну опечатку, оказавшіяся въ моей статьѣ «Прогулка по Рейну» («Сынъ Отечества» № II за текущій годъ). Въ отдѣленіи Русской словесности этого журнала (стран. 32), упоминая о поразительномъ сходствѣ Александровой головы съ Наполео-

номъ—на одной камеѣ, въ Кельнскомъ соборѣ—послѣ словъ: «Ужели царь Македонскій, преждевременною смертью, среди блеска своего, похищенный у мстительныхъ предположеній судьбы, долженъ былъ по прошествіи двухъ тысячелѣтій явиться еще разъ на свѣтъ (въ образѣ Наполеона) для того, чтобы на второмъ своемъ вѣку, послѣ великихъ побѣдъ претерпѣвать и великія пораженія, неизвѣданныя имъ на первомъ, и тѣмъ исполнить завѣтъ судьбы человѣческой»—привожу подлинныя богобоязненныя слова царя Македонскаго (разумѣется, на греческомъ языкѣ: Воспитанникъ Аристотеля не зналъ тарабарскаго языка и Киммерійской философіи нѣкоторыхъ русскихъ журналовъ)—и ради вящшаго уразумѣнія мудреныхъ греческихъ литеръ, поставилъ—для наборщика—nota bene, изображающее въ русскихъ буквахъ, тѣ греческія слова—и увы! nota bene мое попало въ самый текстъ статьи. Извиняюсь передъ публикой въ ошибкѣ, въ которой виноватъ наборщикъ.

Совершена одна половина двоякаго нравственнаго подвига: вы оказали услугу постороннему для васъ человѣку! Приступимъ ко второй—труднѣйшей половинѣ. На страницѣ 27 (тамъ же), передавая слухъ о старикѣ Шлегелѣ, говорю: «Стоило бы только прочесть книгу знаменитаго Римлянина: De re culinaria (о поваренномъ искусствѣ) и проч.: а напечатано: pulinaria! Такого слова, какъ вамъ извѣстно, не имѣется въ латинскомъ языкѣ и его выдумалъ наборщикъ. Эту ошибку и эту опечатку я могъ бы оговорить,—и непремѣнно оговорю въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ нашего журнала; но боюсь, чтобы «Отечественныя Записки» до того времени не попали бы въ эту пулинарную западню! Въ доказательство, что страхъ этотъ весьма основателенъ, разскажу вамъ прошлогоднее литературное событіе, вамъ не извѣстное.

Въ «Сынѣ Отечества» въ первой критической статьѣ о вашихъ «Воспоминаніяхъ», встрѣчалось нѣсколько разъ весьма извѣстное слово: Троглодитъ. Демонъ опечатокъ, имѣющій своихъ незримыхъ агентовъ во всякой типографіи, подмѣнилъ нашего Троглодита небывалымъ Триглодитомъ! «Отечественныя Записки», не теряя ни минуты, воспользовались этою опечаткою, не какъ орудіемъ противъ «Сына Отечества», но какъ доказательствомъ своихъ крайне ограниченныхъ свѣдѣній: знать не зная, вѣдать не вѣдая, что это опечатка, они пресеріозно воспроизвели эту смѣшную небывальщину. (Зри «С. Отеч.» 1847 г. № 8 Журнальная замѣтка). Я тогда порядочно надъ этимъ потрунилъ и теперь еще вопрошаю васъ, какъ человѣка опытнаго, какъ старѣйшину журналистики русской: можно ли было ожидать, чтобы журналъ натуральный и подражательный попалъ въ такую западню, когда въ самой натуральной исторіи есть субъектъ подражательный, человѣкообразный и, по классификаціи, ближайшій къ человѣку—

однимъ словомъ: натуральный, подражательный субъектъ, получившій отъ Линнея названіе: человѣкъ—Троглодитъ (Lomo troglodytes)—почтенный Orang chimpanzée или Outang?

По тому примѣру, что «Финскій Вѣстникъ» перемѣнилъ свое названіе, посовѣтуйте «Отечественнымъ Запискамъ» сдѣлать то же самое, и какъ для вящшаго тождества названія съ содержаніемъ, такъ и для увѣковѣченія достопамятнаго случая; до чего невѣдѣніе можетъ быть доведено опечаткою переименовать «Отечественныя Записки» въ Триглодиты! Они же предлагали «Сыну Отечества» имя Донъ-Кихота, на томъ основаніи, что редакторъ перевелъ этотъ романъ Сервантеса: «долгъ платежемъ красенъ»! Совершена и другая половина двоякаго нравственнаго подвига! Вы оказали рѣдкое благодушіе въ отношеніи къ чернильному врагу, указавъ ему на опасность! Отъ души поздравляю васъ!

Баронъ Розенъ.

Почтеннѣйшій Ѳаддей Венедиктовичъ, въ родѣ шутки, я къ вамъ написалъ предъидущее письмо! Если захотите, помѣстите его цѣликомъ, или воспользуйтесь частью онаго для своего фельетона, а если ни то, ни другое не покажется вамъ удобоисполнимымъ, то просто разорвите письмо! Я имъ только хотѣлъ испытать, лишаетъ ли зубная боль меня способности шутить и острить.

По желанію почтеннаго барона, я прочиталъ статью его и присоединяю мою просьбу о напечатаніи этой статьи въ «Сѣверной Пчелѣ», если Ѳаддей Венедиктовичъ не встрѣтитъ съ своей стороны какого-либо препятствія.

Всею душою преданный Ѳаддею Венедиктовичу

К. Масальскій.

4.

18-го января 1853 г.

Двумя-тремя латинскими строками, которыми 5-го сего мѣсяца (Nonis Ianuariis) благодарилъ я васъ за «Новую Пчелу», я конечно не воображалъ отдолговаться, получая gratis вашу газету, уже нѣсколько лѣтъ сряду. При семъ прилагается статейка, для помѣщенія въ «Сѣверной Пчелѣ», если захотите.

Дѣлать нечего, я долженъ приняться опять за критику, снять съ нѣкоторыхъ лицъ незаслуженные вѣнки; я одинъ, въ нашемъ журнальномъ мірѣ, мужъ прямой правды, всѣ прочіе виляютъ. Гоголя и Андрея Муравьева я уже судилъ, теперь у меня на очереди Кукольникъ,

Ростопчина, Брамбеусъ. Интересна для меня античная двусмысленность вашихъ оракуловъ. Вы сказали когда-то, что все, къ чему ни прикоснется Кукольникъ, превращается въ золото! Сущая правда! наилучшій предметъ въ рукахъ Кукольника становится тѣмъ золотомъ, которое вѣдаютъ золотари les maîtres des basses oeuvres.

«Сѣверная Пчела» (№ 13) безъ оговорки повторила ошибку Брамбеуса: «Новая Плеяда». Это слово употребляется только во множественномъ числѣ. Плеяда же—одна изъ этихъ утокъ: въ просторѣчіи Плеяды—утиное гнѣздо. Да отчего это—Плеяды; ихъ только пять! Стало быть Пентархія!

Боюсь за «Библіотеку для Чтенія»; 1-й № ея вышелъ съ роковымъ знаменіемъ — съ драмою Кукольника! Вспомните «Финскій Вѣстникъ», перемѣнилъ названіе, вздумалъ отличиться, нагрузилъ Паткулемъ свой 1-й №, и бѣдное судно отъ излишняго балласта, въ томъ же году, sombra sous voiles. Въ прошедшемъ году, въ 1-мъ же № «Сына Отечества» появился жалкій «Денщикъ», и дѣдушка нашей журнальной эскадры пошелъ ко дну, какъ говорятъ! Что, если Ермилъ Ивановичъ Кукольникъ потопитъ и «Библіотеку» со знаменитою Плеядою ея! Мой глубокій поклонъ Н. И. Гречу.

V.

Письма А. Бестужева—Ѳ. В. Булгарину.

1.

26-го мая 1821 г. Дерптъ.

Здравствуй, любезный Булгаринъ!

Какъ нетерпѣливо ждалъ я прихода въ Дерптъ! Мысль, что я увижу Свѣтлану Жуковскаго, цвѣтила туманную даль, и вѣчныя болота и сыпучіе пески Лифляндскіе остались за мною. Я въ Дерптѣ—наконецъ я въ домѣ Майера и—я не видалъ ее (Свѣтлану)[1]). Я ждалъ, искалъ писемъ отъ тебя, отъ родныхъ, отъ знакомыхъ и не нашелъ ихъ. Представь себѣ человѣка, который за пять верстъ идетъ пѣшкомъ обѣдать къ пріятелю и у порога встрѣчаетъ отвѣтъ: нѣтъ дома. Точно въ такомъ положеніи нахожусь и я. Одинъ въ людяхъ, скученъ среди веселья, правда, нѣмецкаго, но все-таки веселья. Однакожъ скажу тебѣ, что я былъ у матушки Александры Андреевны и ласковымъ, любезнымъ пріемомъ ея нѣсколько

---

[1]) Жуковскаго.

заплаченъ за непріятность не видать Свѣтланы, которая по болѣзни мужа и своей руки не могла выйти.

Знаю, что бѣглецовъ не возвращаютъ угрозами, и потому не стану бранить тебя за недержаніе слова на счетъ писемъ; но половину для формы, половину отъ чистаго сердца самъ пишу къ тебѣ, наскоро въ гостяхъ, на фортопіано прыгающаго отъ студентскихъ восторговъ. Скучно и грязно было въ походѣ сначала, скучно и холодно потомъ, скучно и жарко, и пыльно теперь. Я былъ въ Нарвѣ, лазилъ по развалинамъ, спускался въ подземелья, все видѣлъ, обо всемъ разспрашивалъ и очень много узналъ. Дождь заперъ меня въ комнатѣ, и я едва залучилъ часокъ посмотрѣть водопадъ Наровскій, у меня есть листа два набросано о пути нашемъ, но лѣнюсь или не имѣю времени переписать и потому въ Общество ихъ не посылаю. При томъ же безъ романическихъ манжетъ сухой маршрутъ нашъ не весьма забавенъ, и потому я жду, чтобъ выдался день прилежанія, чтобы выдумать для этого сказки двѣ, три и тогда: vogue la galére.

Очень и премного любопытенъ о вашихъ новостяхъ политическихъ и литерацкихъ! что подѣлываютъ добраго общіе пріятели и товарищи наши: Гречъ, Глинка, Никитинъ? Здоровъ ли баронъ, не пріѣхалъ ли Баратынскій? Помнитъ ли меня Н. И. Гнѣдичъ? и всѣ, наконецъ, которыхъ помнитъ сердце, не справляясь съ расходною книгою учтивости? Пожалуй справь имъ поклонъ за меня и попроси съ собою вмѣстѣ, чтобы они писали къ грамотному драгуну грамотки, чтобы онъ не разучился читать. Александрѣ Андреевнѣ и Александру Ѳедоровичу мое искреннее почтеніе, всѣмъ сочленамъ Общества равномѣрно.

Адресуй письма: въ Опочку, или гдѣ полкъ находится. Греча попроси объ Исторіи Карамзина. Не забывай своего друга, который любитъ тебя, какъ прежде, и вдалекѣ еще болѣе чувствуетъ цѣну твоего знакомства. Adieu.

Я спѣшу ѣхать за 6 верстъ, гдѣ стоитъ нашъ эскадронъ. Кланяйся Сомову[1]).

2.

6-го сентября 1821 г. Полоцкъ.

Любезный другъ!

Давно, очень давно не писалъ я къ тебѣ, надѣясь написать что-нибудь позанимательнѣе; но отъ тебя, кажется, люстровъ (мѣсяцевъ)

---

[1]) Письмо это направлено по слѣдующему адресу: à Mousieur, Monsieur de Boulgarin.—Si devant capitaine aux trouppes françaises, à Petersbourg. Rue Vosnesensky, maison de Kotomin.

пять не получалъ ни строчки! неужели въ этомъ случаѣ цензура устами Ивана Осиповича рыкнула свое грозное veto? или потокъ забвенія протекъ по слѣдамъ моимъ? или подавленный стихотвореніями общества, замученный справками (безъ управы) сената, взбѣшенный секретарями, ты

Wykrzesasz pobruku ogien' z podków
Tracisz za raz czas Zycia i polskie Złotówki [1]).

Ты удивляешься, я думаю, исковерканному польскому языку, которымъ я вздумалъ въ подарокъ тебѣ написать теперь двѣ строчки! прошу простить школьнику вину за желаніе. Я учусь по-польски, учусь въ той землѣ, гдѣ языкъ Нарушевича, Нѣмцевича, Красицкаго, а имена ихъ неизвѣстны, гдѣ мало людей и нѣтъ вовсе книгъ. Скажу тебѣ не въ привѣтъ, а въ правду: учусь по-польски для тебя наиболѣе, такъ какъ ты учился по-итальянски для Альфіери. Воротясь въ Питеръ, мы будемъ вмѣстѣ разсиживать вечера, читая журналы варшавскіе, разсуждая, споря о вашихъ авторахъ, переводя хорошее на русскій, оцѣняя на языкѣ сердца соллецизмы сердца. Между тѣмъ, я по складамъ разбираю Красицкаго и Нарушевича, учу наизусть сатиры, которыя ты мнѣ читалъ глухому, и надъ которыми сперва я улыбался изъ учтивости, а теперь смѣюсь отъ души. Скажу тебѣ еще болѣе: въ этомъ краю арендаторовъ и душъ мелкопомѣстныхъ, я нашелъ людей добрыхъ, образованныхъ, гостепріимныхъ. Маршалъ повѣта, Рикъ, съ его фамиліею, заставилъ меня жалѣть, зачѣмъ я не ранѣе нашелъ его семейство. Семейство Вижицкихъ принудило сожалѣть о скучныхъ инфлантахъ и желать туда возвращенія. У нихъ-то я нашелъ польскую библіотеку и теперь нѣкоторыя книги имѣю съ собою, а отъ тебя жду для перевода чего-нибудь твоего. Теперь на походѣ (да правду сказать и на стоянкѣ) ничего не дѣлалъ, сперва отъ скуки, потомъ отъ разсѣянія; однакожъ, записки кое-какія доставлю подъ видомъ писемъ къ тебѣ, не осуди, каковы будутъ—это выжимки воображенія. Пожалуйста, увѣдомь меня, получилъ ли ты письмо съ поправками для «Рев. Путеш.»? Напиши и о томъ, что дѣлаетъ любезный Гречъ и о томъ, чего ты не дѣлаешь? и проч., и проч., и проч.

Теперь, мы идемъ къ Бешенковичамъ на маневры, гдѣ будемъ давать государю обѣдъ, за то что онъ насъ не кормитъ; далѣе слухамъ нѣсть конца. Новости насъ водятъ за носъ, а золотое время приходитъ и проходитъ!

Пишу къ тебѣ изъ курной избы латышей, въ имѣніи іезуитовъ; мужики бѣдны, но говорятъ, что теперь имъ рай, въ сравненіи съ жиз-

[1]) Гранишь мостовую, прожигая жизнь и тратя польскіе злотовки (прежняя польская серебряная монета).

нію подъ властію іезуитскою. Они рады, что ихъ выгнали, я сожалѣю, что не выгнали всѣхъ.

Дождь брызжетъ въ окно, но я собираюсь въ Полоцкъ, верстъ за 20, чтобы свезти это письмо. Ты живешь близко отъ почтамта, не удаляй же друга изъ памяти, не лишай удовольствія читать грамотки твои. На чужой сторонѣ письма будто свиданье дружеское.

Прощай, кланяйся Кутузову, Никитину, Бирону и всѣмъ, всѣмъ, у которыхъ сердце не на изнанку. Адресуй письмо чрезъ Полоцкъ, гдѣ полкъ находится. Будь здоровъ и веселъ.

Твой Бестужевъ.

3.

22-го октября 1821 г. Литва.
Деревня Выгоничи, въ 40 в. отъ Минска.

Любезный другъ! Неужели всѣ родные и пріятели стакнулись цѣлые два мѣсяца не писать ко мнѣ ни слова? неужели и ты, юноша, послѣдовалъ ихъ примѣру на муки горюну-драгуну? Нечего сказать, хорошіе вы гуси. Я палю письмами, а вы не хотите порадовать ни строчкой! но я несмотря на то, снова берусь за ржавое перо и пишу о себѣ поневолѣ, ибо о другихъ ничего не знаю.

Посланіе Баратынскаго къ тебѣ я читалъ—оно прекрасно. Читалъ и твое, о переводчикахъ Гомера—статья нѣмецкая, но справедливая и нужная. Пушкина «Уединеніе» слабо, но Муза есть пріятная бездѣлка. Прочихъ новостей чуждъ и потому полно.

Стою у пана Войдзевича, очень добраго человѣка. У него двѣ дочери, изъ коихъ одна красавица. Польская библіотека, фортепіано и паны скоротаютъ зимніе вечера; воспоминаніе о васъ усладитъ ихъ, но грустнымъ образомъ. Погода испортилась,—скучно.

Буду просить тебя о томъ, чтобы ты попросилъ Греча пересылать мнѣ «Сынъ Отечества». За . . . . . [1]) сдѣлай одолженіе заплати, на слѣдующей почтѣ я пришлю для сего деньги, равномѣрно и «Соревнователь», котораго никто не беретъ, мой экземпляръ, и даже Благонамѣреннаго, который лежитъ у Слѣнина. Я твой должникъ въ 15 рубляхъ или около того.

«Возвратное путешествіе изъ Ревеля», если можно достать листками, пожалуйста перешли, ибо я его не читалъ въ печати. Еще, mon cher, увѣдомь меня, получилъ ли ты письмо съ поправками «Ревел. Пут.» и письмо изъ Полоцка пущенное? Если нѣтъ, то я, право, начинаю вѣрить, что въ моихъ письмахъ кто-нибудь думаетъ сыскать карбонарство—и точно, тамъ одни угольныя чернила.

[1]) Одно слово не разобрано.

Гречу, Воейкову и Гнѣдичу мой сердечный поклонъ. Баронету и Баратынскому дружеское пожатіе руки; Кутузову и всѣмъ юношамъ просьбу не забывать полуграмотнаго драгуна. Самого тебя я засыпаю порученіями, но думаю, что въ томъ ты простишь меня, еще болѣе и за то, что я учусь по-польски. Мнѣ языкъ этотъ нравится и «Историческія Спѣвы» лежатъ всегда подъ головою. Напиши, что бы перевести для журнала изъ вашихъ классиковъ? У меня они подъ рукою. Брату напомни объ эполетахъ, которыя я просилъ его прислать. Здѣсь такихъ вещей найти невозможно. Брату Павлу черезъ Воейкова перешли приложенную записочку. Спѣшу отсылкою письма и обѣщаю впередъ писать и болѣе и лучше, но теперь прощай, мой милый; помни твоего Александра.

4.

7-го декабря 1821 г. Минскъ.

Любезный Булгаринъ!

Не смѣю считать уже тебя въ числѣ друзей, ибо на всѣ мои письма и порученія ты безотвѣтенъ. Адресъ мой: въ Минскъ. Прежде чѣмъ не получу отъ тебя, ничего не напишу къ тебѣ. Вѣрю и знаю, что ты много занятъ, еще болѣе—развлеченъ, но если не хочешь подарить драгуну немногихъ минутъ,—то боюсь тебѣ наскучить. Pokładam ufność, że odtąd będziesz grzeczniejszym i będziesz do mnie pisać częściej. Niecierpliwie czekam odpowiedzi; spodziewam się, że się nadal nie omylę w mojej nadziei. Jestem z zwykłym szacunkiem i przyjaźnia.

Twoj Bestużew [1]).

5.

14-го января 1821 г. Минскъ.

Здравствуй любезный другъ!

Я получилъ письмо твое, писанное вмѣстѣ съ братомъ. Ничего не скажу о чувствахъ, тогда меня проникнувшихъ. Еслибы былъ съ тобою, то сжалъ бы тебѣ руку по-квакерски, но теперь скажу, что ты другъ какъ быть слѣдуетъ. Рекомендую тебѣ моего хозяина и пріятеля Войдзевича. Прошу посѣщать его домъ и полюбить его семейство, въ которомъ питали твоего друга. Въ Сицилію, по правдѣ сказать, я былъ влю-

---

[1]) Надѣюсь, что впредь ты будешь любезнѣе и будешь чаще писать мнѣ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю отвѣта; надѣюсь, что эта надежда меня не обманетъ. Съ всегдашнимъ уваженіемъ и дружескимъ расположеніемъ. Твой Бестужевъ.

бленъ донельзя. A propos. Не ваше ли съ Глинкой дѣло, что графъ Комаровскій беретъ меня въ адъютанты? Я скоро пріѣду разспросить васъ о томъ лично, побраниться и помириться. Зажить съ вами, писать съизнова глупости и vogue la galère.

Живу въ Минскѣ. Пьянствую и отрезвляюсь шампанскимъ. Жизнь наша походитъ на твою уланскую. Цимбалы гремятъ, дѣвки бранятся... Чудо!

Разспроси о прочемъ у Войдзевича, я, право, такъ сбаламученъ, что письмо мое скачетъ уже на перекладныхъ. Выгоничи, Минскъ, трактиры, цукерни, собачья комедія, т. е. театръ, адъютантство и дорога меня скружили. Цѣлуй свою милую подругу, но люби меня по-прежнему. Твой Алек. Бестужевъ [1]).

6.

15-го мая 1830 г. Дагестанъ.

Милостивый государь,
Ѳаддей Венедиктовичъ.

Вы подарили насъ двумя лучшими русскими романами, которые и въ кругу всесвѣтной литературы не краснѣя могутъ быть представителями отечественной словесности, и потому, поздравляя публику съ этою находкой, благодарю васъ, какъ членъ ея, за удовольствіе, найденное въ чтеніи Выжигина и Димитрія Самозванца. Провидѣніе дало овому два таланта, овому одинъ, но не велѣно и одного хоронить въ землю—въ слѣдствіе этой истины, я, не думая состязаться съ вами—богачемъ въ дарахъ слова, прошу пріютить прилагаемую при семъ бездѣлку въ одномъ изъ журналовъ, вами издаваемыхъ, чтобы хоть нѣсколько познакомить съ собою васъ и читателей. Я могу только сказать, что повѣсть «Замокъ Эйзелъ», напечанная безъ подписи въ «Невскомъ Альманахѣ» на 1827-й годъ, и нѣкоторыя стихотворенія, разсѣянныя въ періодическихъ изданіяхъ, были написаны мною. Впрочемъ лучшая порука удача, и если эта повѣсть, именуемая «Испытаніе», заслужитъ одобреніе, я не замедлю присылать и другія, въ забавномъ или романтическомъ родахъ попеременно. Кавказъ, на послѣдней ступени котораго живу я, богатъ предметами для поэта и романтика, но по несчастію здѣсь и цвѣты дышатъ тлѣніемъ и виноградъ каплетъ желтою лихорадкою, болѣзни—плохіе вдохновители воображенія. Въ средоточіи всѣхъ средствъ обра-

[1]) На письмѣ написанъ слѣдующій не безъинтересный адресъ: „милостивому государю Ѳадѣю Венедиктовичу Булгарину, капитану войскъ французскихъ. Въ С.-Петербургѣ на Вознесенскомъ проспектѣ, въ домѣ купца Котомина на углу въ Садовую“.

зованности, писатель обязанъ сдѣлать все, что можетъ; здѣсь только то, что удастся: да будетъ это во извиненіе—недостатковъ моего вымысла и слога.

Прося засвидѣтельствовать мое душевное уваженіе почтенному сотруднику вашему Николаю Ивановичу Гречу, имѣю честь быть съ искреннимъ почтеніемъ.

7.

10-го іюля 1830 г. Дербентъ.

Навѣрное полагая, что вы уже получили повѣсть «Испытаніе», посланную отъ 15-го мая, препровождаю при семъ разсказъ, подъ заглавіемъ «Вечеръ на Кавказскихъ водахъ», который прошу позволенія у Николая Ивановича Греча посвятить ему. Тутъ же прилагаю описаніе Дербентскаго праздника въ честь Шахъ-Гусейна, и два анекдота. Если не умру отъ холеры-морбусъ [1]), которая плотно до насъ добирается, то въ непродолжительномъ времени доставлю повѣсть: «Аммалатъ-Бекъ»: она ознакомитъ васъ съ Прикаспійскою стороною Кавказа. Потомъ кончу нѣсколько небольшихъ пьесъ для «Сѣверной Пчелы». Писалъ бы болѣе, еслибъ болѣе имѣлъ досуга, и занимательнѣе, еслибы здоровье мое было получше и я оживлялся бы добрымъ расположеніемъ духа, а то климатъ и обстоятельства сушатъ равно мозгъ и чернила.

Въ прошломъ году, матушка однажды писала ко мнѣ, что вы желали имѣть меня сотрудникомъ; не бывъ увѣренъ тогда въ возможности исполнить обѣщаніе, я не смѣлъ взяться за дѣло. Теперь, кажется, я могу отвѣчать за себя и потому съ своей стороны возобновляю предложеніе, если оно для васъ не лишнее. Вотъ мои условія:

Я обязанъ присылать не менѣе 20 и не болѣе 25 печатныхъ листовъ оригинальныхъ пьесъ прозою. Превышающее число листовъ вы отнесете къ слѣдующему году, или, если угодно вамъ будетъ, заплатите по 80 руб. за листъ.

Вы вольны въ теченіе года располагать по волѣ пьесами: печатать ихъ въ періодическихъ изданіяхъ или особо, уступить другому и прочее. Но по прошествіи года, я могу перепечатать оныя или продать вновь.

Мѣрою листа принимается форматъ и шрифтъ «Сына Отечества» текущаго года. Другіе шрифты судятся по сравненію. Если вамъ угодно

[1]) Холера свирѣпствуетъ въ провинціяхъ Шемахинской, Бакинской и уже въ 20 верстахъ отъ Дербента. Въ Шемахѣ умираетъ до 40 чел. въ день. Очень искусный врачъ г. Соловьевъ спасъ всѣхъ тамошнихъ начальниковъ, заболѣвшихъ съ семействами. Самымъ спасительнымъ средствомъ оказалось обливанье водою, треніе льдомъ и щеткою безпрестанно, давая небольшіе пріемы calomel для укрощенія судорогъ. Здѣсь умерло нѣсколько нижнихъ чиновъ съ подозрительными признаками: есть больные и между татаръ.

будетъ поручить мнѣ перевесть какую-нибудь главу или отрывокъ съ нѣмецкаго, французскаго, англинскаго и польскаго языковъ, то вы пришлете книгу съ отмѣткою статей, которая вмѣстѣ съ переводомъ возвратится въ самомъ скоромъ времени.

Вы будете платить за это не менѣе 1.500 руб. въ годъ. Уплата производится по третямъ, считая со дня полученія первой повѣсти.

Наконецъ, не требую, но прошу присылки обоихъ журналовъ вами, вообще съ Н. И. Гречемъ издаваемыхъ.

Въ обоихъ случаяхъ: если предложеніе сіе можетъ быть вами принято, или по какимъ-либо причинамъ не можетъ, въ цѣлости или въ частяхъ, покорнѣйше прошу увѣдомить о томъ мою матушку, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Къ ней же отошлете вы и присланныя статьи.

Не дивитесь, что съ такою нѣмецкою подробностію пишу объ этомъ: гдѣ касается до денегъ, тамъ должно быть точнымъ, чтобы никто не имѣлъ повода жаловаться. Впрочемъ желая, чтобъ вы обрадовали насъ какою-нибудь литературною новинкою, желая вамъ всѣхъ земныхъ благъ вмѣстѣ съ семействомъ, имѣю честь быть съ искреннею привязанностію и уваженіемъ, вашимъ, милостивый государь, покорнымъ слугою Александръ Марлинскій.

P. S. Если вздумаете послать ко мнѣ что-нибудь, вотъ адресъ: А. А. Б—у въ Грузинской Линейной № 10-го батальонъ, чрезъ Кизляръ въ Дербентъ.

8.

28-го октября 1830 г.

Симъ честь имѣю увѣдомить господъ издателей «Сѣверной Пчелы», что посланныя ими деньги отъ 10-го сентября чрезъ г-жу Торсонъ, триста рублей ассигнаціями получилъ сего 1830 года, октября 28 дня, въ Дербентѣ. Александръ Бестужевъ.

P. S. Въ половинѣ ноября кончу повѣсть «Лейтенантъ Бѣлозоръ», сцена въ Голландіи, юмористическая пьеса, которая немедленно и вышлется къ вамъ, слѣдственно, получится въ концѣ декабря въ Петербургѣ. Сочинитель желаетъ г-мъ издателямъ здоровья и счастья.

P. S. Такъ какъ въ нашемъ ульѣ вмѣсто меду теперь завелась холера-морбусъ, то не лишнимъ считаю сказать слово о странномъ явленіи, котораго я былъ неразъ свидѣтелемъ во время свирѣпствованія сей болѣзни въ Дербентѣ. Я видѣлъ нѣсколькихъ умершихъ отъ ней, особенно женщинъ и 12 часовъ спустя послѣ кончины, когда уже разрушеніе оказывалось на лицѣ отъ жара, онѣ еще имѣли судорожныя движенія въ пальцахъ, которыя сжимались какъ орлиные когти.

9.

15-го марта 1832 г., Дербентъ.

Много порадовало меня посланіе твое, добрый мой и любезный Ѳаддей Венедиктовичъ, — а то я было отпѣлъ тебя изъ немногаго числа своихъ пріятелей. Старина будто ожила на минуту передъ очами сердца. Время приноситъ новыя весны за новыми зимами, но моя весна кажется въ одномъ воспоминаніи перецвѣтать будетъ. Благодарю тебя за слова ласки и утѣшенія, но вѣрь, что я пріемлю ихъ не иначе, какъ за слова, т. е. за звуки. Опытъ собственный убѣдилъ меня болѣе чужихъ надеждъ. Правда, что увѣренность въ неподвижность моего жребія не охладитъ моего усердія къ службѣ, ни любви къ отечеству, но за то она, лишая меня завтраго, уничтожаетъ помаленьку и мое сегодня; даже въ самой словесности она не рѣдко дѣлаетъ меня работникомъ, когда бы я могъ быть художникомъ. Я не хвастунъ, но если я скажу, что я безстрашенъ отъ природы, это еще въ моихъ глазахъ не такое достоинство, чтобы въ человѣкѣ могло высоко цѣниться, но въ солдатѣ, думаю, оно стоило бы отличія. И что жъ? Чѣмъ былъ награжденъ я за то, что въ числѣ первыхъ трехъ человѣкъ вскочилъ на окопы Байбурта. Ужасно вспомнить. Богъ судья Паскевичу, который положилъ представленіе обо мнѣ подъ сукно и потомъ преслѣдовалъ меня какъ лютый звѣрь и какъ лютаго звѣря. По смѣлости этихъ строкъ ты можешь судить, что я не только не боюсь говорить правды, но еще желаю, чтобы ее изслѣдовали, ибо душа и поведеніе мое по возрожденіи бѣлѣе этого листа. Не надѣюсь я ничего и за блокаду Дербента и за всю экспедицію прошлаго лѣта; хотя дѣлалъ не только, что должно, но и то, что едва можно.

Не надѣюсь. Но признаюсь, сердце у меня разрывается, когда вздумаю, что не увижу моей родины, которой отдалъ и посвящалъ я все, все на землѣ и въ небѣ. Чувствую въ себѣ, что я могъ бы быть полезенъ ей перомъ, и каково это чувство, сопровождаемое невозможностію достичь до того, въ этомъ краю изгнанія, въ этомъ краю животности, одной животности!! Что могу я предпринять безъ книгъ, безъ библіотекъ, безъ архивовъ, безъ мѣстностей?.. О, нигдѣ въ мірѣ не хотѣлъ бы я родиться кромѣ Россіи, и ее-то долженъ я стараться забыть, потопить въ Летѣ. И въ ней-то нашелъ я для себя лишь камни темницы, но не найду камня для гробницы... Коршуны Кавказа развѣютъ крыльями прахъ изгнанника.

Да, Ѳаддей, нравственное положеніе мое незавидно, и это для меня тѣмъ огорчительнѣе, что я излѣчился давно отъ химеръ преобразовать міръ съ вѣникомъ въ рукахъ. Искреннее желаніе моей души предаться

словесности, жить мирно, уединенно, знаться болѣе съ книгами, чѣмъ съ книжниками, и заглядывать въ свѣтъ для того только, чтобъ переводить его на бумагу.

Жалѣлъ я тебя не разъ, читая нелѣпыя личности журналистовъ. Но гдѣ же обращается кровь безъ желчи? гдѣ текутъ чернила безъ клеветы, или покупается имя безъ зависти. Утѣшься. Несчастенъ тотъ, кто не въ себѣ, а внѣ себя ищетъ спокойствія души. Это все равно, что занимать у сосѣда желудка и хотѣть быть сыту.

Я противъ вашихъ журналовъ очень, очень виноватъ. Простите, исправлюсь—я лѣнюсь и занимаюсь запоемъ. Начинаю протрезвляться и скоро пришлю кой-чего. Гречу и всей семьѣ его душевный привѣтъ; дай Богъ имъ счастія до пятаго колѣна. Я люблю и уважаю ихъ всѣхъ. Началъ ли-то Николай Ивановичъ печатать мои повѣсти? Я лучше не могъ найти издателя и премного ему буду обязанъ.

Житье-бытье твое подъ Дерптомъ меня разманило—мѣста все извѣстныя; право, тебѣ можно позавидовать. Живи, живи долго, счастливецъ, и живи весело, здорово. Отъ меня одна просьба къ тебѣ, хоть за тебя къ Зевесу много желаній, не забывай твоего причудливаго, но, право, добраго Александра.

P. S. Денегъ за первую треть другаго года не получалъ. Онѣ, кажется, пропали на почтѣ; за 2-ю треть, напротивъ, уже имѣю. За 3-ю удержитесь высылать, ибо я даромъ денегъ брать не люблю. Помните, что годъ нашъ начинается съ 1-го іюля. Я было и забылъ тебѣ сказать: въ 1829-мъ году я былъ на могилѣ нашего незабвеннаго Грибоѣдова и плакалъ какъ дитя—я былъ одинъ... Что этотъ человѣкъ хотѣлъ сдѣлать для меня!.. онъ умеръ и все пошло прахомъ...

P. S. Книгопродавцамъ отъ меня скажи, что они мерзавцы. Увѣрь ихъ также, что я скорѣй брошу въ огонь все, чѣмъ задаромъ стану утучнять ихъ потомъ своимъ.

10.

21-го февраля 1834 г., Дербентъ.

Любезный мой воркунъ Ѳаддей Венедиктовичъ!

Ну, дядя, насилу ты сломилъ ледяную печать молчанія—а я, правду сказать зачислилъ тебя въ число безъ вѣсти пропавшихъ друзей—и что мудренаго, думалъ я—человѣкъ бо есть—хоть не въ свѣтѣ живетъ, да свѣту служитъ. Радъ, очень, что я ошибся; и хоть не во всѣхъ оправдательныхъ статьяхъ съ тобой согласенъ, но за искренность благодарю. Такъ должно было поступать со мной и прежде и всѣмъ другимъ,—а то завели какіе-то передачки да переводы, которые отдалили насъ другъ отъ друга на лишнія тысячи верстъ. Съ моей стороны я д о л ж е н ъ

тебѣ оправданіемъ, ибо взаимное уваженіе единственная порука пріязни. Начнемъ съ Николая Ивановича.

Гречу я много обязанъ нравственно, ибо въ его домѣ развился мой умъ отъ столкновенія съ другими. Гречъ первый оцѣнилъ меня и далъ ходъ. Гречъ первый послѣ моего потопа предложилъ мнѣ сотрудничество; знаю, что въ этомъ онъ могъ предвидѣть и свою пользу, но знаю и то, что это было благороднымъ геройствомъ по времени. Но денежныхъ и покровительственныхъ обязательствъ не признаю я. Государь императоръ предупредилъ всѣ просьбы на сей счетъ, ибо въ октябрѣ 1827 года, графъ Дибичъ объявилъ мнѣ лично и формально, что государь позволяетъ мнѣ писать и печатать, «лишь бы это было въ хорошемъ смыслѣ». Итакъ, еслибъ кто-либо по незнанію дерзнулъ запретить мнѣ это—я бы непремѣнно аппелировалъ къ справедливости монарха, и душевно убѣжденъ, что, даровавъ мнѣ личность гражданина и воина, онъ не отнялъ бы дарованныхъ съ нею правъ не только подразумѣваемыхъ, но явно выраженныхъ. За желанія мнѣ добра я признателенъ Николаю Ивановичу, но вы сами знаете, сколь они безполезны. Участь моя неподвижна и холодна, какъ полюсъ.

Теперь о деньгахъ: я точно получилъ отъ Николая Ивановича все договоренное, но послѣ какихъ паузъ и какъ неопредѣленно!! Почту здѣсь никогда горцы не разбивали, ибо она ходитъ съ пушками и пѣхотой, но 500 руб. (и кромѣ ихъ еще другихъ моихъ денегъ рублей 700), Андреевымъ посланныхъ, просто украли почтмейстеры Вышегородскій и Наполискій. Дѣло это юридически доказано, я писалъ два раза къ кн. Голицыну—и вотъ три года ни привѣта, ни отвѣта. Бумагу Гречъ, правда, взялъ въ долгъ, но взявъ 2.000 руб. у сестры задатку; да при томъ я самъ былъ издателемъ, и знаю, что бумажные фабриканты радехоньки продать стопы до выручки, слѣдовательно, человѣку съ кредитомъ это стоитъ двухъ словъ и одной строчки. Корректуру держалъ Сомовъ, и между нами будь сказано, она очень не исправна. Сестра моя узнала, что г. Андреевъ, коему поручилъ я изданіе, человѣкъ очень вѣтреный (что слишкомъ оказалось впослѣдствіи), и рѣшилась разорвать его договоръ, ибо боялась довѣрить ему единственное мое достояніе. Что она вовсе не знаетъ толку въ книжной торговлѣ, это я свѣдалъ по опыту, но еслибъ вы знали, сколько разъ ея сердце было растоптано, а имѣніе мое и наше расхищено, самымъ низкимъ образомъ, пользуясь только несчастіемъ, то вы простили бы ей ея раздражительность и подозрительность. Гречу (увидѣвъ, что Андреевъ забралъ у Смирдина на мои порученія деньги и ни одного не исполнилъ), я писалъ, прося за .....[1]) 1.750 руб.

[1]) Одно слово не разобрано.

отдать уже не Андрееву, а Торсонъ,—но онъ упорствовалъ въ первомъ—это меня взбѣсило. Ты знаешь самъ, каковъ я былъ прежде—несчастіе еще болѣе сдѣлало меня гордымъ и раздражительнымъ, ибо я во всѣхъ вижу желаніе лягаться въ меня. На ту пору попалась мнѣ афишка Смирдина, и непредувѣдомленный ни о чемъ, я вспыхнулъ. Но отрицанія (хоть вы и браните Полеваго) не напечаталъ онъ самъ еще ранѣе запрета моего и дружески совѣтовалъ этого не дѣлать. Что жъ касается до пріязни моей къ нему или, лучше сказать, къ нимъ, она основана на 3-хъ-лѣтнемъ опытѣ—и вопреки всего, что о нихъ говорятъ и пишутъ—я нашелъ необыкновенную точность, предупредительность и безкорыстіе; я никогда не выходилъ у нихъ изъ долгу, а коммиссіями ихъ заваливалъ, по просьбѣ другихъ, ибо самъ кромѣ книгъ не имѣю роскоши. Безъ нихъ я бы не имѣлъ ничего новаго, а благодаря имъ все, что выходитъ въ Европѣ замѣчательнаго, ѣздитъ въ гости за Кавказъ. Жеманиться не привыкъ я ни съ кѣмъ. Я считаю «Телеграфъ» лучшимъ журналомъ, по убѣжденію; исторія Н. Р. лучше исторіи Н. Г., можетъ быть ошибаюсь, но искренно. То, что мнѣ казалось красно за 10 лѣтъ, теперь кажется иначе—развѣ не ростетъ умъ какъ тѣло? Смѣшно бы меня укорять въ лести и похвалу Полевому писалъ я не думая уколоть тѣмъ Греча. Самъ я не сержусь за литературныя мнѣнія—говори обо мнѣ что хочешь, за что же обвинять меня въ партизанствѣ? я отрубленъ отъ всего мірскаго. Пишу какъ думаю—не какъ думаютъ. Я и тебя не пощадилъ, но увѣренъ, что если ты охладѣешь ко мнѣ, то не за эту статью. Впрочемъ, о ней нельзя судить по скелету, обглоданному цензурою—половина ея осталась на ножницахъ и вышла чепуха. Самыя высокія по чувству мѣста, гдѣ я доказываю, что Евангеліе есть типъ романтизма, уничтожены.

Ты жалуешься на клевету—ты сбираешь дань съ правды, которою рѣзалъ мерзавцевъ; но скажи, за что ѣстъ она меня, ничтожнаго, забытаго? Чего на меня не выдумывали, какихъ романовъ не сплетали?—и наконецъ (какъ писали мнѣ), многія добрыя души, пожимая плечами, говорятъ «какъ жаль Б(естужева)—онъ спился». Я спился, Боже праведный! Дай Богъ имъ въ страстную пятницу быть такъ скромными и трезвыми, какъ я всегда. Я юридически могъ бы имъ доказать, что враги мои самые могучіе и самые злые не могутъ найти въ моемъ поведеніи задоринки, чтобы прицѣпить на нее обвиненіе; но къ чему это послужитъ? Худая вѣсть бѣжитъ, а добрая лежитъ, а между тѣмъ я отъ этого терплю матеріально—я за это лишенъ Георгія, котораго заслужилъ неоднажды грудью. Извѣщаю, что я переведенъ въ Ахалцыхъ, во 2-й Грузинскій линейный батальонъ. Если вспомнишь, то пиши туда.

Со Смирдинымъ мы помирились и думаю, что онъ не раскается въ этомъ. Изданіе 2-е тисну по его предложенію—не знаю только, какъ

быть съ 3-мя новыми томами, кои печатаются въ Москвѣ? Время, думаю, сгладитъ всѣ наши размолвки и покажетъ, что я дѣйствовалъ прямо. Я не убитъ судьбою, ибо, увидѣвъ неправду своихъ политическихъ начинаній, отступился отъ нихъ—и съ тѣхъ поръ совѣсть моя чиста противъ Бога и царя, а чистая совѣсть—конь неизмѣнный. Но талантъ мой убитъ въ три доли, ибо я не знаю, что писать? Свѣтъ далекъ, историческое невозможно въ этакой глуши. Цензура пугаетъ меня, а мелочи службы съѣдаютъ досугъ. Смѣю думать положительно, что я болѣе принесъ бы пользы какъ писатель, чѣмъ какъ гарнизонный солдатъ, но царь далеко, а Богъ высоко—терплю больно, но безропотно. Хоть бы дали мнѣ подраться да поглядѣть Кавказъ—и того нѣтъ, я прикованъ къ одной скалѣ.

Отъ души поздравляю тебя съ наслѣдникомъ—поцѣлуй ручку за меня у новородившей, ибо я полагаю, когда придетъ это письмо, у тебя будетъ уже двое дѣтей. Если будетъ 3-й или 3-я, я прошу назвать меня кумомъ, даже и тогда, если меня не станетъ—это по крайней мѣрѣ оригинально. Таитинькѣ мой поклонъ. Что за охота тебѣ жить въ картофельномъ царствѣ? Развѣ на Руси тѣсно? а то близость этихъ разсчетливыхъ селедокъ вовсе испортитъ тебя. Я не знаю злѣйшаго врага душѣ, какъ деньги, и потому сорю ихъ какъ табакъ. Богъ дастъ день—Богъ дастъ и чѣмъ прожить день. Я ѣлъ чорствый хлѣбъ и не горевалъ. Пою шампанскимъ и не веселѣй отъ того.

Ну, другъ, Ѳаддей—руку. Какъ литератора я тебя нерѣдко побранивалъ кой за что; но я знаю тебя какъ человѣка, добраго въ основѣ, хоть иногда затканнаго обстоятельствами—я не разлюбилъ тебя. Этого довольно. Я плакалъ на могилѣ Грибоѣдова—дай Богъ, чтобъ поплакать когда-нибудь на плечѣ стараго пріятеля и сказать ему: я не измѣнился. Твой Александръ.

VI.

Письмо Николая Бестужева—Ѳ. В. Булгарину.

16-го іюля 1823 г.

Почтеннѣйшій Ѳаддей Венедиктовичъ!

Странное письмо ваше ко мнѣ вчера получилъ и вчера же исполнилъ по порученію вашему.

Не знаю, почему вы избрали на это меня? Я никогда не говорилъ вамъ и не сказалъ бы о претензіяхъ Никольскаго; равно какъ не забо-

тился бы пересказывать ему ваши мысли, потому что это не мое ремесло. Но если дѣло идетъ о моемъ мнѣніи, то, что бы вы ни писали, слова не перевѣсятъ дѣлъ, и я не повѣрю, чтобъ кроткій Никольскій былъ виноватѣе стремительнаго Булгарина (не говорю о деньгахъ: они дѣло случайное; но о поступкахъ, которые всегда въ нашей власти), Булгарина, который каждую минуту готовъ обидѣть человѣка ни за что ни про что. Не хотѣли ль вы убѣдить меня въ противномъ вашею запискою??

Впрочемъ я на васъ не сержусь, ибо знаю вашу безнамѣренность.

Что же касается до того: угодно ли вамъ, чтобы порученіе ваше было послѣднее или непослѣднее, оставляю на ваше размышленіе и волю. Есть люди хуже васъ и лучше васъ, которые съ добрыми пріятелями поступаютъ не лучше вашего, и потому я, испытавъ своимъ холоднымъ характеромъ людей, сказалъ давно: что сердце мое подобно голубятнѣ, кто хочетъ, въ нее влетитъ, кто хочетъ вылетитъ, силою удерживать никого не хочу, а кто остается, тому говорю спасибо.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть.

Письмо Петра Бестужева—Ѳ. В. Булгарину.

7-го января 1828 г. Тавризъ.

Будучи поставленъ судьбою на такую точку, съ которой ни время, ни старанія, ни труды столкнуть не въ состояніи, я разучился мыслить, чувствовать, понимать. Но въ сіе время самозабвенія и застоя способностей, находятъ минуты, въ которыя вспоминаю, что я человѣкъ, помню его назначеніе и порываюсь выполнить его. Разсудокъ жаждетъ и груститъ безъ пищи нравственной! По случаю окруженный людьми не литературными, въ два года я истощилъ здѣсь запасъ познаній; новыхъ почерпнуть неоткуда. Все, что вижу и слышу, можетъ служить только матеріаломъ для повѣсти во вкусѣ Свифтова путешествія. Разбирая въ памяти людей, могущихъ исцѣлить меня, я наткнулся на васъ. Мелькомъ знали вы меня, любили братьевъ моихъ. Всегда были ревностнымъ поборникомъ просвѣщенія, этого довольно, чтобъ заставить меня къ вамъ обратиться. Архивъ вашъ будетъ для меня живою водою, мертвой и здѣсь довольно. Въ полной надеждѣ, что вы не откажете, рѣшился я писать вамъ, увѣренный, что присылка одного экземпляра не разстроитъ литератора, извѣстнаго читающей публикѣ всѣхъ народовъ.

P. S. Адресъ мой въ Грузію, въ штабъ-квартиру Ширванскаго пѣхотнаго полка г-ну прапорщику Ренкевичу.

Письмо Василья Мызникова—Ѳ. В. Булгарину.

29-го іюля 1831 г. Г. Витебскъ.

Милостивѣйшій государь Ѳаддей Венедиктовичъ! Хотя я и не имѣю чести пользоваться личнымъ съ вами знакомствомъ и знаю васъ только какъ автора, которому обязанъ многими пріятными впечатлѣніями, но, несмотря на то, радъ увѣдомить васъ объ одномъ обстоятельствѣ, которое безъ сомнѣнія доставитъ вамъ большое удовольствіе. Меня наиболѣе къ сему поощряетъ сдѣланное мною замѣчаніе, что нерѣдко писатели, которые имѣютъ полное право быть увѣренными въ благодарности и слѣдовательно и любви къ нимъ читающей публики, не всегда бываютъ, кажется, совершенно въ томъ увѣрены. Излишная ли скромность тому виною, или журнальные фрероны(?), которые свистятъ хорошо, но пѣть къ прискорбію и печали не умѣютъ. Самый рѣшительный талантъ можетъ иногда смутиться, самый твердый характеръ иногда поколеблется, когда какой-нибудь записной писака во всеуслышаніе возгласитъ: м ы разсматривали сочиненіе такого-то автора и н а м ъ не нравится въ немъ то или другое, м ы совѣтуемъ ему и пр. и пр., и авторъ въ грустный часъ своей жизни можетъ даже принять такіе возгласы отъ лица всей публики, тогда какъ она и не грезила выбирать нѣкоторыхъ господъ въ свои адвокаты. Но перо брошено, время улетѣло, и авторъ и публика въ потерѣ, первый въ стяжаніи новыхъ похвалъ, вторая—въ удовольствіи отъ интереса хорошей книги. Впрочемъ, можетъ быть, я увлекся слишкомъ далеко. Позвольте приступить къ самому дѣлу.

Блаженной памяти его императорское высочество Константинъ Павловичъ, во время краткаго, но незабвеннаго пребыванія въ послѣдніе дни жизни своей въ Витебскѣ, занимать изволилъ, какъ извѣстно, домъ генералъ-губернатора и пользовался находящейся въ немъ библіотекой князя И. И. Хованскаго. Изъ множества избранныхъ въ оной библіотекѣ книгъ, въ особенности заслужилъ вниманіе его высочества послѣдній вашъ романъ «Петръ Ивановичъ Выжигинъ». Эта книга была и послѣднимъ чтеніемъ покойнаго цесаревича, которая съ изъявленіемъ особеннаго удовольствія его императорскимъ высочествомъ была прочитана два раза.

Да утѣшитъ васъ сіе извѣстіе подъ сельскимъ кровомъ мирнаго Карлова [1]) и да подвигнетъ къ новымъ трудамъ, на занимаемомъ вами съ честью поприщѣ русскаго литератора, чего искренно желаетъ вашъ, милостивѣйшаго государя, покорный слуга Василій Мызниковъ.

P. S. Если вамъ угодно будетъ мнѣ отвѣчать, мой адресъ: Адъ-

[1]) Имѣніе Ѳ. В. Булгарина.

ютанту генералъ-губернатора князя Хованскаго, Василью Яковлевичу Мызникову въ Витебскъ.

Стихотвореніе Ленскаго.

20-го августа 1841 г. Москва.

Ѳаддею Венедиктовичу Булгарину.

Васъ лично знать я не имѣю чести,
Хоть невзначай на Невскомъ встрѣтилъ васъ:
Позвольте жъ мнѣ, безъ всякихъ фразъ и лести
Васъ отъ души обнять на первый разъ!
Вы человѣкъ, который человѣка,
Каковъ онъ есть, умѣетъ понимать:
Пусть васъ бранятъ, отнынѣ и до вѣка
Я васъ хочу любить и уважать.

Письмо Ж. Б. Рубини—Ѳ. В. Булгарину.

23-го іюля 1843 г. Миланъ.

Любезный Булгаринъ!

Такъ какъ самъ я нынѣшней зимой не буду въ Петербургѣ, то мнѣ не остается ничего болѣе дѣлать, какъ только стараться выразить вамъ мою благодарность за тѣ похвалы, которыя вы мнѣ расточаете при всякомъ удобномъ случаѣ.

Будьте увѣрены, что я навсегда сохраню воспоминаніе о вашей дружбѣ ко мнѣ, и что я буду считать себя счастливѣйшимъ человѣкомъ, когда снова увижусь съ вами, здѣсь въ Италіи, или въ Россіи, такъ какъ я еще надѣюсь возвратиться въ эту милую страну, гдѣ меня такъ любили, и которую я самъ такъ люблю. Прощайте; засвидѣтельствуйте мое почтеніе вашей супругѣ.

Примите увѣренія въ искренной преданности и уваженіи.

Моя жена свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе.

Письмо графини Евдокіи Ростопчиной—Ѳ. В. Булгарину.

14-го (26-го) августа 1846 г. Неаполь.

Примите благосклонно и пріютите въ вашей широколетной «Пчелѣ» рѣдкіе отзывы путницы, которая издали желаетъ показать родному краю

и всѣмъ, кто ее еще не забылъ, что ни обаяніе перваго путешествія, ни прелесть всего видѣннаго не могутъ истребить въ душѣ ея мысли о Россіи и сожалѣнія о ней. Слишкомъ часто соотечественники наши, находя ощущаемую благодать подъ небомъ лучшимъ и увлекаясь всѣмъ великимъ и чудеснымъ, находимымъ ими на пути, остываютъ къ святому чувству своясси, и отвыкаютъ даже отъ нашего роднаго языка; я, напротивъ, чѣмъ болѣе наслаждаюсь Италіей и восхищаюсь всѣмъ, что искусство, человѣкъ и Богъ создали въ ней несравненно-удивительнаго, тѣмъ болѣе чувствую любви и сожалѣнія къ нашему Сѣверу, менѣе одаренному; тѣмъ болѣе бесѣдую сама съ собою на языкѣ, здѣсь всѣмъ непонятномъ и почти всѣмъ чуждомъ. Это сближаетъ меня мысленно съ Россіею, столь далекою, со всѣми русскими сердцами, мнѣ неизвѣстными даже; мнѣ хочется пробудить эхо, сочувствующее мнѣ, вездѣ, гдѣ чтится и любится слово русское. Журналъ вашъ самый народный; онъ является и въ Петербургскихъ гостиныхъ, и въ уѣздныхъ закоулкахъ, и въ уединенныхъ деревняхъ; вотъ почему мнѣ хочется, чтобъ не въ примѣръ поэтамъ нашимъ стихи мои явились преимущественно въ «Пчелѣ». Предоставляя вамъ распоряженіе всѣхъ (?) прилагаемыхъ листковъ, прошу васъ только при напечатаніи первыхъ трехъ піэсъ слѣдовать порядку, мной означенному нумерами, и нигдѣ не выставлять моего имени, ни даже начальныхъ буквъ.

Вы усмотрите сами почему: въ означенныхъ піэсахъ ничто не обличаетъ, кѣмъ онѣ писаны, женщиной, или нѣтъ; мнѣ хочется посмотрѣть—узнаютъ ли меня подъ маскою инкогнито нѣкоторые друзья, можетъ быть слишкомъ снисходительно судившіе о подписанныхъ стихахъ моихъ.

Съ увѣреніемъ моего уваженія, прошу васъ принять изъявленіе желанія моего, чтобъ успѣхъ всегда и вездѣ награждалъ почтенные труды ваши на поприщѣ нашей литературы, и заслуги долголѣтняго и неистощимаго таланта, извѣстнаго всякому русскому. Графиня Евдокія Ростопчина.

Меттернихъ и его внѣшняя политика.

XIV [1]).

Въ началѣ марта русскій посланникъ въ Вѣнѣ, графъ Штакельбергъ, вручилъ Меттерниху письмо императора Александра къ императору Францу; путь этотъ онъ избралъ для того, чтобы просьбою объ аудіенціи у императора не вызвать никакихъ толковъ. Въ письмѣ своемъ Александръ увѣрялъ, что онъ дѣлаетъ все возможное, чтобы избѣгнуть войны съ Франціей, но что Наполеонъ дѣлаетъ въ сѣверной Германіи и въ герцогствѣ Варшавскомъ приготовленія, которыя могутъ быть направлены только противъ Россіи. Не прося отъ Австріи активной помощи, такъ какъ монархіи необходимы міръ и внутреннее спокойствіе, онъ выражаетъ только желаніе откровенно высказаться передъ австрійскимъ императоромъ, который, какъ онъ увѣренъ, не можетъ отнестись равнодушно къ вопросу о сохраненіи Россіи. Далѣе, излагая положеніе дѣлъ, императоръ Александръ указываетъ на то, что въ случаѣ войны Наполеонъ, съ цѣлью возможно болѣе повредить Россіи, вѣроятно, провозгласитъ возстановленіе Польши и соединитъ съ нею Галицію, причемъ Австрія получитъ, въ видѣ вознагражденія, Литораль или какую-нибудь другую область. Если же военный жребій отдастъ Польшу въ руки Россіи, то императоръ готовъ будетъ немедленно уступить Австріи Молдавію и Валахію до Серета; а если къ этому прибавить еще Сербію, то въ результатѣ получится прекрасное округленіе австрійскихъ владѣній. Въ случаѣ благопріятнаго для Россіи исхода войны, которую она всѣми силами желала бы предотвратить, императоръ

[1]) См. „Русскую Старину“ январь 1901 г.

Францъ—писалъ Александръ—быть можетъ, призналъ бы выгоднымъ вновь овладѣть бывшими австрійскими провинціями Италіи. По увѣренію Александра, все то, что способствуетъ упроченію могущества Австріи, всегда вполнѣ совпадаетъ съ интересами Россіи и всегда было для нея очень желательно. Если же одно время императоръ и показывалъ себя противникомъ Австріи, то только для вида: въ то время онъ не былъ въ состояніи противиться Наполеону.

При вручении этого письма, графъ Штакельбергъ прочиталъ Меттерниху и депешу Румянцова, причемъ вручилъ ему еще другую ноту, заключавшую въ себѣ отрицательный отвѣтъ по дѣлу о переговорахъ съ Турціею, тогда какъ содержаніе прочитанной депеши было почти такое же, какъ и содержаніе письма императора Александра; въ ней тоже говорилось, что для Россіи и Австріи всего выгоднѣе находиться въ тѣсной дружбѣ. Въ депешѣ прибавлялось еще, что императоръ Александръ не совѣтовалъ Австріи бросаться въ послѣднюю войну и хотя долженъ былъ соблюдать принятыя имъ на себя въ Тильзитѣ обязательства, однако никогда не сталъ бы воевать съ Австріей.

Императоръ Александръ и Румянцовъ ошиблись, если предполагали достигнуть своей цѣли двумя упомянутыми документами. Вѣнскій кабинетъ усмотрѣлъ въ письмѣ императора лишь стремленіе вырвать у Австріи признаніе въ томъ, заключена ли ею сдѣлка съ Наполеономъ относительно Галиціи и если заключена, то въ чемъ ея сущность. Не было оставлено безъ вниманія также и то, что Россія, домогавшаяся ранѣе оборонительнаго союза съ Австріей, довольствовалась теперь ея нейтралитетомъ. 29-го марта составленъ былъ отвѣтъ императора Франца на письмо Александра, написанный въ дружественномъ тонѣ, но не заключавшій въ себѣ никакихъ обѣщаній. Отвѣтъ этотъ былъ посланъ, для вручения Александру, графу Сенъ-Жюльену, которому при этомъ сообщены были для руководства, копіи съ писемъ обоихъ государей, а также секретный указъ, гдѣ изложены были воззрѣнія вѣнскаго кабинета относительно Россіи и ея отношеній къ Австріи. Кромѣ того, посланъ былъ ему еще одинъ документъ для сообщенія императору Александру и Румянцову. Въ этомъ документѣ перечислялись всѣ политическія прегрѣшенія Россіи, причемъ виною дурного положенія дѣлъ выставлялась ошибочная, на вѣнскій взглядъ, политика Александра, причемъ объ Австріи говорилось, что она всегда, несмотря на свое затруднительное положеніе, приносила ради общаго интереса самыя тяжелыя жертвы. Русская политика — писалъ Меттернихъ — подорвала прежнюю политическую систему. Тильзитское и эрфуртское соглашенія повели къ франко-австрійской войнѣ, послѣдствіемъ которой были ослабленіе Австріи, увеличеніе герцогства Варшавскаго и расширеніе Французской имперіи до границъ Турціи. А

война между Турціею и Россіей, на которыя Австрія могла въ прежнее время опираться, длится и донынѣ—прибавлялъ руководитель австрійской политики. Продолжая свой историческій очеркъ событій, онъ не поскупился на доказательства совершонныхъ русскою политикой ошибокъ, высказалъ всѣ свои сѣтованія на Россію и, въ заключеніе, предрекалъ ей неудачу въ случаѣ войны, заявляя, что даже при рѣшительной побѣдѣ русская армія не могла бы продвинуться далѣе Вислы.

Разъяснивъ Сенъ-Жюльену, въ данныхъ ему инструкціяхъ, невозможность для Австріи дѣйствовать заодно съ Россіей, графъ Меттернихъ указалъ ему также, чего держаться въ бесѣдахъ съ русскимъ императоромъ и его канцлеромъ. Ему предписано было ссылаться на горячее желаніе императора Франца предотвратить войну между Россіею и Франціей, а вмѣстѣ съ тѣмъ заявлять самымъ опредѣленнымъ образомъ, что вѣнскій дворъ, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, съумѣетъ сохранить свою самостоятельность. Опасаясь, какъ-бы императоръ Александръ, въ силу своей впечатлительности, не началъ необдуманно наступательной войны, что было бы крайне неудобно въ то время для Австріи, Меттернихъ предписалъ Сенъ-Жюльену указать императору Александру на то, что положеніе Австріи въ 1809 г. было несравненно болѣе благопріятнымъ, чѣмъ нынѣшнее положеніе Россіи, и все-таки она понесла пораженіе. Предложенія Александра относительно обмѣна Галиціи на части дунайскихъ княжествъ и Сербію предписывалось Сенъ-Жельену отклонить, сославшись на то, что императоръ Францъ не желаетъ присвоивать частей территоріи дружественной ему державы. Давая это предписаніе, Меттернихъ справедливо замѣчалъ, что весьма странно со стороны Россіи требовать уступки австрійской провинціи взамѣнъ земель, вовсе не принадлежащихъ императору Александру. Наконецъ, графу Сенъ-Жюльену внушено было еще соблюдать величайшую осторожность въ сношеніяхъ съ Кошелевымъ; при этомъ сообщалось, что графъ Штакельбергъ прочиталъ Меттерниху письмо императора Александра, въ которомъ повелѣвалось русскому посланнику по всѣмъ особенно затруднительнымъ дѣламъ обращаться къ Кошелеву и къ нему же посылать въ важныхъ случаяхъ курьеровъ, и Штакельбергъ прибавилъ, что государь давно уже уволилъ бы Румянцова, если бы не существовало опасеній, что это можетъ быть истолковано въ Парижѣ въ смыслѣ объявленія войны. Меттернихъ, впрочемъ, не вѣрилъ въ особенное вліяніе Кошелева и полагалъ, что его выдвигаютъ только потому, что знаютъ недовѣріе вѣнскаго двора къ графу Румянцову. Но недовѣріе это, — говорилъ Меттернихъ, — можетъ быть устранено только отставкою русскаго канцлера. Впрочемъ, для того чтобы Сенъ-Жюльенъ, въ своемъ чрезмѣрномъ усердіи, не вздумалъ вступить въ связь съ противниками Румянцова, Меттернихъ замѣчалъ,

что въ задачи вѣнскаго кабинета не входитъ содѣйствовать удаленію канцлера, особенно въ такую пору, когда перемѣна министра въ Петербургѣ должна будетъ неблагопріятно отразиться на русско-французскихъ отношеніяхъ.

Совершенно въ духѣ инструкцій, данныхъ Сенъ-Жюльену, сдѣланы были Меттернихомъ заявленія также и русскому посланнику въ Вѣнѣ, графу Штакельбергу; послѣднему, впрочемъ, было указано еще и на то, что существующія дружественныя отношенія вѣнскаго двора къ Наполеону, дѣйствія котораго не подаютъ-де никакого повода къ жалобамъ, а также обязанность правительства, направлять всѣ свои силы на исцѣленіе внутреннихъ поврежденій въ государствѣ, не позволяютъ монархіи выйти изъ занятаго ею сдержаннаго положенія.

Хотя все это достаточно ясно опредѣляло намѣренія Австріи, однако въ Петербургѣ все еще думали, повидимому, что вѣнскій кобинетъ не сказалъ пока послѣдняго слова, и потому не оставляли попытокъ склонить его на сторону Россіи, ограничиваясь, впрочемъ, различными обѣщаніями, но не давая монархіи никакихъ существенныхъ доказательствъ пріязни. Жалобы на стѣсненіе австрійской торговли оставлялись, какъ и прежде, безъ послѣдствій, и введеніе новаго тарифа нанесло этой торговлѣ большой ущербъ. Состоявшееся одновременно съ этимъ запрещеніе вывоза рогатаго скота и лошадей изъ Валахіи тоже было не менѣе чувствительнымъ ударомъ и для торговаго люда въ Австріи. Переговоры о двѣнадцати-милліономъ долгѣ не подвигались ни на шагъ: Россія продолжала приводить это требованіе Австріи въ связь съ общими политическими вопросами, и графу Сенъ-Жюльену казалось даже, что на уплату этого долга согласіе послѣдуетъ только въ томъ случаѣ, если этою цѣною можно будетъ купить нейтралитетъ австрійской монархіи. Въ этомъ онъ, впрочемъ, ошибался: императоръ Александръ вскорѣ заявилъ Сенъ-Жюльену, что долгъ уплаченъ будетъ въ 1812 году, двумя вносами. При этомъ онъ выразилъ также желаніе, чтобы австрійскій кабинетъ не препятствовалъ ходу начатыхъ въ Константинополѣ мирныхъ переговоровъ, причемъ замѣтилъ еще, что ему было бы чрезвычайно пріятно узнать чрезъ посредство Австріи, на какія жертвы готова Порта и что она думаетъ относительно будущаго союза съ Россіей. Кромѣ того, императоръ сказалъ австрійскому посланнику, что онъ почелъ бы за доказательство дружбы со стороны вѣнскаго кабинета, если бы тотъ высказался въ посредническомъ духѣ въ Парижѣ, не показывая, однако, что починъ въ этомъ исходитъ отъ Россіи.

Слова эти свидѣтельствовали, что Александръ не имѣлъ намѣренія вызвать войну или ускорить ея начатіе, и, кромѣ того, указывали на его желаніе положить конецъ войнѣ на Дунаѣ. Но въ Вѣнѣ намеки эти не встрѣтили благопріятнаго пріема. Меттернихъ находилъ совер-

шенно неудобнымъ принимать на себя двойное посредничество въ такую минуту, когда ему оставались еще неизвѣстными условія австро-французскаго союза; кромѣ того, онъ хотѣлъ предварительно выждать отвѣтъ Александра на письмо императора Франца, чтобы затѣмъ уже рѣшить, какъ держаться относительно Россіи. Наконецъ, недовѣріе къ русскому двору вкоренилось въ Вѣнѣ такъ глубоко, что заявленія русскаго императора Меттернихъ едва-ли могъ считать искренними. При австрійскомъ дворѣ смотрѣли на дѣло такъ, что Россія ищетъ-де расположенія монархіи лишь потому, что находится въ затруднительномъ положеніи и въ такое время готова обѣщать, что угодно, а по миновaніи опасности не только не вспомнитъ о принятыхъ передъ Австріею обязательствахъ, но еще будетъ поступать во вредъ ей. Притомъ, во всѣхъ мѣрахъ петербургскаго двора Меттернихъ видѣлъ доказательства величайшаго безразсудства и не желалъ связывать себя съ державою, которая, по его мнѣнію, была величайшимъ врагомъ своихъ собственныхъ интересовъ. Румянцовъ—писалъ онъ графу Сенъ-Жюльену—не хочетъ понять, что Наполеонъ старается поссорить Австрію съ Россіей, а потому и относится молча къ мѣрамъ, которыя принимаются русскими военачальниками въ Валахіи къ величайшему вреду Австріи. Румянцовъ принимаетъ это молчаніе Наполеона за одобреніе и разсчитываетъ воспользоваться настоящимъ моментомъ для того, чтобы предложить Австріи вышеупомянутые вопросы. При всемъ томъ, Меттернихъ воздержался отъ прямого отклоненія желаній императора Александра, стремясь сохранить роль друга и миротворца, а кромѣ того боясь также скомпрометтировать себя передъ Наполеономъ, дѣйствительные взгляды котораго все-таки оставались загадкою. Сенъ-Жюльену было предписано отнюдь не давать замѣтить въ Петербургѣ, что Австрія не хочетъ взять на себя просимаго посредничества. При такихъ условіяхъ неудивительно, что прошло еще немало времени, пока петербургской дипломатіи сдѣлалось наконецъ ясно, что на Австрію ей нельзя разсчитывать ни въ какомъ случаѣ, и съ тѣхъ поръ въ отношеніяхъ между обоими кабинетами сталъ замѣчаться оттѣнокъ взаимнаго неудовольствія. Въ Петербургѣ къ числу другихъ поводовъ къ недовольству Австріею присоединился вскорѣ вопросъ, особенно интересовавшій императорскую фамилію. Дѣло шло о бракосочетаніи великой княжны Анны Павловны съ австрійскимъ кронпринцемъ, чего особенно желала императрица мать, и о бракѣ сестры русской императрицы, принцессы Амеліи Баденской, съ эрдгерцогомъ Карломъ. Первый изъ этихъ проектовъ былъ затронутъ княгинею Ливенъ, которая неоднократно бесѣдовала о немъ съ графомъ Сенъ-Жюльеномъ. Но въ это время въ Петербургѣ пронесся слухъ, будто австрійскій кронпринцъ помолвленъ съ

одною изъ германскихъ принцессъ [1]), въ чемъ тотчасъ же усмотрѣли проискъ Меттерниха, съ цѣлью предупредить брачные переговоры съ Россіей. Княгиня Ливенъ начала настойчиво просить Сенъ-Жюльена, чтобы онъ добылъ отъ своего двора опредѣленное заявленіе по этому вопросу, послѣ чего для великой княжны можно было бы найти другую партію, еслибы означенный слухъ подтвердился; Сенъ-Жюльена просили поручить это дѣло такому лицу въ Вѣнѣ, которое могло бы поговорить непосредственно съ императоромъ Францемъ. Отъ Кошелева же Сенъ-Жюльенъ услышалъ, что существуетъ предположеніе относительно бракосочетанія великой княжны Анны Павловны съ сыномъ англійскаго короля, чему онъ, впрочемъ, не повѣрилъ и настоятельно просилъ у Меттерниха указаній насчетъ того, какъ поступать въ данномъ вопросѣ. Вскорѣ онъ получилъ отвѣтъ, что вѣнскій дворъ отклоняетъ предполагаемый австро-русскій бракъ, въ виду того, что кронпринцъ еще недостаточно развитъ физически.

Само собою разумѣется, что въ ту пору всякія семейныя узы съ русскимъ дворомъ должны были казаться въ Вѣнѣ нежелательными и всего менѣе желательнымъ былъ бракъ съ великою княжною Анной Павловной, такъ какъ Наполеонъ искалъ ея руки, о чемъ въ свое время и происходили долгіе переговоры между Россіею и Франціей. Что касается проектированнаго въ Россіи бракосочетанія эрцгерцога Карла съ принцессою Амеліей Баденской, то онъ причинилъ Меттерниху немало хлопотъ. Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ рѣшительно возсталъ противъ такого союза, подозрѣвая, что онъ задуманъ петербургскимъ дворомъ, съ цѣлью «нейтрализовать», путемъ брака, на случай войны, эрцгерцога Карла, которому, какъ полагали въ Парижѣ, предполагается ввѣрить главное командованіе австрійскими войсками въ предстоявшемъ походѣ. Съ другой стороны, въ пользу означеннаго брака была австрійская императрица и представитель Франціи въ Вѣнѣ, графъ Отто, выражалъ опасеніе, что императоръ уступитъ ея вліянію въ этомъ дѣлѣ. Графъ Отто сталъ бесѣдовать по этому поводу съ самимъ Меттернихомъ, и тотъ согласился, что такой бракъ послужилъ бы поводомъ къ непріятнымъ заключеніямъ, но что ни онъ, ни императоръ Францъ не придаютъ всему этому дѣлу значенія. Онъ замѣтилъ, что эрцгерцогъ Карлъ спрашивалъ его совѣта по поводу этого брака, и министръ выразилъ ему на это сомнѣніе въ томъ, чтобы великій герцогъ Баденскій согласился на бракъ безъ согласія Наполеона. Въ виду этого Меттернихъ признавалъ самымъ

[1]) Кронпринцу было тогда 18 лѣтъ. Впослѣдствіи, 31-го марта 1831 г., онъ вступилъ въ бракъ съ дочерью сардинскаго короля Виктора-Эммануила, Маріей-Анною.

лучшимъ спросить обо всемъ самого императора французовъ, послѣ чего и было рѣшено дать соотвѣтственную инструкцію парижскому послу Шварценбергу. Въ концѣ концовъ, брачный проектъ разстроился, и неудача его была приписана въ Петербургѣ исключительно политическимъ причинамъ. А тѣмъ временемъ событія все быстрѣе подвигались къ великой катастрофѣ. Уже въ октябрѣ 1811 г. Лебцельтернъ заявлялъ, что разрывъ между Франціей и Россіей непредотвратимъ и что всякое мирное посредничество было бы уже безплодно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, накоплялось все болѣе горючаго матеріала между Россіею и Австріей, и напряженныя отношенія между ними еще болѣе усилились подъ вліяніемъ занятія Россіею Бѣлграда, о чемъ сказано будетъ ниже. Лебцельтернъ полагалъ, что если бы Австрія рѣшилась на крупную демонстрацію, императоръ Александръ оказался бы, быть можетъ, болѣе склоннымъ къ соглашенію; но теперь дѣло зашло уже слишкомъ далеко, и Лебцельтернъ находилъ, что было бы прямо жестоко дѣлать теперь какія-нибудь новыя затрудненія и безъ того нерѣшительному государю. Совѣтникъ австрійскаго посольства былъ убѣжденъ, что Александръ объявитъ войну Франціи первымъ и что въ этомъ отчасти виноватъ вѣнскій кабинетъ, который своею упорною скрытностью способствовалъ тому, что императоръ пришелъ къ этому роковому рѣшенію.

XV.

Ранѣе было уже упомянуто о томъ, что султанъ, желая положить конецъ кровопролитію, обратился къ австрійскому императору съ просьбою о посредничествѣ при русскомъ дворѣ, съ тѣмъ, однако, чтобы это было сохранено въ тайнѣ отъ Наполеона. Меттернихъ, какъ уже извѣстно, вовсе не имѣлъ желанія исполнить просьбу султана, потому что опасался, какъ-бы русскій кабинетъ не сообщилъ объ этой попыткѣ посредничества французскому правительству и тѣмъ самымъ не скомпрометтировалъ бы австрійскій дворъ передъ Франціею. Онъ предписалъ заявить въ Константинополѣ, что вѣнскій кабинетъ вполнѣ можетъ поручиться въ томъ, что сохранитъ ходатайство Турціи въ тайнѣ, но не можетъ поручиться, что и русское правительство сохранитъ ввѣренную ему тайну. И тутъ-то, одновременно съ этимъ заявленіемъ, князю Шварценбергу послано было въ Парижъ предписаніе сообщить обо всемъ этомъ дѣлѣ тюильрійскому кабинету, съ добавленіемъ, что Австрія отнюдь не брала на себя посредничества въ подлинномъ значеніи слова и еще того менѣе желаетъ вступаться за Россію.

Шварценбергу поручалось заявить также, что вѣнскій кабинетъ далекъ отъ желанія способствовать скорѣйшему заключенію мира между Россіею и Турціей и что онъ является лишь передатчикомъ мирныхъ стремленій султана, какъ государя, съ которымъ Франція и Австрія имѣютъ одинаковые интересы. Послу предписывалось также прибавить, что императоръ Францъ никакъ не могъ отклонить просьбу султана, который только потому и не обратился-де прямо къ Наполеону, что, по его мнѣнію, французскій императоръ согласенъ на передачу княжествъ Россіи, тогда какъ Порта желаетъ вести переговоры не иначе, какъ на основѣ сохраненія цѣлости Оттоманской имперіи. Въ заключеніе, Шварценбергъ долженъ былъ дать понять тюильрійскому кабинету, что Австрія надѣется на сохраненіе всѣхъ этихъ сообщеній въ тайнѣ отъ Дивана. Инструкція эта является однимъ изъ характерныхъ примѣровъ излюбленныхъ Меттернихомъ дипломатическихъ пріемовъ.

Впрочемъ, положеніе Австріи на Востокѣ было дѣйствительно затруднительнымъ. Завоеваніе дунайскихъ княжествъ Россіею всегда признавалось въ Вѣнѣ несчастіемъ, но рѣшительно воспротивиться ему Австрія, въ ея тогдашнемъ положеніи, не осмѣлилась бы: Меттернихъ опасался вызвать осложненія, послѣдствій которыхъ невозможно было бы предугадать, а потому рѣшилъ не выходить изъ пассивной роли, хотя Наполеонъ и предоставилъ Австріи свободу дѣйствій по отношенію къ Россіи и заявлялъ Меттерниху, что эрфуртское соглашеніе противно интересамъ Франціи, но что онъ уже не можетъ взять своего слова назадъ. Изъ переписки Наполеона извѣстно, что увеличеніе могущества Россіи на Дунаѣ было для него нежелательно и что онъ опасался, какъ бы она не включила въ сферу своего вліянія Сербію, а затѣмъ, пожалуй, и все христіанское православное населеніе вплоть до Адріатическаго моря. Но Меттернихъ заботился, прежде всего, о возможно скорѣйшемъ установленіи благопріятнаго для Порты мира. Отъ посредничества своего въ Петербургѣ онъ не ожидалъ успѣха, но надѣялся разсѣять заблужденіе императора Александра, будто ему удастся дешевою цѣною достигнуть соглашенія съ Портой—заблужденіе, которое могло имѣть тягостныя послѣдствія для Австріи, такъ какъ ея положеніе стало бы опаснымъ какъ въ случаѣ вытѣсненія турокъ русскими изъ ихъ послѣднихъ оплотовъ, такъ и въ томъ случаѣ, еслибы русскіе понесли столь тяжелыя потери, что не могли бы уже устоять въ предстоявшемъ вооруженномъ столкновеніи съ могущественнымъ противникомъ. Такимъ образомъ, при всемъ нерасположеніи Меттерниха къ Россіи, ему не могло быть тогда желательно совершенное ослабленіе ея.

И такъ, желая скорѣйшаго заключенія мира на Дунаѣ, графъ Меттернихъ стремился лишь къ тому, чтобы миръ этотъ не обошелся Тур-

ціи слишкомъ дорого. Поэтому онъ совѣтовалъ въ Константинополѣ не быть уступчивымъ и въ свое время поздравилъ Порту съ тѣмъ, что она отвергла предложенныя Каменскимъ мирныя условія. Онъ ободрялъ Порту къ тому, чтобы она не отступала отъ своихъ прежнихъ требованій, и указывалъ ей, что императоръ Александръ, подъ гнетомъ положенія, навѣрное проявитъ уступчивость. Относительно же Австріи онъ заявлялъ, что она готова, до извѣстныхъ предѣловъ, способствовать примиренію воюющихъ, но вооруженнаго посредничества на себя не беретъ. Другими словами, главною цѣлью политики Меттерниха было обезпечить за собою господствующее положеніе въ Константинополѣ, не вовлекаясь въ осложненія. Трудность была, однако, въ томъ, что австрійскій министръ не довѣрялъ ни Россіи, ни Турціи, которую подозрѣвалъ въ томъ, что она уже просила мирнаго посредничества также и у другихъ державъ. Въ этомъ отношеніи онъ особенно опасался соперничества лондонскаго кабинета. Сомнѣвался онъ также и на счетъ того, какъ бы Франція, относившаяся до сихъ поръ къ русско-турецкимъ дѣламъ пассивно, не измѣнила вдругъ своей политики и не попыталась привлечь Диванъ на свою сторону. Но изъ словъ французскаго посланника, графа Отто, заключить этого было нельзя. Напротивъ, оказалось, что сообщеніе Меттерниха о просьбѣ султана относительно посредничества встрѣчено было въ Парижѣ благопріятно; Наполеонъ заявилъ, что никогда не допуститъ утвержденія русскихъ на правомъ берегу Дуная и что поэтому Австріи нечего особенно тревожиться изъ-за Сербіи. «Императоръ—прибавилъ графъ Отто—требуетъ отъ австрійскаго двора только того, чтобы онъ воздерживался отъ совѣтовъ Портѣ на счетъ заключенія мира». Конечно, Меттернихъ поспѣшилъ послѣ этого сообщить въ Парижѣ чрезъ Шварценберга, что онъ никогда и не думалъ склонять Порту къ уступчивости, а напротивъ постоянно ободрялъ ее къ упорству; только въ Петербургѣ дѣлаемы были заявленія въ мирномъ духѣ.

Между тѣмъ, изъ Константинополя пришли въ Вѣну тревожныя вѣсти. Англійскій посолъ при Портѣ, Каннингъ, писалъ Гарденбергу въ Вѣну, что въ турецкой столицѣ толкуютъ, будто, по начатіи войны съ Россіей, Наполеонъ объявитъ эрфуртское соглашеніе недѣйствительнымъ и пообѣщаетъ Турціи возвратъ Молдавіи и Валахіи, что броситъ-де Порту въ объятія императора. Сообщая объ этомъ, Каннингъ настоятельно просилъ графа Гарденберга обратить на эту опасность вниманіе вѣнскаго кабинета, такъ какъ только онъ одинъ можетъ удержать Порту отъ такого шага, грозящаго очень серьезными послѣдствіями. Бывшій ганноверскій посланникъ не замедлилъ передать полученное свѣдѣніе Меттерниху, а также написалъ и находившемуся тогда въ Константинополѣ графу Поццо-ди-Борго, прося его употребить все свое вліяніе, чтобы склонить русскаго императора къ возможно скорѣй-

шему прекращенію войны на Дунаѣ. Извѣстіе это сильно смутило Меттерниха. Теперь нельзя уже было сомнѣваться, что случится то, чего онъ опасался: представитель Франціи, Латуръ-Мобуръ, выступитъ въ Константинополѣ въ роли покровителя и втолкуетъ Дивану, что до сихъ поръ Наполеонъ держался политики, къ которой его вынуждали обстоятельства, а отнынѣ будетъ руководиться единственно интересами Франціи. Положеніе австрійской дипломатіи въ Константинополѣ становилось болѣе щекотливымъ, чѣмъ прежде: съ одной стороны она желала бы проявлять величайшую предупредительность во всемъ по отношенію къ повѣренному въ дѣлахъ Франціи, а съ другой опасалась именно чрезъ него лишиться плодовъ своей дѣятельности. Задача австрійскаго интернунція, Штюрмера, была нелегка и требовала величайшей осмотрительности, чтобы не вышло ошибки въ томъ или другомъ направленіи. Прежде всего, Штюрмеру предстояло увѣрить Диванъ, что вѣнскій дворъ продолжаетъ держаться принятыхъ однажды принциповъ, что онъ всегда мужественно отстаивалъ цѣлость Турціи и не измѣнитъ своей восточной политики. Увѣреніе это едва-ли могло показаться особенно цѣннымъ турецкому правительству, которое незадолго передъ этимъ, когда полученъ былъ въ Вѣнѣ отрицательный отвѣтъ императора Александра на австрійское мирное посредничество, имѣло случай усомниться въ силѣ австрійскаго вліянія. Въ то время такимъ исходомъ посредничества особенно пораженъ былъ Рейсъ-эфенди, наиболѣе ревностный сторонникъ союза съ Австріей; онъ опасался не только потерять мѣсто, но и пострадать лично, и говорилъ Штюрмеру, что султанъ никогда не проститъ ему того, что онъ постоянно противился совѣтамъ государственныхъ людей, видѣвшихъ въ Франціи лучшую охранительницу Порты. Теперь въ Турціи уже знали о неизбѣжности франко-русской войны и потому склонны были отдать французскому вліянію предпочтеніе передъ австрійскимъ. Такое настроеніе Порты сильно тревожило Меттерниха, видѣвшаго опасности со всѣхъ сторонъ; а тутъ, какъ нарочно, получены были въ Вѣнѣ еще другія извѣстія, указывавшія на широкіе планы Наполеона относительно Турціи. Въ то время по Сиріи и Египту разъѣзжалъ, подъ видомъ естествоиспытателя, нѣкій Нарсіа, и Меттерниху попала какимъ-то неизвѣстнымъ образомъ въ руки копія инструкціи, полученной этимъ лицомъ отъ французскаго правительства. Изъ инструкціи этой оказывалось, что задачею Нарсіа было ознакомиться съ управленіемъ и настроеніемъ жителей названныхъ странъ, собрать данныя о мѣстной торговлѣ, путяхъ сообщенія и т. д. и добыть планы укрѣпленныхъ пунктовъ. Кромѣ того, Нарсіа имѣлъ порученіе разузнать, какими силами располагаютъ мѣстные паши и беги, пользуются ли они довѣріемъ населенія и можетъ ли ихъ стремленіе къ независимости быть опасно для верховной власти Порты, а также какъ относятся

въ тѣхъ краяхъ къ Франціи и сильно-ли тамъ вліяніе Англіи. Меттерних желалъ, чтобы объ этомъ доведено было до свѣдѣнія султана, но такъ, чтобы Австрія осталась не скомпрометированною передъ Наполеономъ. Порученіе въ этомъ смыслѣ онъ и далъ Штюрмеру, предоставивъ его такту исполнить его надлежащимъ образомъ.

Вообще, событія въ Оттоманской имперіи постоянно поддерживали безпокойство Меттерниха. Теперь, въ виду все приближавшагося разрыва между Россіею и Франціей, онъ ожидалъ, что императоръ Александръ сдѣлается болѣе уступчивымъ, и опасался быть отстраненнымъ отъ русско-турецкихъ мирныхъ переговоровъ. Штюрмеру было предписано зорко слѣдить за ходомъ событій и объявить Портѣ, что если вѣнскій кабинетъ и не домогается того, чтобы его привлекли къ участію въ мирныхъ переговорахъ, то все же, послѣ столькихъ доказательствъ дружбы къ Турціи, считаетъ себя въ правѣ разсчитывать, что его будутъ держать въ курсѣ текущихъ событій.

Переговоры между Россіею и Турціей начались въ Бухарестѣ, въ іюнѣ, при слабыхъ шансахъ на скорый успѣхъ, такъ какъ турецкій уполномоченный, Гамидъ-эфенди, прибывшій въ Бухарестъ съ переводчикомъ Апостолаки, заявилъ, что можетъ вступить въ переговоры лишь на основѣ status quo ante bellum. И дѣйствительно, цѣлое лѣто прошло въ несущественныхъ предварительныхъ совѣщаніяхъ. Порта обнаруживала упорство въ занятомъ ею положеніи, хотя, въ сущности, боялась Россіи, считая ее достаточно сильною, чтобы вести войну даже на два фронта, и на самомъ дѣлѣ очень желала окончанія войны. Такъ какъ Меттерниху было достовѣрно извѣстно о такомъ же желаніи и императора Александра, то онъ не сомнѣвался, что, при всемъ напускномъ упорствѣ Порты, миръ будетъ вскорѣ заключенъ. Само по себѣ, событіе это не было бы непріятно вѣнскому кабинету, но теперь онъ опасался, что, въ худшемъ случаѣ, Россія пріобрѣтетъ большую часть Молдаво-Валахіи и Австрія не избавится отъ опаснаго сосѣдства, тогда какъ устраненіе этого сосѣдства и было главною цѣлью австрійской политики. Но такого слабаго союзника, какъ Турція, нельзя было бы побудить къ продолженію борьбы, особенно когда Порта знала, что не можетъ разсчитывать на активную помощь Австріи. Послѣ извѣстной уже блестящей и рѣшительной побѣды Кутузова надъ арміею великаго визиря, опасенія Меттерниха за ближайшее будущее еще болѣе усилились; онъ считалъ одинаково неблагопріятнымъ для Австріи какъ полное подчиненіе Турціи русскимъ требованіямъ, такъ и ея соединеніе съ Наполеономъ, а послѣднее онъ признавалъ возможнымъ, тѣмъ болѣе, что и въ Турціи возникли толки о томъ. О продолженіи войны послѣ пораженія великаго визиря Диванъ уже не помышлялъ, хотя и былъ еще далекъ отъ готовности согласиться на всякія, предложенныя

*

Россіею, условія. Но въ виду того, что переговоры—хотя и съ затрудненіями,—все-таки клонились къ соглашенію, Меттернихъ сдѣлалъ послѣднюю попытку подбодрить Порту и удержать ее отъ слишкомъ большой уступчивости, для чего предписалъ Штюрмеру представить Рейсъ-эфенди, что обстоятельства заставятъ императора Александра понизить свои требованія и что поэтому Диванъ не долженъ отступать отъ поставленныхъ имъ требованій. При этомъ Меттернихъ умолчалъ, однако, о полученномъ имъ, тѣмъ временемъ, свѣдѣніи, что русскій дворъ готовъ удовлетвориться установленіемъ границы на Прутѣ. Порта, слушая увѣщанія Австріи оставаться твердою, выслушивала, съ другой стороны, настойчивые совѣты Англіи и Пруссіи быть уступчивою; въ мирномъ направленіи старалась повліять на нее также и Швеція, чрезъ своего посланника въ Константинополѣ, графа Палена, убѣждавшая турецкое правительство покориться неизбѣжности. Такимъ образомъ, всѣ державы стремились повліять на Порту, каждая сообразно собственнымъ интересамъ. Диванъ оставался, однако, несговорчивымъ, и Меттернихъ видѣлъ въ этомъ результатъ своего вліянія въ Константинополѣ, хотя дѣло объяснялось, скорѣе, просто традиціонными пріемами турецкой дипломатіи, постоянно дѣйствовавшей путемъ безконечнаго затягиванія всякихъ переговоровъ. Такъ и на этотъ разъ миръ съ Россіею осуществился лишь спустя нѣсколько мѣсяцевъ, причемъ Россіи, какъ извѣстно, пришлось отказаться отъ границы на Серетѣ и удовольствоваться границею на Прутѣ.

Сложность австро-турецкихъ отношеній увеличивалась еще и событіями въ Сербіи или, вѣрнѣе, тѣмъ, какъ относился къ нимъ Меттернихъ. За все то время, пока вниманіе европейской дипломатіи все болѣе сосредоточивалось на осложнявшихся отношеніяхъ между Россіею и Франціей, положеніе дѣлъ въ Сербіи нисколько не измѣнилось. Вожаки сербскаго движенія, по-прежнему, не хотѣли и слышать о подчиненіи ихъ края Турціи. Въ Вѣнѣ же, напротивъ, желали, чтобы сербы вернулись къ повиновенію султану, хотя и съ обезпеченіемъ за ними извѣстныхъ льготъ. Упорство сербовъ Меттернихъ приписывалъ русскому вліянію и былъ увѣренъ, что въ данную минуту переговорами ничего нельзя было бы достигнуть и что только заключеніе русско-турецкаго мира или такой оборотъ дѣлъ, который показалъ бы сербамъ невозможность помощи со стороны Россіи, могли бы измѣнить настроеніе вождей возстанія. Тогда сербы, увидѣвъ, что имъ надѣяться не на кого, не могли бы обойтись безъ покровительства Австріи. До тѣхъ же поръ вѣнскій кабинетъ рѣшилъ не выходить, по отношенію къ Сербіи, изъ роли посторонняго зрителя и, прежде всего, избѣгать всякихъ письменныхъ сношеній съ Кара-Георгіемъ, чтобы не скомпрометировать себя, какъ уже однажды случилось, передъ Портою и другими держа-

вами. Опасности въ такой выжидательной политикѣ Меттернихъ не усматривалъ, будучи убѣжденъ, что Россія, при ея сильномъ желаніи мира съ Турціею, не станетъ изъ-за сербовъ замедлять переговоры и особенно настаивать на улучшеніи ихъ участи. И вотъ, Паулиху, котораго, какъ извѣстно, предполагалось-было назначить консуломъ въ Бѣлградъ, предписано было оставаться въ Землинѣ, откуда онъ, въ случаѣ надобности, всегда могъ бы быть посланъ въ Сербію для личнаго ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ. Ему—хотя и секретно—вмѣнено было въ обязанность посылать донесенія непосредственно въ австрійское министерство иностранныхъ дѣлъ, ограничиваясь предъявленіемъ ихъ лишь для свѣдѣнія командовавшему на границѣ генералу Гиллеру. Объяснялось это тѣмъ, что Меттернихъ имѣлъ основаніе не довѣрять такту пограничнаго военнаго командованія, незнакомаго съ дипломатическими обычаями и потому иногда нарушавшаго виды вѣнскаго кабинета. Недовѣріе это распространялось также и на Гиллера.

Вдругъ пришло извѣстіе, что 10-го февраля совершилось давно ожидавшееся, но и оспаривавшееся, вступленіе русскихъ въ Сербію. Полковникъ Александръ Ѳедоровичъ Балла занялъ Бѣлградъ отрядомъ, силою въ 800 чел. при четырехъ орудіяхъ; совершилось это, говорятъ, по почину противниковъ Кара-Георгія, надѣявшихся путемъ вступленія русскихъ упрочить свое положеніе и ограничить, а со временемъ и устранить вліяніе этого вождя. Однако, по пріобрѣтеніи Россіею рѣшающаго вліянія въ Сербіи, Кара-Георгій сблизился съ русскимъ военнымъ начальствомъ и, какъ утверждали тогда въ Вѣнѣ, положеніе его не поколебалось; напротивъ, онъ оказался побѣдителемъ надъ своими противниками. Въ Вѣнѣ вступленіе русскихъ въ Сербію произвело, конечно, тягостное впечатлѣніе. Ни Шуваловъ, ни Штакельбергъ не предупреждали о томъ вѣнскаго кабинета; Шуваловъ даже увѣрялъ Меттерниха наканунѣ этого событія, что императоръ Александръ не имѣетъ въ виду завоевывать Сербію и во всѣхъ касающихся этой страны вопросахъ желаетъ дѣйствовать совмѣстно съ Австріей. Оставить это дѣло безъ протеста Меттернихъ считалъ невозможнымъ, чтобы не повредить политической репутаціи Австріи, которую могли бы счесть за-границею совершенно ослабѣвшею; но, съ другой стороны, при тогдашнихъ своихъ условіяхъ, Австрія не имѣла бы возможности дать Россіи энергическій отпоръ. Поэтому Меттернихъ испросилъ у императора Франца разрѣшеніе высказать графу Штакельбергу въ дружественномъ, но твердомъ тонѣ, что вступленіе русскихъ въ Сербію было очень непріятно австрійскому императору и что событіе это будетъ сочтено сербами за дѣйствіе, направленное противъ Австріи. Императору-де крайне непріятно, что онъ долженъ теперь усилить пограничный кордонъ и принять другія принудительныя мѣры. Онъ прибавилъ также, что Россія съ каждымъ

днемъ причиняетъ все болѣе опасностей интересамъ монархіи, что, въ концѣ концовъ, можетъ привести къ осложненіямъ, которыхъ императоръ Александръ, конечно, опасается болѣе всѣхъ другихъ. Въ заключеніе, Меттернихъ сказалъ, что на упроченіе русскихъ на правомъ берегу Дуная Австрія никогда не согласится.

Со стороны Наполеона Меттернихъ опасался упрека въ томъ, что Австрія не заняла Бѣлграда ранѣе русскихъ. Въ свое оправданіе онъ могъ бы сказать только то, что австрійское занятіе Бѣлграда повредило бы отношеніямъ Вѣны къ Портѣ. Посолъ Шварценбергъ дошелъ даже до того, что заявилъ въ Парижѣ, что вступленіе русскихъ въ Сербію—мѣра чисто военная, быть можетъ, принятая безъ вѣдома петербургскаго правительства, къ чему Шампаньи отнесся, впрочемъ, иронически. А кстати Меттернихъ велѣлъ напомнить Наполеону объ его увѣреніи, что онъ не допуститъ захвата Россіею праваго берега Дуная, и прибавить, что вѣнскій кабинетъ твердо вѣритъ этому. По отношенію же къ Сербіи вѣнскій дворъ не измѣнилъ своей политики равнодушнаго (на видъ) безучастія и остался при прежней системѣ запретительныхъ мѣръ на границѣ. Однако закрытіе границы для торговли, породившее контрабандный провозъ, не могло быть соблюдаемо во всей строгости, такъ какъ для этого потребовался бы непосильный расходъ на увеличеніе кордонной стражи и, кромѣ того, это было бы невыгодно въ торговомъ отношеніи.

Итакъ, во всемъ и вездѣ Меттернихъ останавливался на полумѣрахъ. О задачахъ, которыя Австрія намѣревалась выполнить на Балканскомъ полуостровѣ, не было теперь уже и рѣчи, хотя о намѣреніи осуществить ихъ свидѣтельствуютъ сохранившіеся въ архивахъ и относящіеся къ 1810 году проекты конституціи для Сербіи. Проекты эти хотя и не указываютъ на существованіе замысла непосредственно завоевать эту страну, однако несомнѣнно имѣли цѣлью подготовить занятіе Сербіи путемъ упроченія въ ней австрійскаго вліянія и введенія такихъ учрежденій, которыя пріучили бы населеніе къ австрійскому управленію и, такимъ образомъ, безъ потрясеній облегчили бы его слія-ніе съ монархіею.

XVI.

Отношенія Австріи къ Пруссіи передъ русско-французскою войной носили такой же двойственный характеръ, какимъ отличалась вообще вся политика Меттерниха. Въ Берлинѣ, послѣ удаленія оттуда австрій-

скаго представителя Весенберга, Австрія имѣла лишь повѣреннаго въ дѣлахъ, въ лицѣ графа Бомбеля. Роль его сводилась къ наблюденію за ходомъ событій и за поступками прусскаго правительства. Графъ Меттернихъ относился къ Пруссіи, какъ извѣстно, недоброжелательно; онъ возлагалъ на нее большую часть вины не только въ собственномъ ея приниженіи, но и въ общемъ печальномъ положеніи въ Европѣ, и спасеніе Пруссіи признавалъ немыслимымъ. Поэтому тѣсное сближеніе монархіи съ нею отнюдь не входило въ австрійскую систему. Тѣмъ не менѣе, Меттернихъ старался дѣйствовать какъ въ Берлинѣ, такъ и въ Петербургѣ, въ успокоительномъ духѣ, надѣясь этимъ путемъ предотвратить необдуманные шаги со стороны обоихъ дворовъ, которые, по его мнѣнію, могли бы, подъ вліяніемъ страха и слабости, надѣлать неосторожностей и тѣмъ, вопреки желаніямъ вѣнскаго кабинета, ускорить наступленіе катастрофы. Пруссія, напротивъ, домогалась тѣснаго сближенія съ Австріею, понимая, что франко-русская война поставитъ прусское государство въ крайне опасное положеніе. Всѣ прусскія крѣпости находились въ рукахъ французовъ, и Наполеонъ имѣлъ полную возможность уничтожить Пруссію раньше, чѣмъ она успѣла бы принять мѣры къ оборонѣ. Берлинскому кабинету не оставалось иного выбора, какъ соединиться либо съ Франціею, либо съ Россіей, такъ какъ остаться нейтральнымъ не было для него никакой возможности. Въ душѣ, берлинскій кабинетъ склонялся, конечно, на сторону Россіи, не только изъ ненависти къ угнетателю, но и вслѣдствіе сознанія опасностей, которыми грозилъ бы въ будущемъ союзъ его съ Франціей. Сомнѣніе являлось только относительно того, въ состояніи ли Россія оказать Пруссіи быструю и надежную помощь. Опытъ прошлаго свидѣтельствовалъ противъ этого, а потому союзъ съ Россіею безъ участія Австріи представлялся дѣломъ очень рискованнымъ, что и побуждало королевскій кабинетъ считать главною своею опорой Австрію. Не помышляя въ то время ни о вооруженномъ отпорѣ Наполеону, ни о составленіи наступательной коаліціи, графъ Гарденбергъ полагалъ только, что уже одной солидарности трехъ державъ будетъ достаточно для наилучшаго огражденія мира, такъ какъ союзники представляли бы собою силу, способную положить конецъ усвоенной Франціею системѣ повсемѣстныхъ захватовъ. Въ виду всего этого, весьма понятно, что когда (17-го апрѣля) постъ австрійскаго посланника въ Берлинѣ занялъ графъ Зичи, его приняли тамъ съ распростертыми объятіями. Зичи явился съ предписаніемъ сноситься по крупнымъ политическимъ вопросамъ только съ королемъ и графомъ Гарденбергомъ, т. е. минуя министра фонъ-деръ-Гольца. Въ этомъ вѣнскій кабинетъ поступилъ согласно желанію прусскаго короля, который хотя и считалъ фонъ-деръ-Гольца весьма дѣльнымъ человѣкомъ, однако признавалъ за лучшее не посвящать слишкомъ большого числа

лицъ въ важнѣйшія государственныя дѣла. Настроеніе въ Берлинѣ было тогда чрезвычайно мрачное и тревожное. Король Фридрихъ-Вильгельмъ былъ очень взволнованъ полученнымъ въ Берлинѣ извѣстіемъ, что вновь назначенный въ Петербургъ французскій посолъ, генералъ Лористонъ, ѣдетъ къ своему посту черезъ Дрезденъ. Изъ этого король заключалъ, что Лористону навѣрное даны порученія къ саксонскому двору и что порученія эти находятся въ связи съ миссіею Понятовскаго въ Парижѣ. Онъ опасался новаго замысла противъ Пруссіи, и опасенію этому способствовало усиленіе французскаго гарнизона въ Данцигѣ; тѣмъ сильнѣе стало, конечно, желаніе берлинскаго кабинета сблизиться съ Австріею. Графъ Зичи не имѣлъ, однако, полномочія удовлетворить это желаніе Пруссіи; ему предписано было не выходить изъ роли наблюдателя и только увѣрять, что Австрія, сама нуждающаяся въ спокойствіи, будетъ всѣми средствами стараться сохранить миръ. Онъ могъ лишь заявить берлинскому двору, что императоръ Францъ очень озабоченъ сохраненіемъ Пруссіи и желалъ бы знать, какъ думаетъ поступить прусскій король, послѣ чего можно было бы сообразить, какъ помочь ему. Но берлинскій дворъ и самъ еще не зналъ, на что рѣшиться. Съ одной стороны, онъ—какъ ходили слухи—ожидалъ, что Наполеонъ заставитъ его вступить съ нимъ въ союзъ, съ другой—онъ обратился къ императору Александру, умоляя его не нарушать мира, такъ какъ въ случаѣ войны Пруссія должна будетъ безусловно подчиниться волѣ Наполеона; если же столкновеніе будетъ отдалено, то обстоятельства могли бы еще измѣниться. А тѣмъ временемъ въ Парижѣ представлены были Пруссіею проекты договора о союзѣ, причемъ она просила разрѣшенія увеличить свою армію до 40.000 человѣкъ, безъ чего ей невозможно-де было бы быть полезною Франціи, и отсрочки въ уплатѣ невнесенной еще части военнаго налога. Французскій кабинетъ отклонилъ эти предложенія и самымъ опредѣленнымъ образомъ потребовалъ немедленнаго прекращенія начавшихся уже въ Пруссіи вооруженій, въ оправданіе которыхъ прусскій король ссылался на необходимость приготовиться къ оборонѣ, въ виду вооруженій во всѣхъ сосѣднихъ государствахъ. Послѣ аудіенціи французскаго представителя Сенъ-Марсана у короля, въ «Berliner Nachrichten» было опубликовано, что «такъ какъ положеніе дѣлъ стало болѣе мирнымъ и дружественныя намѣренія сосѣднихъ государствъ обнаружились самымъ несомнѣннымъ образомъ, то работы въ крѣпостяхъ и вооруженія прекращаются».

Полученный въ августѣ отвѣтъ императора Александра на письмо Фридриха-Вильгельма сильно опечалилъ послѣдняго. Императоръ выражалъ сожалѣніе по поводу намѣренія Пруссіи присоединиться къ врагу Россіи, и хотя заключалъ письмо заявленіемъ надежды, что въ рѣшительную минуту берлинскій дворъ еще измѣнитъ свое рѣшеніе, одна-

ко король, къ своему глубокому огорченію, не предвидѣлъ возможности сдѣлать это. По мѣрѣ развитія событій, стремленіе Наполеона удержать Пруссію на своей сторонѣ становилось все болѣе очевиднымъ, и рѣшительной минуты, о которой упоминалъ Александръ, надо было ожидать вскорѣ. Чрезъ Сенъ-Марсана Наполеонъ уже требовалъ, чтобы Пруссія выставила 20.000 человѣкъ, причемъ ей воспрещалось увеличивать общую численность ея арміи свыше 40.000. Сверхъ нѣкоторыхъ другихъ условій, онъ желалъ также, чтобы Пруссія либо вступила въ рейнскій союзъ, либо заключила безусловный оборонительно-наступательный союзъ съ Франціей, а вмѣстѣ съ тѣмъ воспретила ввозъ въ свои предѣлы англійскихъ и русскихъ товаровъ. Въ Берлинѣ принятіе этихъ условій признавалось равносильнымъ смертному приговору Пруссіи. Но, въ случаѣ ихъ отклоненія, гдѣ было искать охраны? Берлинскій кабинетъ обратился къ Россіи, отправивъ въ Петербургъ давняго сторонника сближенія съ этою державой, генерала Шарнгорста. Но императоръ Александръ соглашался оказать помощь только тогда, если на Пруссію будетъ сдѣлано нападеніе; въ то время въ Россіи было уже рѣшено оставаться въ оборонительномъ положеніи, послѣ того какъ выяснилось, что на содѣйствіе поляковъ разсчитывать нельзя. Попытались испросить помощи также и въ Вѣнѣ, куда послали Якоби съ порученіемъ разузнать, что станетъ дѣлать Австрія, въ случаѣ вторженія въ Пруссію корпуса Даву. Меттернихъ, однако, никакихъ опредѣленныхъ обѣщаній не далъ, посуливъ только продолжать свое заступничество за Пруссію въ Парижѣ. Тогда Якоби заявилъ, что если король не можетъ разсчитывать на помощь Австріи, то вынужденъ будетъ принять предложенія Франціи. Къ отправкѣ въ Петербургъ генерала Шарнгорста вѣнскій кабинетъ отнесся неодобрительно, такъ какъ генералъ этотъ, поѣхавшій туда подъ фамиліею «Акермана», считался главою тугендбунда, а всѣхъ членовъ послѣдняго вѣнскій дворъ считалъ безумными головами и ставилъ ихъ на одну доску съ якобинцами. Избраніе для этой миссіи именно Шарнгорста графъ Зичи признавалъ за свидѣтельство того, что Пруссія не намѣрена уже ограничиваться на будущее время полумѣрами. Но миссія Шарнгорста въ Петербургѣ не дала ожидавшихся отъ нея въ Берлинѣ результатовъ, а такъ какъ и со стороны Австріи ожидать было нѣчего, то король Фридрихъ-Вильгельмъ утвердился въ убѣжденіи, что спасеніе Пруссіи единственно въ союзѣ съ Франціей.

XVII.

По отношенію къ государствамъ рейнскаго союза Меттернихъ держался болѣе или менѣе безучастно. Въ этихъ государствахъ онъ видѣлъ лишь

вассаловъ Франціи, лишенныхъ всякой надежды возвратить себѣ независимость. Съ тѣхъ поръ какъ вѣнскій дворъ вошелъ въ болѣе близкія отношенія съ Наполеономъ, стремленія дворовъ рейнскаго союза расширить свои владѣнія уже не тревожили Меттерниха. При всемъ томъ, и по отношенію къ нимъ австрійская дипломатія не бездѣйствовала, такъ какъ и съ отдѣльными государствами рейнскаго союза вѣнскому кабинету приходилось вести счеты по разнымъ, вытекавшимъ изъ прежнихъ отношеній вопросамъ территоріальнаго, торговаго и иного характера. Останавливаться на происходившихъ по этимъ вопросамъ переговорахъ мы, однако, не будемъ. Точно такъ же отмѣтимъ лишь вкратцѣ нѣкоторыя данныя объ отношеніяхъ Австріи къ скандинавскимъ государствамъ. Съ Даніей и Швеціей монархія не была связана непосредственными интересами, но событія въ этихъ странахъ были такъ тѣсно спутаны съ общеевропейскимъ положеніемъ, что наблюденіе и за скандинавскимъ полуостровомъ было весьма важно для Австріи. Швеція старалась сблизиться съ австрійскою монархіей, но вѣнскій дворъ рѣшительно уклонялся отъ оказанія поддержки планамъ новаго наслѣдника шведскаго престола. Однако, въ виду важнаго значенія, которое рѣшенія шведскаго двора имѣли для общаго склада европейскихъ дѣлъ, Меттернихъ считалъ нужнымъ своевременно и въ точности ознакомиться съ намѣреніями герцога Понте-Корво и въ этихъ видахъ отправилъ въ Стокгольмъ посланникомъ генерала графа Нейпперга, давно уже находившагося въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Бернадотомъ и считавшагося лицомъ, наиболѣе пригоднымъ для того, чтобы противодѣйствовать русскому вліянію. Данія тоже придавала большой вѣсъ дружбѣ съ Австріею и имѣла въ Вѣнѣ самое блестящее представительство, въ лицѣ посланника графа Бернсторфа, бывшаго ранѣе министромъ иностранныхъ дѣлъ и состоявшаго кавалеромъ ордена Слона: говорятъ, это былъ первый случай назначенія на постъ посланника кавалера этого ордена. Хотя уже по географическимъ условіямъ Данія не могла разсчитывать на энергическую поддержку Австріи, однако она стремилась заручиться въ Вѣнѣ моральною опорой, на случай надобности въ добромъ совѣтѣ. Положеніе Даніи было весьма шаткимъ. Французскіе захваты на сѣверѣ Германіи давали поводъ опасаться исправленія вестфальской границы, что́ должно было угрожать обладанію Шлезвигомъ. Въ предстоявшей франко-русской войнѣ датскому правительству было бы невозможно остаться нейтральнымъ, а пришлось бы соединиться съ Франціею; но союзъ съ нею могъ бы повлечь за собою самыя гибельныя для Даніи послѣдствія. Датскій народъ ненавидѣлъ Наполеона, но нуждался въ его помощи противъ Швеціи, которая, повидимому, все болѣе сближалась съ Россіею и угрожала Норвегіи, гдѣ вспыхнуло возстаніе. Но, въ противность стремленію народа, наслѣдный принцъ былъ противникомъ Наполеона; впрочемъ,

настроеніе народа, разсчитывавшаго при помощи Франціи возвратить себѣ Финляндію, впослѣдствіи измѣнилось, подъ вліяніемъ рѣзкихъ поступковъ французскаго посланника въ Стокгольмѣ, Алькье, и тяжкихъ условій, поставленныхъ Швеціи изъ Парижа. Наполеонъ требовалъ отъ шведовъ поставки матросовъ, сожженія англійскихъ товаровъ и объявленія войны Англіи. Притомъ, онъ грозилъ войною всякому государству, которое не прервetъ сношеній съ Англіею. «Мы въ сапогахъ и при шпагахъ—писалъ онъ Бернадоту—и еслибы императоръ Александръ не обѣщалъ мнѣ не вступать ни въ какія сношенія съ Англіею, французы уже давно были бы въ Ригѣ, Петербургѣ и Москвѣ»... Далѣе, онъ писалъ, что у него въ погребахъ запасено 200 милліоновъ для военныхъ надобностей, что когда у него будетъ 200 судовъ, онъ объявитъ англичанамъ войну и повергнетъ ихъ въ прахъ, такъ какъ сила всегда побѣждаетъ слабость. «Будь я французскимъ королемъ—говорилось въ письмѣ—я, подобно Людовикамъ XIV и XV, на колѣняхъ просилъ бы мира. Но я императоръ континента, и надо вернуться ко временамъ Карла Великаго, чтобы составить себѣ хотя бы только понятіе о моемъ могуществѣ. Я слонъ и нейтральныхъ для меня не существуетъ: кто не со мною, тотъ противъ меня». Такой тонъ, конечно, сильно оскорбилъ и возмутилъ шведовъ. Увидѣвъ, что онъ ужь слишкомъ туго натянулъ струну, Наполеонъ захотѣлъ исправить сдѣланную ошибку и отозвалъ Алькье изъ Стокгольма, но уже не помогъ этимъ дѣлу: прежнее вліяніе Франціи въ Швеціи пало и уступило мѣсто вліянію Россіи. Наслѣдный принцъ рѣшительно склонился на сторону Россіи, усилилъ свою армію, и если прервалъ оффиціальныя сношенія съ Англіею, то все-таки продолжалъ поддерживать ихъ втайнѣ. Это крайне не понравилось Меттерниху, но направить дѣла на сѣверѣ иначе онъ не имѣлъ возможности.

На югѣ Европы Австрія вступила въ дипломатическія сношенія съ королевствомъ Неаполитанскимъ; первый шагъ къ тому сдѣланъ былъ самимъ королемъ Іоахимомъ, котораго, впрочемъ, еще въ мартѣ 1810 г. императоръ Францъ поздравилъ со вступленіемъ на престолъ. Мюра [1]), находясь въ началѣ мая въ Парижѣ, видѣлся съ княземъ Шварценбергомъ и выразилъ ему желаніе войти въ прямыя сношенія съ Австріею, причемъ сказалъ, что послѣ состоявшагося назначенія графа Долгорукаго русскимъ посланникомъ въ Неаполѣ назначеніе туда же австрійскаго дипломата послужило бы еще однимъ новымъ залогомъ признанія новой династіи европейскими державами. Въ Вѣнѣ готовы были исполнить это желаніе короля, потому что хотя Неаполитанское королевство и признавалось тамъ не болѣе какъ провинціею Франціи, однако считали со-

[1]) Котораго у насъ до сихъ поръ принято называть, какъ въ старину, «Мюратъ».

отвѣтствующимъ интересу Австріи имѣть представителя въ Италіи для наблюденія за ходомъ дѣлъ на Средиземномъ морѣ. Для начала посланъ былъ въ Неаполь Менцъ, въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ, причемъ ему было предписано составлять донесенія въ такомъ видѣ, чтобы ихъ можно было предъявлять французскому правительству. При Неаполитанскомъ дворѣ имѣли тогда представителей Франція, Баварія, Италія Испанія и Россія. Отношенія Мюра́ къ Наполеону были двусмысленныя: онъ чувствовалъ себя непрочнымъ на престолѣ, сталъ усиливать свою армію и полагалъ, что съ 40.000 человѣкъ онъ будетъ въ состояніи давать отпоръ требованіямъ своего вѣнценоснаго зятя, которыя могли бы угрожать независимости королевства. Онъ жаловался Шварценбергу, что Наполеонъ часто мѣняетъ учреждаемыя имъ династіи, не давая имъ времени установить въ назначенныхъ имъ земляхъ порядокъ и благосостояніе.

9-го сентября въ Неаполь прибылъ вновь назначенный австрійскій посланникъ, графъ Миръ. Онъ снабженъ былъ предписаніемъ отнюдь не вмѣшиваться въ мѣстныя партійныя интриги и ограничиваться внимательнымъ наблюденіемъ за событіями и при всякомъ случаѣ увѣрять министровъ въ томъ, что Австрія проникнута единственно желаніемъ повсюду сохранять миръ. Настроеніе при неаполитанскомъ дворѣ было угнетенное. Въ народѣ господствовало большое недовольство по поводу безпрерывнаго увеличенія налоговъ и высокой пошлины на хлопокъ. Вообще, всѣ были увѣрены, что Неаполю предстоитъ участь Голландіи. Королевской фамиліи, сверхъ того, грозили опасности изъ Парижа, куда проникли слухи о происках Мюра́. Найдена была компрометирующая короля Іоахима переписка, и взбѣшенный Наполеонъ отправилъ въ Неаполь маршала Лана, снабдивъ его самыми широкими полномочіями; въ случаѣ надобности, ему разрѣшалось арестовать короля и препроводить въ Венецію. Въ передрягахъ, вызванныхъ всѣмъ этимъ въ Неаполѣ, австрійская дипломатія оставалась безучастною.

XVIII.

Въ концѣ 1811 года начались наконецъ въ Парижѣ между княземъ Шварценбергомъ и герцогомъ Бассано переговоры объ австро-французскомъ союзѣ. Дѣло это велось въ такой тайнѣ, что о переговорахъ не зналъ даже французскій посланникъ въ Вѣнѣ, графъ Отто. Скорое соглашеніе встрѣчало, однако, немало серьезныхъ препятствій въ несговорчивости обѣихъ сторонъ относительно условій союза, обсужденіе

которыхъ сопровождалось продолжительными пререканіями. Проектъ союзнаго договора состоялся лишь въ февралѣ 1812 г. Одною изъ статей его обѣ договаривающіяся державы гарантировали цѣлость европейскихъ владѣній Турціи, которая, какъ оговорено было въ сопровождавшихъ проектъ секретныхъ статьяхъ, приглашалась присоединиться къ союзу. Австріи удалось настоять на включеніи въ проектъ договора условія, въ силу котораго Франція, въ случаѣ нападенія Россіи на Австрію, обязывалась признать такое нападеніе направленнымъ какъ-бы противъ нея самой и немедленно начать военныя дѣйствія. Договоръ былъ ратификованъ въ Парижѣ 15-го, а въ Вѣнѣ 25-марта и въ тотъ же день состоялся обмѣнъ ратификацій; несмотря на это, въ Парижѣ все еще дѣлали по отношенію къ Россіи видъ, будто вѣрятъ въ возможность соглашенія съ нею. Довѣренное лицо императора Александра генералъ Чернышевъ, находился въ Парижѣ, хотя не столько ради переговоровъ, сколько для наблюденія за ходомъ событій; ему оказываемы были тамъ подобающія царскому посланцу почести, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, за всѣми дѣйствіями его зорко слѣдили, окруживъ его шпіонами. 25-го февраля, когда уже начаты были переговоры съ Австріею, Наполеонъ, принявъ Чернышева въ аудіенціи, сдѣлалъ ему новыя предложенія на счетъ соглашенія. Онъ заявилъ, что не желаетъ ни въ чемъ измѣнять положенія дѣлъ въ Польшѣ и готовъ войти въ соглашеніе относительно Ольденбурга, но требовалъ отъ Россіи обѣщанія поддерживать континентальную систему и принять относительно англійскихъ товаровъ такія мѣры, которыя заставили бы Англію заключить миръ. Онъ выразилъ также готовность лично переговорить объ этихъ пунктахъ съ императоромъ Александромъ и пріѣхать для этого въ любой германскій городъ, который избранъ будетъ царемъ; но при этомъ прибавилъ, что, при всемъ миролюбіи своихъ намѣреній, онъ можетъ оказаться вынужденнымъ двинуть свои войска на Одеръ, а можетъ быть даже и на Вислу для защиты своихъ союзниковъ отъ возможныхъ нападеній со стороны русскихъ. Объ Австріи Наполеонъ не проронилъ ни слова, изъ чего Чернышевъ заключилъ, что между этою державой и Франціей никакого соглашенія еще не заключено. 27-го апрѣля, т. е. уже послѣ размѣна ратификацій союзнаго договора съ Австріею, Наполеонъ принималъ князя Куракина. Аудіенція длилась $2^1/_2$ часа и бесѣда касалась поставленныхъ Россіею условій, по выполненіи которыхъ императоръ Александръ готовъ былъ войти въ переговоры съ Франціею относительно невыясненныхъ спорныхъ вопросовъ. Россія требовала отъ Франціи очищенія Пруссіи и сокращенія численности данцигскаго гарнизона; о Польшѣ она не упоминала, а относительно торговыхъ вопросовъ указывала на возможность соглашенія, съ оговоркою, что петербургскій кабинетъ желаетъ огражденія правъ нейтральныхъ націй. Императоръ

Александръ увѣрялъ, что передъ Англіею никакихъ обязательствъ на себя не принялъ и, по-прежнему, относится къ Франціи и Наполеону дружественно. Въ бесѣдѣ съ Куракинымъ Наполеонъ отклонилъ требованіе на счетъ очищенія Пруссіи и уменьшенія данцигскаго гарнизона, заявивъ, что это несовмѣстимо съ его честью, но сказалъ, что если требованіе это будетъ взято назадъ, онъ готовъ вступить въ переговоры. Куракинъ же заявилъ, что только на почвѣ этого требованія онъ и можетъ вести переговоры, прибавивъ, что движеніе французовъ къ Одеру и Вислѣ, равно какъ и заключенная Франціею конвенція съ Пруссіей, поняты будутъ въ Петербургѣ въ смыслѣ враждебнаго акта и что переходъ французовъ черезъ Одеръ будетъ признанъ за объявленіе войны. Въ послѣдующей депешѣ князю Куракину было сообщено изъ Петербурга, что французскія войска уже начали переправу чрезъ Одеръ и что если число ихъ значительно увеличится, то и русскія войска вынуждены будутъ перейти границу; но это должно считаться не за наступательное движеніе, а только за мѣру, принимаемую съ цѣлью обезпечить лучшія военныя позиціи, и какъ только Франція приметъ требованія Россіи, войска будутъ отведены обратно. Наполеонъ возразилъ на это, что такъ какъ на письмо его, отправленное съ генераломъ Чернышевымъ къ императору Александру, долго не получалось отвѣта, то онъ приказалъ генералу Даву силою противиться всякому враждебному дѣйствію Россіи. Лористону-де тоже приказано выѣхать со всѣми посланниками государствъ рейнскаго союза изъ Петербурга, какъ только онъ узнаетъ, что русскія войска перешли границу. Въ такомъ случаѣ—отвѣчалъ Куракинъ—и ему надо уѣхать изъ Парижа, не ожидая дальнѣйшихъ повелѣній государя; но все-таки онъ попросилъ Наполеона прочесть письмо императора Александра. Наполеонъ прочиталъ его и, повидимому, остался доволенъ его содержаніемъ; въ письмѣ не упоминалось объ изложенныхъ Куракинымъ требованіяхъ. Куракинъ заявилъ, однако, что долженъ настаивать на нихъ, и спросилъ, что можетъ еще быть сдѣлано для предотвращенія кровопролитія. На это Наполеонъ сказалъ, что если русскія войска занимаютъ только правый берегъ Нѣмана, то и французы не перейдутъ Вислы, и что онъ не будетъ даже противъ вступленія русскихъ въ Мемель; Даву долженъ будетъ оттѣснить ихъ только въ томъ случаѣ, если они захотятъ занять Кёнигсбергъ или варшавскую территорію. Послѣ нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ разговоровъ, Куракинъ заявилъ, что онъ, вѣроятно, въ послѣдній разъ имѣетъ честь находиться въ присутствіи французскаго императора и благодаритъ его за оказанныя милости, на что Наполеонъ отвѣчалъ: «Такъ какъ ужъ вы настаиваете на своемъ отъѣздѣ, то я желаю только, чтобы вашъ государь вскорѣ прислалъ васъ сюда снова для вторичныхъ переговоровъ о мирѣ».

Послѣ аудіенціи у Наполеона Куракинъ еще разъ обсуждалъ съ герцогомъ Бассано русскія требованія, причемъ было рѣшено, чтобы они изложены были въ особой нотѣ. Требованіе относительно очищенія французами Пруссіи и сокращенія численности данцигскаго гарнизона хотя и оставлено было въ силѣ, однако смягчено тѣмъ, что согласіе Франціи на него уже не было поставлено предварительнымъ условіемъ переговоровъ, но признано возможнымъ ихъ результатомъ. Но Куракинъ тщетно добивался отвѣта на свою ноту: Бассано все уклонялся, ссылаясь на то, что у него еще нѣтъ инструкцій на этотъ счетъ. Наконецъ, 9-го мая онъ написалъ князю Куракину, спрашивая его, уполномоченъ ли онъ на обсужденіе спорныхъ вопросовъ и заключеніе соглашенія; если уполномоченъ, то пусть представитъ министру свои полномочія. Куракинъ былъ поражонъ этимъ, такъ какъ, въ качествѣ посла, считалъ себя въ правѣ подписать договоръ, въ предположеніи, что онъ будетъ затѣмъ утвержденъ; а такъ какъ жалобы его по этому и другимъ поводамъ оставлены были безъ послѣдствій, то онъ потребовалъ свои паспорты. Бассано указалъ ему на огромную отвѣтственность, которую онъ этимъ беретъ на себя, пояснивъ, что Наполеонъ не желаетъ войны и что Лористонъ ничѣмъ не проявляетъ своего намѣренія выѣхать изъ Петербурга. Но Куракинъ продолжалъ настаивать на полученіи своихъ паспортовъ. Отвѣта отъ Бассано долго не было; онъ пришелъ лишь 12-го іюня, уже изъ Торна. Извиняясь въ продолжительности своего молчанія, министръ извѣщалъ Куракина, что въ виду измѣнившихся нынѣ обстоятельствъ Наполеонъ приказалъ возвратить ему паспорты.

Тѣмъ временемъ, пока отношенія между Франціею и Россіей все болѣе и болѣе близились къ разрыву, французскій дворъ обнаруживалъ возростающую любезность къ Австріи. Герцогъ Бассано, разсыпаясь въ увѣреніяхъ дружбы, сообщилъ, между прочимъ, послу Шварценбергу, что Наполеонъ хочетъ создать отнынѣ новую политическую систему для обезпеченія спокойствія въ Европѣ и главною опорой этой системы сдѣлать Австрію. Франція посвятитъ-де всѣ свои силы морской войнѣ, а Австрія достигнетъ на материкѣ такого могущества, какимъ никогда еще не располагала, хотя и не получитъ уже своихъ прежнихъ территоріальныхъ размѣровъ. Обѣщалось предоставить монархіи Силезію, а Пруссію вознаградить за это въ другомъ мѣстѣ, въ случаѣ, если та будетъ честно держаться Франціи. Въ половинѣ мая, по желанію Наполеона, состоялось въ Дрезденѣ его свиданіе съ императоромъ Францемъ, причемъ въ Дрезденъ съѣхались также и всѣ вассалы могущественнаго французскаго императора; въ числѣ прибывшихъ былъ и прусскій король. На дрезденскомъ съѣздѣ подвергнутъ былъ обсужденію рядъ наиболѣе насущныхъ политическихъ вопросовъ; нѣсколько ранѣе Наполеонъ послалъ Нарбона въ Вильну, чтобы для вида сдѣлать еще одну попытку въ пользу мира;

изъ этого, конечно, ничего не вышло, потому что ни та, ни другая сторона уже не думали тогда о мирѣ. Изъ Дрездена Наполеонъ выѣхалъ 29-го марта и отправился къ арміи. Въ виду готовившихся важныхъ событій, вѣнскій кабинетъ, вѣрный своей уклончивой политикѣ, предписалъ военачальникамъ въ Галиціи и Трансильваліи принять къ свѣдѣнію, что въ предстоящей войнѣ Австрія будетъ участвовать не какъ главная сторона, а лишь въ качествѣ вспомогательной силы. Поэтому генераламъ вмѣнялось въ обязанность строго ограничиваться оборонительными дѣйствіями, но показывать видъ, будто подлинно ведутъ войну. При этомъ генераламъ сообщалось также, что, какъ есть основанія предполагать, русскія войска будутъ поступать такимъ же образомъ и что поэтому нападенія съ ихъ стороны опасаться нечего. Словомъ, тутъ повторилось почти то самое, что было въ 1809 г., когда Россія совершенно такъ-же держалась въ Галиціи по отношенію къ австрійскимъ войскамъ. Какъ въ то время Россія, такъ теперь и Австрія, поступая такимъ образомъ, руководилась соображеніемъ объ опасностяхъ, которыми угрожали имъ побѣды Наполеона, и, уступая его давленію, дѣлали видъ, будто воюютъ одна съ другою. Въ Австріи присоединялись къ этому еще и затрудненія, вытекавшія изъ недостатка средствъ. Вѣнское правительство было не въ состояніи вышлачивать своимъ войскамъ жалованье наличными; между тѣмъ, къ его изумленію, Наполеонъ, вопреки дрезденскому соглашенію, назначилъ на австрійскій вспомогательный корпусъ авансомъ всего 500 милліоновъ франковъ.

Между тѣмъ, въ Россіи совершилась катастрофа и отъ вассаловъ и союзниковъ Наполеона, въ томъ числѣ и отъ Австріи, стали требовать усиленія войскъ. Одна за другою приходили въ Вѣну самыя тревожныя извѣстія и вскорѣ начало выясняться громадное значеніе московскаго событія. Въ началѣ декабря въ Вѣнѣ стало извѣстно, что, въ виду огромныхъ денежныхъ потерь, вызывавшихся отступленіемъ большой арміи, Наполеонъ прекращаетъ всякія дальнѣйшія субсидіи австрійскому вспомогательному корпусу. Тогда Меттернихъ увидѣлъ себя въ необходимости измѣнить свою политику, что нѣкоторые изъ дипломатовъ предрекали еще въ ноябрѣ. Иначе и быть не могло при совершенно измѣнившемся положеніи дѣлъ: предпріятіе Наполеона, котораго Меттернихъ считалъ непреодолимымъ, завершилось неудачей, великая армія была уничтожена, а тотъ, кого австрійскій министръ ожидалъ увидѣть распростертымъ въ прахѣ у ногъ цезаря, т. е. императоръ Александръ—по мнѣнію Меттерниха, руководившійся въ своихъ поступкахъ единственно страхомъ передъ Наполеономъ, слабый и безхарактерный человѣкъ—отвергалъ теперь всякое соглашеніе и не хотѣлъ ничего слышать о мирѣ, пока Европа не будетъ освобождена отъ тирана. Особенно поражены были всѣ, въ томъ числѣ и Меттернихъ, колоссальнымъ подъемомъ національ-

наго чувства въ русской народной массѣ, которую привыкли считать косною и недостойною вниманія. Еще не рѣшаясь связать себя съ Россіей, порвавъ связь съ Наполеономъ, Меттернихъ призналъ, однако, что наступила минута, когда Австрія можетъ возвратить себѣ свободу дѣйствій. Онъ началъ съ попытки указать Франціи, что только твердость австрійскаго императора сдерживаетъ 50 милліоновъ человѣкъ отъ вступленія въ борьбу противъ Наполеона и что только Австрія въ состояніи содѣйствовать миру, не оскорбительному ни для одной изъ сторонъ. При этомъ Меттернихъ хотѣлъ, однако, дѣйствовать уже не отъ лица Наполеона, а именемъ Австріи, хотя и въ качествѣ союзницы Франціи. Другими словами, онъ желалъ утвердить за вѣнскимъ дворомъ полную политическую и военную независимость. Наполеонъ, появившійся 10-го декабря въ Варшавѣ, а 14-го въ Дрезденѣ, написалъ изъ этого послѣдняго города императору Францу, требуя, чтобы тотъ выставилъ въ поле 30.000 свѣжихъ войскъ. 18-го декабря онъ былъ уже въ Парижѣ, а въ концѣ мѣсяца прибылъ туда изъ Вѣны генералъ Бубна съ отвѣтомъ австрійскаго императора и съ порученіемъ заявить, что вѣнскій кабинетъ стремится взять на себя посредничество для возстановленія всеобщаго мира, а усиливать вспомогательный корпусъ не можетъ, такъ какъ войска нужны ему для защиты границъ самой монархіи. Въ данной Бубнѣ аудіенціи Наполеонъ старался объяснить свое пораженіе стихійными вліяніями и заявилъ, что будущею весною снова двинется въ Россію съ арміею въ 400.000 человѣкъ и если ему не удастся проникнуть въ глубь имперіи, то онъ отойдетъ за Эльбу и тамъ выждетъ нападенія русскихъ. Онъ былъ крайне озадаченъ, когда Бубна сказалъ ему, что вѣнскій дворъ хотя и готовъ сдѣлать все въ видахъ установленія мира, однако твердо рѣшилъ не дѣлать ни шага сверхъ того, что условлено было мартовскимъ союзнымъ договоромъ, такъ какъ будущая война не имѣла бы цѣли, да и австрійскіе народы противятся союзу съ Франціей. Тогда Наполеонъ воскликнулъ: «Ну, хорошо; заключимъ миръ. Пусть императоръ Францъ вслухъ говоритъ съ Россіей!»

Въ эту пору главною цѣлью Меттернихъ ставилъ себѣ сохранять пока союзъ съ Франціей и обезпечить за Австріею руководящую роль въ дѣлѣ возстановленія мира; все остальное онъ ставилъ въ зависимость отъ хода событій.

Въ началѣ франко-русской войны, когда съ театра военныхъ дѣйствій получались все болѣе и болѣе неблагопріятныя для русскихъ извѣстія, Меттернихъ находилъ, что Россіи ничего хорошаго ожидать уже нельзя. По его мнѣнію, она находилась въ состояніи полнаго разложенія и могла бы быть спасена только скорѣйшимъ заключеніемъ мира. Кутузовъ, на взглядъ австрійскаго министра, поступилъ недостойно, взявъ на свои слабыя плечи благо и существованіе Россіи. Русскій способъ

вести войну казался Меттерниху заслуживающимъ всякаго порицанія: онъ называлъ ошибкою защиту дороги на Петербургъ, котораго все равно спасти невозможно. Русскіе—находилъ онъ—сами загнали себя въ мѣшокъ и заманиваютъ Наполеона прямо на себя. Но пока Меттернихъ такъ глубокомысленно судилъ о происходившемъ, положеніе дѣлъ внезапно и неожиданно измѣнилось. Пожаръ Москвы и отступленіе великой арміи поразили весь міръ изумленіемъ и хотя, на первыхъ порахъ, никто не зналъ еще размѣровъ этой катастрофы, однако, уже первыя вѣсти о ней заставляли предчувствовать нѣчто выходящее изъ ряда вонъ.

Россія признала, что въ такую минуту всего умѣстнѣе сблизиться съ Австріей и, если возможно, привлечь ее на свою сторону. Въ ноябрѣ къ Меттерниху явился графъ Разумовскій, проживавшій въ Вѣнѣ, въ качествѣ частнаго человѣка. Домъ его служилъ средоточіемъ вѣнскаго высшаго общества, но тамъ же собирались и противники Наполеона, вслѣдствіе чего за Разумовскимъ зорко слѣдили изъ Парижа. Явившись къ Меттерниху, графъ сказалъ, что имѣетъ отъ императора Александра полномочіе выяснить съ Австріею нѣкоторые вопросы, а главное—узнать, не желаетъ ли она воспользоваться настоящею минутой, чтобы вновь сдѣлаться независимою отъ Наполеона, чего легко было бы ей достигнуть, сблизившись съ Россіей. Меттернихъ, снесшись предварительно по этому поводу съ Штакельбергомъ, чтобы узнать, далеко ли можно заходить въ объясненіяхъ съ Разумовскимъ, заявилъ оффиціальнымъ путемъ, что на вопросъ о томъ, желаетъ ли Австрія освободиться отъ Наполеона и примкнуть къ Россіи, отвѣтомъ служатъ добросовѣстность императора Франца и текстъ австро-французскаго договора; еслибы Австрія пошла инымъ путемъ, то она не могла бы впредь разсчитывать на довѣріе ни одной изъ державъ. Другими словами, онъ заявлялъ, что вѣнскій дворъ намѣренъ стоять на почвѣ мартовскаго союзнаго договора, не выходя за предѣлы возложенныхъ имъ на Австрію обязательствъ. Кромѣ того, Россіи указывалось на выгоды, которыя могутъ проистечь для нея изъ мирнаго посредничества вѣнскаго кабинета. И такъ, первыя заявленія Меттерниха по отношенію къ Россіи казались болѣе или менѣе холодными; но, по мѣрѣ того, какъ становились извѣстны подробности ужасной московской катастрофы, а Наполеонъ вернулся въ Парижъ, австрійскій министръ дѣлался все довѣрчивѣе и любезнѣе. Словамъ Наполеона о томъ, что будущею весною онъ снова двинется противъ Россіи съ громадною арміей, Меттернихъ не вѣрилъ, и внимательность его къ петербургскому двору все возростала. Онъ тщательно старался устранить всякіе поводы къ неудовольствію или недоразумѣніямъ въ Петербургѣ. Вообще, онъ рѣшилъ, что съ Россіею надо сблизиться, отчасти въ виду измѣнившагося положенія Европы, отчасти потому, что, по извѣстіямъ изъ Петербурга, Рос-

сія поднимала польскій вопросъ, къ которому Австрія не могла относиться безучастно. Чрезъ своего представителя въ Варшавѣ, гофрата Баума, вѣнскій кабинетъ зналъ, что во время войны отношенія между Наполеономъ и поляками ухудшились; зналъ онъ также и то, что выполненіе слишкомъ широкихъ требованій поляковъ нанесло бы ущербъ интересамъ Австріи: поляки домогались, чтобы къ новому королевству причислено было 16 милліоновъ жителей, причемъ варшавскіе правители особенно зарились на два галиційскихъ округа. Наполеонъ оставилъ эти требованія безъ вниманія и выразилъ неудовольствіе всѣмъ польскимъ патріотамъ, послѣ чего поляки стали смотрѣть на вещи трезвѣе и стали спокойнѣе, отчасти подъ вліяніемъ оскудѣнія средствъ польской знати. Это было пріятно вѣнскому кабинету, никогда не желавшему основанія польскаго королевства подъ покровительствомъ Наполеона; Меттернихъ готовился даже поспособствовать усиленію розни между императоромъ и варшавянами. Еще до войны поляки задумали ходатайствовать передъ императоромъ Александромъ о возстановленіи польскаго королевства Россіею, и ходатайство это было отправлено съ особымъ посланцемъ по назначенію. Въ Россіи еще ранѣе существовало намѣреніе двинуть войска въ Варшавское герцогство и провозгласить императора Александра польскимъ королемъ, но мысль эта была оставлена. Теперь же, послѣ изгнанія французовъ изъ Россіи, проектъ этотъ вновь выдвинулся на очередь при всеобщемъ сочувствіи поляковъ. Но Австріи не могло казаться допустимымъ возстановленіе Польши, при которомъ стало бы ненадежнымъ владѣніе Галиціею и Познанью; кромѣ того, нежелательно было также и расширеніе Россіи до Вислы. Въ Вѣнѣ думали, впрочемъ, что до тѣхъ поръ, пока Россія будетъ надѣяться на разрозненіе вѣнскаго кабинета съ Франціею, она не приступитъ къ разрѣшенію польскаго вопроса; поэтому австрійская политика должна была стараться поддерживать Россію въ колебаніи между страхомъ и надеждою, чтобы не допустить на сѣверѣ новаго «совершившагося факта», такъ какъ послѣ побѣды Кутузова вѣнскій кабинетъ не сомнѣвался, что русскія войска вступятъ въ Варшавское герцогство.

На этомъ мы вынуждены прервать наши выдержки изъ книги Денелича: привсей ихъ сжатости, онѣ и безъ того уже заняли слишкомъ много мѣста. Въ заключеніе, остается отмѣтить, что двѣ послѣднія статьи книги посвящены описанію дипломатической дѣятельности Меттерниха во время заключенія русско-турецкаго мира въ Бухарестѣ и отношеній Австріи къ скандинавскимъ государствамъ, Неаполю и Англіи въ 1812 году.

А. Рѣдкинъ.

*

Справка о Львѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ.

Отношеніе министра народнаго просвѣщенія А. Шишкова начальнику Главнаго штаба.

16-го ноября 1824 г.

На секретное отношеніе вашего превосходительства отъ 14-го текущаго мѣсяца за № 50, честь имѣю сообщить, что Пушкинъ, о которомъ вы спрашиваете меня, есть сынъ 5-го класса Сергѣя Пушкина; самого его зовутъ Львомъ. Онъ опредѣленъ въ январѣ мѣсяцѣ 1823 г. въ бывшій департаментъ духовныхъ дѣлъ, по виду, выданному ему изъ герольдіи о дворянскомъ его происхожденіи; чина до нынѣ никакого не имѣетъ. При опредѣленіи не представлено отъ него аттестата о его ученіи. Нынѣ же показалъ онъ, что обучался около двухъ лѣтъ въ здѣшнемъ университетскомъ пансіонѣ и исключенъ изъ онаго въ началѣ 1821 года, по поводу обиды, сдѣланной учениками сего пансіона учителю Пенинскому. Въ департаментѣ духовныхъ дѣлъ не замѣченъ онъ въ худыхъ поступкахъ.

Поспѣшаю извѣстить о семъ ваше превосходительство. Между тѣмъ требую я точнѣйшей справки, за что именно Пушкинъ исключенъ изъ пансіона, и о послѣдствіи не умедлю васъ, милостивый государь мой, увѣдомить.

Изъ переписки декабристовъ.

(Письма фонъ-деръ Бригена и Я. Казимірскаго князю Евг. Петр. Оболенскому).

I.

Письма фонъ-деръ-Бригена—Е. П. Оболенскому.

1.

Туринскъ, 22-го сентября 1850 г.

Любезнѣйшій Евгеній Петровичъ! Степанида Ивановна передала мнѣ, вмѣстѣ съ письмомъ отъ Трубецкаго, присланнымъ сюда Ив. Ив. Пущинымъ, требованіе, чтобы я обратилъ книги, которыя получилъ въ Ялуторовскѣ. Я много виноватъ и прошу меня простить великодушно, что такъ долго ихъ задержалъ; но, право, въ суетахъ и хлопотахъ не имѣлъ досуга кончить «Louis Blanc» съ должнымъ вниманіемъ. Попроси отъ меня Ивана Дмитріевича, чтобы позволилъ мнѣ его продержать, и скажи ему, что эта книга приводитъ меня въ восторгъ. C'est un chef d'oeuvre dans toute la force du terme, а такія книги не читаются слегка и требуютъ времени. Я не знаю писателя, который бы ближе подходилъ къ Тациту, знаніемъ человѣческаго сердца, какъ Louis Blanc, однимъ словомъ,—это прелесть! Съ будущею почтою вышлю я къ вамъ «les Memoires d'outre-tombe», который вчера кончилъ, «la Revue Britannique», которой весьма посредственъ, и цѣлую кипу газеты «Siècle».

Скажу теперь нѣсколько словъ о себѣ. Послѣ скучнаго путешествія (отъ Ялуторовска до Туринска ѣхалъ я почти все шагомъ по причинѣ грязи), прибылъ я сюда 20-го іюля и по сіе время стою еще на постоялой квартирѣ, потому, что квартира, которую я нанялъ противъ Басаргинскаго дома, занята еще судьею. Въ Туринскѣ нашелъ

я людей добрыхъ и въ томъ числѣ Башарина, человѣка умнаго, съ которымъ я довольно хорошо сошелся. Въ особенности полюбилъ я Ржоншевскаго, съ коимъ почти каждый день видаюсь. Онъ мнѣ много разсказывалъ о Лунинѣ, котораго видѣлъ за двѣнадцать дней до его смерти. Лунинъ умеръ скоропостижно, и лѣкарь Орловъ, который его вскрывалъ, за неимѣніемъ инструментовъ, разрубилъ ему голову топоромъ. Лунинъ за годъ до смерти очень измѣнился, сдѣлался молчаливъ и скученъ. Онъ все ожидалъ, что его разстрѣляютъ, и эта мысль поселила въ немъ боязнь смерти. Съ Высоцкимъ, который всегда съ нимъ спорилъ, жилъ онъ хорошо и говорилъ, что только два человѣка его поняли: Никита Муравьевъ и Марья Николаевна Волконская. Себя онъ изнурялъ суровою жизнью, былъ до крайности скупъ и никому ничего не давалъ; послѣ же смерти его остался огромный запасъ разныхъ вещей, изъ коихъ часть сгнила, а остальное разворовали. Прости. Твой А. ф.-д.-Б.

Прошу сказать усердный поклонъ всѣмъ нашимъ, да пожалуйста пиши.

2.

Туринскъ, 15-го января 1851 г.

Поздравляю тебя, любезнѣйшій Евгеній Петровичъ, съ новымъ годомъ и желаю тебѣ отъ души всего лучшаго, не только на этотъ 1851-й годъ, но и еще на многія и многія лѣта. Конецъ прошлаго и начало нынѣшняго года были для меня не совсѣмъ благопріятны, потому что съ 23-го декабря слегъ я въ постель, съ коей всталъ только дня четыре тому назадъ. Начало моей болѣзни была простуда, которая перешла въ геморроидальные припадки, сопряженные съ такою жестокою болью въ поясницѣ, что я и въ постелѣ не иначе могъ пошевелиться, какъ съ помощью людей. Теперь я брожу по комнатѣ и хотя еще слабъ, но сегодня выходилъ на улицу подышать воздухомъ. 22-го декабря отправилъ я къ тебѣ письмо, въ коемъ просилъ прислать мнѣ адресъ С. П. Трубецкаго. Я имѣю надобность къ нему писать и намѣренъ, послѣ перехваченнаго моего письма г-номъ Горчаковымъ, отправить письмо князю Трубецкому косвеннымъ путемъ. Здѣсь былъ архитекторъ Черненко, который разсказывалъ, что его сіятельство крайне раздраженъ противъ всѣхъ нашихъ тобольскихъ и въ особенности Фонъ-Визина, и что онъ на нихъ написалъ какую-то клевету въ Петербургъ, чему я охотно вѣрю, зная изъ собственнаго опыта, что это, равно какъ и выкрадывать чужія письма, весьма свойственно его сіятельству, которому, въ слѣдъ, въ Петербургъ, я пустилъ нѣсколько выстрѣловъ à

boulets perdus. Пожалуйста сообщи, что у васъ новаго. Я здѣсь живу въ такой глуши, что рѣшительно ничего не знаю.

Прости, Евгеній Петровичъ, кланяюсь всѣмъ нашимъ и не забывай искренно преданнаго тебѣ А. ф.-д.-Бригена.

3.

1-го іюня 1851 г.

Слухи носятся, что къ 22-му августа дѣлаются большія приготовленія въ Москвѣ, куда цѣлый гвардейскій корпусъ, будто бы, будетъ перевезенъ въ 22 часа, каковъ подвигъ? Говорятъ о великихъ милостяхъ, въ коихъ и насъ грѣшныхъ не забудутъ, что очень возможно. Но я даже и не воображаю себѣ, что будетъ, дай Богъ только, чтобы не было хуже. Что до меня касается, то я посмотрю, пойдутъ ли, съ прибытіемъ новаго генералъ-губернатора, который теперь уже прибылъ въ Тобольскъ, дѣла въ Западной Сибири лучше. Если же нѣтъ, то я постараюсь, съ Божіею помощью, отсюда выбраться. Гасфортъ человѣкъ очень хорошій, но самъ онъ не прогонитъ всю горчаковскую сволочь, то хорошаго мало ожидать. На старыхъ дрожжахъ будетъ плохое пиво. Я думаю, тебѣ уже извѣстно, что Глѣбову, Л. Кюхельбекеру, Веденяпину и еще двумъ изъ славянъ [1]) разрѣшено разъѣзжать по цѣлой Сибири.

Прошу сказать отъ меня поклонъ всѣмъ нашимъ господамъ. Если у васъ есть какія-нибудь литературныя новости, то прошу мнѣ, при случаѣ, сообщить ихъ сюда. Очень желалъ бы я прочесть продолженіе «Mémoires d'outre-tombe», которыя вѣроятно у васъ уже и получены. Но главное прошу не забывать, что я здѣсь живу въ такой глуши, какъ бы въ Камчаткѣ, и не получаю даже такихъ извѣстій, которыя собственно до меня касаются, въ каковомъ недостаткѣ прошу тебя по возможности мнѣ пособить.

Прости, любезный Евгеній Петровичъ, жму тебѣ крѣпко руку и остаюсь на всегда душевно тебѣ преданный Б.

4.

22-го апрѣля 1855 г.

Любезнѣйшій Евгеній Петровичъ! Обжогъ руки, препятствовавшій мнѣ около шести недѣль держать перо, былъ одною изъ причинъ продолжительнаго моего молчанія. Пишу тебѣ эти строки, среди уложенныхъ сундуковъ и чемодановъ, готовый къ отъѣзду въ Курганъ. Тебѣ вѣроятно объ этомъ моемъ перемѣщеніи уже извѣстно. Я этимъ обязанъ

[1]) Т. е. бывшимъ членамъ Славянскаго общества.

единственно губернатору и искренно ему за то благодаренъ. Не взирая на мое желаніе побывать у васъ въ Ялуторовскѣ, едва-ли мнѣ это удастся. Я ѣду на протяжныхъ со всѣмъ моимъ домомъ прямо въ Курганъ и если мнѣ не удастся завернуть къ вамъ съ дороги, то постараюсь въ теченіе лѣта пріѣхать нарочно туда, чтобы съ тобою видѣться. Сколько совершилось въ это время событій, которыя, можетъ быть, будутъ имѣть нѣкоторое вліяніе и на наше положеніе. Я невольно вспомнилъ въ этомъ случаѣ Давида, изъявляющаго на смертномъ одрѣ послѣднюю свою волю Соломону, прочти въ книгѣ «Царствъ» III, 2, 5 — 9, и прочти это со вниманіемъ. Что касается до меня, то, отживъ уже свой вѣкъ, я смотрю на всѣ событія какъ бы они значительны ни были, какъ на нѣчто, или вовсе или весьма мало до меня касающееся. Хорошаго я ничего не ожидаю, а предвижу только горькія испытанія, которыя предстоятъ нашему отечеству. Провидѣніе, для коего человѣкъ цѣль, а не средство, ведетъ народы совсѣмъ другими путями отъ тѣхъ, которые себѣ предполагаютъ наши политики и дипломаты, и едва-ли когда-нибудь было это такъ очевидно, какъ въ наше время, когда сравниваешь значительность событій и ничтожество людей, воображающихъ себѣ, что они двигатели. Странно, что въ манифестѣ по случаю нынѣшняго вступленія на престолъ ни словечка не сказано объ улучшеніи быта народнаго...

Здоровье мое посредственное, иногда бываю такъ слабъ, что не въ состояніи даже ни о чемъ думать. Въ этихъ случаяхъ обращаю я взоры къ Распятію, подъ коимъ написалъ изъ посланія къ Евреямъ, 12, 3: «Помышляйте о претерпѣвшемъ такое надъ собою поруганіе, чтобы вы не унывали и не ослабѣвали въ душахъ вашихъ». Эти слова ободряютъ меня и служатъ вмѣсто спирту для души.

Если увидимся, то много будетъ намъ о чемъ поговорить. Прости, кланяйся отъ меня нашимъ. Господь да будетъ съ тобою и семействомъ твоимъ.

Писать ко мнѣ въ Курганъ можешь на имя купца Семена Ивановича Березина, товарища Сысенина.

5.

16-го марта 1856 года.

Любезный Евгеній Петровичъ. Степанида Ивановна передала мнѣ пріятную новость о возвращеніи Фонъ-Визина на родину. Я душевно этому радуюсь и прошу тебя, при проѣздѣ Михаила Александровича чрезъ Ялуторовскъ, передать ему и Натальѣ Дмитріевнѣ дружеское мое привѣтствіе по этому случаю. Фонъ-Визинъ одинъ изъ самыхъ старыхъ моихъ товарищей въ Сибири. Мы съ нимъ

служили въ Измайловскомъ полку, офицерами въ одной ротѣ. Я воображаю, какъ они должны быть рады вырваться изъ этой могилы, называемой Тобольскъ, дабы дожить въ тишинѣ и покоѣ какой-нибудь десятокъ лѣтъ, который имъ остается доживать. Но всѣ ли въ одномъ положеніи? Многіе изъ нашихъ вѣроятно не захотятъ воспользоваться возвращеніемъ, если бы оно имъ было предложено, и я, кажется, принадлежу къ этому числу. Изъ того, что возвращаютъ Михаила Александровича, нельзя еще заключить, что станутъ возвращать всѣхъ тѣхъ, коихъ родственники будутъ объ этомъ домогаться. Конечно, большая часть изъ нашихъ положатъ свои кости въ Сибири. Это событіе доказываетъ, что Николай Павловичъ не такъ недоступенъ, какъ его представляютъ, а меня оно еще болѣе убѣждаетъ въ давнишней моей мысли, что онъ столько же превышаетъ душою и сердцемъ своихъ приближенныхъ и сановниковъ (Горчаковыхъ, Гасфордовъ, Анненковыхъ и пр. и пр.), сколько онъ ихъ превышаетъ своимъ саномъ, а въ заключеніе всего этого, нельзя не согласиться съ Монтанемъ и Паскалемъ, что человѣкъ есть самое жалкое и юродивое твореніе, обитающее на земномъ шарѣ. О себѣ я не имѣю ничего особеннаго сказать. Гасфордъ боленъ, вѣроятно отъ усилія казаться молодымъ передъ невѣстою. Онъ краситъ себѣ волосы, усы и даже мажетъ чѣмъ-то губы! Недѣли двѣ тому назадъ я къ нему писалъ по своимъ дѣламъ, и любопытенъ видѣть его отвѣтъ. Тебя прошу, сдѣлай милость, увѣдомь, если случится или узнаешь что-нибудь такое, что мнѣ полезно знать. Всѣмъ нашимъ господамъ передай отъ меня поклонъ, прости и не забывай преданнаго тебѣ А. фонъ-деръ-Бригена.

Адресуй сюда письма Александрѣ Тихоновнѣ Томниковой.

6.

16-го сентября 1856 года.

Поздравляю тебя, любезнѣйшій другъ Евгеній Петровичъ, со Всемилостивѣйшимъ манифестомъ. Обнимаю тебя отъ всего сердца и радуюсь за твоихъ дѣтей. Манифестъ, для тебя собственно, равно какъ и для меня довольно незначителенъ; но для родителей, имѣющихъ дѣтей, онъ благодѣтеленъ. Возвращеніе потомственнаго дворянства для меня безполезно, потому что службою въ Сибири я заслужилъ себѣ дворянство личное. Предположеній для себя я никакихъ не дѣлаю, а буду соображаться съ обстоятельствами, въ упованіи, что Богъ меня не оставитъ и укажетъ, по какому пути идти.

Ни въ какомъ случаѣ я здѣшняго моего семейства не оставлю на произволъ судьбы. Это было бы грѣшно предъ Богомъ и безчестно предъ людьми. Я полагаю, что для насъ будутъ какія-нибудь распоря-

женія и что выдадутся прогоны въ Россію, но и съ этимъ, вѣроятно, многіе изъ нашихъ не пожелаютъ возвратиться въ Россію. Здѣсь мы имѣемъ передъ глазами много гадостей, а тамъ едва-ли не болѣе, но здѣсь это вознаграждается матеріальнымъ благосостояніемъ, а тамъ нищета. Здѣсь сто рублей равняются тамошней тысячѣ и пр. и пр.

Сдѣлай милость, объясни мнѣ, какого рода заведеніе въ Нижнемъ, въ коемъ воспитывается дочь Пущина, и возможно ли будетъ мнѣ воспользоваться этимъ, чтобы помѣстить туда твою знакомую Машеньку. Какія тутъ будутъ издержки, я, разумѣется, возьму на себя. Мнѣ бы очень хотѣлось дать образованіе этому милому дитяти. Ей 13-й годъ.

Царь имѣетъ доброе сердце, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, и объ этомъ я слышалъ отъ Жуковскаго. Но, къ несчастію, люди, которые его окружаютъ, не соотвѣтствуютъ своему званію. Самое легкое обозначеніе имъ—эгоисты.

Я вполнѣ увѣренъ, что царь съ бою у нихъ вырвалъ эти милости, дарованныя манифестомъ, которыя мы, послѣ 30-ти лѣтняго изгнанія, принимаемъ въ гомеопатическихъ пилюлькахъ. Увидимъ, что скажетъ гр. Орловъ на мое письмо. Прости, мой другъ, да пожалуйста пиши.

А. ф. д. Бригенъ.

7.

22-го сентября (1856 г.)

Поспѣшаю, любезнѣйшій другъ мой Евгеній Петровичъ, сообщить о радостномъ для меня событіи, которое, по добротѣ твоей и дружбѣ ко мнѣ, и тебя порадуетъ. Съ послѣднею почтою получилъ я письмо отъ князя Орлова, вотъ оно: «Милостивый Государь Александръ Ѳедоровичъ! Съ особеннымъ удовольствіемъ поспѣшаю [1]) препроводить при семъ къ вамъ копію съ письма ко мнѣ шефа жандармовъ генералъ-адъютанта князя Долгорукова о всемилостивѣйшемъ соизволеніи на производство вамъ, въ случаѣ оставленія вами службы, ежегоднаго пожизненнаго пособія по 285 р. сер. Примите увѣреніе въ моемъ почтеніи и преданности. К. Орловъ». Долгорукій увѣдомляетъ, что онъ уже сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія о приведеніи въ исполненіе высочайшей воли по этому предмету. И такъ благодаря Бога, одна рука въ отношеніи къ здѣшнему моему семейству развязана, я имъ предоставлю пользоваться этою монаршею милостью, а тамъ впередъ что̀ Богъ дастъ. Въ будущемъ мѣсяцѣ подаю я просьбу въ отставку, а тамъ буду располагать, смотря, сколько получу денегъ изъ дому, вѣдь однихъ прогоновъ понадобится до 400 р. сер. Дочь моя Гербель съ мужемъ (ротм. гвард.

[1]) Мое письмо было отъ 29-го іюля.

Улан. полка) умоляютъ меня переселиться къ нимъ въ Петергофъ!... Признаюсь, и я имѣю туда особое влеченіе. Довольно странно, если бы мнѣ привелось провести конецъ моей жизни въ Петергофѣ, который моя Любочка предпочитаетъ Петербургу. Теперь вотъ еще другое, не менѣе радостное для меня событіе. Моя Александра Тихоновна начала выздоравливать отъ ужасной болѣзни, которая ее постигла въ началѣ этого года. Мысль, что я ее оставлю, несмотря на всѣ мои увѣренія, такъ сильно на нее подѣйствовала, что она впала въ глубокую меланхолію, слѣдствіемъ коей были сильнѣйшіе истерическіе припадки, такъ что эта, въ продолженіе 19 лѣтъ, тихая и кроткая женщина дошла до сумасшествія. Въ припадкахъ бѣшенства, на которые страшно было смотрѣть, рвала она все на себѣ, била и бросалась на людей, такъ что, при необыкновенной силѣ, которая появлялась въ ней въ эти минуты, едва два сильныхъ человѣка могли надѣвать на нее лазаретную рубаху и сажать ее подъ запоръ; чтобы облегчить свои мученья, она прибѣгала къ вину, но это еще болѣе ее раздражало. Мнѣ она чуть-чуть не перекусила палецъ. Образумившись, бросилась въ ноги, со слезами просила прощенья. Просто сказать: это такое удивительное и внезапное явленіе, что я готовъ вѣрить, что въ нее вселился бѣсъ, чему примѣры въ св. писаніи. Третьяго дня былъ у нея пароксизмъ, но не такъ сильный. Можешь себѣ представить, каково было мое положеніе! Тягостную, унизительную и гадкую службу несъ я, какъ крестъ, и принималъ это съ радостью за эпитимію, наложенную на меня за мои грѣхи, и за необдуманную слабость, которая навлекла на меня столь тяжкія послѣдствія. Благодареніе Всевышнему, что благодѣяніе Орлова дало мнѣ возможность обезпечить моихъ, безъ отягощенія моихъ дѣтей въ Россіи. Я былъ виноватъ, и Богъ облегчилъ мнѣ тягость моего душевнаго наказанія. Князя Орлова я буду благодарить письмомъ. Многіе меня навѣщаютъ и просятъ показать имъ почеркъ руки, подписавшей Парнанскій трактатъ. Если выѣду въ Россію, то якорь брошу на первый разъ въ Петергофѣ. Дочь моя выпроситъ чрезъ Орлова позволеніе мнѣ тамъ жить. Послѣдняя почта привезла мнѣ письмо отъ Л. М. Нарышкина, который проситъ меня, по дорогѣ, заѣхать къ нему. Я его душевно люблю, это прямой израильтянинъ, въ коемъ нѣтъ лжи, почти въ такомъ же родѣ и С. Г. Волконскій; смерть Фохта дала мнѣ случай узнать эту прекрасную душу.

Насчетъ дѣтей моихъ вотъ мои предположенія. Я думалъ отвезти Катеньку и знакомую твою Машеньку въ Туринскій монастырь. Игуменья тамъ добрая и умная старуха, она ихъ всегда любила. Я имъ буду посылать безбѣдное содержаніе, и онѣ могутъ тамъ прожить года два или три, а тамъ увидимъ, что Богъ дастъ. Это лучшее, что я могъ придумать въ настоящую минуту. Колю моего я возьму съ собою. По-

жалуйста вышиши себѣ «Жизнь Іисуса Христа», Неандра. Это дивное сочиненіе, написанное съ умомъ и съ теплою вѣрою.

Прости, любезный Евгеній, Господь да пребудетъ съ тобою и съ твоимъ семействомъ. А. ф. д. Бригенъ.

Увѣдоми, когда думаешь пуститься въ путь. Да пожалуйста сообщи, что узнаешь касающагося до насъ. Здѣсь совершенная глушь.

II.

Письма Якова Казимірскаго—Е. П. Оболенскому.

1.

17-го февраля, Омскъ.

Дорогой мой князь Евгеній Петровичъ!

Благодарю васъ за ваше доброе письмо отъ 20-го января, радуюсь, что нахожу въ васъ все того же добрѣйшаго, снисходительнаго и неизмѣннаго друга. На старости лѣтъ и больному, какъ я, отрадно чувствовать отголосокъ сердца!...

Я былъ въ Богеміи и частью въ Саксоніи;—болѣе нигдѣ не былъ: Маріенбадъ, Теплицъ и Дрезденъ насъ восхищали, и дѣйствительно все тамъ хорошо устроено, подъ благословеннымъ небомъ, и роскошная природа даетъ здоровье и счастье человѣку. Но какъ грустно возвращаться въ отечество! въ особенности мнѣ въ Сибирь!!... Какая тутъ можетъ быть поправка здоровья? что было поправилось тамъ—то опять вновь расклеилось здѣсь! .. но все-таки милость Бога велика ко мнѣ, и я не долженъ роптать. Правда, что морозы въ 30° и болѣе съ 1-го февраля и по сегодня и кажется на долго, хоть какое здоровье покоробятъ, но упованіе есть, что должно быть и полегче, и солнце уже подогрѣваетъ, а все морозъ сильно морозитъ. У васъ вѣроятно теперь пахнетъ весною?

Недавно гостилъ у меня и ночевалъ добрѣйшій графъ Амура (Муравьевъ) проѣздомъ въ Петербургъ. Сколько добрыхъ часовъ онъ мнѣ подарилъ! 5-го марта я буду ожидать курьера его съ извѣщеніемъ о подробностяхъ будущаго графа: т. е. поѣдетъ ли онъ обратно или ускачетъ за границу; онъ боленъ и постарѣлъ. Довольно дѣйствовалъ, имѣетъ право отдохнуть, а сколько у него завистниковъ въ Петербургѣ и враговъ? и какъ злобный Иркутскъ выразилъ свою злобу на графа, по случаю несчастной дуэли Беклемишева, несмотря, что графъ былъ далеко, а все-таки обвинили его, какъ начальника, который будто училъ и внушалъ молодымъ людямъ буйство и звѣрство!... Какая глупая дичь и сплетня! назвали

молодежь шайкою убійцъ!...[1]) и этому вѣрили въ Петербургѣ! и даже писали въ газетахъ за границей!

Но истина рано ли, поздно ли, но всегда возьметъ свое, и графъ нашъ получитъ должное, т. е. ему отдадутъ справедливость, а клевета и низость будутъ наказаны.

Проѣзжая въ обратный путь черезъ Ялуторовскъ, мы остановились въ домѣ Балакшина и пили у нихъ чай. Сколько воспоминаній пробѣжало въ моей памяти!!...[2]), и образъ незабвеннаго убывшаго друга! и васъ всѣхъ, и чудныя минуты давно бывшаго въ нашихъ бесѣдахъ... Мнѣ приходитъ на мысль, что если бы васъ не тронули изъ Ялуторовска, всѣ бы были живы и благополучны! Конечно, странная мысль и еще къ этой мысли мысль, что бракъ его съ Н. Д. убилъ почти его?... Вотъ идея! не правда ли, что дикая, а между тѣмъ она неоднократно приходила и приходитъ мнѣ въ голову!

Вы знаете, какъ его тиранили его сестры? какъ не хотѣли признать его дѣтей и проч. и проч., эти сердечныя неудовольствія сломали этотъ сильный организмъ и убили нашего И. И. (Пущина).

Что дѣлать! вотъ и я подломанное дерево!...

Скажите, любезный другъ, хорошо ли поживаете вы въ Калугѣ? мнѣ сдается, что вы всѣ, ваша колонія хорошо устроились и хотя смирно и тихо, но хорошо. Увѣдомьте подробно и передайте мои поклоны и пожатіе руки и семьѣ вашей и всѣмъ друзьямъ. Только прошу не жать руку у Шамиля: на немъ много русской крови... Мнѣ кажется, онъ все еще волкъ, только на время въ овечьей шкурѣ! а ваши петербургскія барыни бѣгали за нимъ! это было на моихъ глазахъ.

Что вамъ сказать о себѣ? Я, право, не знаю, что будетъ со мною! моя участь теперь въ рукахъ Н. Н. (Муравьева-Амурскаго): онъ будетъ хлопотать. Жаль, что не накопилъ капиталъ, чтобъ жить въ отставкѣ... что дѣлать? самъ виноватъ!

Пишите, мой милый другъ! я буду вѣрнымъ вашимъ корреспондентомъ, обнимаю васъ! Глаза устаютъ, надобно отдохнуть. Преданный вамъ Яковъ Казимірскій.

P. S. А знаете ли, что мнѣ пришло въ голову, бывши въ Москвѣ? Начать писать записки нерчинскаго плацъ-маіора въ 1838 и 1839 году и потомъ коснуться до жизни вашей на поселеніи etc. etc...

Не знаю, хватитъ ли терпѣнія и силы на то? и знаете, кому посвятить эти записки?... ну, угадывайте сами, а я не скажу теперь, только не подумайте, что графу Амурскому; развѣ кому повыше, какъ это вамъ кажется? скажите votre opinion la dessus.

---

[1]) Точки въ подлинникѣ.

[2]) Точки вездѣ въ подлинникѣ.

2.

12-го апрѣля 1859 г. (?).—Омскъ.

Съ наслажденіемъ прочиталъ листокъ вашъ отъ 2-го марта, полученный мною въ 1-й день великаго праздника, какъ красное яичко,—о князь Евгеній Петровичъ! Первая мысль моя была о вашемъ добромъ сердцѣ и чрезвычайной мягкости вашихъ христіанскихъ чувствъ! что вы за доброе и при томъ милое существо! и хотя бываютъ и у васъ капризы, но ensemble вашъ превосходный!.... Вы истинный христіанинъ и при томъ хорошій проповѣдникъ, что сказалъ мнѣ (выслушавъ часть вашего письма) нашъ Степанъ Яковлевичъ, онъ кланяется вамъ, благодаритъ и будетъ писать.

Прежде всего надобно съ вами похристосоваться въ этомъ письмѣ, хотя въ первый же день я это исполнилъ мысленно, читая ваши строки.—Христосъ Воскресъ! и да воскреснетъ въ Россіи давно умершая благодатная свобода и честная служба! а главное любовь къ отечеству въ дворянскомъ сословіи, которое не можетъ похвалиться этимъ чувствомъ ни въ древнія времена, ни въ позднія, потому что защищаться отъ вторженія непріятеля въ наши предѣлы, въ нашу собственность не есть выраженіе любви къ отчизнѣ, а болѣе чувство самосохраненія и боязни!

Теперь обратимся къ тѣмъ высокоутѣшительнымъ словамъ, которыя ваше сіятельство изволили изречь касательно моей полезной службы, касательно моего дѣятельнаго участія въ современномъ великомъ переворотѣ въ Россіи!....

О князь, милый, добрый! о мечтатель! о златоустъ, хотя не Іоаннъ!—Въ какомъ вы заблужденіи! Правда, я принадлежу къ общему механическому колесу администраціи, но не въ видѣ дѣятельности—что составляетъ всю мою ничтожность и мое горе,—я есть клочекъ главной идеи Николая и хоть меня поддерживаетъ мысль, что я, представляя сей клочекъ, повернулъ его въ другую сторону, смягчилъ его и умѣлъ выразить въ немъ нѣчто хорошее, которое не отвращало честныхъ людей, а напротивъ заставляло ихъ касаться онаго, какъ вещь полезную и добрую отличительнаго рода, но въ сущности не было положительнаго дѣла, ни положительнаго добра и если была польза, то собственно отъ моего поэтическаго настроенія и только индивидуально! поняли мою фразу?—она довольно напутана и годится на московскій спичъ въ концѣ обѣда и послѣ 10-го бокала!.... Довольно.

Между тѣмъ обращаюсь къ современному вопросу, который составляетъ главный разговоръ въ Россіи и главную (дай Богъ) дѣятельность нашего эгоистическаго и невѣжественнаго дворянства (простите мою дерзость) и бывши свидѣтелемъ и слушателемъ этихъ толковъ въ Петер-

бургѣ, Москвѣ, Нижнемъ и Казани, я не замѣтилъ ни одной звѣздочки на этомъ горизонтѣ, которая порадовала бы русское сердце. Толки, страсти. своекорыстіе и скрытое нехотѣніе.... Въ Сибири же у насъ даже нигдѣ и никогда объ этомъ и не толкуютъ!.

О Сибирь глухая! были бы пильмени да генералъ-губернаторы!—будутъ сыты, будутъ чиновники и будутъ взятки!—а болѣе намъ ни до чего дѣла нѣтъ.

Я доволенъ вашимъ свиданіемъ съ Ростовцевымъ и если это не была комедія со стороны этого лица—я буду уважать и любить этого царедворца и вычеркну его имя изъ списка гасителей.

Я согласенъ съ вами, что наше высшее духовенство, то-есть архіереи, просвѣщенно и высоко; но къ чему они продолжаютъ, исподтишка, гнать раскольниковъ? почему они не гонятъ въ шею невѣжество въ попахъ и въ монахахъ—ихъ корыстолюбіе и развратъ?....

О миссіи въ Іерусалимъ я узналъ только въ вашемъ письмѣ. Я не смѣю судить о степени самоотверженія офицеровъ, обратившихся въ іеромонаховъ (!) и отправляющихся въ Святую землю.—Постигаю, что значитъ этотъ обѣтъ, но слишкомъ развращенъ, чтобъ постигать необходимость этой жертвы, хотя читаю письма святогорца и читаю съ благоговѣніемъ.

Ваши предвидѣнія увлекательны—то же пишетъ и Поджіо; я слишкомъ много терся въ грязи русскаго принсипа и много практически испыталъ духъ и направленіе благороднаго юношества и купечества нашего, а потому сомнѣваюсь, чтобъ съ новымъ поколѣніемъ грядущимъ пошло возрожденіе успѣшно и плавно! Потребно большихъ усилій, переломовъ, можетъ быть продолжительной борьбы... но что мы знаемъ? что такое умозрѣніе человѣка? чепуха или вздоръ. Какія огромныя царства, какія народонаселенія въ мірѣ исчезли съ лица земли, которыхъ теперь осталось одни слѣды едва замѣтные?.... а развѣ оныя не мечтали о продолжительности своего бытія?—а грозный Римъ? Все въ рукѣ Бога, а человѣкъ съ его мудрованіемъ есть прахъ и ничтожество.—Такъ будетъ, какъ будетъ угодно Создателю міра.

Пожалуйста пришлите свой портретъ.

Прошу васъ передать отъ меня поклоны и привѣтствія во-первыхъ вашей сестрицѣ, которую я весьма помню и глубоко уважаю, вашей супругѣ, благодаря ихъ душевно за память обо мнѣ, и поцѣловать вашихъ дѣтушекъ за меня, внушая имъ, что есть на свѣтѣ, далеко на сѣверѣ, человѣкъ, любящій и уважающій папашу ихъ давно и всегда.

Кончаю писаніе—жаль мнѣ васъ стало—вѣрно, утомились, читая мою чепухо-манію. Будьте здоровы и пишите.

Преданный неизмѣнно Яковъ Казимірскій.

P. S. Поблагодарите сестрицу вашу за то гостепріимство, радушіе и

любезность, съ которою я неоднократно былъ принятъ въ ихъ домѣ въ Москвѣ и которыя буду помнить всегда.

Давно ужъ было это!

3.

3-го сентября 1859 г. (?) Омскъ.

Какъ я виноватъ передъ вами, мой добрѣйшій Евгеній-Рюрикъ! мой очаровательный метафизикъ, физикъ и пастырь слова Божія!

Виноватъ по молчанію—но по духу и сердцу всегда правъ передъ вами.

За милое, ласковое письмо отъ 25-го іюня я заплатилъ вамъ неблагодарно, но я говѣлъ въ августѣ и каялся, и получилъ разрѣшеніе.

Простите и вы.

Знаете ли вы мои грѣхи? между многими есть мѣстный: это ненависть къ Омску! — но я увѣренъ, что если бы въ Омскъ переселить прежнихъ ялуторовцевъ—моихъ друзей—я полюбилъ бы горячо этотъ же самый Омскъ, и мы совокупно истребили бы дурную траву, которая растетъ тамъ и заражаетъ воздухъ. — Сильно сказано!

Ваша правда, дворянство наше отживаетъ свой вѣкъ! вольно же ему быть такимъ, каковымъ оно было вѣка!... Вѣка пронеслись съ мыслью, что для него сотворены 12 милліоновъ душъ, чтобъ только угождать и работать для похотей и страстей сего дворянства, котораго достоинства состояли въ обѣдахъ и обстановкѣ дома, а потому не говорите «что бѣдное дворянство», а назовите лучше нелѣпымъ!

Укажите мнѣ случаи, гдѣ дворянство и когда оно выказало высокую черту, одну черту любви къ отечеству?... не скажите, что 1812 годъ, потому что то была общая, необходимая защита своей собственности, а въ 1612 году—самый рѣзкій пробный годъ рыцарства русскаго, что выказало дворянство?

Но да проститъ ихъ Богъ и простятъ люди, которыхъ они мучили и содержали какъ не людей, а скотину.

Вы приглашаете меня, добрый другъ, на радостное свиданіе ваше?— какъ бы я полетѣлъ къ вамъ; но развѣ это можно мнѣ и по разстоянію и по службѣ?

Есть средство впереди, о которомъ я сейчасъ писалъ къ Пущину и пишу къ вамъ, это то, чтобы мнѣ быть въ Москвѣ на мѣсто Перфильева, какъ разъ въ центрѣ моихъ ялуторовскихъ друзей; тогда бы я разъѣзжалъ къ нимъ и жизнь была бы для меня весьма радостная!

Но какъ это сдѣлать? Мнѣ суждено хандрить въ этомъ непристойномъ Омскѣ, и я ужасно ошибся, полагая, что вотъ судьба непремѣнно

вызоветъ меня изъ Сибири при возвращеніи моихъ рыцарей, съ которыми судьбою же я нечаянно былъ тамъ связанъ и физически и морально; но вышло иначе! за грѣхи мои я остался прикованнымъ къ безотрадной Сибири да еще Западной!

Радуюсь извѣстію, что нашъ Батеньковъ получилъ свои 3.000 р. съ процентами, обнимите его за меня и скажите, что собираюсь писать къ нему.

Обнимаю васъ дружески и прошу передать мое привѣтствіе и поклонъ вашей супругѣ. Преданный другъ Як. Казимірскій.

Сообщ. княг. **Мар. Гр. Оболенская**.

Рескрипты князю Салтыкову.

1.

О побѣдѣ надъ Наполеономъ.

11-го іюня 1815 г. Гейдельбергъ.

По приказанію моему начальникъ главнаго штаба моего генералъ-адъютантъ князь Волконскій доставляетъ вамъ вмѣстѣ съ симъ извѣстіе о знаменитой побѣдѣ, одержанной надъ непріятелемъ фельдмаршалами Велингтономъ и Блюхеромъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ поздравляю васъ съ успѣхомъ таковымъ, яко знаменіемъ милосердія Божескаго, сопутствующаго правому дѣлу. Возлагая твердое упованіе на Всевышняго, я надѣюсь, что мощная десница Его не попуститъ торжествовать злодѣйству, увѣнчаетъ союзныя войска новыми побѣдами и ускоритъ тѣмъ окончаніе возникшей брани.

2.

О порученіи министру полиціи Балашеву ревизіи губерній и водвореніи порядка.

11-го іюня 1815 г.

Отправляя съ извѣстіемъ объ одержанной надъ непріятелемъ побѣдѣ генералъ-адъютанта моего и министра полиціи Балашова, я, во вниманіе къ пользамъ службы, признаю за лучшее остаться ему въ Россіи, для употребленій соотвѣтственныхъ (его) опытности, пріобрѣтенной имъ при отправленіи разныхъ государственныхъ должностей.

Получая свѣдѣнія, что во внутреннихъ нѣкоторыхъ губерніяхъ открываются упущенія, я поручаю вамъ воспользоваться въ семъ случаѣ усердіемъ и способностью министра полиціи, возложивъ на него ревизію губерній, обращающихъ болѣе прочихъ вниманіе на себя и приведенія въ законный порядокъ всего того, что найдетъ онъ разстроеннымъ. Донесенія его должны поступать черезъ васъ въ комитетъ министровъ, а мнѣ представлялъ бы онъ только о предметахъ, времени не терпящихъ и превышающихъ власть, комитету данную.

Желательно мнѣ также, чтобы съ осмотромъ губерній вошелъ министръ полиціи въ способы снабженія столицы жизненными припасами, дабы ввести умѣренныя всему цѣны, кои до невѣроятности, какъ я слышу, возвысились и чему причиною не полагаю инаго, какъ злоупотребленіе и монополію.

Александръ Ефимовичъ Измайловъ.

1779—1831 гг. [1]).

VIII.

Измайловъ — редакторъ-издатель. — «Благонамѣренный» — «Сочиненія Озерова». — «Календарь музъ».

Съ журналомъ «Благонамѣренный» по имени знакомъ всякій, кто читалъ «Евгенія Онѣгина»; но большинство имѣетъ о немъ превратное понятіе, основанное на невѣрномъ толкованіи аттестаціи, данной «Благонамѣренному» великимъ поэтомъ. Въ романѣ Пушкина есть такія строки:

„Я знаю: дамъ хотятъ заставить
Читать по-русски. Право, страхъ!
Могу ли ихъ себѣ представить
Съ „Благонамѣреннымъ“ въ рукахъ“...

Въ своихъ примѣчаніяхъ къ этимъ строкамъ Пушкинъ по существу дѣла не далъ сколько-нибудь удовлетворительнаго объясненія [1]), да и не могъ дать, ибо самый журналъ не заключалъ въ себѣ ничего такого, что̀ бы дѣлало его неудобнымъ для чтенія прекрасному полу, а, пожалуй, наоборотъ. Объяснить неблагосклонный отзывъ поэта, дающій большинству поводъ подозрѣвать «Благонамѣренный» въ нѣкоторой нецѣломудренности, можно двояко.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ 1901 г. январь.

[2]) Оно говоритъ только о халатности Измайлова и его откровенности.

Во-первыхъ, Пушкинъ, давая отзывъ о журналѣ, имѣлъ въ виду не содержаніе его, а личность самого его редактора, какъ писателя, произведенія котораго иной разъ замѣтно отзывались циничной сатирой. Во-вторыхъ, тутъ были замѣшаны личные счеты этихъ писателей. Пушкинъ имѣлъ нѣкоторое основаніе считать Измайлова въ числѣ своихъ литературныхъ враговъ, которыхъ, какъ извѣстно, онъ любилъ при случаѣ «взбѣсить дерзкой эпиграммой», выбирая для удара самое чувствительное мѣсто противника. Такимъ чувствительнымъ мѣстомъ Измайлова-писателя было присвоенное имъ званіе «писателя для дамъ»; Пушкинъ и воспользовался имъ, но выбралъ неудачную позицію и, мѣтя въ журналъ, попалъ въ его редактора. Правда, въ данномъ случаѣ, поэтъ далъ промахъ, но цѣль до нѣкоторой степени оказалась достигнутой: журналъ былъ задѣтъ.

Позволивъ себѣ сдѣлать это, на нашъ взглядъ, необходимое отступленіе, переходимъ къ обозрѣнію «Благонамѣреннаго». Не преслѣдуя въ нашей работѣ цѣлей библіографическихъ, мы не намѣрены утомлять вниманія читателя подробнымъ перечнемъ статей и сотрудниковъ «Благонамѣреннаго», равно какъ входить въ детальныя изслѣдованія каждаго отдѣла журнала; отсылаемъ читателя къ упомянутой выше статьѣ Галахова и книгѣ Колюпанова, посвященной біографіи А. И. Кошелева, гдѣ читатель найдетъ не мало подробностей, которыя мы опустимъ, какъ излишнія для нашей цѣли. Мы отвѣтимъ лишь на вопросы, кажущіеся намъ наиболѣе важными и возникающіе прежде всего при изученіи любого журнала, выходившаго въ свѣтъ—по старинному выраженію—«для вкуса и разума» читателей. Вопросы эти слѣдующіе: какова программа, содержаніе и направленіе журнала, какъ онъ относился къ современнымъ ему теченіямъ и направленіямъ въ нашей жизни, къ наукамъ и искусствамъ и какъ выражалъ свои отношенія, какое занимаетъ онъ мѣсто между другими, подобными ему періодическими изданіями и что въ немъ своего, характернаго, оригинальнаго и достойнаго замѣчанія и, наконецъ, какъ отразилось на немъ вліяніе лицъ, стоявшихъ во главѣ его.

За нѣсколько мѣсяцевъ, до появленія въ свѣтъ «Благонамѣреннаго» Измайловъ помѣстилъ на страницахъ «Сына Отечества» [1]) объявленіе о предполагаемомъ изданіи и изложилъ въ общихъ чертахъ программу его, согласно которой журналъ долженъ былъ имѣть два главныхъ отдѣла: 1) литература, наука, художества, политика, 2) смѣсь; но, по мѣрѣ выхода въ свѣтъ книжекъ журнала (12 въ годъ), издатель обѣщалъ постепенно расширять программу. Дѣйствительно, въ концѣ каждаго года (а иногда и среди года) Измайловъ давалъ торжественныя

[1]) „Сынъ Отечества“ 1817 г. № 45.

обѣщанія сдѣлать болѣе содержательнымъ тотъ или другой отдѣлъ, прибавить новый, обратить особенное вниманіе на какую-либо сторону изданія и т. п., но большинство обѣщаній издателя, равно какъ увѣренія его въ исправной выдачѣ книжекъ журнала, оставались лишь обѣщаніями, благими намѣреніями, надъ которыми рѣдко кто упускалъ случай поострить.

У издателя было единственное, но всегда готовое оправданіе, которое онъ предупредительно поставилъ эпиграфомъ своего журнала: выраженіе «On fait ce qu'on peut et non ce qu'on veut»—красовалось на обложкѣ каждой книжки «Благонамѣреннаго» [1]); впрочемъ, иногда оправданія носили болѣе частный характеръ:

„Какъ русскій человѣкъ, на праздникъ загулялъ,
„Забылъ жену, дѣтей, не только что журналъ",

извинялся однажды Измайловъ передъ публикой.

Съ первыхъ же книжекъ «Благонамѣреннаго» публика узнала, что имѣетъ дѣло съ своимъ старымъ знакомымъ, достолюбезнымъ, добродушнымъ фабулистомъ А. Е. Измайловымъ, который, какъ попечительный предсѣдатель Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ и первый другъ и покровитель молодыхъ «словесниковъ» [2]), пришелъ вновь къ нимъ на помощь: затѣялъ журналъ и вполнѣ предоставилъ его своей молодой редакціи. Сѣренькія страницы «Благонамѣреннаго» запестрѣли произведеніями едва, мало или совершенно неизвѣстныхъ до сего публикѣ писателей...

Нѣкоторый успѣхъ Измайловъ имѣлъ: были сотрудники, были подписчики. Но посмотримъ, имѣлъ ли «Благонамѣренный» успѣхъ нравственный и удовлетворялъ ли онъ требованіямъ читателя истинно-просвѣщеннаго. Вотъ, что писалъ о таковомъ успѣхѣ одинъ изъ современниковъ—Н. И. Тургеневъ: «Измайловъ представилъ новое доказательство, что для успѣха недовольно одного только намѣренія» [3]).

Дѣйствительно, не говоря о томъ, что читателю «Благонамѣреннаго» рѣдко удавалось встрѣтить въ этомъ журналѣ серьезную статью по какой-либо отрасли науки или искусства (политикой, можно сказать, журналъ совсѣмъ не интересовался), читателя не могъ удовле-

---

[1]) Въ послѣдніе годы изданія Измайловъ взялъ эпиграфъ для своего журнала изъ Буало: «Aimez qu'on vous conseille et non pas qu'on vous loue».

[2]) К. Н. Батюшковъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ кн. П. А. Вяземскому такъ отозвался объ Измайловѣ, какъ открывателѣ новыхъ талантовъ: „Такъ все преходитъ, все исчезаетъ! На развалинахъ словесности останется одинъ столпъ—Хвостовъ, и Измайловъ изъ утробы своей родитъ новыхъ словесниковъ, которые снова будутъ писать и печатать". («Сочиненія», т. III, стр. 185).

[3]) „Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ", т. I, стр. 102.

творить и отдѣлъ литературный, который наводнялся стихотвореніями; послѣднія и составляли главное содержаніе «Благонамѣреннаго».

Правда, въ первые годы существованія «Благонамѣреннаго» его издателю удавалось получать отъ авторовъ для читателей своего журнала произведенія такихъ поэтовъ, какъ Пушкинъ, Дельвигъ, кн. Вяземскій, Боратынскій, Рылѣевъ, Козловъ, но съ теченіемъ времени эти поэты отстранились отъ «Благонамѣреннаго», и Измайловъ долженъ былъ уступать мѣсто другимъ «силамъ». Отдѣлъ стихотвореній поражалъ читателя своимъ обиліемъ и... малосодержательностью и отсутствіемъ серьезности; въ отдѣлѣ этомъ (въ продолженіе восьми лѣтъ) участвовало свыше 200 сотрудниковъ, упражнявшихся во всѣхъ видахъ стихотворныхъ произведеній, начиная съ одъ, поэмъ, идиллій, элегій и т. д., кончая эпитафіями, акростихами, рондо, шарадами... Насладившись такой поэзіей, читатель обращался къ прозѣ и здѣсь нерѣдко встрѣчалъ, на-ряду съ посредственными переводами, оригинальныя статьи, изъ которыхъ иныя ему приходилось читать за много лѣтъ раньше; заглянувъ же въ статьи характера критическаго, постоянный читатель «Благонамѣреннаго» не удивлялся, если встрѣчалъ въ нихъ подсмѣиванья, хихиканія, а иной разъ (что́, впрочемъ, бывало рѣдко) и серьезный судъ надъ такого рода произведеніями, подобныя которымъ нетрудно было отыскать на страницахъ того же «Благонамѣреннаго», и надъ такими литературными направленіями, въ духѣ которыхъ писали сотрудники того же журнала. Бывали даже и такіе случаи, что простодушный до наивности издатель «Благонамѣреннаго» давалъ мѣсто на страницахъ своего журнала письму, въ которомъ читатель находилъ критику на произведенія, помѣщенныя въ «Благонамѣренномъ» же, и критику далеко не лестную... Говорить о какомъ-либо строгомъ направленіи журнала Измайлова было бы напрасно: «Благонамѣренный» не имѣлъ никакого опредѣленнаго направленія (что̀, впрочемъ, замѣчается въ большей части періодическихъ изданій того времени) и отнюдь не относился серьезно къ своимъ задачамъ учено-литературнаго органа. И понятно, что людямъ, предъявлявшимъ строгія требованія къ журналу, смотрѣвшимъ на періодическое изданіе, какъ на носителя и проводника извѣстныхъ идей, такимъ людямъ, какъ Н. И. Тургеневъ, кн. П. А. Вяземскій и т. п., «Благонамѣренный» нравиться не могъ, и они читали его за неимѣніемъ лучшаго. «Я здѣсь жажду всякой русской дряни:

„И дрянь отечества сладка намъ и пріятна“,

писалъ изъ Варшавы кн. Вяземскій Тургеневу, пародируя извѣстный Державинскій стихъ [1]) и прося своего друга выслать ему за границу

[1]) „Отечества и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ“ (Сочиненія Державина, т. II, стр. 192).

«Сына Отечества» и журналъ Измайлова [1]). Но, не имѣя самъ строго опредѣленнаго направленія, «Благонамѣренный», какъ журналъ, все же интересовавшійся наиболѣе литературой, откликался на всѣ литературныя направленія своего времени.

Другое дѣло, какъ относилась публика и писатели къ выраженіямъ журналомъ своихъ симпатій или антипатій, но выраженія эти для историка литературы настолько любопытны и своеобразны, что ихъ нельзя обойти молчаніемъ. Мы уже сказали, что главнымъ содержаніемъ «Благонамѣреннаго» были стихотворенія.

Обиліе стиховъ въ журналѣ Измайлова и вообще въ журналахъ его и предшедствующаго ему времени [2]) проистекало отъ того ложнаго и своеобразнаго взгляда на стихи (какъ на «мѣрную рѣчь болѣе пріятную для слуха, чѣмъ проза») [3]), который могъ измѣниться въ нашемъ обществѣ лишь при болѣе развитомъ пониманіи литературныхъ произведеній путемъ теоретическихъ сочиненій, или помощью непосредственнаго знакомства съ произведеніями такихъ поэтовъ, какъ Пушкинъ и его блестящей плеяды. Но пока второго не появлялось еще во всемъ его блескѣ на нашемъ литературномъ горизонтѣ, а первое находилось лишь въ зародышѣ, наши журналы наводнялись виршами, въ морѣ которыхъ исчезали часто незамѣченными и перлы истиннаго вдохновенія; примѣромъ послѣдняго можетъ служить «Благонамѣренный». Измайловъ, заручившись согласіемъ «лучшихъ литераторовъ», не удовольствовался количествомъ доставляемыхъ ими произведеній и открылъ свой журналъ для всѣхъ желавшихъ принести на страницы его свои «мусическіе опыты», при чемъ печаталъ ихъ, не прилагая къ нимъ строгой оцѣнки. Но скоро издателю пришлось нѣсколько поплатиться за такое снисходительное отношеніе, причиной котораго было не что иное, какъ легкомысленное понятіе о поэзіи: въ редакцію его изъ столицъ и изъ далекой провинціи пересылались цѣлые «пуки стиховъ», при томъ въ такомъ изобиліи, что издатель принужденъ былъ неоднократно «убѣдительно» и «слезно» просить авторовъ о пощадѣ... Но одержимые маніей стихотворства не унимались: на нихъ не дѣйствовали ни просьбы, ни угрозы редактора, ни пародіи, ни другія какія-либо мѣры осмѣянія ихъ маніи. Не могли подѣйствовать на нихъ и помѣщавшіяся иногда въ «Благонамѣренномъ» серьезныя статьи по вопросамъ историко-литературнымъ, разъяснявшія достоинства истинной поэзіи и т. п., ибо они постоянно убѣжда-

---

[1]) „Остафьевскій архивъ“, т. I, стр. 95.

[2]) См. жалобу на это въ статьѣ „Письмо въ Тамбовъ о новостяхъ рус. словесности“ („Благонам.“, т. XXVI).

[3]) Ср. статью Томилина „О романахъ“ („Благонамѣр.“, 1822, VII).

лись, что на страницахъ того же журнала рядомъ съ осмѣяніемъ удобно помѣщались и предметы осмѣянія.

Напримѣръ, «Благонамѣренный» признавался, что не любитъ шарадъ, логогрифовъ, омонимовъ, элегій, сентиментальныхъ воздыханій и т. п.; но подобнаго рода произведеній, принадлежащихъ порой перу самого редактора, можно найти на страницахъ журнала Измайлова громадное количество. Выше мы отмѣтили, что въ стихотворномъ отдѣлѣ «Благонамѣреннаго» читатель могъ встрѣтить всѣ формы поэтическихъ произведеній; но количественный перевѣсъ брали мелкія стихотворенія и при томъ, такъ сказать, легкаго рода, какъ-то: стихотворенія на случай, альбомныя, мадригалы, экспромпты, эпитафіи, эпиграммы и т. п.; замѣтимъ, что и болѣе крупныя литературныя имена встрѣчаются въ «Благонамѣренномъ» подъ произведеніями также незначительными.

Наиболѣе ревностными сотрудниками этого отдѣла, кромѣ самого редактора, были В. И. Панаевъ, М. В. Милоновъ, Б. М. Ѳедоровъ, Ѳ. Глинка, А. Илличевскій и др.

Но если въ отдѣлѣ стихотворномъ отсутствовали серьезность и какое-либо опредѣленное направленіе, то напрасно ожидать этихъ качествъ и въ отдѣлѣ «изящной прозы». Главными работниками въ послѣднемъ отдѣлѣ, кромѣ Измайлова, помѣстившаго нѣсколько остроумныхъ сатирическихъ статей и повѣсть «Ибрагимъ и Османъ», напечатанную раньше въ «Любителѣ Словесности» (1806, №№ 11 и 12), были В. И. Панаевъ, Плетневъ, давшій два юмористическихъ разсказа («Ученый споръ» и «Медоръ»), Марлинскій и П. Л. Яковлевъ [1]), бывшій помощникомъ своего дяди-редактора.

На этотъ отдѣлъ Измайловъ, казалось, обращалъ еще менѣе вниманія, чѣмъ на стихотворный, и нисколько не стѣснялся угощать своихъ подписчиковъ иногда въ буквальномъ смыслѣ ученическими опытами или разсказами «на заданныя слова». Такъ обстояло дѣло съ оригинальной беллетристикой.—Что касается переводной, превосходившей количественно оригинальную, то на страницахъ «Благонамѣреннаго» можно встрѣтить въ отрывкахъ, или въ цѣломъ видѣ произведенія Ж. Ж. Руссо, Бульи, Байрона, В. Скотта, Ж. П. Рихтера, Вейса, Сталь, Жанлисъ, Лафонтена, наконецъ, Стерна и его подражателей и мн. др.; кромѣ того, журналъ изобиловалъ передѣлками и подражаніями нѣкоторымъ изъ названныхъ писателей. Въ этомъ отношеніи «Благонамѣренный» ничѣмъ не отличался отъ другихъ нашихъ журналовъ, спѣшившихъ знакомить публику съ тѣми или другими популярными на Западѣ писателями безъ всякаго разбора.

Еще слабѣе былъ отдѣлъ научный, который наполнялся главнымъ

[1]) О статьяхъ П. Л. Яковлева скажемъ нѣсколько словъ ниже.

образомъ произведеніями, предварительно читанными на засѣданіяхъ упомянутаго выше Вольнаго Общества. Изъ оригинальныхъ статей отмѣтимъ слѣдующія: «Краткое описаніе дѣлъ императрицы Екатерины II-й», «Опытъ россійскихъ синонимовъ» (Д. М. Княжевича), «Жизнеописаніе кн. Я. Ѳ. Долгорукова» (Перевощикова), «О пастушеско поэзіи» (Панаева); сюда же можно отнести: «Переписку генералъ-майора де Генина съ Петромъ Великимъ и разными особами», «Отрывки изъ путешествія въ Персію дипломатическаго чиновника при посольствѣ Ермолова въ 1817 году»; затѣмъ рядъ статей историко-литературнаго характера о Виландѣ, Клопштокѣ, эпическихъ поэтахъ (Гомерѣ, Виргиліи, Камоэнсѣ, Мильтонѣ, Тассѣ и Вольтерѣ) и др. Заслуживаютъ также вниманія переводныя статьи изъ «Теоріи изящнаго» Зульцера, изъ «Уроковъ» Блера, «Объ идилліи» Жоффре, рѣчь Бюффона «О слогѣ или объ искусствѣ писать» и другія.

Всего сказаннаго объ этихъ трехъ отдѣлахъ «Благонамѣреннаго», полагаемъ, достаточно, чтобы судить, насколько—съ одной стороны—журналъ Измайлова былъ бѣденъ содержаніемъ, съ другой—насколько редакторъ-издатель его былъ далекъ отъ какой-либо руководящей идеи и чуждъ серьезному пониманію задачъ человѣка, стоящаго во главѣ періодическаго изданія. Послѣднее обнаружится еще болѣе, если мы присмотримся къ тѣмъ статьямъ «Благонамѣреннаго», какъ журнала литературнаго по преимуществу, гдѣ онъ высказывался по поводу тѣхъ или иныхъ литературныхъ направленій, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ въ продолженіе восьми лѣтъ.

Когда начали появляться въ свѣтъ книжки «Благонамѣреннаго», борьба между послѣдователями Карамзина и приверженцами Шишкова уже стихала; новое движеніе въ нашей литературѣ, произведенное Карамзинымъ, привлекло къ себѣ всеобщее вниманіе и сочувствіе и находило себѣ противниковъ лишь со стороны немногочисленныхъ закоснѣлыхъ и упрямыхъ шишковистовъ; съ ними-то «Благонамѣренный» и его редакторъ иногда сводили счеты.

Измайловъ, какъ мы уже знаемъ, съ самаго начала своей литературной дѣятельности выказалъ себя сторонникомъ Карамзина, скоро усвоивъ себѣ новый «стиль» и ставъ во главѣ общества и журналовъ, ратоборствовавшихъ за нововводителей; мало того, въ свое время онъ заплатилъ дань сентиментализму, да и въ остальное время своей дѣятельности не покидалъ къ нему симпатій. «Писатель для дамъ», онъ до конца дней своихъ любилъ вписывать въ альбомы нѣжныя строки, охотно отводилъ страницы своего журнала для произведеній съ извѣстной долей чувствительности и лично никогда рѣзко не высказывался даже противъ чрезмѣрныхъ увлеченій ею. Но не такъ смотрѣли на сентиментализмъ нѣкоторые сотрудники «Благонамѣреннаго» и

главный помощникъ самого редактора—П. Л. Яковлевъ. Послѣдній былъ самымъ жестокимъ гонителемъ дошедшихъ до крайности послѣдователей чувствительности, осмѣяніе которой было главнымъ содержаніемъ всей литературной дѣятельности этого мало извѣстнаго писателя.

Онъ писалъ въ «Благонамѣренномъ» подъ псевдонимами: ій, оы, j, Илья Остоженскій, Лужницкій старецъ, Я., П. Л. и т. д. Въ журналѣ Измайлова онъ помѣстилъ между прочимъ: «Чувствительное путешествіе по Невскому проспекту», «Несчастье отъ слезъ и вздоховъ», «Разсказы Лужницкаго старца» и комедію въ одномъ дѣйствіи «Бѣдный Макаръ»; особеннаго вниманія заслуживаетъ повѣсть «Несчастье отъ слезъ и вздоховъ», гдѣ весьма живо и забавно описывается судьба сентиментальнаго человѣка Ераста Ліодоровича Чертополохова. Осмѣяніе сентиментализма можно встрѣтить и въ нѣкоторыхъ эпиграммахъ, помѣщенныхъ въ «Благонамѣренномъ».

Но если редакторъ «Благонамѣреннаго» и его сотрудники не совсѣмъ сходились во взглядахъ на сентиментализмъ, за то они дружно стали на защиту «новаго стиля», подвергавшагося осужденію шишковистовъ: журналъ серьезно доказывалъ, что «славянскія слова талантовъ не даютъ» и въ рецензіяхъ, писанныхъ безъ всякаго раздраженія, и въ запальчивыхъ отзывахъ по поводу переводовъ, дѣланныхъ «старообрядцами нашей словесности», укоряя послѣднихъ въ незнаніи русской грамматики, духа русскаго языка, вкуса и приличія, и въ колкихъ эпиграммахъ.

Но, выразивъ болѣе или менѣе ясно и опредѣленно свои отношенія къ движенію, произведенному Карамзинымъ, которое къ началу 20-хъ годовъ было уже достаточно выяснено и оцѣнено, «Благонамѣренный» окончательно не могъ разобраться въ другихъ направленіяхъ нашей литературы, которыя въ его время начали возникать и получать силу; онъ не понималъ и не могъ понять этихъ новыхъ теченій; поверхностныя наблюденія надъ ними и неподготовленность къ воспріятію ихъ породили въ его редакціи смутныя о нихъ представленія, которыя «Благонамѣренный» разнорѣчиво и смутно выражалъ. Мы имѣемъ въ виду романтизмъ старой и новой школъ. Правда, не одинъ «Благонамѣренный» и его редакція, но большинство нашей публики, не исключая и писателей, имѣли о романтизмѣ смутное представленіе, отчего и происходило—по выраженію Галахова—«соединеніе подъ однимъ знаменемъ Шиллера, Байрона, Мура, Жуковскаго и Пушкина, какъ романтиковъ, то-есть такихъ поэтовъ, произведенія которыхъ отличаются глубокими чувствами и прелестями мечтательности, составляющими сущность поэзіи романтической».

Обаяніе имени Жуковскаго удерживало нашихъ критиковъ, въ томъ числѣ и критиковъ «Благонамѣреннаго», отъ строгаго осужденія роман-

тической поэзіи, но смутное пониманіе послѣдней лишало ихъ нерѣдко возможности отличить истинныхъ романтиковъ отъ «романтиковъ-самозванцевъ», позволявшихъ себѣ писать въ романтическомъ духѣ всякія нелѣпости. «Благонамѣренный» любилъ посмѣяться надъ приторными элегиками, надъ чудовищными балладами неумѣренныхъ послѣдователей Жуковскаго, но иногда и прямо выражалъ свое несочувствіе основамъ романтической поэзіи, возставая противъ «философическаго», «мистическаго» элементовъ, введенныхъ въ поэзію нѣмцами, а также противъ туманныхъ и нелѣпыхъ выраженій, какъ прямыхъ слѣдствій этихъ нововведеній [1]); послѣднее въ особенности относилось къ переводчикамъ нѣмецкихъ оригиналовъ, которыхъ «Благонамѣренный» называлъ тевтоно-россами.

Что касается самого Измайлова, онъ—по собственному признанію—не былъ пригоденъ для произращенія элегій и туманныхъ чувствъ, и романтизмъ не могъ ему нравиться; если же онъ не высказывался открыто, то въ данномъ случаѣ, какъ справедливо замѣтилъ Галаховъ, его останавливала слава Жуковскаго, уваженіе къ первому и послѣднему нашему романтику.

Не высказавъ своего опредѣленнаго взгляда на романтизмъ, но и не ставъ рѣшительно на его сторону, «Благонамѣренный» также неясно выразилъ свои отношенія къ классицизму. Съ одной стороны, онъ вполнѣ признавалъ важность заслуги Гнѣдича, «обогатившаго русскую словесность переводомъ Омира», и устами одного изъ своихъ выдающихся сотрудниковъ—кн. Н. А. Цертелева («Жителя Васильевскаго Острова»), признавалъ классицизмъ, осуждая романтизмъ въ принципѣ; но въ то же время онъ считалъ гекзаметръ малосвойственнымъ нашему языку и въ спорѣ о гекзаметрѣ, спорѣ, поднявшемся на страницахъ тогдашнихъ журналовъ и не прекращавшемся нѣсколько десятилѣтій, «Благонамѣренный» выказалъ себя противникомъ этого размѣра. Правда, онъ опять-таки не давалъ какихъ-либо серьезныхъ объясненій, но отдѣлывался шутками, хотя и весьма любопытными. Такъ, онъ помѣстилъ на своихъ страницахъ басню нѣкоего Анонима: «Лягушка и Волъ», при чемъ басня эта, дабы строки «не ломались», была напечатана не поперекъ страницы, а вдоль («Благонамѣр.» 1820, № 9, стр. 197). Подлѣ нея находимъ слѣдующее замѣчаніе редактора:

„Притчей размѣромъ такимъ, господинъ анонимъ, не пишите,
Или пишите, да только въ журналъ мой, прошу васъ, не шлите“.

---

[1]) Особенно нападалъ на романтиковъ въ «Благонамѣренномъ» „Житель Васильевскаго острова“, подъ которымъ слѣдуетъ разумѣть кн. Н. А. Цертелева, а не Ор. Сомова.

Но, когда анонимъ прислалъ еще нѣсколько опытовъ въ этомъ родѣ, редакторъ не замедлилъ подѣлиться ими съ своими читателями, ибо опыты эти были не что иное, какъ насмѣшка надъ «любителями гекзаметра», а Измайловъ, какъ онъ самъ однажды выразился, терпѣть не могъ этого размѣра [1]). Кромѣ того, редакторъ не разъ подсмѣивался надъ этимъ размѣромъ и въ своихъ «Сатирическихъ Вѣдомостяхъ», печатавшихся въ нѣкоторыхъ книжкахъ «Благонамѣреннаго» (См. «Сочиненія», т. II, стр. 276, 289). Но этими шутками и остротами «Благонамѣренный» и окончилъ свои счеты съ гекзаметромъ, ибо серьезныя критическія замѣчанія, раза два промелькнувшія на его страницахъ, были весьма поверхностны.

Впрочемъ, «Благонамѣренный» (да и не онъ одинъ) и не могъ выставить какихъ-либо основательныхъ возраженій противъ гекзаметра, равно какъ не въ силахъ былъ положительно высказаться вообще о классицизмѣ, ибо еще далеко было то время, когда—если не все наше общество,—то хотя бы выдающіеся представители его имѣли болѣе или менѣе основательное знакомство съ классической литературой и міромъ древнихъ. Разумная оцѣнка истиннаго классицизма и опредѣленіе степени его пригодности для насъ могли исходить лишь отъ лицъ, понимавшихъ классицизмъ во всемъ его объемѣ, разумѣвшихъ филологію и древній міръ во всемъ разнообразіи оставленныхъ имъ памятниковъ. А такихъ лицъ было слишкомъ немного въ то время и—увы—немного ихъ, кажется, и нынѣ...

Намъ остается теперь посмотрѣть, какъ относился «Благонамѣренный» къ писателямъ той поэтической школы, которую въ отличіе отъ романтизма Жуковскаго называли школой новоромантической и главнымъ представителемъ которой считался Пушкинъ. И здѣсь, какъ и прежде, мы должны отмѣтить поверхностное, полусерьезное, полушутливое отношеніе журнала Измайлова, который, хотя и не сочувствовалъ вполнѣ произведеніямъ великаго поэта, все же никогда не рѣшался высказаться открыто и смѣло противъ Пушкина, ни, тѣмъ болѣе, дѣлать какіе-либо нападки. Онъ предпочиталъ отдѣлываться шутками, пародіями, двусмысленными разсужденіями, въ которыхъ, впрочемъ, яснѣе чувствовалось неблаговоленіе къ Пушкину, чѣмъ похвала, или же задѣвалъ поэта косвенно въ походѣ на «новоромантиковъ» вообще. Впрочемъ, должно оговориться, что неблаговоленіе «Благонамѣреннаго» къ Пушкину началось съ той поры, какъ «солнце нашей поэзіи» перестало

[1]) См. „Собраніе сочин.“, т. I, стр. 337 (ср. стр. 324). Впрочемъ, впослѣдствіи Измайловъ сдѣлалъ оговорку, что онъ терпѣть не можетъ дурныхъ гекзаметровъ, „въ которыхъ размѣщены слова не въ естественномъ порядкѣ“. (См. „Календарь музъ“ на 1827 г., стр. 89).

освѣщать страницы этого журнала своими лучами. Дѣло въ томъ, что въ первые годы существованія «Благонамѣреннаго» Пушкинъ помѣстилъ въ немъ два свои стихотворенія, и, кромѣ того, Измайловъ украшалъ иногда страницы своего изданія отрывками изъ вновь появлявшихся произведеній поэта, сопровождая ихъ одобрительными замѣчаніями; но съ теченіемъ времени отношенія измѣнились. Напримѣръ, «Благонамѣренный» давалъ довольно сдержанные, но не лишенные учтивости и нѣкоторыхъ похвалъ отзывы о «Русланѣ и Людмилѣ», «Кавказскомъ Плѣнникѣ», «Евгеніи Онѣгинѣ», но въ то же время считалъ своимъ долгомъ расхолаживать тѣ панегирики, которыми нѣкоторые журналы иной разъ сопровождали появленіе новыхъ произведеній Пушкина, и вообще относился къ быстро увеличивавшейся славѣ поэта довольно скептически. Такъ, однажды, дѣлая разборъ отзыва о «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ», «Благонамѣренный» замѣчаетъ: «Изъ всего панегирика Пушкину можно только то видѣть, что Пушкинъ пишетъ стихи пріятно, а въ этомъ кто сомнѣвается»? («Благонамѣренный», ч. 29). Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: «Издатель («Моск. Телеграфа»—Полевой) восклицаетъ: «кто не подражаетъ у насъ Пушкину, и кто сравнился съ нимъ изъ подражателей»? Согласенъ, что изъ подражателей никто съ нимъ не сравнился, но справедливо-ли восклицаніе: «кто не подражаетъ у насъ Пушкину! Рѣшительно можно сказать: никто изъ хорошихъ нашихъ писателей не подражаетъ Пушкину, а подражаютъ ему только стихотворцы-ученички, недавно выпущенные изъ школы: они только, увлекаясь его славою, охотно идутъ въ «servum pecus»; ниже «Благонамѣренный» съ прискорбіемъ признается, что теперь настало у насъ время «малыхъ трудовъ и большихъ успѣховъ». Когда началъ выходить «Евгеній Онѣгинъ», со стороны журнала Измайлова были пущены въ ходъ и вышучиванья. Такъ, самъ издатель не могъ оставить безъ замѣчанья слѣдующихъ строкъ Пушкина:

„Люблю ихъ ножки—только врядъ
Найдете вы въ Россіи цѣлой
Три пары стройныхъ женскихъ ногъ“...

Измайловъ—писатель для дамъ, не раздѣлялъ этого мнѣнія поэта:

„Ну какъ сказать онъ это могъ?
Какъ стройны ножки, невелики
У Евфрозины, Милолики,
У Лидіи, у Ангелики“...

говоритъ онъ и тутъ же прибавляетъ: «Вотъ я насчиталъ четыре пары,

„А можетъ быть во всей Россіи есть
По крайней мѣрѣ паръ пять, шесть“.

Вообще «Благонамѣренному» не понравилось такое предпочтительное увлеченіе поэта дамскими ножками, воспѣванію которыхъ Пушкинъ от-

велъ въ своемъ романѣ нѣсколько строфъ, и на страницахъ журнала Измайлова вскорѣ появилась пародія—подражаніе: «Ангеликѣ» (ч. 29, стр. 419), въ которой воспѣвались дамскія р у ч к и, но въ стихотвореніи этомъ нѣтъ, конечно, той граціи, той прелести, которыя были присущи «рѣзвушкѣ-музѣ» Пушкина, и мы упоминаемъ о немъ ради курьеза.— Само собою разумѣется, что Пушкину не могло нравиться подобное отношеніе «Благонамѣреннаго», и онъ отплатилъ его издателю, обезсмертивъ журналъ въ своемъ романѣ вышецитованными строками; кромѣ того, журналъ Измайлова не избѣжалъ вскорѣ и злой эпиграммы Пушкина «Ex ungue leonem» [1]), которой поэтъ отвѣчалъ на разборъ его стихотворенія «Пріятелямъ» («Враги мои! Покамѣстъ я ни слова....»), помѣщенный въ 30-й части «Благонамѣреннаго».

Ограничиваясь сказаннымъ по вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ «Благонамѣреннаго» и представителя «новоромантизма», переходимъ къ объясненію отношеній того же журнала къ «новоромантикамъ» вообще. Правильнаго яснаго пониманія романтизма въ разсматриваемую эпоху, повторяемъ, не было ни у Пушкина, ни у его критиковъ и толкователей, а въ томъ числѣ—и у Измайлова и членовъ редакціи его журнала. Вотъ почему всѣ разсужденія «Благонамѣреннаго» о такъ называемомъ романтизмѣ и новоромантизмѣ были такъ неясны, запутаны и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ поверхностны: они касались въ большинствѣ случаевъ лишь внѣшней стороны дѣла. «Благонамѣренный» несочувственно относился къ романтизму вообще: онъ даже склоненъ былъ считать романтизмъ вреднымъ, неправильнымъ направленіемъ, задерживавшимъ естественный ходъ развитія нашей литературы. «Этотъ періодъ»—говоритъ онъ, имѣя въ виду «періодъ Жуковскаго»,—былъ самый несчастный для русской поэзіи: славянизмы, галлицизмы, германизмы, мистицизмы, р о м а н т и з м ы, дьяволизмы нападали на нее, голубушку, поперемѣнно, какъ орды татарскія на Россію» (ч. 29). Но яснаго и положительнаго опредѣленія романтизма «Благонамѣренный» не далъ. Нѣсколько выше въ этой же статьѣ читаемъ слѣдующій отвѣтъ литератора своему пріятелю не-литератору на вопросъ: «что такое романтическая поэзія?»—«Думаю, отвѣчалъ спрошенный, что романтическою поэзіею, которую противополагаютъ обыкновенно классической, называются стихотворенія, писанныя безъ всякихъ правилъ, утвержденныхъ вѣками и основанныхъ на истинномъ вкусѣ».

Послѣднее повторилъ въ болѣе развитой формѣ и кн. Н. А. Цер-

---

[1]) Кстати, пора бы бросить нѣкоторымъ „редакторамъ“ сочиненій Пушкина повторять ошибочное мнѣніе, будто бы эта эпиграмма написана на Каченовскаго; мнѣніе это явно противорѣчитъ письму Пушкина къ князю П. А. Вяземскому отъ іюня 1825 г. (См. „Сочиненія“, т. VII, стр. 135).

телевъ въ своей статьѣ «О новой школѣ словесности» (ч. 21). Вотъ, напримѣръ, какъ онъ характезируетъ поэта-новоромантика. «Поэтъ не знаетъ предѣловъ, пламенное воображеніе его объемлетъ всю вселенную, его геній—деспотъ, располагающій все по своему произволенію; вкусъ его отличенъ отъ другихъ, образецъ выраженія особенный, если хотите—странный и даже иногда неудобопонятный, ибо самая темнота имѣетъ свою прелесть; въ твореніи его видна «геніальная» небрежность, и отъ сего-то оно не имѣетъ опредѣленнаго цвѣта, но сливаетъ въ себѣ, такъ сказать, всѣ цвѣты...» Особенную красоту и привлекательность произведеній новой школы составляютъ слѣдующія ихъ качества: «таинственное или глубокое, дивное или неимовѣрное, наивное или піитическая нагота». Далѣе авторъ даетъ пространныя объясненія этихъ качествъ, объясненія, въ которыхъ не разъ задѣваетъ и стихи Пушкина.

Открывъ походъ на новоромантиковъ, журналъ Измайлова дѣлалъ на нихъ частые набѣги рядомъ бойкихъ полушутливыхъ статеекъ, подобныхъ вышеприведенной (ср.: «О романтикахъ и о Черной рѣчкѣ», ч. 23, «Письмо къ сердечному другу моему въ О.», ч. 23. «Всякая всячина» и др.), сатирическихъ стишковъ, пародій (ср. «Рыжій конь», элегическая или романтическая поэма А. Е. Измайлова) [1]), эпиграммъ и т. п. Статей болѣе или менѣе серьезнаго характера не было. Приводить подробности этого похода было бы, на нашъ взглядъ, излишне, какъ потому, что силы и средства, которыми располагалъ журналъ Измайлова, были слишкомъ слабы, чтобы бороться съ быстро и мощно развивавшимся новымъ направленіемъ, такъ и потому, что и самая редакція «Благонамѣреннаго» не уясняла себѣ твердо и во всей полнотѣ цѣли этого похода, а иной разъ и не въ состояніи была различить противника отъ союзника; подобное веденіе дѣла приводило къ результатамъ довольно комичнымъ: на-ряду съ пародіями и осмѣяніями тѣхъ или иныхъ формъ на страницахъ «Благонамѣреннаго» читатель находилъ не мало произведеній въ духѣ высмѣиваемаго направленія, писанныхъ нерѣдко той же обличительной рукой. Отсылаемъ читателя, интересующагося упомянутыми подробностями къ извѣстной статьѣ о нашемъ писателѣ Галахова, гдѣ почтенный ученый собралъ со страницъ журнала Измайлова все наиболѣе любопытное для характеристики борьбы «Благонамѣреннаго» съ «баловнями-поэтами», какъ называлъ этотъ журналъ послѣдователей «ново-романтической» школы. Мы же сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній по поводу другихъ вышепоставленныхъ вопросовъ.

Итакъ, «Благонамѣренный», какъ журналъ литературный по преимуществу, не могъ удовлетворить «вкуса и разума» читателей, съ требованіями болѣе или менѣе серьезными. Такихъ читателей

[1]) Собраніе сочиненій, т. II, стр. 210.

не могли удовлетворить ни обильный запасъ поэтическихъ произведеній авторовъ, въ большинствѣ случаевъ малоизвѣстныхъ, даже совершенно неизвѣстныхъ и во всякомъ случаѣ малоталантливыхъ, ни слабая и бѣдная по формѣ и содержанію беллетристика, словомъ, весь тотъ чисто литературный матеріалъ, которымъ заполнялись сѣренькія книжки «Благонамѣреннаго». Не могло возбудить симпатій въ душѣ такихъ читателей и отношеніе «Благонамѣреннаго» къ тѣмъ или инымъ направленіямъ въ нашей литературѣ, на которыя этотъ журналъ откликался, отношеніе въ большинствѣ случаевъ поверхностное, малосерьезное, а иной разъ и курьезное; при томъ же самъ журналъ, казалось, не имѣлъ никакого опредѣленнаго направленія... Виновникомъ такого состоянія журнала главнымъ образомъ слѣдуетъ считать, конечно, его редактора-издателя. Во-первыхъ, Измайловъ, въ угоду членамъ Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ, предсѣдателемъ коего онъ состоялъ, помѣщалъ на страницахъ «Благонамѣреннаго» рѣшительно все, что только читалось на засѣданіяхъ этого Общества, какъ предназначенное для печати; Общество же это, какъ намъ уже извѣстно, находилось во время изданія «Благонамѣреннаго» въ періодѣ полнаго упадка. Потерявъ изъ среды своей многихъ талантливыхъ и дѣятельныхъ членовъ, оно оставило и прежнія свои болѣе или менѣе серьезныя задачи, не имѣло никакого строго опредѣленнаго направленія, кромѣ развѣ того, что продолжало слѣдовать карамзинской реформѣ, воспринявъ изъ нея лишь одну чисто внѣшнюю сторону. Само собою разумѣется, что при подобномъ положеніи вещей и нельзя было ожидать какихъ-либо благихъ результатовъ, наглядным доказательствомъ чего могъ служить портфель редактора «Благонамѣреннаго».

Не относясь строго критически къ произведеніямъ подобнаго рода сотрудниковъ, какъ члены Вольнаго Общества, Измайловъ снисходительно смотрѣлъ на произведенія своихъ случайныхъ сотрудниковъ, что также не содѣйствовало нравственному успѣху журнала. Что Измайловъ, какъ редакторъ-издатель, не прилагалъ особенныхъ стараній, чтобы придать своему изданію нѣкоторое единство, быть его руководителемъ, душою и т. п., примѣры тому мы уже видѣли. Можемъ привести и его собственное любопытное признаніе.

«Идилліи твои, повѣрь, не хороши»...—писалъ онъ разъ В. И. Панаеву, одному изъ своихъ ревностныхъ сотрудниковъ, но тутъ же прибавилъ:

„А сколько у тебя осталось?
Три, помнится: пришли ихъ мнѣ въ журналъ,
Пришли, любезнѣйшій! Ты самъ вѣдь обѣщалъ“.

Кончается это посланіе слѣдующими строками:

„Люблю поэзію, люблю литературу,
Но, ахъ! отсталъ теперь отъ прозы и стиховъ:
Цвѣтникъ мой изъ чужихъ цвѣтовъ,
Судьба велитъ держать мнѣ только корректуру“
(I, 337—339).

Въ этомъ чистосердечномъ признаніи Измайловъ кратко, просто и правдиво опредѣлилъ, къ чему собственно сводилась вся его редакторская дѣятельность. Предоставивъ журналъ въ распоряженіе своихъ сотрудниковъ, Измайлову ничего болѣе и не оставалось дѣлать, какъ держать лишь корректуру. Онъ это и дѣлалъ, по временамъ лишь сопровождая своими примѣчаніями статьи, съ которыми онъ отчасти или даже совершенно не соглашался. Искреннимъ желаніемъ Измайлова-редактора-издателя было употребить съ своей стороны всѣ зависящіе отъ него способы, чтобы сдѣлать журналъ свой сколь возможно занимательнѣе, разнообразнѣе и, такъ сказать, «веселѣе, избѣгая больше всего сухого педантизма, пристрастія и личности» [1]). Насколько удалось Измайлову выполнить это желаніе, мы уже видѣли: «Благонамѣренный» имѣлъ успѣхъ матеріальный, былъ журналомъ популярнымъ, но люди съ требованіями болѣе строгими отъ него отворачивались, и Пушкинъ, негодуя на оскудѣніе нашей журналистики и лелѣя мечту создать свой журналъ, между прочимъ, писалъ кн. П. А. Вяземскому: «Пора бы намъ отослать и Булгарина, и «Благонамѣреннаго», и Полевого, друга нашего» [2]).

О симпатичныхъ сторонахъ этого изданія (напр. о его благотворительныхъ цѣляхъ) мы успѣли уже высказаться въ главѣ о біографіи нашего писателя. Изданіе «Благонамѣреннаго» прекратилось въ 1826 году съ выходомъ іюльской книжки этого журнала.

Въ 1826 же году Измайловъ вмѣстѣ съ П. Л. Яковлевымъ издалъ альманахъ «Календарь музъ», вторую книжку котораго онъ издалъ и въ 1827 году. Альманахи эти по своему содержанію и характеру весьма походятъ на «Благонамѣренный» и составляютъ, такъ сказать, его отпрыскъ, продолженіе. Дѣло въ томъ, что и матеріалъ ихъ составляли произведенія, по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ не попавшія на страницы названнаго журнала, но заранѣе для него предназначенныя.

---

[1]) Быть безпристрастнымъ, безпартійнымъ было особеннымъ желаніемъ Измайлова: „Литераторъ и всякій артистъ съ истиннымъ талантомъ не долженъ принадлежать ни къ какой партіи“—стояло эпиграфомъ „Благонамѣреннаго“ въ 1824 г. Но, если судить по его журналу, Измайловъ, очевидно, смѣшалъ безпристрастіе съ безхарактерностью, каковою журналъ и отличался.

[2]) Сочиненія, т. VII, 181.

Въ виду малаго интереса, представляемаго этими безцвѣтными изданіями, при томъ въ общемъ напоминающими «Благонамѣренный», говорить о нихъ подробно считаемъ излишнимъ, тѣмъ болѣе, что произведенія писателей болѣе или менѣе крупныхъ въ нихъ отсутствуютъ. Въ «Календарѣ музъ» 1826 года находимъ около сотни произведеній стихотворныхъ и 6 прозаическихъ, въ слѣдующемъ году —около полусотни стихотворныхъ и 8 прозаическихъ. Въ отдѣлѣ поэзіи принимали участіе слѣдующіе болѣе или менѣе знакомые авторы: Бистромъ, М.Б. Даргомыжская, А.Е. Измайловъ, Илличевскій, Кудряшевъ, Пл. Ободовскій, В. И. Панаевъ, Розенмейеръ, Слѣпушкинъ, Сушковъ, гр. Д. И. Хвостовъ, Н. М.Языковъ, Б. М. Ѳедоровъ и мн. др.; въ отдѣлѣ прозы главное участіе принималъ П. Л. Яковлевъ, его же статьи и наиболѣе содержательны. Особаго вниманія заслуживаетъ его статья: «О новѣйшихъ словахъ и выраженіяхъ, изобрѣтенныхъ россійскими поэтами въ 1825 году» («Кал. музъ» на 1826 г.). Главнымъ образомъ авторъ собралъ слова и выраженія, «низлетѣвшія» изъ «Полярной Звѣзды» и «выжатыя» изъ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», и сопроводилъ ихъ юмористическими примѣчаніями и объясненіями. Въ этой сатирической, живо написанной статейкѣ Яковлевъ высмѣиваетъ, напр., слѣдующія слова и выраженія: аристархитъ, безразсвѣтныя души, бурноногій конь, голословное обвиненіе (s·c) [1]), грамматическая полиція [2]), журнальные бедуины, караванъ переводовъ, лугъ живой эмали [3]), перекритика, печатанныя слезы и т. п. Нѣкоторыя другія статьи того же автора («Поѣздка въ Вятку», «С[аратовс]кое казначейство») имѣютъ интересъ, какъ матеріалъ для характеристики нашего провинціальнаго быта. Изданіемъ этихъ «Календарей музъ», которые—кстати отмѣтимъ—успѣха не имѣли (особенно второй), и закончилась дѣятельность Измайлова, какъ редактора-издателя; причиной тому былъ переводъ А. Е. по службѣ въ провинцію. По возвращеніи въ столицу, за годъ до смерти, Измайловъ задумалъ было вновь предпринять изданіе литературнаго журнала, выработалъ программу его и получилъ разрѣшеніе, но послѣднимъ не позволили Александру Ефимовичу воспользоваться его частыя и тяжелыя болѣзни, упадокъ силъ, а затѣмъ и скоро наступившая смерть.

---

[1]) Яковлевъ замѣчаетъ: „То есть обвиненіе изъ голыхъ словъ, или изъ голыхъ словъ обвиненіе, какъ угодно, все прекрасно! Это голословное обвиненіе отыскано нами хотя въ архивѣ, но принадлежитъ къ числу новѣйшихъ и рѣдкихъ находокъ“.

[2]) Яковлевъ замѣчаетъ: „Тутъ объяснять нечего: всякій видитъ, какъ счастливо сочеталась грамматика съ полиціей. Это утѣшительно“.

[3]) Яковлевъ замѣчаетъ: „Вотъ лугъ! Но, къ нещастью, такіе луга цвѣтутъ только въ воображеніи поэтовъ“.

Настоящую главу заключаемъ замѣчаніемъ о вышедшемъ въ 1824 г. подъ редакціей нашего писателя изданіи сочиненій В. А. Озерова, замѣчаніемъ, которое неудобно было вносить въ предшествовавшій обзоръ редакторской дѣятельности Измайлова въ порядкѣ хронологическомъ.

Въ 1824 году подъ редакціей Измайлова вышло въ двухъ частяхъ изданіе «Сочиненій В. А. Озерова», сдѣланное книгопродавцемъ И. И. Заикинымъ. Въ первомъ томѣ этого изданія тексту предшествуютъ: «предувѣдомленіе» редактора, затѣмъ двѣ «выписки» изъ статей Н. И. Греча о сочиненіяхъ Озерова, „Надгробіе В. А. Озерову“ Измайлова [1]) и статья кн. П. А. Вяземскаго: „О жизни и сочиненіяхъ Озерова“. Въ „предувѣдомленіи“ редакторъ счелъ своимъ долгомъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній, какъ по поводу двухъ предшествовавшихъ изданій сочиненій Озерова, такъ и вообще о произведеніяхъ этого писателя. Онъ, конечно, одобрительно отозвался объ Озеровѣ, какъ драматургѣ, но въ сужденіи о лирическихъ его произведеніяхъ примкнулъ къ мнѣнію кн. Вяземскаго, не признававшаго въ нихъ особыхъ достоинствъ. „То же самое“—прибавляетъ Измайловъ—„можно сказать и о его баснях, изъ которыхъ многія читалъ я въ рукописи и которыя, вѣроятно, писаны были имъ для одного только опыта. Стихосложеніе въ нихъ тяжелое и неправильное; нѣтъ точности и приличія въ выраженіяхъ; нѣтъ въ разсказѣ не только піитической живости, составляющей отличительное достоинство баснописца-поэта, но даже простоты и естественности“... Какъ на особенность этого изданія, укажемъ, что въ немъ произведенія Озерова явились въ еще болѣе „подправленномъ“ видѣ, чѣмъ въ изданіяхъ предшествовавшихъ. Неприкосновенность текста трагедій Озерова была нарушена еще въ 1817 году, когда по просьбѣ издателя Пахорскаго (содержателя театральной типографіи) „многіе стихи были исправлены лучшими нашими литераторами“. Измайловъ также не отказался, «по просьбѣ издателя и по уваженію къ памяти незабвеннаго нашего трагика, исправить у него нѣкоторыя очевидныя ошибки въ словахъ, въ надеждѣ, что „просвѣщенные любители отечественной словесности не поставятъ (ему) этого въ вину“. Но Измайловъ ошибся. Несмотря на то, что подобная расправа съ текстомъ у насъ на Руси практиковалась и до, и послѣ Измайлова (ея не избѣгли даже произведенія Пушкина), все же „просвѣщенные любители отечественной словесности“ возмутились такой смѣлостью редактора и громко выразили свое неудовольствіе [2]). Измайловъ, какъ мы уже замѣтили, оправдывался, но публика не хотѣла признавать смягчающимъ

---

[1]) Находится въ I-мъ томѣ сочиненій Измайлова (стр. 384).

[2]) См. „Сынъ Отечества“ 1824 г., № 17; „Лит. Листки“, № 8 и др.

вину даже то обстоятельство, что исправленные редакторомъ стихи были отмѣчены въ текстѣ звѣздочками, а въ концѣ книги приведены были въ подлинномъ видѣ (да и исправлено-то было всего на всего 38 мѣстъ): И. И. Заикинъ принужденъ былъ въ 1827 г. сдѣлать новое изданіе «во всемъ согласное со 2-мъ, безъ всякихъ перемѣнъ», а въ слѣдующемъ—1828 году—Глазуновъ выпустилъ изданіе сочиненій Озерова, дополненное и свѣренное по рукописямъ автора.

Разставаясь на этой главѣ съ А. Е. Измайловымъ, мы позволимъ себѣ, въ заключеніе сказать нѣсколько словъ о сущности литературной дѣятельности этого писателя.

Читатель уже видѣлъ, какъ скромно началъ Александръ Ефимовичъ свое литературное поприще, выступивъ впервые въ печати съ переводнымъ стихотвореніемъ, какъ затѣмъ онъ еще юношей обрушился на нашу «веселящуюся молодежь» съ рѣзкимъ протестомъ въ формѣ сатирическаго романа, какъ потомъ онъ продолжалъ писать въ духѣ царившихъ въ его молодые годы направленій въ нашей литературѣ и платить дань этимъ направленіямъ; но уже и въ ту пору дѣятельности Измайлова въ его произведеніяхъ можно было предугадать будущаго сатирика по преимуществу. Дѣйствительно, прошло еще немного времени, и Измайловъ, избравъ излюбленной формой своего творчества басню, скоро пріобрѣлъ и навсегда закрѣпилъ за собой званіе русскаго Теньера № 1-й, дружки Крылова, сатирика-бытописателя.

Годы и благопріятныя условія раздвинули предѣлы его литературной дѣятельности; Измайловъ сталъ виднымъ въ свое время литераторомъ и проявлялъ свою любовь къ избранному поприщу въ довольно разнообразныхъ формахъ. Состоя сотрудникомъ различныхъ изданій, онъ въ то же время былъ главнымъ дѣятелемъ или просто членомъ нѣкоторыхъ литературныхъ обществъ, редакторомъ-издателемъ различныхъ журналовъ и другихъ изданій и покровителемъ молодыхъ начинающихъ силъ. Должно сознаться, что дѣятельность Измайлова, какъ журналиста, какъ редактора-издателя не имѣла крупныхъ результатовъ, не имѣла сильнаго давленія на наше литературное развитіе и движеніе, но нельзя не отмѣтить того, что во всѣхъ своихъ литературныхъ стремленіяхъ Измайловъ былъ движимъ живой и самой горячей любовью къ слову и что на всей его писательской дѣятельности лежитъ отпечатокъ честной, правдивой и откровенной натуры. Нравственныя качества Измайлова, какъ мы уже замѣтили, рѣзко отображались въ его произведеніяхъ и—даже болѣе того—отразились и на самомъ характерѣ его сатиры. Напомнимъ, что въ характерѣ нашего писателя, вмѣстѣ съ тонкой наблюдательностью и склонностью къ сатирѣ, удобно сочета-

лись мягкость и добродушіе, которое покидало его лишь въ моменты особеннаго раздраженія на чье-либо нахальство или подлость. Ему не по плечу была сатира «карающая», и скромная муза его не рѣшалась «чистить нравы» и «исправлять порочныхъ» путемъ сатиры,—она хотѣла лишь предупреждать порочные поступки и, отмѣчая безобразные факты, предотвращать отъ таковыхъ на будущее время, она хотѣла лишь преподать совѣтъ, урокъ. Вотъ въ этомъ-то смыслѣ и понималъ Измайловъ значеніе сатиры, доказательствомъ чего могутъ служить и его собственныя признанія и въ прозѣ и въ стихахъ.

«Сатира есть такое лѣкарство отъ пороковъ»,—сказалъ онъ однажды—«которое рѣдко исцѣляетъ зараженныхъ оными, но за то предохраняетъ, по крайней мѣрѣ многихъ отъ заразы» [1]).

„Пусть Павлушка—мѣдный лобъ
Дураковъ морочитъ,
Лжетъ бездѣльникъ, какъ холопъ,
Обмануть всѣхъ хочетъ.
Я безстыднаго лгуна,
Вора Павла Скотина
За языкъ въ примѣръ другимъ,
На сосну повѣсилъ“,

говоритъ между прочимъ А. Е. о П. П. Свиньинѣ, вспоминая свою басню на него, въ «Пѣснѣ» [2]), которую, по справедливости, можно считать своего рода «Памятникомъ» Измайлова.

Ив. Кубасовъ.

---

[1]) См. „Собраніе сочиненій“ т. II, стр. 242.
[2]) Ibidem, т. I, стр. 272.

Избраніе В. Н. Каразина въ дѣйствительные члены Общества любителей россійской словесности.

Письмо А. Прокоповича-Антонскаго къ В. Н. Каразину.

22-го апрѣля 1818 года.

Общество любителей россійской словесности, при Императорскомъ Московскомъ университетѣ учрежденное, отдавая должную справедливость превосходнымъ сочиненіямъ вашимъ и знанію отечественнаго языка, пріятнымъ долгомъ поставляетъ препроводить къ вамъ, милостивый государь мой, дипломъ на званіе дѣйствительнаго члена и при ономъ печатный экземпляръ устава. Исполняя съ удовольствіемъ порученіе Общества, искренно васъ уважающаго, честь имѣю съ истиннымъ почтеніемъ быть вашимъ, милостиваго государя моего, покорнѣйшимъ слугою Антонъ Прокоповичъ-Антонскій.

Наслѣдство бывшихъ владѣльцевъ Щукина двора.

(Изъ прошлаго).

I.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы въ одной изъ сѣверныхъ провинцій, пріѣхалъ я въ 1855 году въ Петербургъ, молодымъ человѣкомъ, съ семью рублями и единственнымъ письмомъ отъ моего крестнаго отца къ родственнику его, служившему въ одномъ изъ министерствъ, невысокому по своему служебному положенію, но человѣку искреннему и добродушному. Послѣ полугодовой борьбы съ всевозможной нуждой и лишеніями, мнѣ удалось, наконецъ, получить мѣсто въ одномъ изъ департаментовъ того министерства, по которому я служилъ и ранѣе въ родномъ городѣ, но не легко далось мнѣ это мѣсто!

Года черезъ три, послѣ службы моей въ Петербургѣ, случайно познакомился я съ раненымъ подполковникомъ Константиномъ Александровичемъ Ноздрачевымъ, только-что пріѣхавшимъ съ Кавказа съ двумя дочерьми. Видный собою, лѣтъ около 50-ти, онъ былъ еще совсѣмъ молодцомъ, только правая рука его, прострѣленная чеченцемъ, безпомощно висѣла на черной шелковой перевязи. Происходилъ подполковникъ изъ дворянъ Курской губерніи, гдѣ числилось за нимъ всего пять душъ. Онъ казался человѣкомъ и пріятнымъ, и общительнымъ. По выходѣ въ отставку, всѣ заботы его, какъ любящаго отца, были сосредоточены на двухъ дочеряхъ, имѣвшихъ отъ 8-ми до 10-ти лѣтъ. Единственною мыслью и желаніемъ подполковника-вдовца, состоявшаго подъ покровительствомъ Комитета о раненыхъ, было устроить дочерей въ институтъ на казенный счетъ. Кромѣ пенсіи, заслуженной продолжительной службой на Кавказѣ, другихъ средствъ у него не было, недуги

отъ ранъ и трудной боевой кавказской жизни нерѣдко сильно давали ему чувствовать себя, требуя необходимыхъ медицинскихъ пособій. Всѣ упованія подполковника возлагались на Бога и на высокую царскую милость.

Занималъ подполковникъ комнату въ полуразвалившемся флигелѣ, на Новыхъ мѣстахъ, близъ Невскаго монастыря, и далеко не уютную, помѣщаясь съ своими дѣвочками и крѣпостной дѣвушкой для прислуги.

Правая сторона отъ Невскаго проспекта къ Лаврѣ, нынѣ образцовая по своему устройству, именовавшаяся въ то время «Новыми мѣстами», отличалась непомѣрною грязью. Въ мѣстности этой раскинуто было нѣсколько старыхъ скученныхъ деревянныхъ построекъ, гдѣ большею частью были постоялые дворы. Тутъ останавливались извозчики съ привозимыми товарами съ Олонецкаго и Архангельскаго трактовъ и неразборчивые на экипажи проѣзжіе, въ крытыхъ рогожей кибиткахъ, совершавшіе переѣзды на долгихъ. Тутъ же сновали, топчась въ грязи, и барышники, скупая измученныхъ отъ извоза лошадей.

Жилъ я въ то время, также по близости этой мѣстности, нѣсколько лѣвѣе, на Пескахъ и, отправляясь на службу въ департаментъ, часто приходилось мнѣ встрѣчаться съ подполковникомъ Ноздрачевымъ на Невскомъ проспектѣ. Ходилъ онъ ежедневно наводить справки, къ кому и когда можно обратиться съ просьбою о ходатайствѣ для опредѣленія его дочерей въ институтъ. Меня нерѣдко посѣщалъ подполковникъ по вечерамъ и всегда съ просьбой написать ему докладную записку къ тому, или другому изъ лицъ высокопоставленныхъ. Съ ранняго утра въ парадной формѣ съ регаліями, въ кавказской своей буркѣ и папахѣ, уходилъ онъ изъ дома, озабоченный своимъ ходатайствомъ, но, къ великому огорченію бѣднаго отца, надежды его не осуществлялись.

При переѣздѣ съ Кавказа и во время петербургской жизни, которую велъ отставной подполковникъ болѣе чѣмъ скромно,—рессурсы его видимо истощались. Повергаемыя имъ просьбы лично государю императору передавались флигель-адъютантамъ, и результата приходилось ожидать.

Между тѣмъ, въ заботахъ о своихъ любимыхъ дѣвочкахъ, этотъ достойный отецъ духомъ окончательно не падалъ; цѣлуя своихъ малютокъ-дочерей, онъ съ благоговѣніемъ обращался къ Царицѣ Небесной и, со слезами на глазахъ, говорилъ имъ:

— Потерпимъ, мои сиротки,—подождемъ, Богъ милосердъ, а царь нашъ милостивъ... они насъ не оставитъ и здоровой лѣвой рукой онъ крестилъ своихъ дѣвочекъ.

Пребываніе же его въ Петербургѣ видимо затягивалось. Вскорѣ и онъ переселился на Пески, нанявъ по сосѣдству со мной двѣ маленькія комнаты отъ жильцовъ, и по-прежнему также въ буркѣ своей и папахѣ,

уѣзжалъ онъ то въ Царское Село, то въ Гатчину, всегда съ одной мыслью—просить о дочеряхъ своихъ царственныхъ особъ.

Въ одно счастливое утро, послѣ дождя, лившаго всю ночь, какъ изъ ведра, подполковникъ пріѣхалъ въ Царское Село, съ новою просьбою на высочайшее имя. Узнавъ, что государь прогуливается въ Софійскомъ саду, радуясь представлявшемуся случаю увидѣть великодушнаго монарха нашего, направился онъ въ садъ и сталъ высматривать и выжидать государя.

Завидя императора, раненый ветеранъ опустился на колѣна и, держа въ дрожащей лѣвой рукѣ свою просьбу и папаху, обратилъ на себя высокое вниманіе монарха:

— Кавказецъ! опять ты!—воскликнулъ государь;—но въ голосѣ его не было и тѣни неудовольствія.

Чадолюбивый монархъ даже улыбнулся при видѣ кавказскаго героя въ такомъ жалкомъ положеніи и милостиво произнесъ:

— Встань и передай просьбу во дворецъ дежурному флигель-адъютанту.

Обрадованный и ободренный такимъ милостивымъ обращеніемъ великодушнаго государя, оставаясь на колѣняхъ, подполковникъ осмѣлился отвѣтить:

— Августѣйшій монархъ! милостивый царь, прости. Я ужь не одну мою просьбу передавалъ флигель-адъютантамъ.

— Не разсуждай! ступай во дворецъ и жди меня тамъ,—строго сказалъ ему государь.

На другой день для кавказскаго вояки, какъ счастливаго отца, утромъ, явившагося ко мнѣ, радости не было и конца. Въ избыткѣ своего счастья, со слезами, сообщилъ онъ мнѣ о послѣдовавшей на его просьбѣ высочайшей царской резолюціи.

По возвращеніи во дворецъ государя флигель-адъютантъ на этотъ разъ вынесъ просьбу подполковника съ надписью царственной рукой: «Одну дочь принять на счетъ мой въ Николаевскій институтъ, другую—въ Патріотическій на имя государыни императрицы».

Въ тотъ же вечеръ, подполковникъ пришелъ ко мнѣ снова сильно разстроенный. Директоръ канцеляріи IV-го отдѣленія сообщилъ ему, что одна изъ дочерей будетъ принята немедленно, а другая должна еще баллотироваться. На другой день утромъ онъ зашелъ ко мнѣ сказать, что ѣдетъ снова въ Царское предстать предъ лицемъ государя императора.

— Царскою десницею повелѣно,—говорилъ онъ, ухватившись здоровой рукой за голову,—принять обѣихъ моихъ дѣвочекъ, съ указаніемъ въ какіе институты, а между тѣмъ находятся препятствія. Ѣду сейчасъ и опять паду къ стопамъ нашего великодушнаго монарха.

Кое-какъ удалось мнѣ уговорить огорченнаго отца побывать еще разъ у директора канцеляріи и, справившись болѣе обстоятельно, просить его объ исполненіи царской милости и относительно другой дочери, и подполковникъ со всегдашними атрибутами своего кавказскаго костюма, при своей обычной энергіи, въ состояніи, видимо возбужденномъ, направился снова въ канцелярію IV-го отдѣленія. Своимъ видомъ и рѣшимостью онъ вѣрно успѣлъ произвести впечатлѣніе и на директора канцеляріи, заявляя, что съ новой просьбой о дочеряхъ вновь предстанетъ предъ лицомъ государя императора, и директоръ обнадежилъ его, что вскорѣ же будетъ зачислена въ институтъ и его другая дочь.

Передавая о благополучномъ результатѣ атаки директорскаго кабинета, счастливый подполковникъ видимо оживился, и только по временамъ изъ мощной груди его вырывался тяжелый вздохъ, а лѣвая рука быстро смахивала набѣгавшую слезу. Въ минуты эти ему приходила гнетущая мысль о скорой разлукѣ съ его любимыми дѣвочками-сиротками, для которыхъ онъ только и жилъ.

— Съ дѣлами своими я совсѣмъ забылъ сообщить вамъ еще новость,—заговорилъ онъ, нѣсколько успокоившись.—На-дняхъ пріѣхалъ сюда по своимъ дѣламъ, изъ западныхъ губерній, нѣкто графъ Красинскій съ матерью и сестрой,—польское семейство. Вчера, по приходѣ домой, онъ заглянулъ неожиданно въ мою конуру. Крайне удивило меня, когда вошелъ ко мнѣ незнакомый господинъ, въ статскомъ платьѣ, назвавшій себя графомъ Красинскимъ, бывшимъ въ отставкѣ саперным офицеромъ. Добродушно обласкавъ моихъ дочурокъ, безъ церемоніи присѣлъ онъ на хозяйскомъ, полуразвалившемся диванѣ и началъ со мною разговоръ: «Флигель,—сказалъ онъ,—въ которомъ вы живете, нанятъ мною; но я, говоритъ, узналъ, что вы также пріѣзжій и къ тому же раненый кавказскій воинъ, прибывшій сюда для устройства вашихъ сиротокъ-дочерей; поэтому пришелъ предложить вамъ, если пожелаете по-прежнему остаться въ занимаемыхъ вами двухъ комнатахъ, намъ хотя и съ семействомъ, достаточно и остальныхъ». Поблагодаривъ его, я отвѣтилъ, что мнѣ въ Петербургѣ остается пробыть уже недолго, такъ какъ я осчастливленъ великою царскою милостью, и дѣвочки мои скоро будутъ помѣщены въ институтъ. Графъ, между прочимъ, сообщилъ мнѣ, что пріѣздъ его сюда вызванъ дѣломъ о ихъ наслѣдственномъ имѣніи, которое производится въ Сенатѣ. При этомъ онъ высказалъ, что никого въ Петербургѣ не знаетъ, кромѣ единственной знакомой его матери, графини Протасовой, и затрудняется въ томъ, къ кому и чрезъ кого бы могъ онъ обратиться за нужными справками въ Сенатъ. Я самъ, говоритъ, и писать дѣловыя бумаги не мастеръ, а нужно подать нѣкоторымъ сенаторамъ докладныя записки. Я тотчасъ же вспомнилъ о васъ, и говорю: я знаю одного чи-

новника, у котораго легкая рука. Васъ же чуть не каждый день осаждалъ я моими просьбами и если удалось мнѣ устроить моихъ сиротокъ, то въ этомъ отчасти обязанъ и вамъ, что̀ всегда буду помнить и скажу вамъ сердечное спасибо. Помогли вы мнѣ, старому ветерану; теперь главная забота о моихъ дѣвочкахъ устранена, и я свободный казакъ. Поѣду въ свою курскую деревушку доживать свой вѣкъ, да изрѣдка наѣзжать сюда, чтобы провѣдать моихъ дорогихъ сиротокъ. Такъ вотъ, мой голубчикъ, этотъ пріѣзжій графъ Красинскій,—заключилъ подполковникъ,—и просилъ меня убѣдительно познакомить его съ вами. Для этого сегодня же вечеромъ и пригласилъ меня съ вами къ себѣ. Графъ, повидимому, человѣкъ весьма любезный, и знакомство ваше съ нимъ не будетъ лишнимъ. Приходите вечеромъ ко мнѣ и отправимся въ семейство Красинскихъ.

Съ своей стороны, я ничего противъ этого не имѣлъ, и въ тотъ же вечеръ мы отправились къ пріѣзжему графу.

II.

Графу Красинскому было лѣтъ около 30-ти; красивый брюнетъ съ тонкими, типичными и правильными чертами лица, онъ обращалъ на себя вниманіе своей симпатичной наружностью. Принялъ онъ насъ съ вѣжливой привѣтливостью и той любезностью, которыя такъ свойственны большинству поляковъ. Вскорѣ же онъ представилъ насъ и почтенной старушкѣ, своей матери. Послѣ обыкновенныхъ вопросовъ и отрывистаго разговора, къ чайному столу присоединилась и сестра графа, пожилая особа, вдова офицера, убитаго при защитѣ Севастополя. Она также привезла въ Петербургъ двухъ малолѣтнихъ сыновей для опредѣленія въ кадетскій корпусъ. Вечеръ въ семьѣ Красинскихъ для обоихъ насъ прошелъ пріятно и незамѣтно.

Такъ благодаря знакомому моему подполковнику Ноздрачеву, вскорѣ же послѣ помѣщенія своихъ дочерей въ институтъ уѣхавшему изъ Петербурга, послѣдовало знакомство мое и съ семействомъ графа Красинскаго. Этому-то графу и его семейству, впослѣдствіи, по духовному завѣщанію одного изъ наслѣдниковъ покойныхъ владѣльцевъ Щукина двора, умершаго въ семействѣ графа, и была завѣщана значительная часть капитала, о чемъ возбужденное въ то время слѣдственное дѣло, въ которомъ и мнѣ привелось быть какъ бы участникомъ, доходившее даже и до III-го отдѣленія, надѣлало не мало шуму въ Петербургѣ.

Въ Сенатѣ о спорномъ имѣніи, послѣ смерти отца графа Красин-

скаго, я вскорѣ же навелъ справки и написалъ нужныя бумаги, часто бывалъ въ семьѣ графа Красинскаго, всегда былъ принятъ съ полнымъ радушіемъ и съ своей стороны, по возможности, оказывалъ свои услуги.

Нанятая семействомъ графа квартира не только была некомфортабельной, но и весьма непомѣстительной, и даже простой необходимой обстановки въ ихъ временной квартирѣ замѣтно не было. Молодой графъ рѣдко бывалъ дома; занимаясь денежными операціями, онъ присутствовалъ болѣе на биржѣ. Въ семьѣ ихъ изрѣдка бывали два—три знакомыхъ изъ поляковъ; чаще другихъ посѣщалъ графа франтоватый полякъ, состоявшій на службѣ въ придворномъ вѣдомствѣ, которому всегда хотѣлось заявить о своей особѣ стараніемъ блеснуть изящностью своихъ манеръ и особенно французскимъ языкомъ, и онъ всегда видимо рисовался, къ графинѣ обращался не иначе, какъ со словами comtesse, сестру графа называлъ просто панна Левицка, а графа Констансомъ. Жизнь въ семьѣ Красинскихъ проходила тихо и однообразно. Всѣ мысли старушки-графини сосредоточивались на безграничной любви ея къ сыну, да къ далекимъ надеждамъ на благополучный исходъ дѣла ихъ по имѣнію.

Вскорѣ со мною случилась непріятность. Я сильно зашибъ ногу и, по совѣту доктора, при неудобствахъ домашняго лѣченія, вынужденъ былъ лечь на время въ Обуховскую больницу. Во все пребываніе мое въ больницѣ, въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ, ни графъ Красинскій, ни кто-либо отъ нихъ ни разу не навѣстили меня; прежде же, когда я былъ нуженъ, нерѣдко и самъ графъ приходилъ въ мою квартиру. Поэтому, выписавшись изъ больницы, я, съ своей стороны, также не находилъ нужнымъ розыскивать Красинскихъ, которымъ, вѣроятно, не было во мнѣ и надобности. Такъ прошло мѣсяца три, и однажды по адресу въ департаментъ, я получилъ отъ графа Красинскаго письмо по городской почтѣ, съ любезнымъ приглашеніемъ придти къ нему на другой день вечеромъ; при чемъ онъ сообщалъ, что имѣетъ до меня очень серьезное дѣло. Адресъ былъ означенъ подробный; но уже не на Пескахъ, а въ Коломнѣ, на площади близъ церкви Покрова. Въ назначенный часъ, я уже отыскивалъ квартиру графа на Покровской площади. Здѣсь оказались три домовладѣльца одной фамиліи; но, наконецъ, мнѣ указали и квартиру графа въ бельэтажѣ высокаго каменнаго дома, въ который и направился я по освѣщенной широкой лѣстницѣ. Когда я нажалъ кнопку, мнѣ открыла дверь миловидная дѣвушка. Спросивъ фамилію, она приняла мою шинель и провела въ залъ. Повидимому, меня уже ожидали. При самомъ входѣ въ этотъ роскошный залъ, меня удивила бросившаяся въ глаза богатая обстановка новой квартиры графа, сравнительно съ прежнимъ скромнымъ помѣщеніемъ его на Пескахъ.

Изъ боковыхъ комнатъ вышелъ графъ Красинскій, въ богатомъ бархатномъ халатѣ съ кистями и, любезно меня привѣтствуя, пригласилъ въ гостиную, освѣщенную двумя лампами и убранную съ такою же роскошью.

Усадивъ меня и извиняясь за костюмъ, графъ коснулся продолжительности моего отсутствія и спросилъ, гдѣ я былъ все это время; что онъ-де справлялся обо мнѣ неоднократно и въ адресномъ столѣ, и нигдѣ не могъ получить вѣрной справки; почему и рѣшилъ, что одновременно съ моимъ знакомымъ подполковникомъ Ноздракчевымъ и я уѣхалъ совсѣмъ изъ Петербурга. Ему видимо совѣстно было, что за все время пребыванія моего въ больницѣ онъ ни разу меня не навѣстилъ. Въ разговорѣ своемъ, между прочимъ, намекнулъ и на то, что имѣетъ ко мнѣ особенную просьбу, которую сообщитъ потомъ. Вскорѣ насъ позвали къ чаю, и мы перешли въ столовую. Квартира была слишкомъ обширна. За длиннымъ столомъ, съ дорогой чайной сервировкой и разными закусками, сидѣла старушка-графиня. Она, какъ и прежде, обошлась со мной съ тою же привѣтливостью, высказывая сожалѣніе, что я такъ давно у нихъ не былъ. Сестра графа разливала чай. Все, казалось, здѣсь было обставлено на барскую ногу, и я невольно остановился на мысли, откуда все это взялось, и въ то же время подумалъ, что спорное дѣло графа объ имѣніи, вѣрно, уже рѣшено въ его пользу. Послѣ чаю, предложивши мнѣ сигару, графъ напомнилъ мнѣ, что мама его всегда любитъ, когда курятъ сигары; при этомъ прибавилъ, что я, зная теперь ихъ квартиру, буду чаще у нихъ бывать, какъ ихъ добрый другъ, и безъ церемоніи просилъ приходить къ 6-ти часамъ, къ ихъ обѣду. При этомъ онъ съ симпатичной улыбкой заявлялъ, что у нихъ въ настоящее время отличный поваръ, и что вся семья ихъ рада видѣть меня во всякое время, что̀ подтверждала и старушка-графиня. Затѣмъ извиняясь, что оставитъ меня на нѣсколько минутъ, графъ удалился въ свой кабинетъ. Вскорѣ же вышла изъ столовой и его сестра.

По уходѣ ихъ, графиня попросила меня сѣсть поближе и прямо обратилась ко мнѣ съ вопросомъ:

— Скажите откровенно, что̀ подумали вы, увидя такую перемѣну въ нашей жизни.

— Я подумалъ и вѣрно не ошибаюсь, графиня, что вы устроились къ лучшему, уже обжившись въ Петербургѣ, вѣроятно, получивъ и свое подольское имѣніе.

— О, нѣтъ,—отвѣтила грустно старушка,—дѣло это, оставленное мнѣ моимъ мужемъ, подвигается слишкомъ медленно, хотя мой Констансъ и сильно хлопочетъ. Съ вами я буду вполнѣ откровенна, мы такъ давно не видѣлись, а у насъ случилось много новаго. Главнѣе же всего то, что съ нами живетъ теперь нѣкто Щукинъ. Все, что вы видите,

или почти все,—принадлежитъ нашему жильцу. Констансъ познакомился съ нимъ случайно и сошелся по-дружески. Къ сожалѣнію, жилецъ нашъ, человѣкъ больной и потому еще не выходитъ изъ своихъ комнатъ. Исторія его жизни самая печальная и полна весьма грустныхъ приключеній. Да и вся жизнь Вячеслава Николаевича, такъ его зовутъ, слишкомъ тяжелая!

Послѣ небольшой паузы, графиня продолжала:

— До переѣзда въ эту квартиру, Щукинъ жилъ съ своей женой, теперь отъ нея ушелъ; отъ Констанса вы узнаете и подробности его несчастной семейной жизни; не видѣвъ васъ такъ давно, мы рѣшили, что вы уже совсѣмъ уѣхали изъ Петербурга, и не разъ вспоминали васъ, Констансъ разскажетъ вамъ все и о себѣ, и также не веселое,—заключила старушка-графиня.

Когда сынъ ея вернулся въ столовую, на немъ былъ уже другой костюмъ, хотя и домашній, но видимо щеголеватый. Посидѣвъ немного въ столовой, онъ пригласилъ меня въ свой кабинетъ, такъ же богато обставленный, съ большими шкафами, наполненными книгами, разными симметрически разложенными дорогими вещицами и картинами въ дорогихъ рамахъ. Предложивъ мнѣ снова дорогую сигару, онъ также перешелъ къ разговору о своемъ квартирантѣ.

III.

— Maman,—началъ онъ садясь со мною рядомъ,—вѣроятно, уже говорила вамъ о нашемъ жильцѣ. Разскажу подробно, какъ познакомился я съ Вячеславомъ Николаевичемъ Щукинымъ. Онъ и братъ его Леонидъ—потомки извѣстныхъ въ Петербургѣ богатыхъ коммерсантовъ, бывшихъ владѣльцевъ Щукина двора. Послѣ родителей и обоихъ братьевъ осталось весьма значительное состояніе. Имѣя дѣла на биржѣ, я познакомился сначала съ Леонидомъ Щукинымъ, у котораго двое малолѣтнихъ сыновей, самъ онъ теперь находится подъ опекой, недавно надъ нимъ учрежденной. Чрезъ него я сошелся и съ дядей ихъ, статскимъ генераломъ Щукинымъ, а чрезъ него и съ малолѣтнимъ братомъ Леонида, Вячеславомъ Николаевичемъ. Служилъ онъ въ военной службѣ на Кавказѣ и, выйдя въ отставку, поселился съ женой въ Петербургѣ. Помѣщались они въ богато обставленной квартирѣ. Дѣтей у нихъ не было. Домашняя же жизнь Вячеслава Щукина была для него по истинѣ ужасной! Жена не только устранила его отъ себя; но вообще отъ людей и при содѣй-

ствіи своего, такъ называемаго, брата старалась довести мужа до полнаго идіотизма. Его запирали одного въ отдаленной холодной комнатѣ, имѣвшей сходство съ виннымъ складомъ; здѣсь былъ полный запасъ вина, только бы пилъ онъ безъ просыпа. Несчастный Вячеславъ Щукинъ видѣлъ только изрѣдка приставленнаго къ нему слугу, и только дядя увозилъ его иногда къ себѣ. Бѣднаго Вячеслава хотѣли извести пьянствомъ. Для жены его и ея брата, по извѣстнымъ имъ причинамъ, была нужна его преждевременная смерть. Все дѣлалось съ предвзятою цѣлью. Узнавъ о страдальческой жизни этого несчастнаго, я просилъ дядю его совсѣмъ взять его къ себѣ; но онъ, устраняясь отъ этого, не разъ говорилъ мнѣ: «возьмите его вы, если хотите съ нимъ возиться, у васъ есть семья, а тамъ онъ навѣрное погибнетъ». И вотъ я рѣшился вырвать изъ этого омута несчастнаго его племянника. Легко уговорилъ я графиню-мать принять разслабленнаго отъ пьянства Вячеслава Щукина въ нашу семью, и при содѣйствіи его дяди, онъ ушелъ или скорѣе бѣжалъ отъ своей жены, какъ отъ мѣста заразы, разъѣдавшей душу его и тѣло. Мы наняли эту квартиру, выбранную мною, и, какъ видите, обставленную имъ съ такимъ комфортомъ, и живемъ здѣсь уже нѣсколько мѣсяцевъ, но все это время мы окружены невидимыми, но, какъ видно, сильными врагами.

Графъ замолчалъ подъ впечатлѣніемъ замѣтно удручавшихъ его мыслей.

— Вячеслава Щукина,—продолжалъ онъ—перевезли сюда совсѣмъ больнаго. Сострадая къ его несчастіямъ, мама моя ухаживаетъ за нимъ, какъ за близкимъ роднымъ, и всѣ мы, такъ сказать, душой привязались къ нему, одинокому, покинутому всѣми. По временамъ онъ чувствуетъ себя нѣсколько лучше, хотя и теперь еще болѣетъ, но въ немъ уже виденъ сталъ человѣческій образъ и все, что вы видите здѣсь, почти все его собственность. Теперь васъ не можетъ удивлять и самая перемѣна въ нашей жизни! Дѣло же объ имѣніи нашемъ слишкомъ затянулось, мой же небольшой капиталъ по-прежнему даетъ мнѣ возможность продолжать не рискованную игру на биржѣ, иногда не безъ успѣха. Но меня, какъ и жильца нашего, тревожатъ эти наши общіе враги, упорно насъ преслѣдующіе. Вслѣдствіе этихъ-то новыхъ тревогъ нашихъ, я и просилъ васъ къ себѣ и прямо обращусь къ вамъ съ просьбой засвидѣтельствовать въ случаѣ надобности о томъ именно, на сколько вы меня знаете. Вы изъ первыхъ знакомыхъ моихъ въ Петербургѣ и, смѣю думать, что мнѣ въ этомъ не откажете.

— Да въ чемъ же, графъ, можетъ заключаться мое свидѣтельство?— спросилъ я, недоумѣвая.

— Встрѣчается, видите ли, у кого-то сомнѣніе, что я дѣйствительно графъ, хотя еще не сомнѣваются въ томъ, что я именно Красинскій,—

произнесъ онъ съ ироніей.—Вы же знаете меня съ первыхъ дней нашего пріѣзда въ Петербургъ.

— Я зналъ васъ какъ графа Красинскаго, потому, что такъ сообщилъ мнѣ тогда о васъ бывшій временно вашимъ жильцомъ, знакомый мой, а впослѣдствіи и вашъ подполковникъ Ноздрачевъ, рекомендовавшій вамъ меня, но согласитесь, графъ, что генеалогія ваша мнѣ не могла быть извѣстной.

— Да вѣдь только и нужно, чтобы, при случаѣ, вы заявили, что знаете меня, какъ графа Красинскаго, какъ и мать мою, которая именуется графиней.

— Что я зналъ васъ какъ графа Красинскаго, это я всегда могу подтвердить, въ этомъ вы не можете сомнѣваться, и что мнѣ извѣстно отчасти и изъ вашихъ семейныхъ бумагъ. Изъ нихъ я могъ видѣть, что матушка ваша именуется графиней, а вы—графомъ Красинскимъ.

— Намъ только это и нужно. Очень вамъ за это благодаренъ— и графъ привсталъ пожавъ, мнѣ руку.—Вы мнѣ дали еще новую мысль. Вѣдь въ дѣлахъ Сената находится и мой указъ объ отставкѣ. Теперь— заключилъ онъ,—преслѣдователи наши, навѣрно, оставятъ меня въ покоѣ, ограничась въ случаѣ надобности и вашимъ засвидѣтельствованіемъ. Съ вопросами по поводу этого обращались уже ко мнѣ и полицейскія власти, но въ настоящее время документовъ при мнѣ не находится. А теперь, пойдемте ужинать. Къ сожалѣнію, я не могу еще познакомить васъ съ моимъ другомъ Щукинымъ; по болѣзни, онъ не можетъ еще выходить изъ своего кабинета.

За ужиномъ, старушка-графиня и ея сынъ не разъ возвращались къ разговору о несчастной семейной жизни своего больнаго квартиранта и, послѣ приглашенія бывать у нихъ чаще, я простился съ семействомъ графа.

IV.

Чрезъ нѣсколько дней графъ Красинскій заѣхалъ ко мнѣ въ департаментъ и увезъ меня къ себѣ обѣдать. Квартиранта ихъ, Щукина, я не видалъ и во время обѣда. Онъ все еще по болѣзни не покидалъ своего кабинета. Между прочимъ графъ сообщилъ мнѣ, что больной Щукинъ высказалъ ему желаніе со мной познакомиться и для этого просилъ съ нимъ прійдти въ его кабинетъ. Когда послѣ обѣда, по широкому мягкому ковру, вошли мы съ графомъ въ кабинетъ больнаго, онъ лежалъ на кровати, закрывшись теплымъ шелковымъ одѣяломъ. Обширный каби-

нетъ этотъ отличался обстановкой, еще болѣе изящной, и былъ ярко освѣщенъ. Около кровати на столикѣ стояли разные склянки и флаконы съ лѣкарствами. На полу была разостлана большая медвѣжья шкура.

Графъ сказалъ больному обо мнѣ.

— А, а,—протянулъ онъ, подавая изъ-подъ одѣяла свою донельзя исхудавшую руку.

— Садитесь здѣсь,—около меня. Поговорите съ графомъ. Я люблю слушать человѣческій голосъ, котораго по чужой волѣ лишенъ былъ долгое время, самъ я говорить не могу,—произнесъ больной глухимъ охрипшимъ голосомъ.

Мы обмѣнялись съ графомъ нѣсколькими словами и замолчали. Больной заговорилъ снова:

— Я такъ глубоко благодаренъ графу, онъ вытащилъ меня изъ омута, а графиня какъ бы замѣнила мнѣ родную мать. Они спасли меня отъ медленной смерти.

— Ему видимо тяжело говорить—шепнулъ я графу,—не въ тягость ли больному мое присутствіе?

Онъ услышалъ эти слова и предложилъ намъ сигаръ и папиросъ, бывшихъ тутъ же въ ящикахъ на столѣ, и просилъ посидѣть около него. Мы снова присѣли на отоманкѣ. На видъ больному Щукину можно было дать лѣтъ 30-ть; но болѣзнь, видимо, успѣла скоротать его безотрадную молодость, загубленную невоздержностью, а можетъ быть еще болѣе и нравственными страданіями, вынесенными въ жизни, и онъ-съ совсѣмъ казался старикомъ. Графъ и я курили молча. Больной потребовалъ себѣ трубку. Изъ маленькой двери, въ концѣ кабинета, показался черноволосый мальчикъ лѣтъ 15-ти, въ казакинѣ со шнурами, и подалъ ему пенковую трубку съ длиннымъ чубукомъ. Когда больной взялся за чубукъ своими страшно исхудалыми длинными пальцами, рука его сильно дрожала.

— Кофе подать прикажете?—спросилъ мальчикъ.

— Сельтерской воды!—отрывисто отвѣтилъ больной.

Когда графъ подалъ ему шипящую воду, стаканъ такъ и запрыгалъ въ рукѣ больнаго. Самъ онъ усиливался приподняться, тотъ хотѣлъ поддержать его голову, но она безпомощно опустилась на подушку.

— Спасибо тебѣ, другъ Костя,—прохрипѣлъ онъ,—было время, соколомъ на Кавказѣ вылеталъ я изъ станицы и вольной птицей на конѣ носился по горамъ,—а теперь удалый казакъ сталъ мокрой курицей!...

Послѣ этого онъ замолкъ и сильно закашлялся. Длинный чубукъ тихо скатился на мягкій коверъ, и квартирантъ графа съ большимъ трудомъ повернулъ свою голову къ стѣнѣ. Посидѣвъ минуты двѣ, я и графъ тихо вышли изъ кабинета больнаго...

Въ слѣдующее мое посѣщеніе, по желанію Щукина, я снова приглашенъ былъ въ его кабинетъ. На этотъ разъ больной не казался уже такимъ безпомощнымъ, жалкимъ, хотя и былъ еще замѣтно слабъ. Въ немъ видимо была перемѣна къ лучшему, онъ сидѣлъ въ креслѣ и говорилъ больше. Голосъ его не былъ уже такимъ охрипшимъ. Куря изъ своего длиннаго чубука, онъ чутко прислушивался къ нашему разговору, при которомъ присутствовалъ кромѣ графа и докторъ, его лѣчившій, и самъ дѣлалъ намъ нѣкоторые вопросы.

Такъ прошло недѣли три. Здоровье Вячеслава Щукина, видимо, возстановилось, и онъ уже нѣсколько разъ вмѣстѣ съ графомъ выѣзжалъ на прогулку, чему послѣдній былъ очень радъ.

И вотъ во время одной изъ такихъ прогулокъ, съ ними произошло замѣчательное происшествіе. Приключеніе это, случившееся съ ними почти полвѣка тому назадъ, произошло среди бѣлаго дня и не въ какой-либо глуши, а въ центрѣ столицы и именно, на Загородномъ проспектѣ. Подобный случай безъ сомнѣнія покажется удивительнымъ и никакъ не повторился бы въ настоящее время при бдительномъ надзорѣ и усиленномъ составѣ нынѣшней петербургской полиціи.

Былъ праздничный день; при теплой погодѣ графъ Красинскій съ выздоравливающимъ Щукинымъ отправились въ Англійскій магазинъ за какой-то покупкой. При многолюдномъ движеніи и безпрестанно встрѣчавшихся экипажахъ, около Царскосельскаго вокзала на нихъ быстро налетѣла пара лошадей, запряженная также въ карету. Сзади была еще карета, отъ чего послѣдовала мгновенная остановка. И вдругъ одновременно изъ этихъ каретъ выскочили на дорогу какіе-то люди въ военной формѣ. Изъ нихъ двое подбѣжали къ каретѣ, въ которой сидѣли графъ и Щукинъ, и послѣдній моментально былъ выхваченъ изъ экипажа и на рукахъ перенесенъ въ ближайшую отъ нихъ карету. Графъ хотѣлъ выскочить за нимъ, но двое придерживали дверцы. Кучеръ, сидѣвшій на козлахъ кареты, въ которой оказался Щукинъ, направилъ ее назадъ, и она скрылась. Оставшіеся двое военныхъ прыгнули въ другую и та повернула быстро въ первую же улицу.

Графъ Красинскій не успѣлъ и придти въ себя, какъ обѣ кареты исчезли въ разныхъ направленіяхъ. Выскочивъ изъ кареты, онъ стоялъ около нея, какъ пришибленный. Сошедшій съ козелъ кучеръ торопливо поправлялъ упряжку лошадей. Къ каретѣ со всѣхъ сторонъ подходили разныя лица, останавливались экипажи, и скоро карету графа окружила цѣлая толпа любопытныхъ. Одни говорили, что какіе-то офицеры похитили изъ кареты барышню, другіе увѣряли, что полиція попала на слѣдъ важнаго политическаго преступника и арестовала его на дорогѣ. Толпа волновалась и росла все болѣе. Графъ, придя въ себя, сѣлъ въ свою карету и приказалъ ѣхать прямо къ оберъ-полиціймейстеру.

Не заставши послѣдняго дома, онъ заѣхалъ ко мнѣ и, въ сильной тревогѣ, передавъ о необыкновенномъ случаѣ этомъ, просилъ меня поѣхать къ нему.

Когда мы пріѣхали въ ихъ квартиру, первыми словами вышедшей къ намъ старушки-графини было:—а гдѣ же Вячеславъ Николаевичъ?..

Графъ, въ явномъ смущеніи, порывисто разсказалъ ей о загадочномъ похищеніи Щукина на улицѣ, и графиня въ сильномъ волненіи повторяла только одно:—«Какъ же это могло случиться? и гдѣ же онъ бѣдный. Что съ нимъ опять будетъ. Несчастный снова попалъ въ ловушку, разставленную ему женой и ея братомъ». Сынъ ея положительно выходилъ изъ себя. То задумчиво шагалъ онъ по комнатѣ, то видимо сердился и на себя и молча закрывалъ лицо руками, или громко восклицалъ:—«да это ужасно, ужасно».

Въ послѣдующіе дни, всѣ въ семьѣ графа были въ тревожномъ, удручающемъ состояніи, не зная ничего объ исчезнувшемъ такъ загадочно ихъ жильцѣ. Домашніе съ сожалѣніемъ говорили о больномъ другѣ графа. Самъ онъ особенно сильно скучалъ, постоянно безпокоясь о печальной участи бѣднаго Щукина, еще не оправившагося отъ болѣзни.

Графъ надумался наконецъ навести о немъ справки, и для этого поспѣшилъ привести въ исполненіе явившуюся ему мысль. Съ двумя мальчиками, сыновьями сестры его, будущими кадетами, занимался юноша студентъ, изъ духовнаго званія, жившій у графа, на котораго и палъ его выборъ. Когда онъ объявилъ объ этомъ молодому студенту, тотъ, искренно жалѣя располагавшаго всѣхъ къ себѣ Щукина, охотно согласился прослѣдить за нимъ послѣ загадочнаго похищенія и на другой же день, утромъ, запасшись словеснымъ наставленіемъ графа Красинскаго, немедленно отправился въ свою секретную экспедицію.

Квартира жены Щукина, находившаяся на другомъ концѣ столицы, по словамъ ея, нанималась вмѣстѣ съ братцомъ ея, офицеромъ лѣснаго вѣдомства. Посланецъ графа, по данному адресу разыскавъ этотъ домъ, нашелъ дворника въ его тѣсной конурѣ и повелъ рѣчь съ нимъ издалека. Затѣмъ коснувшись квартирантовъ дома, чтобы сдѣлать дворника болѣе разговорчивымъ, сунулъ ему въ руку рублевую бумажку. Хотя дворникъ и припряталъ ее въ карманъ своего широкаго жилета, но не былъ разговорчивымъ и видимо уже предупрежденный своими жильцами, уклончиво отвѣчалъ на вопросы; незамѣтно выслалъ онъ свою жену сказать объ этомъ самимъ квартирантамъ. Вскорѣ же въ дворницкой появились люди, видимо изъ домашней прислуги Щукиной, и посланца отъ графа пригласили въ ея квартиру. Несмотря на свой протестъ, сконфуженный студентъ, угрожаемый полиціей, рѣшилъ пройти съ прислугой черезъ дворъ и предстать предъ глазами преслѣдователей

Щукина. Молодаго человѣка приняли здѣсь какъ бы за шпіона, спрашивали, съ какою цѣлью подкупалъ онъ дворника, и грозились отправить въ участокъ. Послѣ нѣсколькихъ сбивчивыхъ его отвѣтовъ, братъ Щукиной заперъ на ключъ комнату, изъ которой всѣ вышли, оставивъ его одного, и бѣднаго студента продержали взаперти до вечера плѣнникомъ Щукиной, какъ бы въ качествѣ аманата.

Графъ Красинскій, встревоженный долгимъ и непонятнымъ отсутствіемъ своего посланца, съ нетерпѣніемъ ожидалъ его возвращенія, и только къ вечеру возвратился тотъ, послѣ неудачной попытки получить свѣдѣніе о больномъ исчезнувшемъ другѣ графа.

V.

Прошло съ мѣсяцъ послѣ этого, когда однажды рано утромъ, къ подъѣзду графа Красинскаго подъѣхали дребежавшія дрожки, съ которыхъ медленно съ большою осторожностью, сошелъ человѣкъ высокаго роста, чрезвычайно худой, одѣтый вовсе не по сезону. На немъ не было ни пальто, ни калошъ на ногахъ. Не было даже на головѣ фуражки; съ головы до ногъ былъ накрытъ онъ большимъ темнымъ пледомъ. Поднимаясь по лѣстницѣ, при безпрестанныхъ остановкахъ, онъ удушливо кашлялъ и нервно, задыхаясь, позвонилъ у дверей графа Красинскаго.

Отворившая дверь дѣвушка ахнула отъ удивленія, увидѣвъ больнаго барина. Въ залѣ стояла и старушка-графиня.

Истомленный усилившейся вновь болѣзнью, къ ногамъ ея бросился ихъ несчастный жилецъ, со словами:

— Спасите, спасите меня, я бѣжалъ оттуда, бѣжалъ въ чемъ видите.

Молодаго Красинскаго не было дома и когда возвратившись узналъ онъ, что безъ него въ такомъ жалкомъ видѣ вернулся его несчастный другъ, онъ поспѣшилъ къ нему въ кабинетъ, гдѣ увидѣлъ его лежавшимъ въ полномъ забытьѣ. Послѣ двухчасоваго отдыха, лихорадка въ больномъ нѣсколько утихла; но за нею появился горячечный бредъ. Графъ, тревожась за послѣдствія всего пережитаго за это время Щукинымъ, еще не оправившимся отъ прежней болѣзни, немедля вызвалъ доктора.

Несмотря на рѣдкое ухаживаніе за больнымъ всей семьи Красинскихъ и ежедневныя посѣщенія извѣстнаго петербургскаго врача, больной другъ графа замѣтно слабѣлъ съ каждымъ днемъ и хотя, по увѣренію доктора, болѣзнь его не была опасною, но не поддава-

лась лѣченію и все болѣе усиливалась. Тогда самъ докторъ сталъ высказывать свои опасенія. Жизнь Вячеслава Николаевича Щукина быстро таяла. Въ немъ быстро развивалась скоротечная чахотка, и графомъ приглашены были еще два доктора, для консиліума.

Вскорѣ же послѣ консиліума, графъ Красинскій письменно просилъ меня пріѣхать вечеромъ, какъ писалъ онъ, по просьбѣ больнаго Щукина. Когда я и графъ вошли въ кабинетъ, кромѣ неизвѣстныхъ мнѣ лицъ,— я увидѣлъ здѣсь и священника.

Узнавъ меня, больной обратился ко мнѣ съ просьбою подписать его духовное завѣщаніе.

— Батюшкѣ и присутствующимъ здѣсь уже извѣстна послѣдняя моя воля,—прибавилъ онъ и отъ слабости закрылъ глаза.

Графъ не предупредилъ меня, для чего былъ я приглашенъ больнымъ, и я видимо растерялся, смотря на группу лицъ, окружавшихъ больнаго. Священникъ, замѣтивъ мою нерѣшимость, тихо прибавилъ отъ себя:

— Это завѣщаніе подписано мною и двумя присутствующими здѣсь лицами. Завѣщатель выразилъ намъ свою волю въ полной памяти, о чемъ проситъ подтвердить и васъ своей подписью.

Самъ больной, какъ и въ первое наше свиданіе съ нимъ, лежа на кровати, протянулъ мнѣ свою еще болѣе высохшую руку и, силясь приподняться при помощи графа, перекрестился изъ-подъ одѣяла своей дрожащей рукой и приложился къ кресту, бывшему въ рукахъ священника. При полномъ молчаніи, воцарившемся въ кабинетѣ, я наскоро пробѣжалъ переданное мнѣ священникомъ завѣщаніе Щукина и также подтвердилъ его своимъ подписомъ.

По прошествіи нѣсколькихъ дней, въ бытность мою въ департаментѣ, вызванный курьеромъ въ пріемную, я увидѣлъ графа Красинскаго, сидѣвшаго склоня голову у стола дежурнаго чиновника. Онъ былъ блѣденъ и казался совершенно разстроеннымъ. Привставши со стула, онъ прошепталъ мнѣ:

— Вячеславъ Николаевичъ сегодня утромъ скончался, и слезы затуманили глаза графа. У насъ въ домѣ уже полиція, опечатываютъ всѣ вещи не только покойнаго, но и наши собственныя, и мы въ отчаяніи.—Поѣдемте къ намъ немедля.

Доложивъ по начальству о необходимости уѣхать, вмѣстѣ съ графомъ я направился въ Коломну.

Въ залѣ, на длинномъ столѣ, еще неположенный въ гробъ, покоился непробуднымъ сномъ настрадавшійся въ этой жизни, другъ графа Красинскаго, не дотянувшій и до 30-ти лѣтъ.

Полицейскія власти, не взирая на протестъ графа и слезы старушки, его матери, свободно распоряжались въ ихъ квартирѣ, опечатывая во

всѣхъ комнатахъ всѣ вещи безъ исключенія, какъ принадлежащія умершему Щукину. Какъ ни просила графиня и ея сынъ освободить отъ печатей комнату, въ которой помѣщалась старушка, гдѣ находился и комодъ ея съ хранившимися семейными бумагами и портретомъ ея покойнаго мужа, котораго память чтила она и послѣ его смерти,—просьбы ихъ не были уважены. Исполнители этихъ формальностей заявляли одно, что, при всемъ ихъ желаніи сдѣлать имъ угодное, они не могутъ отступить отъ обязанностей, возложенныхъ на нихъ по долгу службы.

До поздняго вечера продолжалась процедура этого опечатыванія. Во всѣхъ комнатахъ квартиры былъ полнѣйшій безпорядокъ. Ко всему этому для семейства Красинскихъ прибавилось еще большее горе, еще бо́льшія нравственныя страданія.

VI.

Несмотря на поздній вечеръ, неожиданно послышался сильный звонокъ, и въ зало вошло нѣсколько совсѣмъ незнакомыхъ лицъ.

Впереди всѣхъ вошелъ полковникъ Х., лицо близкое къ важному петербургскому сановнику. За нимъ величаво выступала высокая дама въ глубокомъ траурѣ съ длиннымъ шлейфомъ. Шествіе это заключали нѣсколько военныхъ и мѣстный частный приставъ.

Неожиданное появленіе этихъ людей навело панику на всѣхъ тутъ бывшихъ, и даже полицейскія власти остановили на время свои дѣйствія.

Подойдя къ тѣлу покойнаго, дама въ траурѣ сбросила съ лица вуаль и опустилась на колѣни съ крикомъ отчаянія:

— Вячеславъ, мой бѣдный, несчастный мужъ! что съ тобой здѣсь сдѣлали!—и крики ея перешли въ громкія рыданія.—Свели тебя здѣсь преждевременно въ могилу, чтобы, отдаливъ отъ меня, воспользоваться твоимъ состояніемъ! Мой несчастный бѣдный другъ!

Затѣмъ снова повторились громкія рыданія, доходившія до истерики.

Полковникъ Х. первый бросился поднимать молодую вдову, и изъ устъ его полились слова утѣшенія:

— Не отчаявайтесь такъ,—ласково говорилъ сѣдовласый полковникъ, повидимому оказывавшій вдовѣ особенное участіе,—къ вашимъ услугамъ я готовъ предоставить себя всецѣло.

Поднявшись съ колѣнъ, величественная дама, путавшаяся въ своемъ шлейфѣ, окинула взглядомъ всѣхъ присутствующихъ, съ явнымъ намѣреніемъ упасть снова. Подхватывая ее, полковникъ утѣшалъ словами:

— Прошу васъ, только успокойтесь! Всѣ права ваши немедленно будутъ возстановлены, за это я ручаюсь и готовъ сдѣлать для васъ все.

Братъ молодой вдовы потребовалъ для нея стаканъ воды и безпрестанно подносилъ къ ея носу флаконъ, заключавшій въ себѣ какую-то аптечную эссенцію.

Неожиданное вторженіе въ квартиру этихъ незнакомыхъ личностей, а тѣмъ болѣе слова, брошенныя траурной дамой, по назначенію семьи Красинскихъ, произвели на нихъ удручающее впечатлѣніе. Эти оскорбительныя слова вдовы умершаго Щукина о насильственной смерти ея мужа окончательно добили старушку-графиню.

Не произнеся ни слова, она упала предъ иконой, и ее въ безпамятствѣ вывели въ другую комнату.

Графъ приблизился было къ группѣ этихъ лицъ, но, сдержавъ себя, блѣдный, поспѣшилъ выйдти вслѣдъ за матерью.

Ушли затѣмъ и эти пришлые люди; но грустно и тяжело было видѣть то горе, которое овладѣло семействомъ Красинскихъ, обѣщавшее со смертью Щукина для нихъ въ будущемъ еще болѣе тяжкія нравственныя испытанія.

Смерть Вячеслава Щукина, успѣвшаго пріобщиться во-время Св. Тайнъ, какъ констатировали доктора: вполнѣ популярный уже и тогда въ медицинѣ, Николай Ѳедоровичъ Здекауеръ и Рихтеръ, врачъ Литовской тюрьмы и другихъ учрежденій (фамилію третью не припомню), послѣдовала отъ быстро развившейся скоротечной чахотки.

Родной дядя покойнаго, статскій генералъ Щукинъ, находившійся во время смерти племянника, вынулъ изъ-подъ подушки его духовное завѣщаніе, утвержденное его подписомъ, а также священникомъ и свидѣтелями, и завѣщаніе это тогда же было предоставлено имъ въ надлежащее учрежденіе. Самая большая сумма капитала была завѣщана графу Каэтану Красинскому, его матери и сестрѣ. Дядѣ было завѣщано всего 10.000 руб., женѣ же покойнымъ, по причинамъ, ему извѣстнымъ,—завѣщаніемъ ничего предоставлено не было.

Между тѣмъ вдова Щукина, съ напускнымъ горемъ, въ своемъ глубокомъ траурѣ, руководимая ухаживающимъ за нею полковникомъ и совѣтами называемаго ею братца, появлялась у разныхъ лицъ столичной администраціи, заявляя всюду о фальшивомъ будто бы завѣщаніи мужа, вынужденномъ графомъ Красинскимъ, и даже о насильственной смерти перваго, послѣдовавшей въ семьѣ графа, съ цѣлью воспользоваться состояніемъ покойнаго.

Одновременно съ этимъ, вдовой Щукина было подано прошеніе о томъ же въ страшное тогда для многихъ III отдѣленіе. Вслѣдствіе того медицинскимъ начальствомъ было предписано медикамъ специа-

листамъ немедленно произвести вскрытіе тѣла покойнаго, чтобы опредѣлить, отъ какой болѣзни онъ скончался.

VII.

Въ одинъ изъ служебныхъ дней, департаментскій курьеръ, по приказанію директора, потребовалъ меня въ его кабинетъ. Хотя и прошло почти полвѣка, но многіе изъ прежнихъ моихъ сослуживцевъ, въ числѣ коихъ есть уже и сенаторы и члены Государственнаго Совѣта, вѣрно помнятъ еще высокую, крупную фигуру бывшаго директора Алексѣя Кирилловича Ключарева. Суровый 60-ти-лѣтній, но еще крѣпкій и бодрый старикъ, съ густыми нависшими бровями, онъ являлся въ департаментъ ежедневно въ своемъ наглухо застегнутомъ широкомъ форменномъ сюртукѣ. Высокій и коренастый, происходилъ онъ изъ духовнаго званія и хотя былъ строгимъ и отчасти грубымъ, но, исполнительный самъ, всегда отличался справедливостью и съ отзывчивостью относился къ нуждамъ подвѣдомственныхъ ему чиновниковъ. Никакихъ протекцій онъ не признавалъ и охотно принималъ въ департаментъ на службу спавшихъ съ голоса молодыхъ пѣвчихъ Императорской капеллы. Изъ нихъ даже организованъ былъ хоръ для пѣнія во время всенощной и обѣдни въ департаментѣ въ дни памяти перенесенія мощей Святителя Николая Чудотворца.

Когда смущенный вошелъ я въ кабинетъ директора, то онъ, окинувъ меня своимъ юпитерскимъ взглядомъ, сразу ошеломилъ меня вопросомъ:

— А какія это вы, сударь мой, подписываете фальшивыя завѣщанія?..

Какъ ни оробѣлъ я передъ моимъ грознымъ начальникомъ, но твердо отвѣтилъ ему:

— Духовное завѣщаніе, ваше превосходительство, я дѣйствительно подписывалъ, по просьбѣ отставнаго офицера Щукина, но завѣщаніе это было не фальшивое и было уже ранѣе меня подписано священникомъ и другими свидѣтелями, и я подписался въ присутствіи бывшаго при этомъ священника и извѣстныхъ петербургскихъ медиковъ.

— Бумагой этой,—указалъ онъ на столъ—слѣдственный приставъ проситъ департаментъ о назначеніи депутата при вашемъ допросѣ,—произнесъ онъ уже нѣсколько мягче;—смотрите же, если окажется что-либо не хорошее, немедленно же уволю васъ заднимъ числомъ. Депутатъ будетъ назначенъ, и онъ указалъ мнѣ на дверь.

Неожиданный вызовъ къ слѣдственному приставу черезъ департаментъ заставилъ меня сильно безпокоиться. Что будетъ, думалъ я, если директоръ нашъ, извѣстный своей строгостью, вздумаетъ исполнить свою угрозу въ отношеніи меня ранѣе окончанія допросовъ. Въ началѣ, я уже коснулся того, какого труда стоило мнѣ добиться мѣста въ этомъ департаментѣ, въ которомъ я уже предвидѣлъ для себя нѣчто лучшее въ недалекомъ будущемъ, и для меня потерять здѣсь службу было бы страшнымъ несчастіемъ.

Къ счастію моему, директоръ вмѣсто назначеннаго имъ въ началѣ депутата, изъ начальниковъ отдѣленія, причисленнаго по департаменту чиновника особыхъ порученій, извѣстнаго своимъ непомѣрнымъ чудачествомъ, по просьбѣ моей чрезъ правителя канцеляріи, назначилъ другаго дѣльнаго и вполнѣ гуманнаго чиновника, состоявшаго при министерствѣ.

При первой же повѣсткѣ отъ слѣдственнаго пристава, уважаемый чиновникъ этотъ самъ заѣхалъ за мною въ департаментъ, и послѣ нѣсколькихъ сдѣланныхъ мнѣ при немъ вопросовъ, слѣдственный приставъ записалъ мои показанія. Этимъ все относительно меня и было закончено.

VIII.

Между тѣмъ графъ Красинскій старательно хлопоталъ о снятіи печатей съ имущества, принадлежащаго его семейству, обращался и къ высшимъ лицамъ. Явившись разъ къ одному изъ высшихъ сановниковъ, для успокоенія своей старушки-матери, онъ слишкомъ настоятельно просилъ распоряженія его сіятельства о возвращеніи имъ ихъ собственныхъ вещей, опечатанныхъ полиціей.

Раздраженный неоднократнымъ посѣщеніемъ графа и его настойчивостью, генералъ замѣтилъ ему рѣзко:

— Ваша исторія съ Щукинымъ распространилась уже по всему Петербургу!..

— Позвольте возразить вашему сіятельству,—отвѣтилъ графъ,—что ни у меня со Щукинымъ, ни у Щукина со мной никогда не было никакой исторіи.

На это его сіятельство, настроенный уже противъ графа приближеннымъ своимъ полковникомъ Х..., сдѣлалъ графу намекъ на аферы разныхъ лицъ, съ сомнительными аттестаціями, наѣзжающихъ въ Петербургъ, распространяющихъ шантажъ даже и въ столицѣ. Графъ,

принявъ этотъ намекъ на свой счетъ, счелъ себя оскорбленнымъ и отвѣтилъ важному администратору довольно рѣзко.

Его сіятельство, раздраженный этимъ, позволилъ себѣ сильно возвысить голосъ и когда графъ замѣтилъ ему, что онъ, какъ бывшій офицеръ русской службы, на его кричать не позволитъ, то сановный генералъ забылся до того, что въ гнѣвѣ исказилъ поговорку и задыхаясь проговорилъ:

— Правда и то, для того и карась въ водѣ, чтобы щука не дремала!

— Ваше сіятельство такъ высоко поставлены и такъ низко способны оскорблять человѣка. Вы...

Но графъ силою удержалъ себя и, судорожно сжавъ рукой поля шляпы,—быстро повернулся къ выходу.

— А кто я! скоро узнаете!—закричалъ вслѣдъ ему взбѣшенный сановникъ.

Хотя печати съ имущества графа Красинскаго и были сняты, но съ этого времени для него начались систематическія преслѣдованія. О графѣ Красинскомъ наводились справки и внѣ Петербурга, въ тѣхъ именно городахъ, гдѣ былъ онъ прежде на службѣ и жилъ послѣ отставки.

По стеченію несчастныхъ для него обстоятельствъ, оказалось, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во время своей службы, бывши въ Кіевѣ, при какой-то случайности, онъ нечаянно застрѣлилъ еврея, который умеръ. Забытое дѣло это вновь поднято, и возбуждена была продолжительная переписка.

Въ это же лѣто изъ Польши пріѣхалъ въ отпускъ въ Петербургъ товарищъ графа Красинскаго по корпусу, молодой гусарскій корнетъ князь Ольгердъ Гедыминъ, потомокъ древнихъ князей литовскихъ. Это былъ красивый блондинъ, большой весельчакъ и жуиръ. Между однокашниками и старыми товарищами возстановились прежнія дружескія отношенія, и молодой гусаръ былъ ежедневнымъ гостемъ графа, а затѣмъ и совсѣмъ поселился у него въ Петровскомъ паркѣ.

Молодой, увлекающійся князь, любившій пожить въ волю, началъ съ того, что въ наемной коляскѣ постоянно разъѣзжалъ по окрестностямъ Петербурга, развлекался въ загородныхъ увеселительныхъ садахъ, не пропускалъ случая часто бывать въ Павловскѣ на музыкѣ и въ Царскомъ Селѣ на скачкахъ. Между тѣмъ время шло быстро, молодой гусаръ забылъ даже и о томъ, что приближался и самый срокъ его отпуска. Въ полку уже ожидали его возвращенія, а молодой корнетъ уклонялся отъ возврата въ полкъ, подъ разными предлогами, упорно скрывался, но, въ концѣ концовъ, онъ былъ арестованъ въ квартирѣ графа Красинскаго и отвезенъ на гауптвахту.

Укрывательство молодаго гусара и возникшее дѣло объ убитомъ

евреѣ послужили поводомъ къ тому, что Красинскій былъ внезапно арестованъ и заключенъ въ секретномъ номерѣ одной изъ петербургскихъ полицейскихъ частей.

Я поспѣшилъ навѣстить этого несчастнаго узника. Проходя по грязной полицейской лѣстницѣ въ секретную камеру графа, я остановился у дверей съ желѣзной рѣшеткой, открываемыхъ ключемъ сопровождавшаго меня полицейскаго солдата. Посреди камеры, темной и грязной, графъ въ своемъ бархатномъ халатѣ стоялъ на колѣняхъ и молился; волосы его сзади показались мнѣ посѣдѣвшими. Я нѣсколько переждалъ и войдя увидѣлъ лицо его крайне осунувшимся; видно было, что не мало онъ выстрадалъ за это время.

Пока графъ Красинскій содержался въ секретномъ номерѣ при полицейской части, дѣло по духовному завѣщанію покойнаго Щукина, вслѣдствіе происковъ его жены, было передано на обсужденіе другаго судебнаго учрежденія, общимъ присутствіемъ котораго было разсмотрѣно также и вытребованное къ дѣлу завѣщаніе покойнаго отца Щукиныхъ. Между прочимъ въ немъ было пояснено, что наслѣдственнымъ капиталомъ послѣ него сыновья его, Леонидъ и Вячеславъ, могли располагать только послѣ достиженія 30-ти лѣтъ, а Вячеславъ Николаевичъ Щукинъ умеръ 29-ти лѣтъ, капиталъ же послѣ матери былъ предоставленъ въ ихъ полное распоряженіе; поэтому судебное учрежденіе пришло, по смыслу завѣщанія отца Щукиныхъ, къ тому заключенію, что покойной завѣщатель Вячеславъ Щукинъ отцовскимъ капиталомъ, какъ не имъ пріобрѣтеннымъ, за недостиженіемъ 30-ти лѣтъ, не могъ и распоряжаться по своему усмотрѣнію.

Вскорѣ послѣ этого, я былъ переведенъ на службу въ Москву. Впослѣдствіи, дядя покойнаго Вячеслава Щукина съ явнымъ неудовольствіемъ разсказывалъ между своими знакомыми, что при всѣхъ его хлопотахъ, послѣ смерти племянника, изъ наслѣдства его ему ничего не досталось, что судебнымъ учрежденіемъ постановлено было капиталъ его обратить въ родъ Щукиныхъ, передавъ его въ опеку, бывшую надъ старшимъ братомъ Вячеслава, Леонидомъ Щукинымъ, для пользованія капиталомъ этимъ дѣтьми послѣдняго, по достиженіи ими совершеннолѣтія.

Такимъ образомъ, оказалось, что право завѣщателя покойнаго Вячеславъ Николаевича Щукина, распорядившагося доставшимся ему послѣ отца капиталомъ, юридически признано не было. Доносы же его вдовы о фальшивомъ завѣщаніи и насильственной смерти ея мужа, какъ лишенные всякаго основанія, судебнымъ учрежденіемъ были оставлены безъ вниманія.

И такъ, ни семейство графа Красинскаго, ни дядя покойнаго Вячеслава Щукина изъ капитала его ничѣмъ не воспользовались; но смерть

его въ семьѣ графа внесла много неожиданныхъ бѣдствій, и еще до окончанія дѣла графъ Красинскій былъ административнымъ порядкомъ высланъ изъ Петербурга въ Кіевъ.

Такъ неожиданно для всѣхъ заинтересованныхъ въ этомъ лицъ закончилось дѣло по духовному завѣщанію Вячеслава Николаевича Щукина, одного изъ крупныхъ наслѣдниковъ Щукина двора.

При императрицѣ Екатеринѣ II-ой Щукинымъ дворомъ владѣлъ прадѣдъ Вячеслава Щукина, именитый петербургскій купецъ Иванъ Меркурьевичъ Щукинъ. При императорѣ Николаѣ I-мъ, Щукинъ дворъ былъ соединенъ съ дворомъ графа Апраксина, и въ немъ, по преимуществу, производилась торговля птицами и вообще дичью.

Николай Жариновъ.

Замѣтка о М. В. Буташевичѣ-Петрашевскомъ.

Въ своихъ воспоминаніяхъ о моемъ братѣ К. С. Веселовскій, указывая на бѣдность обстановки его квартиры, видитъ въ этомъ желаніе хозяина оригинальничать [1]). При этомъ авторъ воспоминаній подкрѣпляетъ свое мнѣніе тѣмъ, что по послужному списку значилось, что братъ имѣлъ два дома въ Петербургѣ, пустопорожнее мѣсто и 25-ть душъ крестьянъ.

По поводу послѣднихъ замѣчаній автора воспоминаній считаемъ долгомъ сказать, что финансовое положеніе брата было всю жизнь очень плохо, такъ какъ по выходѣ изъ лицея и по окончаніи курса въ университетѣ покойный Михаилъ Васильевичъ не былъ отдѣленъ и не имѣлъ, что называется, своего гроша. Все зависѣло отъ нашей матушки, особы очень крутаго характера, и находилось въ ея рукахъ. Я считалась ея любимицей и, однако, не запомню и одной ласки, а Михаилъ Васильевичъ едва-ли пользовался прерогативами избалованнаго сына. Хорошо помню ежедневныя семейныя сцены изъ-за полученія отъ матушки 3—4-хъ рублей, на которые ею постоянно требовались росписки, чтобы представить ихъ при предполагаемомъ раздѣлѣ имущества: имѣніе было нераздѣлено, а насъ было четыре сестры.

У матушки было два каменныхъ дома въ Петербургѣ и имѣніе въ Вологодской губ.; общее же наслѣдство, нераздѣленное по смерти отца, (въ 1845 г.), состояло изъ двухъ домовъ, каменнаго и деревяннаго, въ Коломнѣ, на Покровской площади, гдѣ и былъ арестованъ Петрашевскій (жившій на отдѣльной квартирѣ), и имѣніе въ Новоладожскомъ уѣздѣ, Петербургской губ., въ которомъ было 240 или 250 душъ съ 8 тысячами десятинъ земли. Имѣніе не приносило почти никакого дохода, а Ми-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ 1900 г. № 9 (сентябрь), стр. 454 и 455.

хаилу Васильевичу было дано изъ него два или три человѣка въ услуженіе.

Мать часто и рѣзко упрекала Михаила Васильевича за то, что онъ тратитъ деньги на выписку и покупку никому не нужныхъ книгъ. Вѣроятно, все получаемое онъ издерживалъ на книги, вслѣдствіе чего въ остальныхъ тратахъ онъ долженъ былъ быть крайне экономнымъ и довольствоваться самымъ необходимымъ, не допуская никакой роскоши. Но на книги Михаилъ Васильевичъ денегъ не жалѣлъ, и мнѣ онъ нерѣдко дарилъ ихъ, напр.«Petit Buffon illustré», сочиненія Lamennais и др.

Въ началѣ второй половины 50-хъ годовъ Петрашевскій, превратившись изъ ссыльно-каторжнаго въ поселенца, поселился въ Иркутскѣ. Онъ былъ хорошо принятъ у генералъ-губернатора Муравьева, у котораго въ то время самымъ близкимъ лицомъ былъ М. С. Корсаковъ. Михаилъ Васильевичъ умѣлъ подмѣчать смѣшныя стороны людей, и высказывая ихъ, платился за это. Онъ часто называлъ М. С. Корсакова почтовой лошадью, такъ какъ онъ шестнадцать разъ ѣздилъ курьеромъ въ Европу. Въ 1860 г. Корсаковъ, замѣщавшій тогда Муравьева во время его отсутствія, сослалъ Петрашевскаго въ Минусинскій округъ. Въ 1863 г., когда Корсаковъ уже былъ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири и пріѣхалъ въ Петербургъ, я ѣздила просить его дать о Петрашевскомъ хорошій отзывъ, такъ какъ кн. Долгорукій, тогдашній шефъ жандармовъ, обѣщалъ мнѣ отпустить его на поруки, если мѣстныя власти дадутъ о немъ хорошій отзывъ. Корсаковъ, узнавъ, что я сестра Михаила Васильевича, мнѣ лично сказалъ: «Вы просите дать хорошій отзывъ о Петрашевскомъ,—ну такъ знайте,—я ему припомню почтовую лошадь! Знайте, что, пока я буду генералъ-губернаторомъ, онъ никогда не услышитъ отъ меня хорошаго слова». Мнѣ оставалось только поклониться и уѣхать, а братъ мой такъ и умеръ въ 1866 г. въ глуши Енисейскаго округа, въ селѣ Бѣльскомъ, хотя всѣмъ его товарищамъ по ссылкѣ было уже давно разрѣшено возвратиться на родину.

А. В. Семевская, урожд.
Буташевичъ-Петрашевская.

Приказъ военнаго министра графа Аракчеева о встрѣчѣ императора Александра въ Гельсингфорсѣ и Свеаборгѣ.

16 марта 1809 г., г. Борго.

На случай Высочайшаго Его Императорскаго Величества прибытія въ Гельсингфорсъ и Свеаборгъ предписывается слѣдующее:

1) По прибытіи Государя Императора въ Гельсингфорсъ,—по близости назначеннаго для Высочайшаго пребыванія дома къ главной гаубвахтѣ, особаго караула не наряжать, а имѣть съ гаубвахты у подъѣзда двухъ часовыхъ съ будками и въ залѣ внутри двухъ унтеръ-офицеровъ съ алебардами, да особо сколько потребовано будетъ часовыхъ къ придворнымъ экипажамъ.

2) При въѣздѣ въ Гельсингфорсъ, встрѣтить Его Величество плацъ-маіору съ плацъ-адютантомъ.

3) У подъѣзда Государева, встрѣтить генералу командующему корпусомъ со всѣми прочими военными генералами, штабъ и оберъ-офицерами, не занятыми въ тотъ день должностями, кромѣ коменданта и плацъ-маіоровъ Свеаборгскихъ, коимъ находиться на своихъ мѣстахъ.

4) Всѣ упомянутые чины слѣдуютъ за Государемъ въ Его покои и остаются въ залѣ, а по выходѣ Его Величества изъ внутреннихъ комнатъ подаетъ командующій корпусомъ генералъ рапортъ и сказываетъ пароль и лозунгъ того дня.

5) Во оное же время являются къ Государю ординарцы по одному оберъ-офицеру отъ пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи.

6) Болѣе никому изъ прочихъ г.г. генераловъ никакихъ рапортовъ Его Величеству не подавать.

7) Послѣ того военной министръ представитъ Государю Императору всѣхъ генераловъ (и) штабъ-офицеровъ.

8) Когда Государь изволитъ поѣхать въ крѣпость Свеаборгъ, то провожаетъ Его изъ Гельсингфорса до крѣпости плацъ-маіоръ съ плацъ-адъютантомъ прямо въ главную крѣпость Варгенъ.

9) При въѣздѣ въ крѣпость встрѣчаетъ Его Величество комендантъ съ плацъ-маіорами и плацъ-адъютантами и провожаетъ прямо на площадь, гдѣ находится монументъ.

10) Когда Государь Императоръ изволитъ взойтить на валъ внутренной цытоденной (цитадельный), то военной министръ прикажетъ ближайшему орудію здѣлать выстрѣлъ, по сигналу коего со всѣхъ крѣпостей и батарей производится пальба изъ всѣхъ орудій по одному выстрѣлу.

11) Для сего всѣ орудія должны заблаговременно уже быть заряжены и артиллеристы находиться при орудіяхъ.

12) Комендантъ на площади у монумента подаетъ Государю Императору рапорты: первой о состояніи гарнизона, а другой о количествѣ орудій, снарядовъ, пороха и провіанта.

13) Инженерному генералу имѣть планъ всѣмъ Свеаборгскимъ укрѣпленіямъ.

14) Баталіоны пѣхотные, не занятые карауломъ, должны быть построены въ крѣпости въ Стуръ-Остеръ-Шварьдѣ, ими командуютъ: генералъ-маіоръ графъ Сиверсъ, и по прибытіи Его Величества къ фронту, батальоны отдаютъ честь, а командующій генералъ подаетъ строевую записку.

15) Въ Гельсингфорсѣ отъ главнаго караула назначить часовыхъ къ военному министру, двухъ къ подъѣзду и одного къ экипажамъ; генералъ-губернатору—двухъ; къ генералъ-адъютантамъ: Уварову и Гагарину—по одному.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.